

ДУНГАНЕ

История и культура

*Российские
дореволюционные работы
о дунганах*

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных рукописей РАН

ДУНГАНЕ
История и культура

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)
Институт Дальнего Востока

ДУНГАНЕ

История и культура

*Российские
дореволюционные работы
о дунганах*

Москва
Наука — Восточная литература
2017

УДК 39
ББК 63.5(3)
Д83

Составитель *М.Р. Мадиван*
Ответственный редактор *О.И. Завьялова*

Дунгане : история и культура : российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М.Р. Мадиван ; отв. ред. О.И. Завьялова ; Ин-т восточных рукописей (Азиатский Музей) РАН ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2017. — 335 с. : ил. — ISBN 978-5-02-039795-8

В книге, посвященной различным сторонам истории и культуры дунган, представлены материалы второй половины XIX — начала XX в. — периода, когда российские востоковеды делали свои первые, но уже достаточно уверенные шаги в области изучения китайского ислама и дунгановедения. В пионерских работах архимандрита Палладия (П.И. Кафарова) и академика В.П. Васильева впервые были поставлены не потерявшие своей актуальности до наших дней вопросы истории и истоков китайского ислама, особенностей его адаптации к китайской цивилизации, трансформации традиций и идей. Большой интерес представляет подробное освещение в научных трудах и записках российских очевидцев событий кровопролитных мусульманских восстаний XVIII–XIX вв. на северо-западе Китая; значительную фактологическую ценность имеют записи о дунганах русских этнографов, лингвистов и учителей, сделанные в XX в. Большинство работ, вошедших в сборник, было напечатано в малораспространенных изданиях, а находящиеся в Архиве востоковедов ИВР РАН очерки Ф.В. Пояркова и записи В.И. Цибузгина публикуются впервые.

ISBN 978-5-02-039795-8

© Мадиван М.Р., составление, 2017
© Редакционно-издательское оформление,
Наука — Восточная литература, 2017

Предисловие

В настоящем издании представлены материалы, созданные во второй половине XIX — начале XX в., в период, когда российские востоковеды сделали свои первые, но весьма уверенные шаги в области изучения китайского ислама и дунгановедения. Интерес российского китаеведения к сфере религиозной культуры мусульманских народов, проживавших на территории обширной Цинской империи, был вызван прежде всего ярко выраженной ее самобытностью. Основоположники российской синологии, глубоко изучавшие китайский буддизм, даосизм и «религию ученых» конфуцианство, рассматривали уникальный характер китайского ислама именно в его тесной связи с традиционными религиями и народными верованиями Китая. В пионерских работах архимандрита Палладия (П.И. Кафарова) и академика В.П. Васильева впервые были поставлены не потерявшие поныне своей актуальности вопросы истории и истоков китайского ислама, особенностей его адаптации к китайской цивилизации, трансформации языковых и культурных традиций и социально-политических идей.

Большой интерес российских исследователей этого периода вызывало также по-

литическое взаимодействие мусульманских общин с китайской властью, особенно бурно протекавшее на территории соседствующего с Российской империей Синьцзяна. События кровопролитных мусульманских восстаний XVIII–XIX вв. на северо-западе Китая получали подробное освещение в научных трудах и записках российских очевидцев.

После восстания 1862–1877 гг. на территорию Российской империи переселяются и вступают в российское подданство дунгане-хуэйцзу. Благодаря своему трудолюбию и стойкости этот народ за короткий период стал неотъемлемой частью хозяйственного уклада, этнической и культурной палитры региона. Местные дунганские просветители находят поддержку российских и затем советских властей. С начала XX в. самобытные традиции и диалекты дунган Средней Азии оказываются объектом сохранения и изучения отечественной науки. Записи этнографов, лингвистов и учителей о дунганах, сделанные в XX в., ценны не только богатым фактологическим содержанием и фиксацией состояния языка — от них веет духом подвижничества и особого уважения к культуре изучаемого народа.

И хотя за последние годы вопросы истории бытования и современного состояния ислама в Китае стали объектом пристального внимания мировой науки, публикуемые в настоящем сборнике российские дореволюционные работы и архивные материалы, посвященные китайскому исламу и истории дунганского народа, не теряют своей научной ценности. Большая часть их была опубликована в мало распространенных изданиях, в связи с чем они не были в полной мере учтены в более поздних советских и зарубежных исследованиях. Отложившиеся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН очерки Ф.В. Пояркова и записи В.И. Цибузгина публикуются впервые.

*И.Ф. Попова,
доктор исторических наук,
директор Института восточных рукописей РАН*

О.И. Завьялова

Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу

Аннотация. Во второй половине XIX в. на территорию Российской империи переселились дунгане-хуэйцзу, которые говорили на китайских диалектах Чжуньюань и Лань-Инь. В дунганском языке до сих пор различаются так называемые ганьсуйский и шэньсийский диалекты, а в ганьсуйском диалекте существуют различия между двумя его исходными вариантами, привнесенными из Дидачжоу (Линьтао в пров. Ганьсу) и Суйдина (Шуйдин в Синьцзян-Уйгурском АР). Современные хуэйцзу в КНР и дунгане употребляют заимствования не только из арабского, но также из персидского языка.

Ключевые слова: мусульмане-хуэйцзу, Шелковый путь, диалекты Чжуньюань и Лань-Инь, дунганский язык, сяоцзин (сяоэрцзин), арабский язык, персидский язык

За много веков жизни в Поднебесной китаеязычные мусульмане-хуэйцзу создали уникальную культуру, сочетающую исламские и местные китайские элементы. Зодчие строили мечети с китайскими «взлетающими» углами крыш, украшали колонны, арки и каменные стелы каллиграфическими надписями на китайском и арабском языке. Богословы переводили на ставший родным китайский язык арабские и персидские сочинения, писали собственные трактаты, зачастую используя конфуцианские, буддийские и даосские термины при объяснении тех или иных понятий ислама. Для записи текстов на китайском языке мусульманами употреблялось как иероглифическое, так и особое разработанное ими алфавитное арабоперсидское письмо, которое носит разные названия в разных районах Китая и используется не только в литургическом, но иногда также и в каждодневном обиходе.

Китайские диалекты, мечети в китайском стиле и китайское жилище, китайская одежда и китайская кухня, китайские свадебные обряды — все это было привнесено мусульманами-хуэйцзу, переселившимися на территорию Российской

империи после поражения мусульманского, или дунганского (дунганско-таранчинского), восстания в северо-западном Китае во второй половине XIX в. Необыкновенная судьба переселенцев, пассионарных, мужественных, трудолюбивых, не могла не заинтересовать направленных в Туркестанский край русских служилых людей — военных, чиновников, врачей, учителей. Они оставили нам уникальные воспоминания того времени об обустройстве в России, обычаях и языке переселенцев, которых здесь, так же как в Синьцзяне, окружающие народы стали называть дунганами. Позже оказавшиеся в изоляции от китайского языка дунганские диалекты взаимодействовали друг с другом и на протяжении более ста лет находились в тесном контакте с русским языком. Изучением дунганского литературного языка, уникального опыта многолетнего использования в СССР алфавитного латинского и затем кириллического письма для, по сути дела, китайских диалектов не могли не заинтересоваться как советские, так и зарубежные китаисты-языковеды. Многочисленные труды о дунганах и дунганском языке появились в советский период в Киргизии и Казахстане. Среди основоположников дунганского языкознания в конце 1930 — начале 1940-х годов — выдающиеся ученые А.А. Драгунов (1900–1955), Е.Д. Поливанов (1891–1938), Ю.Я. Яншансин (1909–1999).

Первые записи дунганского языка мне удалось сделать во второй половине 1960-х годов в Ленинграде и Москве, когда я была еще студенткой кафедры китайской филологии восточного факультета ЛГУ. Помогли мне с этими записями два выдающихся дунганских ученых — историк М.Я. Сушанло (1924–1998) и лингвист А.Дж. Калимов (1923–2011). Уже в 1970-х годах я совершила свое первое из нескольких путешествий по дунганским селам в Киргизии и Казахстане. В составе экспедиции во главе с известным ленинградским этнографом А.М. Решетовым (1932–2009) мы проделали огромный путь на крытом грузовике, предоставленном Институтом этнографии АН СССР.

Дунганский язык и дунганские диалекты, их исходное местоположение на карте Китая интересовали меня и в последующие годы, когда я занималась исследованиями в области китайской диалектологии и лингвистической географии Китая. Сравнение сохранившихся до наших дней дунганских диалектов с диалектами подгруппы северных диалектов Чжунъюань и с соседними диалектами подгруппы Лань-Инь (ланьчжоуско-иньчуаньской) стало возможным в результате публикации на протяжении последних десятилетий современных лингвогеографических карт соответствующего региона (см. [Zavjalova 1983; Завьялова 1996; Ханьей 2008а и 2008б; Ивата 2009]). Благодаря новейшим сетевым географическим справочникам удалось также (см. ниже, с. 18–19) идентифицировать названия тех основных населенных пунктов в Китае, откуда прибыли в Россию дунганские переселенцы.

1. Истоки китайского ислама

Известно, что первые мусульмане появились в Китае уже при династии Тан (618–907). Арабские и персидские купцы прибывали в тот период в Поднебесную по двум маршрутам, которые гораздо позже, вслед за немецким географом и путешественником Фердинандом фон Рихтгофеном (1833–1905), стали называть «шелковыми», — по Великому шелковому пути на северо-западе Китая и по Морскому шелковому пути, который завершился на юго-востоке страны. Большой своей частью предки современных китайских мусульман разного происхождения переместились добровольно или были переселены в Китай принудительно гораздо позже — при монгольской династии Юань (1271–1368). Об этом писал архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) в воспроизведенной ниже статье 1866 г. и пишут сейчас многие современные китайские ученые (см., например [Дин Минжэнь 2003, с. 1–23; Ху Юньшэн 2005; Хань Чжунъи 2005]). В официальной общественной иерархии юаньского периода мусульмане занимали второе место после монголов и часто назначались на высокие государственные должности.

В исламских общинах периода династии Тан и следующей Сун не только в качестве литургического, но также в качестве языка каждодневного общения преобладал арабский (см. [Сун Сянь 2007]). При династии Юань место арабского занял персидский язык (см., например [Хань Чжунъи 2005; Кадырбаев 2013]). Вплоть до второй половины XIX в. книги на персидском языке, по свидетельству одного из основоположников отечественного китаеведения, архимандрита Палладия, хранились в пекинских мечетях (см. его статью в настоящем сборнике). Уже после завершения монгольского правления, в период следующей династии Мин, многочисленные неодинаковые по своему происхождению группы мусульман перешли на разные китайские диалекты — в зависимости от места проживания (см. [Ян Чжанью 2010, с. 59–87]).

Тогда же ислам в значительной степени попал под влияние китайских представлений о тексте и китайских учений, прежде всего конфуцианства, с помощью которого «объясняли ислам» (以儒解回 *yǐ rú jiě huí*). Часть арабских и персидских слов мусульманские богословы «транскрибировали» иероглифами, как это обычно делается в случае фонетических заимствований в китайском языке. Для других исламских терминов изобретали кальки-переводы или заимствовали уже существовавшие в китайском языке конфуцианские, буддийские и даосские термины. В качестве примера можно привести используемое мусульманами слово 天堂 *tiāntáng* «рай» (букв. «небесный зал»), некогда изобретенное при переводе буддийских источников для соответствующего понятия; ср. это же слово *тян^{1а}мон^{1б}* у дунган бывшего СССР (см. [Хань Чжунъи 2005; Ян Чжанью 2010, с. 75–87; Дин Минжэнь 2003, с. 46–58]). «Первое магометанское сочинение в Китае, сколько мне известно, появилось в 1642 г. (автор Ван-дай-юй [王岱輿

Wáng Dàiyú, приблизительно 1584 — 1670 г.]); в нем нет ничего оригинально-магометанского; все приспособлено к нравственному учению конфуцианства, как будто то и другое учение основано на одних и тех же началах. Со счастливой руки Ван-дай-юя начался ряд китайско-магометанских произведений, не прекращающийся и донныне», — свидетельствует П.И. Кафаров в опубликованной ниже статье.

2. Мусульмане в современном Китае

После гонений «культурной революции» новый этап в жизни китайских мусульман наступил с началом периода политики «реформ и открытости» в конце 1970-х годов. Возрождается деятельность исламских общественных организаций, ведутся научные исследования, доступно исламское образование разного уровня. Строятся новые мечети — уже в ближневосточном стиле с высокими минаретами, открываются музеи и исламские культурные центры. Выпускаются новые издания разного назначения — переводы Корана, учебники арабского языка для мусульман, пособия по исламскому ритуалу, альбомы с образцами каллиграфии — иероглифической и арабографичной. Издается журнал «Чжунго мусульинь» («Китайские мусульмане»). Активизируются культурные контакты Китая и китайских мусульман с внешним исламским миром, в том числе в рамках новых концепций развития сухопутного и морского Шелковых путей, провозглашенных в 2013 г. Си Цзиньпином.

Те мусульмане, которые до сих пор в той или иной степени сохраняют исконные языки, сосредоточены в ареале Великого шелкового пути на северо-западе страны. В основном исповедуют ислам три группы переселенцев монгольской эпохи, которые обитают главным образом в сопредельных районах провинций Цинхай и Ганьсу. Говорящие на одном из тюркских языков салары насчитывают в общей сложности 130 607 человек по данным переписи 2010 г., монголоязычные баоани и дунсяны — 20 074 и 621 500 человек соответственно¹. После образования в 1760 г. наместничества Синьцзян (совр. Синьцзян-Уйгурский АР) в составе Китая оказались еще несколько исламских народов — ряд тюркоязычных и небольшие ираноязычные группы, объединенные в списке народов КНР как таджики (см. [Дин Минжэнь 2003, с. 80–83; Ми Шоуцзян 2004, с. 40–42; Кадырбаев 2011]). Самые многочисленные из синьцзянских тюркских народов — уйгу-

¹ Данные о численности народов КНР см., например: 2010 нянь жэнькоу пуча: цюаньго жэнькоу фэньминьцзу гоучэн 2010 年人口普查: 全国人口分民族构成 (Перепись населения 2010 г.: общекитайские данные о численности народов КНР). URL: <http://page.renren.com/601348834/note/879054321>.

ры по результатам переписи 2010 г. насчитывают 10 млн. человек. В Синьцзян частично переселились также дунсяны и салары. За пределами северо-западного региона используют не китайские языки в качестве родных лишь несколько малочисленных групп. Прежде всего это хайнаньские чамы (佔 *Zhàn* или 回輝人 *Huíhuīrén*, около 6 тыс. человек), говорящие на языке австронезийской семьи, который стал тоновым предположительно в результате длительных контактов с сино-тибетскими народами (см. [Ни Дабай 1988]).

Те мусульмане, которые утратили некогда употреблявшиеся ими языки и используют китайский в качестве родного, считаются одним из народов КНР и официально именуется хуэй (回 *Huí*) или хуэйцзу (回族 *Huízú*). Происхождение и значение этого этнонима точно не установлено. Слово хуэйцзу (回鶻 *Huígù*) использовалось в период династии Тан как название уйгуров. Известно также, что этноним хуэйхуэй (回回 *Huíhuí*) был зафиксирован до начала монгольского правления в письменных источниках, датированных династией Северная Сун (960–1127), и употреблялся тогда в качестве общего названия для ряда народов, обитавших в пределах современного северо-западного Китая вне зависимости от их вероисповедания. Начиная с эпохи Юань (1271–1368) и вплоть до середины XX в., иначе говоря, до образования КНР, слово хуэйхуэй, напротив, официально ассоциировалось с любыми исламскими народами и с исламом вообще. Впервые применительно именно к китаезычным мусульманам слово хуэй стали употреблять в документах КПК, появившихся в особом районе Шэньси–Ганьсу–Нинся в период 1942–1945 гг. И наконец, после образования КНР этноним хуэй (хуэйцзу) был официально соотнесен с теми группами мусульман, которые используют в качестве родного китайский язык (см. [Ху Чжэньхуа 1989; Цзинь Сяоцзин 1989; Ху Юньшэн 2005]).

В современном Китае мусульмане-хуэйцзу составляют почти половину исламского населения страны (48%), их численность по результатам переписи 2010 г. — 10,6 млн. человек. Как правило, они живут компактно большими или малыми группами, сосредоточены в деревнях или городских кварталах, но рассеяны по всей стране и этим — так же как своими китайскими диалектами в качестве родного языка — отличаются от других исламских народов Китая. Большая часть китаезычных мусульман, более 80%, сосредоточена в северной части страны, точнее, к северу от важнейшей лингвокультурной границы внутри диалектов группы *гуаньхуа* (северных, в западных работах — мандаринских, *Mandarin*), идущей вдоль хребта Циньлин и р. Хуайхэ (об этой границе см. [Zavjalova 1983; Завьялова 1996, с. 125–135]).

В свою очередь, внутри этой территории почти половина всех хуэйцзу Китая (47,27%) проживает на северо-западе страны, в четырех провинциях/автономных районах — Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян, и говорит на диалектах двух подгрупп внутри северных диалектов китайского языка. Подгруппа Чжуньюань, или подгруппа Центральной равнины, протянулась вдоль Великого шелкового пути

от провинции Ганьсу через долину Гуаньчжун в Шэньси и далее через продолжающую Шелковый путь провинцию Хэнань вплоть до южной части Шаньдуна и северной части провинции Цзянсу на побережье. Очень близкая ей подгруппа Лань-Инь ограничена провинцией Ганьсу к северу от р. Хуанхэ и северной частью Нинся-Хуэйского АР².

На образованный в 1958 г. Нинся-Хуэйский АР приходится 18,97% от обще-китайского числа *хуэйцзу*. В провинции Ганьсу, где диалекты Лань-Инь в основном распространены к северу от р. Хуанхэ, а в юго-восточной части и в пределах небольшого участка на севере — диалекты Чжуньюань, живет 12,07% *хуэйцзу*. В провинции Цинхай (7,67% от обще-китайского числа *хуэйцзу*) китаеязычное население сосредоточено на примыкающей к Ганьсу территории и говорит на диалектах Чжуньюань. В современный Синьцзян-Уйгурский АР выходцы из Внутреннего Китая, и в том числе *хуэйцзу*, переселялись только начиная со второй половины XVIII в. Большая часть китаеязычного населения Синьцзяна говорит на диалектах Чжуньюань, часть — на диалектах Лань-Инь; местные *хуэйцзу* составляют 8,56% от их обще-китайского числа.

На обширных территориях, расположенных к югу от границы вдоль хребта Циньлин и р. Хуайхэ, живет, таким образом, всего около 20% *хуэйцзу*, их число в каждой провинции или автономном районе незначительно. В частности, в провинциях Гуандун и Фуцзянь, куда мусульмане прибывали по Морскому шелковому пути начиная с династии Тан, живет — при всей важности этих регионов с точки зрения изучения не только истории, но и современных особенностей ислама в Китае — всего 0,26% и 1,12% от обще-китайского числа *хуэйцзу* соответственно. Единственное заметное исключение к югу от хребта Циньлин и р. Хуайхэ — это провинция Юньнань, куда мусульмане были перемещены как военные поселенцы при династии Юань. В этой провинции, входящей в зону юго-западной подгруппы диалектов *гуаньхуа*, живет сравнительно много китаеязычных мусульман — 6,55% от их общего числа в стране.

3. Арабографичные письменные системы мусульман-*хуэйцзу* и литургический язык *цзинтанъюй*

В монгольскую эпоху Юань в столице Даду (совр. Пекин) мусульманами была разработана особая арабографичная система для записи китайских слов, которая называлась *исытифэй* (亦思替非 *yisitifei*). Она употреблялась при контактах с ис-

² Данные о численности *хуэйцзу* в разных провинциях Китая см. [Ян Чжанью 2010, с. 1–74]; о подгруппах внутри северных диалектов см. [Завьялова 1996, с. 125–132; Завьялова 2010, с. 105–113].

ламскими государствами и в созданной именно в монгольский период государственной мусульманской академии (回回國子學 *Huíhuí guózǐxué*). Происхождение, по-видимому персидского, слова *исытифэй* до сих пор не установлено ни китайскими, ни иранскими исследователями. Подобно появившемуся также в монгольский период «квадратному письму» Пагба-ламы, система *исытифэй* впоследствии вышла из употребления, но ее образцы — в отличие от сохранившихся до нашего времени образцов «квадратной письменности» — считались полностью утраченными. Лишь в последнее время возникли предположения (см. [Завьялова 1992; Сюй Вэнькань 2005, с. 31]), что именно к *исытифэй* относится так называемая персидская транскрипция, которой в 1313 г. был снабжен написанный в III в. медицинский трактат «Май цзюэ» 脉訣 («Методы [исследования] пульса») Ван Шухэ. Датирующаяся 1313 г. рукопись была обнаружена и сфотографирована знатоком ислама и арабского языка академиком В.В. Бартольдодом (1869–1930) в библиотеке мечети Айя София в Стамбуле. Позже 12 страниц рукописи проанализировал А.А. Драгунов — китаист, выдающийся лингвист, один из первых исследователей языка дунган, переселившихся на территорию Российской империи (см. [Dragunov 1931]). Текст содержит китайский источник, его транскрипцию арабскими буквами и перевод на персидский язык. Те буквы, которые в свое время были созданы в персидском языке в дополнение к арабским, в транскрипции не встречаются, зато используются семь знаков необычной формы, не характерной для арабского письма. Один из этих знаков, которым записывают звук [ε], например в слове 虛 [εу], возможно, является буквой еврейского алфавита *л he*.

На протяжении последующих веков многочисленные исламские памятники на китайском языке, в том числе переводы Корана, мусульмане записывали иероглифами. Кроме того, ими была разработана еще одна особая арабографичная алфавитная система, появившаяся, скорее всего, на северо-западе, в ареале Великого шелкового пути. За пределами северо-западного региона она имеет распространение во Внутренней Монголии и, очевидно не случайно, в Юньнани, где еще с монгольских времен живет достаточное число мусульман. Некоторые муллы знакомы с ней в продолжающих Шелковый путь и находящихся в пределах исторической Центральной равнины провинциях Хэнань и Шаньдун (см. [Хань Чжунъи 2005, с. 10]), где наряду с другими диалектами распространены диалекты группы Чжуньюань.

В зависимости от региона система носит разные названия, варьирование которых, возможно, свидетельствует о некитайском происхождении этого термина. На северо-западе Китая и у дунган бывшего СССР она известна как *сяоцзин* (小經 *xiǎojīng* «малый канон» или 消經 *xiāojīng* «усвоенный канон»). За пределами северо-западного ареала этот же термин известен не только как *сяоэрицин* (小兒經 *xiǎoérjīng* «малый канон»), но и как *сяоэрицинь* (小兒錦 *xiǎoérjīn* —

специальная вышивка для младенцев). Одно из новейших гипотетических толкований термина *сяоцзин* с учетом некоторых особенностей китайских северо-западных диалектов — 學經 *xiuéjīng* «учебный канон», то, чему учит мулла в мечети (см. [Хань Чжунъи 2005]). Иногда в качестве названия *сяоцзина* использовали также ассоциировавшееся у китайских мусульман с нарицательными арабскими корнями разного значения имя суннитского богослова аль-Кайдани (開達尼 *Kāidání*, 懶達尼 *Kàidání*) — автора переведенного на китайский язык и изданного в Ташкенте в записи *сяоцзин* пособия, о котором пойдет речь ниже³. В отличие от исчезнувшей из употребления *исъитифэй*, система *сяоцзин* и поныне сохраняется в употреблении у мусульман-хуэйцзу. Она используется вместо иероглифов для записи текстов на китайском языке, причем не только религиозных, но и бытовых.

В 1902 г. рукопись с текстом, записанным в системе *сяоцзин*, была обнаружена в Кашгаре [Forke 1983]. Об использовании *сяоцзин* в исламском образовании, как это недавно обнаружили китайские ученые [Ма Цзин 2013], писал еще в 1930-е годы известный исследователь китайского ислама профессор Бай Шоуи (1909–2000). Он же сообщал о виденном им в молодости Коране, записанном на китайском языке арабскими буквами, и жалел, что в свое время не обратил на этот текст должного внимания (см. [Бай Шоуи 1981, с. 1]). К XVII в., скорее всего, относятся пока не описанные и достаточно трудные для прочтения рукописи в системе *сяоцзин*, хранящиеся в фонде Института восточных рукописей РАН (в прошлом ЛО ИВАН) в Санкт-Петербурге. Во второй половине 1960-х годов к этим рукописям привлек мое внимание и показал образцы выдающийся отечественный китаевед и мой учитель Л.Н. Меньшиков (1926–2005). Тогда же по моей просьбе приблизительную датировку этих рукописей определил друг моих родителей-иранистов, еще один известный ленинградский востоковед, знаток персидских и таджикских письменных памятников С.И. Баевский. В целом до начала периода «реформ и открытости» в КНР тексты в системе *сяоцзин* были не очень хорошо известны за пределами китайского исламского мира, а саму традицию как Л.Н. Меньшиков, так и китайские исследователи считали исчезнувшей из употребления — очевидно, со второй половины XX в.

Пожалуй, только в последнее время стало очевидным, что на системе *сяоцзин* была основана арабографичная письменность, предложенная для своего языка группой дунганских студентов в Ташкенте в 1928–1929 гг. (см. ниже, с. 20). С *сяоцзин* были в свое время знакомы дунганские муллы-ахуны, переселившиеся в Российскую империю во второй половине XIX в., они могли использовать ее в дунганском религиозном образовании, сохранявшемся в Российской империи. В 1950-х годах советские дунгане получали письма, записанные арабскими и

³ Ср., однако, появившуюся недавно специальную публикацию, посвященную аль-Кайдани и его учению [Ху Лун 2007].

персидскими буквами, от своих живущих в Синьцзяне родственников; образцами этих писем располагал работавший в Институте востоковедения в Москве известный лингвист-дунгановед А. Дж. Калимов. В конце 1980-х годов он передал мне редкое издание — литографированную книгу в системе *сяоцзин*, которая представляет собой перевод на китайский язык арабского пособия «Кайданитское право» (Fiqh al-kaudānī). В 1906 г. этот перевод был напечатан (возможно, переиздан) в Ташкенте в известной своими арабописьменными публикациями типографии О.А. Порцева (публикация «дозволена цензурой» в Санкт-Петербурге в 1899 г.). Автор перевода, некто Мухаммад, был родом из Линчжоу (靈州 *Lingzhōu*), современного г. Линъю (靈武市 *Lingwūshi*) в Нинся-Хуэйском АР, расположенного к югу от Иньчуаня на другом берегу р. Хуанхэ и, скорее всего, находящегося в зоне распространения диалектов Чжунъюань. Перевод был сделан — как это отмечено в послесловии на арабском языке — прежде всего для детей китайских мусульман и людей малообразованных, не имевших прежде подобного простого пособия.

Китайский перевод книги снабжен заголовком на арабском языке — «Подарок братьям из народа и юношеству, на путь [веры] вступающему» (Tuḥfat al-iḫwān al-‘āmmīn wa-ṣ-ṣibyān al-mubtadi’īn). Том состоит из трех частей разного объема, также озаглавленных только по-арабски. Каждая из частей, в свою очередь, разделена на главы, арабские заголовки которых толкуются в первой строке перевода. В соответствии с китайской традицией, согласно которой каждая часть (卷 *juǎn*) имеет отдельную пагинацию, страницы нумеруются по частям. Вместе с тем в книге всюду поставлены хафизы (кустоды), свойственные арабо-персидским изданиям, — на правой странице внизу написано начало левой страницы. В колофоне последней главы (особо оформленном завершении, также характерном для арабо-персидских публикаций) указана дата окончания китайского перевода — 1316 г. хиджры (1898/1899).

Главы включают, во-первых, арабский источник, разделенный на небольшие фрагменты, отчеркнутые сверху, и во-вторых, следующий за каждым фрагментом его китайский перевод, записанный средствами арабо-персидской графики. Помимо арабских букв в тексте употребляются четыре буквы, созданные в персидском языке на основе арабских: پ *p*, چ *ch*, ژ *zh*, گ *g*. Ими записывают китайские начальнослоговые согласные (инициали) [p’], [tʂ’], [z], [tɕ], или *p-*, *ch-*, *r-*. *i-* в современной китайской официальной латинизированной системе. Особая буква ض используется для [ts’] (*c-*). Обозначение тонов отсутствует (подробнее о системе записи китайских слогов в этом тексте см. [Завьялова 1992; Zavyalova 1999]). В китайском переводе встречаются заимствованные слова — как арабские, так и персидские. В основном заимствования сохраняют свое исконное написание, однако в некоторых случаях при конечном согласном отмечен краткий гласный, который отсутствует в языке-источнике, но очевидно появлялся при

произношении заимствованных слов китайязычным автором перевода, ср. *namāzi* для персидского *namāz* «намаз, ежедневная пятикратная молитва».

С началом периода «реформ и открытости» многочисленные новые издания в системе *сяоцзин* стали доступны не только китайским мусульманам, но и всем желающим. В 2005 г. мне, в частности, удалось купить их в специальном книжном магазине на мусульманской торговой улице рядом с мечетью Дунгуань в Синине (административный центр провинции Цинхай). Там продаются как местные издания, так и многочисленные книги, изданные в Линься — бывшем Хэчжоу, а ныне административном центре Линься-Хуэйского автономного округа в соседней провинции Ганьсу. В исламском культурном центре города Синин молодыми мусульманами уже была разработана к тому времени система компьютерного набора китайских текстов в системе *сяоцзин* со всеми необходимыми буквами и огласовками. Изданные в Линься тексты были традиционно каллиграфически написаны от руки и затем размножены, иногда после слов, записанных в системе *сяоцзин*, в скобках были указаны иероглифы. Заметим, что Коран в этой системе в 2003 г. издан также на дунганском языке (об этом издании см. [Юсупов 2004]).

Даже в повседневной речи внутри одного и того же диалекта китайский язык мусульман-хуэйцзу несколько отличается от языка окружающих китайцев и содержит особые выражения; например, 没水 *méi shuǐ* «не совершал омовения» (букв. «не было воды»), 有水 *yǒu shuǐ* «совершил омовение» (букв. «была вода»). Необычные грамматические конструкции тем более характерны для литургического варианта китайского языка, который носит название *цзинтаньюй* (經堂語 *jīngtángyǔ*) и используется как в исламских сочинениях, так и в религиозном образовании (см. [Цзинь Хуэй 1988; Ми Шоуцзян 2004, с. 61–63, 96–97; Хай Фэн 2007]). (Специальное исследование особенностей *цзинтаньюй* содержится в монографии [Ян Чжанью 2010, с. 261–305]⁴.)

Среди наиболее заметных особенностей *цзинтаньюй* — употребление сравнительно большого числа фонетических заимствований из арабского и персидского языков. К таким заимствованиям относится само слово мулла — ахун (阿訇 *āhōng*), которое происходит от персидского *āhūnd* «учитель». Доступный нам список фонетических заимствований у хуэйцзу северо-западного Китая содержит 185 слов [Ян Чжанью 2010, с. 359–377], из них 49 персидские, остальные — арабские⁵.

⁴ К таким конструкциям, которые, возможно, появились в результате буквального перевода с арабского или персидского, относится перечисление со словом 憑者 *píngzhě* «опираясь на; используя». Оно встречается в иероглифических текстах и было замечено нами в описанном выше пособии по кайданитскому праву, изданному в системе *сяоцзин*.

⁵ Этот список был использован при поиске китайских иероглифических эквивалентов арабских и персидских слов, упомянутых в опубликованных далее текстах сборника.

Так же как в случае обычных китайских заимствований из разных языков, иероглифические варианты записи и произношения одних и тех же арабских и персидских слов могут быть неодинаковыми в разных диалектах и в разных памятниках. Например, на северо-западе вместо слова 穆安津 *mù'ānjīn* «муэдзин» употребляется слово 瑪金 *mǎjīn*. Иногда персидские и арабские фонетические варианты сосуществуют друг с другом и/или с кальками-переводами. Так, для слова «аллах» существует калька 真主 *zhēnzhǔ* «истинный владыка», 安拉 *ānlā* от араб. *Allāh* и 胡大 *húdà* от перс. *Khudā*. В некоторых случаях появляются гибридные слова, сочетающие китайскую и заимствованную фонетическую часть, что также характерно для китайского языка в целом. В качестве примера гибридных заимствований можно привести появившиеся с XVIII в. на северо-западе слова 開學阿訇 *kāixué āhōng* букв. «ахун, начинающий занятия» (вместо 伊瑪目 *yīmǎmù* «имам»), 二阿訇 *èrāhōng* «второй ахун» (вместо 海推布 *hǎituībù* «хатиб»). В быту некоторые арабские и персидские слова сокращаются до однослогов, которые употребляются либо изолированно, либо в сочетании с китайскими корнями (см. [Ян Чжанью 2010, с. 121, 127, 370]). Отметим, что такие же трансформации фонетических заимствований с превращением двуслогов и многослогов в однослоги встречаются в обычном китайском языке, для которого, впрочем, в большей степени, чем для *цзинтаньюй*, характерны заимствования-кальки.

4. Язык дунган-хуэйцзу, переселившихся в Российскую империю из ареала Великого шелкового пути

После образования в 1760 г. наместничества Синьцзян в составе Цинской империи в этом регионе появились переселенцы из Внутреннего Китая, в основном Северо-Западного, в их числе были и мусульмане-хуэйцзу. Окружающие народы в Синьцзяне стали называть китаезычных мусульман дунганями (東干 *dōnggān*, 東干人 *dōnggānrén*). Существует несколько версий происхождения этого слова, которое позже употреблялось также в России и на Западе. По одной из этих версий, оно имеет тюркское происхождение. По другой, недавно предложенной профессором Синьцзянского университета Хай Фэн, восходит к китайскому слову 屯墾 *túnkěn* «военные поселения пограничных земель», широко распространенному в Синьцзяне в период его освоения цинским Китаем (см. [Хай Фэн 2005]). В Российскую империю дунгане-хуэйцзу переместились во второй половине XIX в., после поражения дунганского восстания в северо-западном Китае (начало восстания относят либо к 1861–1862 гг., либо даже к 1863 или 1864 г., окончание — к 1877 г.).

Первые беженцы с огромными трудностями и большими потерями добрались до территории современных Киргизии и Казахстана в период суровой зимы 1877/78 г. Группа из Турфана (Синьцзян) достигла города Ош, он находится на территории современной Киргизии. Еще одна группа включала беженцев из Дидаочжоу (狄道州 *Didào zhōu*), с 1929 г. это уезд Линьтао (臨洮 *Líntáo*), расположенный к югу от Ланьчжоу и р. Хуанхэ в провинции Ганьсу. Весной 1878 г. дидаочжоуская группа поселилась в селе Ирдык (Марининское, Эрдогу, Ырдык), расположенном недалеко от г. Каракол (ранее также Пржевальск) в Иссык-Кульской области современной Киргизии. И наконец, беженцы из провинции Шэньси во главе со знаменитым предводителем мусульманских повстанцев Бай Яньху (白彥虎 *Bái Yànhǔ*, 1829(?)–1882, по-дунгански — Биянху) обосновались в селе Каракуруз. Это село расположено в 8 км к северу от г. Токмак (также Токмок, в настоящее время административный центр Чуйской области в Киргизии), но относится к Кордайскому району Жамбылской области Казахстана, с 1965 г. оно называется Масанчи. В настоящее время дунгане-шэньсийцы живут как в самом Токмаке, так и в близлежащих селах в Киргизии и Казахстане.

Вторая партия дунган-хуэйцзу мирно переместилась в Российскую империю из Синьцзяна после заключения русско-китайского Петербургского договора 1881 г. — Илийский край с г. Кульджа (по-китайски этот город, центр современного Или-Казахского автономного округа в Синьцзяне, называется Инин) 10 лет находился под юрисдикцией России. В соответствии с договором большая часть территории края была передана Китаю. Жители при этом получили право при желании переехать в Российскую империю. Дунгане — переселенцы второй волны — в основном прибыли из г. Суйдин. В российской и западной литературе он был известен также как Суйдун, сейчас это Шуйдин, административный центр уезда Хочэн Или-Казахского автономного округа. Суйдинская группа разместилась в местности, которую дунгане стали называть Сохулу. Позже дунганское село, возникшее в районе Сохулу, получило официальное название Александровка, и сейчас оно относится к Московскому району Чуйской области в Киргизии. Вместе с суйдинскими дунганями прибыла небольшая группа, известная как *ягэ* (*ягэ* в современном дунганском кириллическом написании), происхождение этого названия до сих пор не установлено⁶.

Язык дунган-хуэйцзу, как свидетельствовали В.И. Цибузгин и А. Шмаков — два россиянина, посланных служить в шэньсийское село Каракуруз, чисто китайский, «который, как и у китайцев, делится на много наречий, имеющих большую разницу в произношении слов и вполне оправдывающих китайскую поговорку: „В Китае через каждые сто *ли* (*ли* — китайская верста) встречаешь все разные наречия“. Наречие каракурузских дунган, большинство коих выходцы

⁶ О переселении дунган в Россию см. [Сушанло 1957; Юсуров 1961; Дунганская энциклопедия 2009, с. 23–42].

из провинции Шаньси [Шэньси], отличается от речи дунган верненских [алма-тинских], пишпекских [бишкекских], пржевальских [из Каракола] и джаркентских, вышедших из других провинций Китая» [Цибугзин 1909].

Среди переселенцев из Китая того времени были также представители двух групп, каждая из которых считается сейчас в КНР отдельным народом, говорящим на самостоятельном языке. Первая группа — упоминавшиеся выше тюркоязычные мусульмане-салары, они участвовали в восстании на северо-западе и до сих пор живут в Китае. Вторая — сибинцы (сибо), которые исконно были шаманистами и позже частично обратились к буддизму, их язык можно рассматривать просто как диалект маньчжурского языка (см. [Gorelova 2002]). При династии Цин жившие на северо-востоке сибинцы были частично расселены в разные районы страны. В 1764 г. группа из примерно 5 тыс. сибинцев была направлена в Синьцзян в составе гарнизонных «восьмизнаменных» войск. Уже в КНР в составе Или-Казахского автономного округа в 1954 г. был образован Чапчал-Сибоский автономный уезд. Здесь сибинцы до сих пор сохраняют свой родной язык, почти утраченный на северо-востоке Китая, пользуются модифицированным вариантом маньчжурской письменности, издают газету, выпускают передачи на местном телевидении (см. [Stuart 1998; Синьцзян 2006, с. 83–84]). Общая численность сибинцев в КНР оценивается в 190 тыс. человек. Во время восстания в Синьцзяне те сибинцы, которые попали в плен к мусульманам, были вынуждены принять ислам и вместе с дунганями переселились в Российскую империю. Здесь они, так же как и салары, постепенно утратили родной язык и перешли на те китайские диалекты, которые употребляли окружающие их дунгане (см. [Дунганская энциклопедия 2009, с. 52]).

В процессе национально-государственного размежевания в Средней Азии в 1924 г. китаеязычные мусульмане-хуэйцзу получили официальный статус одного из народов СССР — дунган, а их язык в целом — статус отдельного дунганского языка. Большая часть дунганского населения (96,7%; см. [Линь Тао 2010, с. 334]) в той или иной степени сохраняет свой язык и проживает в Киргизии, Казахстане и отчасти Узбекистане, их общая численность составляет приблизительно 110 тыс. человек (см. [Юсупов 2004])⁷. Самоназвание дунган по-прежнему такое же, как у китайских мусульман КНР, — *хуэйхуэй* (回回 *Huíhuí*), *хуэймин* (回民 *Huímín*) «народ хуэй», *лохуэйхуэй* (老回回 *Lǎohuíhuí*) «почтенные мусульмане»; дунганские слова здесь и далее приведены в кириллической системе, которой до сих пор пользуются дунгане бывшего СССР. По-русски они именуют свой язык дунганским, по-дунгански — *хуэйзү йүян* (回族語言 *Huízú yǔyán*) «язык народности хуэй». Некоторые дунгане бывшего СССР называют себя (или, во

⁷ О расселении современных дунган в Узбекистане, Киргизии и Казахстане см. [Хай Фэн 2003, с. 161–162; Дунганская энциклопедия 2009, с. 43–47, 57–59; Ян Чжанью 2010, с. 308–309].

всяком случае, называли себя до последнего времени) также *жун-ян жын* (中原人 *Zhōngyuán rén*) «люди Центральной равнины». В постсоветский период, с началом интенсивных контактов дунган с Китаем, название «*хуэйцзу*» или «*хуэйцзу* Центральной Азии» можно встретить также в работах дунганских ученых на русском языке.

В 1928 г. группой учившихся в Ташкенте дунган был экспериментально предложен арабо-персидский алфавит для родного языка. Он включал четыре дополнительные буквы, созданные в персидском языке, и особый знак *ض* для начальнослогового согласного [ts^x]. Таким образом, первый дунганский алфавит, очевидно, восходил к системе *сяоцзин*, привнесенной дунганями в Российскую империю из Китая. В 1928 г. одновременно с алфавитами для тюркских языков народов СССР появился дунганский латинский алфавит. Его усовершенствованный вариант, который был разработан с учетом особенностей силлабического дунганского языка, относится к 1932 г. И наконец, дунганская кириллическая письменность была официально принята в 1950-е годы (см. [Драгунов 1932; Вопросы 1937; Калимов 1955; Имазов 1977, с. 7–14]).

С использованием сначала латиницы и затем кириллицы на дунганском языке создана обширная литература, в том числе художественная, научная, справочная, учебная. Радиовещание началось во Фрунзе (Бишкеке) в 1932 г., телепрограммы появились в 1992 г. (см. [Дунганская энциклопедия 2009, с. 173–175]). Десятки публикаций — начиная с пионерских работ Е.Н. и А.А. Драгуновых, Е.Д. Поливанова и Ю.Я. Яншансина в 1930-е годы и вплоть до новейших исследований дунганских, китайских, японских и западных ученых — посвящены различным аспектам дунганской фонетики, лексики и грамматики.

Первые иероглифические записи языка советских дунган представлены в сборнике трудов дунганских ученых, изданном в КНР. Перевод с комментариями был подготовлен известным лингвистом-реформатором Ду Суншоу (1905–1991) в период разработки официального алфавитного письма в КНР. Экземпляр этой книги [Ду Суншоу 1959], подаренный автором Е.Н. Драгуновой в 1960 г., передал мне в свое время А.Дж. Калимов. Записи шэньсийского диалекта, которые в 1909 г. опубликовал В.И. Цибузгин в упомянутой выше совместной статье с А. Шмаковым, были проиероглифированы С. Римской-Корсаковой Дайер [Rimsky-Korsakoff 1992] (она выросла в семье белоэмигрантов в Китае, хорошо знала китайский язык и позже заинтересовалась дунганями). Недавно в КНР вышли две монографии о дунганском языке [Линь Тао 2003; Хай Фэн 2003]. Обе они содержат снабженные иероглифами дунганские лексиконы и образцы дунганских текстов. Иероглифический вариант дунганских народных сказок и преданий с предисловием Б.Л. Рифтина [Дунгань 2011] выпущен недавно профессором Синьцзянского университета Хай Фэн.

Два основных дунганских диалекта принято называть ганьсуйским (он был положен в основу дунганского литературного языка) и шэньсийским, или токмакским. К числу говорящих на ганьсуйском диалекте в равной степени относятся живущих главным образом в Ирдыке и Караколе переселенцев из Линьтао (Дидаочжоу) в провинции Ганьсу и переселенцев из Шуйдина (Суйдина) в Синьцзяне. С большой долей вероятности мы можем утверждать, что в основу дунганского литературного языка была положена линьтаоская разновидность ганьсуйского диалекта. На ней, в частности, говорил один из основоположников дунганского языкознания, автор дунганских словарей Ю.Я. Яншансин (1909–1999), он родился в г. Пржевальске (Каракол). Так, слог *эр* в литературном дунганском языке произносится так же, как в Ирдыке, — [ɛ], а у выходцев из Шуйдина, дунган с. Александровка, ему соответствует слог [ʃ] без конечного [ɪ].

Главным различием между двумя основными дунганскими диалектами, ганьсуйским и шэньсийским, традиционно считалось наличие четырех тонов (тоновых классов) у шэньсийских дунган и только трех у ганьсуйских. В действительности в том и другом диалекте различаются все четыре тоновых класса — Ia (陰平 *инь-пин*, пекинский первый), Ib (陽平 *ян-пин*, пекинский второй), II (上聲 *шан-шэн*, пекинский третий), III (去聲 *цюй-шэн*, пекинский четвертый). У ганьсуйских дунган противопоставление тонов Ia и Ib позиционно обусловлено: оно зависит — как и во многих других северных китайских диалектах в случае разных тоновых классов — от положения слога в фонетическом слове (см. [Завьялова 1973; Zavjalova 1978]). Ср. следующие ганьсуйские примеры (здесь и ниже фонетическая реализация тонов обозначена в скобках по общепринятой пятиуровневой системе Чжао Юаньжэня):

нян^{III} фу^{Ia} (念書 *niàn shū*) «читать книги» (44 + 13) и жин^{III} мын^{Ib} (進門 *jìn mén*) «войти в дверь» (44 + 13), оба тона в конечной позиции восходящие;

го^{Ia} цо^{II} 高草 «высокая трава» (11 + 51), но бы^{Ib} хэ^{II} 白海 «белое море» (13 + 51), нан^{Ia} дун^{III} 安頓 (11 + 44) «уложить», но мын^{Ib} куон^{III} 門框 (13 + 44) «дверная рама», в неконечной позиции тон Ia низкий ровный или слегка нисходящий, тон Ib восходящий.

В самом Китае позиционно обусловленное различие или полное отсутствие противопоставления тонов *инь-пин* и *ян-пин* отмечено в некоторых диалектах юго-восточной части Ганьсу и в нескольких пунктах центральной части провинции Шаньси, относящихся к группе диалектов Цзинь (см. [Завьялова 1996, с. 50–54]). Как в шэньсийском, так и в ганьсуйском дунганском диалекте низкий тон Ia переходит в восходящий тон Ib перед другим тоном Ia. В ганьсуйском диалекте этот переход возможен только перед исходным тоном Ia, но не Ib. Ср.

11 + 13 → 13 + 13 *цин^{1a} фу^{1a}* (新書 *xīn shū*) «новая книга», но *ди^{1a} му^{1b}* (低頭 *dī tóu*) «опустить голову» (11 + 13).

**Тоны Ia и Ib в ганьсуйском диалекте
дунганского языка**

	Ia	Ib
В последнем слоге фонетического слова	13 (в случае конечной интонации — 231 для того и другого исходного тона)	
Перед слогами в тонах II, III и в исходном тоне Ib	11	13
Перед слогом в исходном тоне Ia	13	

Фонетическая реализация четырех тонов в основных дунганских диалектах может быть представлена следующим образом (шэньсийские тоны были записаны нами в произношении жителей с. Шор-Тюбе):

тон Ia (*инь-пин*, пекинский первый) — низкий ровный (11),

тон Ib (*ян-пин*, пекинский второй) — восходящий (13),

тон II (*шан-шэн*, пекинский третий) — нисходящий (51),

тон III (*цюй-шэн*, пекинский четвертый) — 44 в ирдыкской (линьтаоской) разновидности ганьсуйского диалекта, 53 в шэньсийском диалекте; у александровских (шуйдинских) дунган этот тон высокий восходяще-нисходящий (342) в конце фонетического слова, высокий восходящий перед другим слогом (35) (см. [Завьялова 1973; Завьялова 1979, с. 22]).

Так называемый нейтральный тон в шэньсийском диалекте краткий низкий после всех тонов — так же как, например, в диалекте Сианя. В ганьсуйском диалекте в случае нейтрализации после тона Ia в следующем слоге появляется вторичный тон I, после тона Ib — вторичный тон II, после двух остальных тонов — краткий низкий нейтральный тон. Ср. слова с суффиксом *-зы* (子 *zi*):

дин^{1a}зы (釘子 *dīngzi*) ‘гвоздь’ (11 + 13)

йин^{1b}зы (銀子 *yínzi*) ‘серебро’ (13 + 51)

йи^{II}зы (椅子 *yǐzi*) ‘стул’ (51 + 1)

гэ^{III}зб (個子 *gèzi*) ‘рост’ (44 + 1)

В обычных дунганских текстах тоны не обозначаются. В словарях и учебниках для обозначения тонов используются цифры I, II и III, тоны Ia и Ib одинаково помечены цифрой I даже в неконечной позиции. Краткий нейтральный тон представлен как тон I. Впервые в истории дунганского языка обозначение четырех ганьсуйских тонов и нейтрализации появились в книге Айши Мансуро-

вой для детей [Мансурова 2011] по инициативе одного из издателей — Эльке Рехорн (Elke Rehorn).

Самая существенная из исторических особенностей основных дунганских диалектов — «двойное» отражение среднекитайского «входящего тона» (入聲 *rùshēng*). Он перешел в современный тон Ia в слогах с историческими глухими и сонорными инициалями и в современный тон Ib в слогах с историческими звонкими⁸. В пекинском диалекте и в официальном языке *путунхуа*, как известно, распределение входящего тона по современным тонам определяется глухостью, звонкостью и сонорностью исторических начальных согласных. Кроме того, в результате взаимодействия с другими диалектами в случае исторических глухих инициалей входящий тон распределен между всеми современными пекинскими тонами. Ср. дунганские морфемы *бий*^{1a} «сто» (百 *bǎi* в пекинском), *мый*^{1a} (麥 *mài*) «пшеница», но *бий*^{1b} (白 *bái*) «белый» с соответственно среднекитайской глухой, сонорной и звонкой инициалью⁹.

Внутри диалектов Чжуньюань (без учета поздних миграций в Синьцзян) оба основных дунганских диалекта могут быть отнесены к сравнительно небольшой территории, где вместо восьми пекинских носовых финалей серии «э» (-en — -eng, -in — -ing, -un — -ong, -yn — -yong) имеется только четыре. Эта территория охватывает провинцию Ганьсу к югу от р. Хуанхэ, небольшую примыкающую к Ганьсу западную часть долины Гуаньчжун в Шэньси, юг Нинся-Хуэйского АР и Цинхай (см. [Завьялова 1996, с. 117–118]). Именно в этом регионе во второй половине XIX в. развернулись события мусульманского восстания.

Помимо двух основных диалектов — ганьсуйского, объединяющего переселенцев из Линьтао и Синьцзяна, и шэньсийского — у дунган различаются (или, во всяком случае, различались в прошлом) по меньшей мере еще три разновидности их языка. Цинхайский (*чинхэ*) диалект именовался по соответствующей китайской провинции и, скорее всего, относился к подгруппе Чжуньюань. Происхождение названий *дунми* (*думми*) и *ягэ* (*ягэ*) так и не было установлено.

Впервые о существовании диалекта *дунми* сообщил выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета В.И. Цибузгин, направленный преподавать в дунганско-русской школе шэньсийского с. Каракуруз (см. [Цибузгин 1909]). В уже упоминавшейся статье, написанной совместно с А. Шамаковым (по-видимому, старостой, представителем российских властей в этом же селе; см. [Джон 2010]), он привел несколько примеров из этого очень своеобразного диалекта и сообщил, что на нем говорят «выходцы из города Танчжао-фу провинции Синань-сэн». Возможно, речь в данном случае идет не о провинции 省 *shěng*,

⁸ При описании дунганской фонетики мы пользуемся терминами, принятыми в китайском языкознании: инициаль — начальнослоговой согласный, финаль — остальная часть слога, медиаль — неслогообразующий гласный, предшествующий слогообразующему гласному в составе финали.

⁹ Подробнее о развитии входящего тона и финалей слогов входящего тона в северных диалектах см. [Завьялова 1996, с. 82–90, 114–116].

а о г. Сиань (西安 *Xī'ān*) — административном центре провинции Шэньси, тем более что в диалектах соответствующего региона морфема 安 *ān* произносится с инициальной *n-*, ср. в литературном дунганском *nan^{la}nin^{l6}* ‘спокойствие’ (安寧 *ānníng*).

О диалекте *ягэ*, в котором не различались тоны *ян-тин* и *шан-шэн* в конечной позиции, мне впервые довелось услышать в 1970-е годы во время нашей беседы с выдающимся дунганским лингвистом Ю.Я. Яншансином у него дома во Фрунзе. Эта особенность, как мы сейчас знаем, характерна для подгруппы Лань-Инь, которая распространена в провинции Ганьсу к северу от р. Хуанхэ и в современном Нинся-Хуэйском АР, в частности для диалекта Иньчуаня (см. [Ли Шуянь 1996, с. 7; Линь Тао 2012, с. 6–8]). Позже диалекты Лань-Инь — наряду с диалектами Чжуньюань — были привнесены на территорию Синьцзяна, и именно оттуда вместе с суйдинскими *хуэйцзу* переселились в с. Александровка (Сохулу) дунгане-*ягэ*.

Возвращаясь к ганьсуйскому и шэньсийскому диалектам, отметим, что к числу их наиболее заметных исторических особенностей относится также иное, чем в пекинском и *нутунхуа*, распределение по слогам шипящих и свистящих начальнослоговых согласных. Оно характерно для многих диалектов внутри подгрупп Чжуньюань и Лань-Инь, а также внутри группы Цзинь (север Шэньси и большая часть провинции Шаньси). Это распределение обусловлено отличным от пекинского развитием среднекитайских групп инициалей, которые в традиционной китайской фонологии называются 知 *zhī*, 莊 *zhuāng* и 章 *zhāng*. Ср. в дунганском: *ча^{l6}* (茶 *chá*) «чай», *ча^{la}* (插 *chā*) «вставлять», *чы^{lll}* (翅 *chì*) «крыло», но *чу^{la}* (抽 *chōu*) «вытаскивать», *чэ^{la}* (車 *chē*) «телега» (см. [Zav'jalova 1978, с. 7–8; Завьялова 1979, с. 104–109, карта 5])¹⁰.

Синхронически шэньсийский и ганьсуйский диалекты характеризуются следующими наиболее существенными особенностями.

1) Ограниченное употребление нулевой инициали:

	愛 <i>ài</i>	牙 <i>yá</i>	眼 <i>yǎn</i>	襪 <i>wà</i>	娃 <i>wā</i>
	«любить»	«зуб»	«глаз»	«чулки»	«ребенок»
Ганьсуйский диалект	[nɛ]	[ja]	[n ^j iɛ]	[va]	[va]
Шэньсийский диалект	[nɛ]	[nia]	[n ^j iɛ]	[va]	[wa]*

* В шэньсийском диалекте согласный [v], восходящий к среднекитайской инициали 微 *mei-, противопоставлен [w].

2) Взаимодействие начальнослоговых согласных со следующими за ними [i], [y], [u]. Оно отмечалось в ряде работ, начиная с первых публикаций Е.Н. и

¹⁰ Подробное описание дунганского языка с таблицами инициалей и финалей представлено нами в статье для «Энциклопедии о китайском языке и китайском языкознании» (*Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*), подготовленной к печати издательством Brill.

А.А. Драгуновых, и типично для китайских диалектов соответствующего региона. Перед [i] и [y] непрдыхательные инициалы палатализируются, придыхание становится переднеязычным вместо заднеязычного, также характерного для северо-западного региона; ср. *ба* [pa], но *би* [pⁱ], *па* [p^xa], но *пи* [p^si]. Перед финалью [u] все согласные лабиализуются: *зү* [g^wu], *кү* [k^hu]; ср., однако, перед медиалью [u]: *зүэ* [kuεⁱ], *күэ* [k^xueⁱ] (см. [Zavjalova 1979, с. 44–45]). Ретрофлексные [tʂ] и [tʂ^x] лабиализуются как перед слогаобразующим, так и перед медиальным [u]. Ср. *жуон* [tʂ^wuō] и *чуон* [tʂ^huō] (подобные слоги в работах по китайской диалектологии обычно транскрибируются как *pfā*, *pf'ā*; ср. [Хай Фэн 2003, с. 32]). Произношение [t] и [tʂ] перед финалью [u] часто сопровождается губно-губной дрожащей артикуляцией: *дү*¹⁶ [t^bu] (獨 *dú*) «одинокий»; *жү*¹¹ [tʂ^bu] (主 *zhǔ*) «хозяин»; это явление в дунганском языке первым отметил Е.Д. Поливанов [Вопросы 1937, с. 36]. В том и другом диалекте произошел переход [ʂ] → [f] и [z] → [v] перед [u]: *фу*^{1a} (書 *shū*) «книга», *ван*¹¹ (軟 *ruǎn*) «мягкий».

3) Активное взаимодействие конечных неслогообразующих [i], [u], а также конечного [n] с предшествующим слогаобразующим гласным. Результатом этого взаимодействия стали соответственно монофтонгизация дифтонгов или назализация слогаобразующего гласного. Последняя, во всяком случае, в произношении некоторых информантов и возможно также в зависимости от позиции в фонетическом слове может чередоваться с конечным [n]: [i^ẽ]/[i^{en}] в случае финали, соответствующей пекинской [i^{en}] и т.п. После заднеязычных и губно-зубных [f] и [v] финаль [эi] произносится как [i]. В дунганском кириллическом написании и в системе *сояцзин* эта финаль передается как *и*, ср. *гу*¹¹ (給 *gěi*) «давать», *хи* *hī* (黑 *hēi*) «черный». В александровской (шуйдинской) разновидности ганьсуйского диалекта произносится [эu] и [эi] вместо [э] и [ε].

Лексика дунганского литературного языка, основанного на ганьсуйском диалекте, представлена прежде всего в ряде словарей [Яншансин 1959; Яншансин 1968а; Русско-дунганский 1981]. Списки шэньсийских слов с параллельными ганьсуйскими вариантами содержатся в уникальных работах Ю.Я. Яншансина [Яншансин 1938, с. 13–22; Яншансин 1968б, с. 35–42]. Краткие лексиконы с проиероглифированными словами дунганского литературного языка опубликованы, как уже сказано ранее, в монографиях китайских лингвистов [Линь Тао 2003, с. 95–119; Хай Фэн 2003, с. 115–158].

От *путунхуа* дунганский отличают следующие основные слои лексики.

1) Слова, встречающиеся также в других китайских диалектах, например слово *жэ*^{1a} *ту* (熱頭 *rètóu*) «солнце», которое, в частности, можно обнаружить в юго-восточной части Ганьсу и в Синьцзяне (см. [Ханьюй 2008а, карта 001]).

2) Слова, употребляющиеся в средневековых текстах на «разговорном» письменном языке *байхуа* и иногда также в некоторых современных диалектах: *фу*^{1a} *зы* (書子 *shūzǐ*) «письмо»; *е*^{III} *ли*, *е*^{III} *лигы* (夜裏 *yèlǐ*, 夜裏個 *yèlǐge*) «вчера».

Слово «вчера» с морфемой 夜 *yè* «ночь» в своем составе, как об этом свидетельствуют новейшие диалектологические карты [Ивата 2009, карта 9–1], в регионе к северу от хребта Циньлин и р. Хуайхэ преобладает над всеми другими вариантами (ср. 昨天 *zuótiān* ‘вчера’ в *путунхуа*).

3) Заимствования из арабского и персидского языков, а также небольшое число тюркских слов, очевидно приобретенных в Синьцзяне и позже уже на территории Российской империи/СССР. Ср. *суэ*^{II}*дэ*^I*гэ*^I, *сэ*^{II}*дэ*^I*гэ*^I «милостыня, подавание» (араб. *ṣadaqa*), *аб*^{II}*дэ*^{III}*сы*^I «омовение» (перс. *ābdast*), *бо*^I*зо*^{III}, кирг. *буза*, род просяного пива. Соответствующий список включает примерно 300 слов (см. [Яншансин 1968б, с. 43–51]; различие между тонами Ia и Ib в списке Ю.Я. Яншансина не обозначено).

4) Многочисленные фонетические заимствования из русского языка или через русский язык, например *шах*^{II}*мат*^I «шахматы», а также некоторое количество заимствований-калек, например *тон*^{Ib}*бин*^{III} (糖病 *tángbìng*) «сахарная болезнь». Даже в советский период слова из русского языка почти не употреблялись в художественной литературе и были характерны прежде всего для публицистики [Rimsky-Korsakoff 1977–1978, с. 354–356]. В дунганских текстах они, как правило, сохраняют свою исходную орфографию, но в устной речи произношение может быть разным и, в частности, зависит от уровня образованности говорящего. В настоящее время, когда дунганский язык открыт влиянию китайского, притом что многие дунгане бывшего СССР получают образование в КНР, некоторые русские слова начинают вытесняться заимствованиями из *путунхуа*.

Наиболее существенные грамматические особенности дунганских диалектов, отличающие их, в частности, от *путунхуа*, были представлены в работах выдающегося советского лингвиста А.А. Драгунова.

Известно, что в *путунхуа* суффикс коллективной множественности (們 *-men*) употребляется только с личными местоимениями и с существительными, обозначающими людей. В дунганском суффикс *-му* (так же как в некоторых китайских диалектах) возможен в случае животных и птиц, например *гу*^{II}*му* (狗們 *gǒumen*) «собаки». В результате контактов с русским языком в современных письменных текстах *-му* иногда выступает как суффикс множественного числа при любых существительных.

Вместо разнообразных классификаторов существительных, наличествующих в *путунхуа*, в дунганском, как правило, употребляется единый показатель предметности *-гэ* (個 *gè*): *йи*^{Ia}*гэ* *сун*^{Ia}*фу*^{III} «одна сосна» (в словаре [Яншансин 1968а] — «ель»); ср. в *путунхуа*: 一顆松樹 *yīkē sōngshù* [Калимов 1951; Драгунов 1952, с. 56–57].

И наконец, глаголу в ганьсуйском диалекте была посвящена уникальная монография А.А. Драгунова [Драгунов 1940], которая по сути дела остается единственным системным описанием видо-временной системы диалектов Чжуньюань. В дунганском эта система включает глагольные суффиксы, конечнофразовые

частицы, а также отрицания *бу^{la}* (不 *bù*), *мэ^{lb}* (沒 *méi*) и употребляющееся в случае императива отрицание *бэ^{lb}* (別 *bié*).

«Перфективный» суффикс *-ли* 哩, который сочетается с отрицанием *мэ^{lb}* (*хэ^{la} ли* «пил» — *мэ^{lb} хэ^{la}* «[еще] не пил»), и «перфективная» частица *-ли* 哩 в основном совпадают по своему значению и употреблению с глагольным и фразовым *了* *-le* в *путунхуа* [Драгунов 1940, с. 20–35]:

Та^{ll} це^{ll} ли фу^{la}зы ли.

他寫哩書子哩.

Tā xiěli shūzi li.

«Он написал письмо».

То же самое можно сказать о суффиксе *-гуэ* (*-guo* 過), который употребляется с отрицанием *мэ^{lb}* и имеет значение неопределенного прошлого:

Вэ^{ll} ба^{la} радио жы^{lll}гы мин^{lb}зы мин^{la}гуэ кэ^{la} мэ^{la} жян^{lll}гуэ.

我把 radio 這個名字聽過, 可沒見過.

Wǒ bǎ radio zhège míngzi tīngguo, kě méi jiànguo.

«Слово „радио“ я вообще (когда-то) слышал, но радио никогда не видел».

«Имперфективная» частица *ни* 呢 употребляется с отрицанием *бу^{la}* и имеет два основных значения. Фраза *Та^{ll} хэ^{la} ца^{lb} ни* в зависимости от контекста может быть переведена как «Он будет пить чай» или «Он пьет (имеет привычку пить) чай» [Драгунов 1940, с. 36–59].

«Релятивная» частица *-дини* 的呢 обозначает длительное действие в прошлом, настоящем и очень редко — в будущем (отрицательная форма — *мэ^{lb} ... ди*):

Ни^{ll} зү^{lll} са^{lll} дини?

你做啥的呢?

Nǐ zuò shá dīni?

«Что ты [сейчас] делаешь?»/«Что ты [в тот момент] делал?»

Вэ^{ll} це^{la} хуан^{ll} дини.

我歇緩的呢.

Wǒ xiēhuǎn dīni.

«Я отдыхаю»/«Я отдыхал».

Этот же показатель звучит как *жэни* (着呢 *-zheni*) в шэньсийском диалекте (ср. опубликованные в наст. изд. материалы В.И. Цибузгина) и в прошлом сохранялся у некоторых представителей старшего поколения ганьсуйского диалекта (см. [Драгунов 1940, с. 61–71]), которые, по-видимому, говорили на уже исчезнувших в наше время его разновидностях. Показатель *着呢* *-zheni* широко распространен в западной части ареала диалектов Чжуньюань и в диалектах Лань-Инь (см. [Хань-

юй 2008б, карта 066]).

Для фольклора и рассказов о делах давно минувших дней характерна особая частица -лэ (來 *lái*), которая обозначает состояние в прошлом (см. [Драгунов 1940, с. 10–11; Salmi 1984]):

Октябрь революция ди зы^{la} чян^{lb} гун^{la} жын ди гуон^{la} иин^{la} ду^{la} нан^{lb} лэ.

Oktjabr revoljucija 的之前工人的光陰都難來。

Oktjabr revoljucija di zhīqián gōngrén di guāngyīn dōu nán lái.

«До Октябрьской революции жизнь рабочих была тяжелой».

К наиболее часто употребляемым частицам в дунганском языке относится *ди* (的 *dì*). Она присутствует в разных конструкциях, в том числе определительной, которая универсальна для всех северных диалектов; см. [Ханьюй 2008б, карта 041]. Одна из конструкций с этой частицей имеет в дунганском значение одновременности действий (см. [Драгунов 1940, с. 72–82]):

Харки зэ^{III} жуэ^{la} зы гын^{la} чян^{lb} зуэ^{III} ди нян^{III} бо^{III} дини.

Xarki 在桌子跟前坐的, 念報的呢。

Xarki zài zhuōzi gēnqián zuò dì, niàn bào dìni.

«Харки, сидя за столом, читает газету».

В настоящее время в КНР идет работа по созданию базы данных диалектов китайского языка и языков народов КНР, в том числе на аудио- и видеоносителях. Чрезвычайно важным и интересным представляется включение в соответствующую программу диалектов постсоветских дунган.

5. Второе дыхание российских дореволюционных работ о китайском исламе и дунганах

В последние годы в КНР появились многочисленные статьи и монографии об истории и современном состоянии ислама в стране. Переселившимся в Российскую империю дунганам посвящаются международные конференции, издаются фундаментальные труды и сборники статей. В Японии профессор Канно Хирооми несколько лет тому назад организован дунгановедческий кружок, усилиями молодого шведского востоковеда Иво Спира создана электронная библиотека дунганской и дунгановедческой литературы. Тем не менее опубликованные в настоящем сборнике российские дореволюционные работы, посвященные китайскому исламу, переселению дунган-хуэйцзу в Российскую империю и первым годам их жизни на новом месте, по-прежнему представляют интерес как с научной, так и с общечеловеческой точки зрения. Изучение этих материалов важно также

потому, что они не были полностью учтены в более поздних советских и зарубежных исследованиях. Возможно, это было связано с тем, что некоторые из дореволюционных работ были написаны российскими дипломатами и военными, которые после 1917 г. стали участниками белого движения и оказались в эмиграции; краткие биографии приведены в начале соответствующих публикаций.

Среди авторов сборника — выдающийся синолог XIX в. П.И. Кафаров (1817–1878), в монашестве Палладий. Он был членом 12-й Российской духовной миссии в Пекине и затем в сане архимандрита возглавлял 13-ю и 15-ю Миссии. В своей статье 1866 г., воспроизведенной в сборнике, он пишет об истоках и особенностях ислама в Китае и его связи с конфуцианством, о своих встречах с муллами-ахунами в пекинских мечетях. Он также сообщает об использовании в китайской исламской литургической традиции вплоть до XIX в. не только арабского, но и — что очень важно и интересно — персидского языка. Знание последнего очевидно уже утрачено мусульманами в самом Китае и тем более дунганями, переселившимися в свое время в Россию, хотя персидские слова сохраняются в языке тех и других. «Ахун знал по-арабски и по-персидски; тот и другой язык изучаются в мечетях совместно... Ахун показал мне несколько фолиантов, писанных на этих языках. Надобно полагать, что в мечетях, рассеянных по Китаю, и в частных библиотеках магометан хранится значительное собрание оригинальных арабских и персидских творений, принесенных в Китай с XIII в., т.е. со времени монгольского периода. Магометанский писатель Лю-цзе-лянь [Лю Цзелянь 劉介廉, 1669–1764], составляя книги свои о постановлениях и философии магометан, руководствовался 67-ю оригиналами разного содержания, которые он поименно пересчитывает в начале своих сочинений, причем замечает с сожалением, что многое еще потеряно и погибло в бедственное время, при падении минской и воцарении маньчжурской династии. Переведены на китайский язык с арабского и персидского языка немногие сочинения, большею частью нравственного или обрядового содержания. В числе книг, хранящихся в посещенных мною мечетях, я не нашел ни одной, писанной турецким или татарским языком, и не встречал ни одного ахуна, который имел бы понятие об этих наречиях», — свидетельствовал П.И. Кафаров.

В работе еще одного выдающегося российского ученого — академика В.П. Васильева (1818–1900) содержатся размышления о судьбе китайского ислама в связи с начавшимся на северо-западе страны мусульманским восстанием. Известное в России и на Западе как дунганское (дунганско-таранчинское), оно оказалось — как и наличие большого количества мусульман и мечетей в разных районах Китая вплоть до Цицикара на северо-востоке страны — неожиданным для европейцев вообще и западных миссионеров в частности. Вопреки общепринятой в то время (и добавим, до сих пор иногда встречающейся в литературе) точке зрения, подчеркивает В.П. Васильев, «приморские гавани не были рассадником

мусульманства», и что только с тех пор как магометанство прочно водворилось на севере, «природные мусульмане юго-востока стали превращаться в китайцев. А это событие не могло начаться раньше половины XIV столетия. Действительно к этому времени относится самая древняя магометанская надпись в одной из китайских мечетей в Кантоне».

О трагических эпизодах дунганско-гаранчинского восстания второй половины XIX в. на территории Илийского края, свидетелем которых он стал в пору своей молодости, подробно рассказывает живший в Кульдже сибинец. Перевел с маньчжурского языка и опубликовал в 1909 г. эти уникальные воспоминания российский дипломат А.А. Дьяков (1876–1940). Текст воспоминаний сверил с маньчжурским оригиналом и, что очень важно, составил комментарии известный востоковед, чл.-кор. АН СССР и позже действительный член Польской академии знаний В.Л. Котвич (1872–1944).

Восстанию в Синьцзяне и на территории Внутреннего Китая посвящена также работа военного врача, археолога, этнографа Ф.В. Пояркова (1851–1910), направленного служить в Туркестанский край после окончания Московского университета. В этой публикации, появившейся в 1901 г., автор рассказывает о вожде шэньсийских дунган-хуэйцзу Бай Яньху (Биянху) и о первых днях, пережитых измученными голодом и холодом переселенцами, среди которых было много стариков, женщин и детей, после пересечения ими российской границы. Он же сообщает о не всегда дружеском и даже жестоком отношении к дунганам русских и сартов, с одной стороны, и огромной помощи, которую оказали прибывшим российские власти, — с другой. До Токмака переселенцы добрались в первой половине января 1878 г., и уже через пять или шесть дней туда прибыл генерал Г.А. Колпаковский (1819–1896). Бывший в то время военным губернатором Семипалатинской области, он хотел «лично руководить первыми шагами их водворения в новом для них отечестве и дать необходимые указания уездной администрации для их устройства».

Повествование Ф.В. Пояркова о предшествовавших переселению дунган-хуэйцзу событиях в Китае охватывает территорию провинции Ганьсу, включая входившую в ее состав местность вокруг г. Синина (сейчас это административный центр провинции Цинхай), провинцию Шэньси и современный Нинся-Хуэйский АР, а также Синьцзян, куда перемещались восставшие и их семьи, теснимые правительственными войсками. В воспоминаниях — и об этом писал советский историк Л.И. Думан, опиравшийся в своих исследованиях на официальные китайские документы [Думан 1939], — есть много неточностей. К этому можно добавить, что имена собственные переданы в тексте не в пекинском произношении, на котором основана традиционная русская, или палладиевская, система записи китайских слов, а в местном, диалектном, что не всегда позволяет идентифицировать географические названия. Очевидно, именно этим произношени-

ем, привнесенным также в Синьцзян, владел русский переводчик, который выучил разговорный китайский язык в Кульдже и помогал Пояркову с китайскими материалами. Тем не менее свидетельства участников событий не только со стороны правительственных войск, но также и восставших несомненно представляют интерес и в наше время.

В еще двух работах Ф.В. Пояркова, первоначально опубликованных в 1903 и 1908 гг. и воспроизведенных в сборнике, идет речь об обычаях переселившихся в с. Каракунуз шэньсийских дунган, их одежде и особой кухне, отличной от кухни местных народов, об иногда весьма своеобразных китаизированных свадебных обрядах, только что привнесенных на территорию России. Система дунганских имен, которая была в значительной степени изменена особенно в советский период, оставалась в то время исходной китайской с параллельными исламскими именами. Дунганам, свидетельствует Ф.В. Поярков, свойственны трудолюбие и предприимчивость, необыкновенная порядочность и верность обязательствам, особое уважительное отношение к женщине — матери и хозяйке дома. «У дунганской женщины не замечается и следа той забитости и приниженности, какие наблюдаются у женщин других мусульманских народов, почему в умственном отношении дунганка стоит гораздо выше, чем другие мусульманские женщины. Отсюда мы видим, что на положении женщины у дунган бесспорно отразилось китайское влияние, несмотря на то, что они исповедуют ислам». При этом нельзя отрицать «и могущественного влияния исповедуемой дунганями религии, которой они преданы до фанатизма, и мы, хотя и вскользь, но уже не раз отмечали, каким громадным влиянием и значением у них пользуются ахуны и муллы, которым они безусловно доверяют».

Сведения о дунганских религиозных терминах и обрядах, возможно, уже частично утраченных не только в СССР, но и в самом Китае, можно найти в главе из книги 1904 г. И.В. Селицкого (годы жизни неизвестны), географа, военного инженера, служившего начальником Джаркентского участка (уезда) Семиреченской области (Джаркент — г. Панфилов с 1942 по 1991 г., в настоящее время — Жаркент, центр Панфиловского района Алма-Атинской области). Небольшой фрагмент о дунганах Илийского края в Синьцзяне содержится в посвященной Семиречью статье А.П. Хорошхина (1841–1875) — участника российских военных походов в Центральной Азии, автора многочисленных работ по топографии, этнографии и статистике Туркестанского края. «Дунгане мужественнее китайцев, — пишет Хорошхин, — но сохранили их физиономию, язык, одежду, многие житейские обряды и привычки, хотя все-таки отличаются от сынов Небесной империи суровостью жизни, чистотою нравов и храбростью».

Особого внимания заслуживают содержащиеся в публикуемых материалах И.В. Селицкого, Ф.В. Пояркова и прежде всего В.И. Цибузгина первые записи дунганских слов, фраз, образцов фольклора. В тот период, с одной стороны, дун-

гане еще не знали русского языка, результаты контактов с которым стали особенно заметны в советский период. С другой — разные дунганские диалекты не начали взаимодействовать друг с другом, а дети не изучали повсеместно в школе литературный язык, основанный на дидаочжоуской (линьтаоской) разновидности ганьсуйского диалекта. Интересно, что многие термины из дореволюционных работ (названия блюд, одежды, обрядов) не вошли в дунганские словари, по-видимому, не только потому, что последние были ориентированы на ганьсуйский, но не на шэньсийский диалект, который отражен в работах Ф.В. Пояркова и В.И. Цибузгина. (Джаркентские дунгане, о которых идет речь в работе И.В. Селицкого, говорят на одной из разновидностей ганьсуйского диалекта, очень близкой ирдыкской; см. [Завьялова 1979, с. 9].)

Часть своих записей, сделанных в с. Каракуруз с помощью первого дунганского школьного учителя Чжэбура Мацзиньяня (Джебура Мацзивана, Жебыра Мадживана в более поздних источниках), В.И. Цибузгин опубликовал в уже упоминавшейся статье 1909 г., написанной вместе с А. Шмаковым. В настоящем сборнике дополнительно воспроизведены уникальные материалы В.И. Цибузгина, которые сохранились в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Дунганские загадки и «Песнь о курильщиках опиума» были в свое время опубликованы в «Семиреченских областных ведомостях». Размноженное В.И. Цибузгиным на домашнем гектографе пособие по русскому языку включало переведенные на шэньсийский диалект сказки Л.Н. Толстого, басни И.А. Крылова, пословицы и поговорки, загадки, стихи, заимствованные из учебников русского языка конца XIX в.

Уже после распада СССР и с началом периода «реформ и открытости» в Китае дунганский язык по сути дела оказался в зоне распространения официально китайского языка *путунхуа*, который в последнее время начал повсеместно вытеснять большие и малые китайские диалекты как в самом Китае, так и среди китайских эмигрантов за пределами страны. Сотни молодых дунган едут в постсоветский период на учебу в высшие учебные заведения КНР, посещают Институты Конфуция в Киргизии и Казахстане, новые термины из *путунхуа* уже начали проникать в дунганские словари. Тем большую ценность в связи с этим приобретают ранние записи языка дунган, опубликованные в настоящем сборнике.

При подготовке текстов к изданию были сохранены многие особенности старой орфографии. В квадратных скобках даны отсутствующие в оригиналах слова или пояснения, принятые сейчас написания некоторых слов и соответствующие иероглифы. Все примечания (кроме тех, которые имеются в оригинальных публикациях и отмечены в этом издании фамилиями авторов) подготовлены О.И. Завьяловой и А.С. Бирюковой. Сведения об упоминающихся в текстах насе-

ленных пунктах приведены в конце книги (см. Индекс административных единиц на территории Китая).

Литература

- Вопросы 1937 — *Поливанов Е.Д., Яниансин Ю.Я.* Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1937.
- Джон 2010 — *Джон А.А.* Этнографические сведения о дунганах СНГ // Международное научное совещание по проблемам центральноазиатских дунган / Токийский университет иностранных языков, 2010. [Электрон. версия:] <http://refdb.ru/look/2830154-pall.html>.
- Драгунов 1932 — *Драгунов А.А.* Дунганский алфавит // Революция и письменность. 1932. № 1–2. С. 33–37.
- Драгунов 1940 — *Драгунов А.А.* Исследования в области дунганской грамматики. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу) // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVII. 1940.
- Драгунов 1952 — *Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. 1. Части речи. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952.
- Думан 1939 — *Думан Л.И.* Биянху — вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. (Историко-биографический очерк по китайским и советским архивным материалам) // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VII. 1939. С. 27–54.
- Дунганская энциклопедия 2009 — *Дунганская энциклопедия* / Гл. ред. М.Х. Имазов. 2-е изд. Бишкек: Илим, 2009.
- Завьялова 1973 — *Завьялова О.И.* Тоны в дунганском языке // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 109–119.
- Завьялова 1979 — *Завьялова О.И.* Диалекты Ганьсу. М.: ГВРЛ, 1979.
- Завьялова 1992 — *Завьялова О.И.* Сино-мусульманские тексты: графика — фонология — морфонология // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 113–122.
- Завьялова 1996 — *Завьялова О.И.* Диалекты китайского языка. М.: Научная книга, 1996.
- Завьялова 2010 — *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М.: Вост. лит., 2010.
- Имазов 1977 — *Имазов М.Х.* Орфография дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1977.
- Кадырбаев 2011 — *Кадырбаев А.Ш.* Народы Афганистана и СУАР КНР: история и современность // В поисках китайского чуда. Сборник статей, посвященных 80-летию Ю.В. Чудодеева. М.: ИВ РАН, 2011. С. 229–248.
- Кадырбаев 2013 — *Кадырбаев А.Ш.* «Мусульманские» языки и мусульманский культурный Ренессанс в Китае при Юань // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIII. Ч. 1. М., 2013. С. 222–229.
- Калимов 1951 — *Калимов А.* Грамматические особенности счетных слов, счетных суффиксов и единиц измерения в современном дунганском языке. Автореф. канд. дисс. Л.: АН СССР. Институт востоковедения. 1951.
- Калимов 1955 — *Калимов А.* Новый алфавит для советских дунган // Краткие сообщения ИВ АН СССР. Вып. XII. М., 1955. С. 77–82.

- Мансурова 2011 — *Мансурова А.А. Шон^{III}фу^{III}дёр^{1b}* (Белка) / Ред. Б.Р. Дуваза, изд. А.Ю. Сварова, Эльке Рехорн. Бишкек: ИД «Аль Салам», 2011.
- Русско-дунганский 1981 — Русско-дунганский словарь в трех томах / Ред. М. Имазов, А. Калимов, М. Сушанло, Я. Хавазов, Ю. Цунвазо, Я. Шиваза, Ю. Яншансин. Фрунзе: Илим, 1981.
- Синьцзян 2006 — Синьцзян — китайская земля: прошлое и настоящее / Ред. Ли Шэн. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006.
- Сушанло 1957 — *Сушанло М. К* вопросу о переселении части дунганского населения из северо-западного Китая в Семиречье (1877–1882) // Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР. Т. VIII. 1957. С. 129–136.
- Цибузгин 1909 — *Цибузгин В.И., Шмаков А.* Заметки о жизни дунган селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области // Записки Семиреченского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1909. № 4. С. 1–23.
- Юсупов 2004 — *Юсупов Р.* Священная книга Коран издана на дунганском языке // Дунгане. 2004. № 4. С. 85–86.
- Юсуров 1961 — *Юсуров Х.* Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1961.
- Яншансин 1938 — *Jan-šan-syn Ju. Gansyn de Šanši fonjan* (Ганьсуйский и шэньсийский диалекты). Фрунзе–Казань: Киргизгосиздат, 1938.
- Яншансин 1959 — *Яншансин Ю., Шинло Л.* Русско-дунганский словарь / Ред. А. Калимов. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1959.
- Яншансин 1968а — *Яншансин Ю.* Краткий дунганско-русский словарь / Ред. А. Калимов и М. Сушанло. Фрунзе: Илим, 1968.
- Яншансин 1968б — *Яншансин Ю.* Токмакский диалект дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1968.
- Бай Шоуи 1981 — *Бай Шоуи 白寿彝.* Сюй序 (Предисловие) // Гуланьцзин 古兰经 (Коран) / Пер. Ма Цзяня 马坚. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社, 1981. С. 1–4.
- Дин Минжэнь 2003 — *Дин Минжэнь 丁明仁.* Исылань вэньхуа цай Чжунго Исламская культура в Китае (Исламская культура в Китае). Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ 宗教文化出版社, 2003.
- Дунгань 2011 — Дунгань миньцзянь гуши чуаньшо цзи 东干民间故事传说集 (Сборник дунганских народных сказок и преданий) / Ред. и автор предисл. Б.Л. Рифтин, иероглиф. текст Хай Фэн 海峰, пер. предисл. Лянь Шушэн 连树声. Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ 上海文艺出版社, 2011.
- Ду Суншоу 1959 — Пиньинь вэньцзы яньцзю цанькао цзыляо цзикань. Дунганьйюй пиньинь вэньцзы цзыляо 拼音文字研究参考资料季刊. 东干语拼音文字资料 (Сборник справочных материалов по исследованиям в области алфавитного письма. Материалы об алфавитном письме для дунганского языка) / Сост. и пер. Ду Суншоу 杜松寿. Т. 1. Пекин: Вэньцзы гайгэ чубаньшэ 文字改革出版社, 1959.
- Ивата 2009 — *Ивата Рэй 岩田礼.* Цзотянь: Шоуэвэй чэнфэнь 昨天:首位成分 («Вчера»: первые морфемы слова) // Ханьйюй фаньянь цзеши диту 汉语方言解释地图 (Карта китайских диалектов с комментариями) / Ред. Ивата Рэй. Токио: Хакутэйся 白帝社, 2009. С. 92–93.

- Линь Тао 2003 — *Линь Тао* 林涛. Чжунъя дунганьёу яньцзю 中亚东干语研究 (Исследование языка среднеазиатских дунган). Гонконг: Сянган цзяоюй чубаньшэ 香港教育出版社, 2003.
- Линь Тао 2010 — *Линь Тао* 林涛. Цзиэрцзиси гунхэго дунганьёу шиюн цинкуан 吉尔吉斯共和国东干语使用情况 (Употребление дунганского языка в Киргизии). Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 中国语言生活状况报告 (2009) (Доклад о языковой ситуации в Китае в 2009 г.). Пекин: Шаньу иньшугуань 商务印书馆, 2010. С. 329–341.
- Линь Тао 2012 — *Линь Тао* 林涛. Нинся фаньянь гайяо 宁夏方言概要 (Диалекты Нинся). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 宁夏人民出版社, 2012.
- Ли Шуянь 1996 — *Ли Шуянь, Чжан Аньшэн* 李树巖, 張安生. Иньчуань фаньянь цыдянь 銀川方言詞典 (Словарь диалекта Иньчуаня) / Ред. Ли Жун 李榮. Нанкин: Цзянсу цзяоюй чубаньшэ 江苏教育出版社, 1996.
- Ма Цзин 2013 — *Ма Цзин, Ян Янь* 马景, 杨燕. Бай Шоуи сяньшэн юй сяоэрцзинь дэ яньцзю 白寿彝先生与小儿锦的研究 (Учитель Бай Шоуи и исследования *сяоэрцзинь*) // Хуэйцзу яньцзю 回族研究. 2013. № 1.
- Ми Шоуцзян 2004 — *Ми Шоуцзян, Ю Цзя* 米寿江, 尤佳. Чжунго исыланьцзю 中国伊斯兰教 (Китайский ислам). Пекин: Учжоу чуаньбо чубаньшэ 五洲传播出版社, 2004.
- Ни Дабай 1988 — *Ни Дабай* 倪大白. Хайнаньдао Санья хуэйцзу юйянь дэ шишу 海南岛三亚回族语言的系属 (Языковая идентификация языка *хуэйцзу*, живущих в Санья на Хайнане) // Миньцзу юйянь 民族语言. 1988. № 2. С. 18–34.
- Сун Сянь 2007 — *Сун Сянь* 宋岷. Цюаньчжоуган ши Чжунго дэ «алабо цзоулан» 泉州港是中国的“阿拉伯走廊” (Бухта Цюаньчжоуган — «арабский коридор Китая») // Цюаньчжоу вэньхуа юй хайшан сычюу чжи лу 泉州文化与海上丝绸之路 (Цюаньчжоуская культура и Морской шелковый путь) / Ред. Ли Ципин, Чжу Сюэюнь, Ван Ляньмао 李冀平, 朱学群, 王连茂. Цюаньчжоу: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2007. С. 170–189.
- Сюй Вэнькань 2005 — *Сюй Вэнькань* 徐文堪. Вайлайюй гуцзинь тань 外来语古今谈 (О заимствованных словах в прошлом и настоящем). Пекин: Юйвэнь чубаньшэ 语文出版社, 2005.
- Хай Фэн 2003 — *Хай Фэн* 海峰. Чжунъя дунганьёу яньцзю 中亚东干语研究 (Язык среднеазиатских дунган). Урумчи: Синьцзян дасюэ чубаньшэ 新疆大学出版社, 2003.
- Хай Фэн 2005 — *Хай Фэн* 海峰. «Дунгань» лайцзы тунькэнь ‘东干’来自屯垦 (Слово *дунгань* «дунгане» происходит от слова *тунькэнь* «военные поселения») // Сибэй миньцзу яньцзю 西北民族研究. 2005. № 1. С. 116–118.
- Хай Фэн 2007 — *Хай Фэн* 海峰. Дунганьёу юй хуэйцзу цзинтаньёу 东干语与回族经堂语 (Дунганский язык и литургический язык *цзинтаньёу*) // Синьцзян дасюэ сюэбао цзэнкань 新疆大学学报增刊. № 33. 2007. С. 138–139.
- Хань Чжуньи 2005 — *Хань Чжуньи* 韩中义. Сяоцзин пиньсе тиси цзици лопай чутань 小经拼写体系及其流派初探 (О письменной системе *сяоцзин* и ее вариантах) // Сибэй диэр миньцзу сюэюань сюэбао 西北第二民族学院学报. 2005. № 3. С. 12–13.
- Ханьёу 2008а — Ханьёу фаньянь дитуцзи. Цыхуэйцзюань 汉语方言地图集. 词汇卷 (Атлас китайских диалектов. Лексика) / Ред. Цао Чжиюнь 曹志耘. Пекин: Шаньу иньшугуань 商务印书馆, 2008.
- Ханьёу 2008б — Ханьёу фаньянь дитуцзи. Юйфацзюань 汉语方言地图集. 语法卷 (Атлас китайских диалектов. Грамматика) / Ред. Цао Чжиюнь 曹志耘. Пекин: Шаньу иньшугуань 商务印书馆, 2008.

- Ху Чжэньхуа 1989 — Ху Чжэньхуа 胡振华. Хуэйцзу юй ханьюй 回族与汉语 (Хуэйцзу и китайский язык) // Миньцзу юйвэнь 民族语文. 1989. № 5. С. 37–44.
- Ху Лун 2007 — Ху Лун 虎隆. Е тань ‘сяоцзин’, ‘кайдани’ 也谈 ‘消经’ ‘开以达尼’ (Рассмотрим также термины *сяоцзин* и *кайдани*) // Хуэйцзу яньцзю 回族研究. 2007. № 1.
- Ху Юньшэн 2005 — Ху Юньшэн 胡云生. Сяньчун гуаньси худун чжун дэ хуэйцзу жэньтун 三重关系互动中的回族认同 (Идентификация *хуэйцзу* в связи с тремя взаимосвязанными факторами) // Миньцзу яньцзю 民族研究. 2005. № 1. С. 47–56.
- Цзинь Сяоцзин 1989 — Цзинь Сяоцзин 金效静. Таньтань хуэйцзу шиюн дэ юйянь 谈谈回族使用的语言 (О языке, на котором говорят *хуэйцзу*) // Чжунго миньцзу 中国民族. 1989. № 2. С. 36–37.
- Цзинь Хуэй 1988 — Цзинь Хуэй 晋辉. Люэ тань чжуншици исылань — алабо вэньсюэ цзай Чжунго дэ чуаньбо хэ инсян 略谈中世纪伊斯兰 — 阿拉伯文学在中国的传播和影响 (О распространении и влиянии средневековой исламской литературы в Китае) // Чжунго исыланьцзю яньцзю вэньцзи 中国伊斯兰教研究文集 (Сборник работ об исламе в Китае). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 宁夏人民出版社, 1988.
- Цюаньчжоу 1985 — Цюаньчжоу исылань шици 泉州伊斯兰史迹 (Исламские памятники в Цюаньчжоу). Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ 福建人民出版社, 1985.
- Чжун Юаньсю 2001 — Чжун Юаньсю, Ма Цзяньчжао, Ма Фэнда 中元秀, 马建利, 马逢达. Гуанчжоу исылань гуцзи яньцзю 广州伊斯兰古迹研究 (Исследования исламских памятников в Гуанчжоу). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 宁夏人民出版社, 2001.
- Ян Чжаньу 2010 — Ян Чжаньу 杨占武. Хуэйцзу юйянь вэньхуа 回族语言文化 (Языковая культура мусульман-хуэйцзу). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 宁夏人民出版社, 2010.
- Dragunov 1931 — Dragunov A. “A Persian transcription of Ancient Mandarin” // *Bulletin de l’Académie des Sciences de l’URSS (Class des Humanités)*, 11, 1931: 359–375.
- Forke 1983 — Forke A. “Ein islamisches Tractat aus Turkistan” // *T’oung Pao*, 8, 1907: 1–76.
- Gorelova 2002 — Gorelova L.M. *Manchu Grammar*. Leiden–Boston–Köln: Brill, 2002.
- Rimsky-Korsakoff 1977–1978 — *Rimsky-Korsakoff Dyer Sv*. “Soviet Dungan Nationalism: A Few Comments on Their Origin and Language” // *Monumenta Serica*, XXIII, 1977–1978: 349–362.
- Rimsky-Korsakoff 1992 — *Rimsky-Korsakoff Dyer Sv*. “Karakunuz: An Early Settlement of the Chinese Muslims in Russia. With an English translation of V. Tsibuzgin and A. Shmakov’s work” // *Asian Folklore Studies*, 51: 243–279.
- Salmi 1984 — Salmi O. “The Aspectual System of Soviet Dungan” / Orpana, Terttu (ed.) // *Folia Fennistica and Linguistica*, 11. Tampere: University of Tampere, 1984: 83–119.
- Stuart 1998 — Stuart Olson J. *An Ethnological Dictionary of China*. Westport: Greenwood Press, 1998.
- Zavjalova 1978 — Zavjalova O. “Some phonological aspects of the Dungan dialects” // *Computational Analyses of Asian and African Languages*, 9, 1978: 149–159.
- Zavjalova 1983 — Zavjalova O. “A linguistic boundary within the *guanhua* area” // *Computational Analyses of Asian and African Languages*, 21, 1983: 1–24.
- Zavyalova 1999 — Zavyalova O. “Sino-Islamic language contacts along the Great Silk Road: Chinese texts written in Arabic script” // *Chinese Studies* (Ханьсюэ яньцзю 漢學研究) 1, 1999: 285–303.

SUMMARY

Language and culture of the Chinese-speaking Muslims Hui

The Chinese-speaking Muslims Hui are scattered all over the country, but nearly half of them live in the northwestern regions along the Great Silk Road and speak the Mandarin dialects of the Zhongyuan and Lan-Yin subgroups. Several varieties within these subgroups were brought to the Russian Empire by the Hui (Dungan) refugees after the defeat of the Muslim rebellion in northwestern China. In the Gansu dialect, there still exist some differences between its two variants spoken by the descendants of those Huizu who fled from Didazhou (modern Lintao in Gansu) and by those who later migrated from Suiding (modern Shuiding in Xinjiang).

Even in the 19th century, the mullahs in Beijing and in other regions of China preserved Persian texts in the mosques and could read them. In their everyday speech and in the liturgical language, the Hui still use not only Arabic, but also Persian loanwords and employ Persian letters in the Xiaojing (Xiaoerjing) Arabographic writing system.

Key words: Muslims Hui, language contacts, Silk Road, Zhongyuan dialects, Lan-Yin dialects, Dungan, Arabic, Persian.

Olga Zavyalova

Палладий [П.И. Кафаров]

О магометанах в Китае*

Петр Иванович Кафаров (в монашестве Палладий, 1817–1878) — выдающийся отечественный китаевед. По окончании Санкт-Петербургской Духовной академии был включен в состав 12-й Российской духовной миссии в Пекине (1840–1849). В сане архимандрита возглавлял 13-ю (1850–1858) и 15-ю (1864–1868) миссии. Изучал буддизм, ислам и христианство в Китае, а также историю монголов. Составитель фундаментального китайско-русского словаря, завершеного после смерти Кафарова дипломатом и переводчиком П.С. Поповым и изданного в Пекине (в 1888 г.). Именем архимандрита Палладия названа усовершенствованная им в словаре и до сих пор используемая система записи китайских слов — палладиевская, или традиционная русская, транскрипция**.

---

* [Кафаров] Палладий, архимандрит. О магометанах в Китае (с планом одной из пекинских мечетей) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866, с. 435–460.

** Использована литература: Юркевич А.Г., Ломанов А.В. Кафаров Петр Иванович // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2. М.: Вост. лит., 2006, с. 476–477.

Магометане, населяющие в значительном количестве внутренний Китай, носят у китайцев, подобно их единоверцам в Туркестане, название *хойхой*, или попросту *хойцзы*; веру их называют *хойцзяо* и *цзецзяо*¹, «верою запрещения», вследствие запрещения у мусульман вина и свинины.

Первоначально название *хойхой* прилагается было собственно к народу уйгуров, с которым Китай издавна имел частые сношения; впоследствии, потому ли что первые и главные представители ислама были из уйгуров или по привычке китайцев подводить чужеземцев под нарицательные категории, они стали обозначать под именем *хойхой* всех выходцев из Запада, исповедовавших магометанскую веру, без различия народа и племени. Это обобщение окончательно утвердилось с воцарением в Китае династии Мин в XV столетии².

Китайские писатели, благодаря неопределенности названия *хойхой* и неведению истории отдаленного Запада, относят появление магометанской религии в Китае к концу VI века по Р.Х. Китайские магометане не преминули воспользоваться этой ошибкой; один из писателей их в пространной биографии Магомета на китайском языке под годом 587 упоминает о посольстве от китайского государя в Аравию, к Магомету, с приглашением его в Китай. Магомет отказался и вместо себя послал свой портрет; однако ж изображение его впоследствии исчезло с полотна, чтобы не подать повода к обожанию его. Потом, в городе Сианьфу, старинной столице Китая, где найден памятник христианства³ времен династии Тан, открыт также и памятник магометанства в Китае, воздвигнутый будто бы в 742 г. В надписи на этом памятнике, между прочим, сказано, что вера Мухаммеда вошла в Поднебесную империю и распространилась в ней при династии Суй, в правление Кай-хуан⁴, т.е. между 581 и 600 годами. Наконец, между ки-

¹ В КНР в качестве официального названия ислама используется термин *исьяланьцзяо* (伊斯蘭教) — фонетическое заимствование из арабского языка + корень *цзяо* «учение». Ср. также ранее существовавшие собственно китайские варианты названий ислама: *тяньфанцзяо* (天方教) «небесное учение», *цинчжэньцзяо* (清真教) «чистое и подлинное учение», *хуэйцзяо* (回教) «учение хуэй», *цзецзяо* (戒教) «учение запрета».

² Об этнониме *хуэй* см. в статье О.И. Завьяловой: с. 10 наст. изд.

³ Речь идет о самом раннем памятнике христианства, обнаруженном в Китае, — стеле с текстом на китайском языке, установленной несторианцами в 781 г. в столице танского Китая — г. Чаньани (сейчас — г. Сиань). Перевод текста стелы на русский язык был сделан Е.И. Кычановым, см.: *Кычанов Е.И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Филология и история. Л., 1978, с. 76–85.

⁴ Кай-хуан (開皇) — девиз правления императора Вэнь-ди (文帝). Годы правления: 581–604, под девизом Кай-хуан с 581 по 600 г. и под девизом Жэнь-шоу (仁壽) с 600 по 604 г.

тайскими магометанами ходит небольшое сочинение о начале магометанства в Китае; в нем рассказывается, что в 628 г. китайский государь отправил посольство в магометанские страны (вариант: в Самарканд), которое привело с собой в Китай одного ученого чалмоносца в сопровождении 3000 *хойхой*; эти три тысячи магометан будто бы и положили основание магометанскому населению в Китае.

Все эти сказания, исполненные анахронизмов, объясняются притязаниями китайских магометан на древность их религии в Китае. Им казалось предосудительным молчание истории дома Тан об их вере, когда она упоминает о существовании в то время в Китае других религий: христианства, маздеизма⁵ и манихейства⁶. И мусульмане решились восполнить этот пробел. Правда, что при сношениях династий Суй и Тан с Западом в Китае тогда было много купцов и астрономов из тех стран, в которых впоследствии возобладал ислаимзм; но из того еще не следует, чтобы эти выходцы внесли с собой религию Магомета, которая еще не сложилась в ту пору или не распространилась на восток.

Первое знакомство китайцев с магометанством надобно полагать во времена династии Сун, с половины X в., когда магометане стали иметь торговые связи с Китаем Южным морем. Можно также с некоторою вероятностью допустить рассказ магометан, что в половине XI столетия в Китае появился потомок Магомета в лице бухарского владетеля Софэйр; он переселился сюда со всеми родичами своими, избегая будто бы смут, царствовавших в Мавареннагре⁷. К этому можно еще присоединить, что в XII в. на службе господствовавшего в северном Китае дома Гиньцев⁸ состоял огнестрельный полк из *хойхой*, вероятно, из персов и, может быть, магометанской веры.

Наконец, когда завоевания Чингисхана открыли широкий путь, чрез Среднюю Азию, между Востоком и Западом, вслед за завоевателями двинулись во вновь открытую страну, в Китай, из Сирии, Ирана, Мавареннагра и Уйгурии арабы, персы, тачжики и уйгуры, с семействами и целыми родами, в качестве военнопленных, добровольных переселенцев, ученых, ремесленников и торговых людей. Многие из них, люди более или менее образованные, пользовались важными

---

⁵ Маздеизм — название ряда древнеиранских религиозных систем, которые были распространены на территории Западного Ирана, Афганистана, Средней Азии. Восходит к имени верховного божества Ахурамазды. В III–VII вв. использовалось в качестве названия зороастризма.

⁶ Манихейство (摩尼教 *моницзяо*) — религиозное учение, основоположником которого был уроженец Персии Мани (216–274/276). Сочетало элементы зороастризма, специфическое понимание христианских и халдейско-вавилонских мифов. Было распространено на Ближнем Востоке в III в. После почти полного уничтожения манихейской церкви в Иране продолжило свое существование в Китае вплоть до династии Тан. Оказало здесь влияние на ряд учений.

⁷ Мавареннагр, современный вариант: Мавераннахр, — историческая область в Средней Азии по правому берегу Амударьи. В конце X — начале XI в. эта область была завоевана Караханидским государством.

⁸ Чжурчжэньская династия Цзинь 金, правившая в Северном Китае в 1115–1234 гг.

правами и особенным вниманием монгольских ханов, занимали высшие должности в правительстве, назначаемы были воеводами, губернаторами городов и правителями провинций Китая. При тех преимуществах, которые даруемы были им над жителями богатой Срединной империи, они не думали более о возврате на свою родину и оставались в Китае на всю жизнь. Из этих-то разноплеменных переселенцев магометанского исповедания образовалась главная масса китайских магометан. Благодаря фамильному преемству и выгодам промышленности и торговли они укоренились на китайской почве и сохранили свой особенный характер до сих пор, тогда как представители других религий и наций, *еликэунь* (христиане-несториане), *чжухуд* (иудеи), *боланьги* (франки), *лоли* (лури, цыгане) и др., давно уже исчезли или, как иудеи, исчезают.

Падение дома Чингисханидов в Китае и замена их национальной китайской династией не обрушились остракизмом на магометан; они уцелели. Новый политический порядок имел огромное влияние на внутреннюю организацию их общества. Уже не пользуясь прежним влиянием, замкнутые в стране, где на чужеземцев смотрели недружелюбно, и где всё, начиная с кумиров до всеобщего употребления свинины и вина, было противно духу исламизма, магометане имели время теснее сблизиться между собою, потеряли особенности разноплеменного происхождения и образовали замечательный народ или общину людей без национального единства, но твердо связанных узами религии. Такими они являются в эпоху нового переворота в Китае, в половине XVII столетия, кончившегося воцарением в Китае маньчжурского дома, — являются отдельным цельным племенем, глубоко сознающим себя и по духу совершенно независимым среди языческого населения края.

Здесь кстати заметить, до какой степени неточно называют китайских магометан татарами, как будто магометане суть не что иное, как татары. Последние составляют ветвь тюркского племени и не имеют ничего общего с китайскими магометанами ни по происхождению, ни по языку. Если в прежние времена и могла быть примесь к ним тюркского племени, то она поглощена массою магометанского населения в Китае и не оставила после себя следов. Ошибочно также смешивать в один народ китайских магометан и население подвластного Китаю Туркестана, который самым названием своим указывает на этнографическую особенность его жителей. Единственные представители татар находятся в Пекине; это небольшая колония яркендцев⁹, переселенная сюда в прошедшем столетии. Они живут отдельно и не смешиваются с китайскими магометанами. Последние называют этих туркестанцев чернокостыми, оставляя за собой наименование белокостных, т.е. благородных.

---

⁹ Яркендское ханство, также известное как Кашгарское ханство или Могулия, — государство в западной части Восточного Туркестана, существовало с 1514 по 1679 г. Позднее стало вассалом Джунгарского ханства и вместе с ним в 1759 г. было завоевано Цинской империей, образовавшей на соответствующей территории китайскую провинцию, получившую название Синьцзян.

С начала нынешней династии китайские магометане впервые, сколько известно, заявили себя, как следовало потомкам воинственных и ученых предков, оружием и кистью (пером).

Один из последних князей дома Мин, спасаясь от оружия маньчжуров, бежал в северо-западную часть Китая, где более всего густо магометанское население. Магометане приняли его сторону и произвели возмущение или участвовали в нем (сказания не ясны); однако ж оно было скоро усмирено.

Маньчжурское правительство не замедлило понять, что нелегко управиться с фанатическим племенем; поэтому оно постоянно отличалось терпимостью по отношению к магометанам. Много раз государи отвергали неблагоприятные проекты сановников о закрытии мечетей, запрещении печатания магометанских книг и включении магометанской веры в разряд сект, воспрещенных законами, и даже наказывали составителей подобных проектов. Они желали бы сгладить отличительные черты этого чужеземного населения и совершенно слить его с китайским, дабы тем предотвратить беспорядки от беспокойного племени. Однако ж китайские мандарины не понимали важности такой политики и часто позволяли себе произвол по отношению к магометанам. Здесь я коснусь события 80-х годов прошедшего столетия; оно причинило китайскому правительству много хлопот и магометанам ущерб.

В северо-западном углу внутреннего Китая рядом с первобытными обитателями края, полудикими тангутами, обитает магометанская колония уйгуров (из Хамила), по месту жительства называемая Салар, а по жилищам — Черноюртною. Со времени монгольского владычества саларцы имели свое управление в лице наследственного тысячника. По вере и религиозным обычаям они близки более к китайским магометанам, чем к туркестанцам, и если сохранили некоторые особенности в этом отношении, то это произошло от разобщенного положения их. Разделялись они на 12 *гунов* (кочевьев или родов, неизвестно), из коих в каждом был особый глава духовный; кроме того, был над всеми высший, особый глава веры. Раз появился между ними некто Ма Минсинь¹⁰, принесший с Запада некоторые нововведения касательно чтения и, может быть, истолкования Алкорана¹¹. Последователи его одевались в белое платье. «Китайские ахуны (мул-

---

¹⁰ Ма Минсинь (馬明心/馬明新) (ок. 1719 — 1781) — суфийский религиозный деятель. В пров. Ганьсу основал первое в Китае братство приверженцев правила *зикр-и джахри*, которое предписывает произносить вслух *зикр* — многократное повторение молитвенной формулы, содержащей прославление бога. О жизни Ма Минсиня до основания братства известно немного. Он проходил обучение в Средней Азии и Йемене, его учителем был Абд аль-Халик (ок. 1705 — 1740), который, в свою очередь, был последователем своего отца Абд аль-Баки. После 16 лет обучения Ма Минсинь вернулся в Китай. В 1781 г. обеспокоенные активностью братства цинские власти арестовали и казнили Ма Минсиня и нескольких его соратников. Впоследствии члены братства неоднократно выступали против цинской власти, участвовали в «дунганском» (мусульманском) восстании на северо-западе Китая (1861–1877).

¹¹ Употреблявшийся ранее в русском языке вариант названия Корана.

лы), — доносил после главнокомандующий А Гуй, — читают свои священные книги тихо и спокойно; Ма Минсинь хотел ввести чтение громкое, с помаванием головы и подпрыгиванием, как читают их в Туркестане». Различие это повело приверженцев той и другой сторон к ссорам и дракам. Тогда ближайšie маньчжурские власти вмешались в спор, приняли сторону защитников прежнего порядка и, не думая долго, схватили Ма Минсиня и заключили его в тюрьму. Раздраженные этим приверженцы его с яростью напали на своих противников, многих убили и отправились освобождать своего главу; встретив на пути отряд солдат, они перерезали их; потом напали на ближайший город (Хэчжоу), вырезали его гарнизон, запаслись порохом и двинулись на Ланьчжоу (в Ганьсу). Пекинский двор сильно встревожился известием об этом возмущении; он боялся за северо-западную часть Китая, где население магометан многочисленно. На место смут командирован был знаменитый в свое время А Гуй; приказано было отправить туда войска из столицы, из смежных с Ганьсу губерний, из Алашани и даже из Урумци. Дело, однако ж, обошлось без важных потрясений в крае. Глава возмущившихся, ученик Ма Минсиня, с горстью единомышленных фанатиков (их было не более тысячи человек), укрепился в одной кумирне на скалистом берегу Желтой реки [Хуанхэ]. А Гуй со своей армией целый месяц осаждал кумирню. Нельзя без глубокого чувства читать описание отчаянной борьбы осажденных и ужасов голода и жажды, изнуравших их силы; ничто не могло склонить их к сдаче, почти все они погибли в бою, в чаянии блаженства, которое обещал им вождь по смерти.

Последствия возмущения саларцев отозвались на всем китайском магометанстве. Правительство воспретило на будущее время путешествие магометан за западную границу с религиозной целью, допуск заграничных мулл в Китай и построение новых мечетей; в мечетях не дозволено держать пришлых; не дозволено также им иметь общих духовных глав.

С тех пор китайские магометане долго оставались в покое; восстания туркестанцев не производили между ними никакого гласного движения. Наконец, в последние годы они снова выступили на сцену; причиняемые ими смуты продолжаются несколько лет кряду. Главною причиной этих возмущений обыкновенно поставляют притеснения и обиды, какие терпят магометане от китайских чиновников. Пекинские магометане с негодованием рассказывают тому примеры, возмутительные для их религиозного чувства; местные правители в провинциях придумывают разные меры в видах незаконного побора с магометан. Некоторые из них устраивали в магометанских селениях общественные угощения, в которых употребляема была свинина, и предлагали одно из двух: или вкусить запрещенной их законом пищи, или откупиться от этого деньгами. Магометане, вообще отличающиеся характером беспокойным, легко принимают к сердцу подобные оскорбления и скоро переходят от слов к делу. Конечно, если бы законы

в Китае были настолько действительны, что могли оградить гражданские права и неприкосновенность религии магометан, то они могли бы быть более или менее мирными подданными маньчжурского дома. Однако ж, в последнем движении их нельзя признавать только обнаружения чувства ненависти и мести; несомненно тайное поджигательство китайских инсургентов, которые хотели бы перенести поприще действия на запад, дальше от вмешательства европейцев, и употребить в дело магометанское население как орудие для осуществления своих замыслов. Вслед за возмущением китайских магометан восстали и единоверцы их в Туркестане. Первые начали с того, что хотели укрепиться в крепости Дунгуань, стратегическом пункте, который служит воротами из внутренних провинций Китая в западные, но были вытеснены из этой позиции. Теперь, по-видимому, все силы их сосредоточились в Ганьсу, где поднялись также магометане *солэ*, вероятно, те же саларцы, о которых сказано было выше. Судя по беспощадной ярости, с которою магометанские инсургенты совершают дело опустошения и убийства, можно думать, что в восстании их нет другой цели, кроме изуверного джихада. Сами по себе и для себя они не в состоянии достигнуть важных политических результатов, потому что не могут надеяться на сочувствие и опору в китайском народонаселении; но для страны они причиняют новое бедствие, а для маньчжурского правительства, без того уже удрученного затруднениями всякого рода, новые страхи и опасения.

Я сказал выше, что с воцарением маньчжуров в Китае китайские магометане заявили себя также и по книжной части. Это время можно считать эпохою возрождения их письменности; до тех пор они не производили на свет, в Китае, опытов своей учености, кроме немногих переводных сочинений астрологического и медицинского содержания. С половины XVII в. они положили основание самобытной литературе на языке обитаемой ими страны, с двоякою целью: во-первых, чтоб уяснить для своих единоверцев догматы и предания исламизма, а с другой стороны, чтобы оградить свою религию от нападений и насмешек китайцев и даже показать превосходство ее над существующими в Китае религиозными учениями. Замечательно, что появление сочинений их в Китае совпадает с первыми письменными опытами европейских веропрповедников. Те и другие одновременно ухватились за конфуцианизм, господствующую здесь школу, по одинаковым причинам. Позитивизм конфуцианцев, пренебрегающий областью спиритуализма, довольствуется в сем отношении уцелевшими от древности отрывками религиозных воззрений, часто малопонятными и противоречащими, и оставляет широкое поле для построения любой системы. Магометанские писатели сравнивают конфуцианское учение с готовым материалом, из которого можно построить капище или мечеть. Они приняли также за правило, что в такой стране, как Китай, самое лучшее средство — действовать письменностью и соглашением своих идей с общепринятыми нравственными началами ученых китайцев. Эти взгляды были усвоены и иезуитами.

Первое магометанское сочинение в Китае¹², сколько мне известно, появилось в 1642 г. (автор Ван Дайюй)¹³; в нем нет ничего оригинально-магометанского; все приспособлено к нравственному учению конфуцианства, как будто то и другое учение основано на одних и тех же началах. Со счастливой руки Ван Дайюя начался ряд китайско-магометанских произведений, не прекращающийся и доныне. Излагать разнообразное содержание их, даже в общих чертах, здесь было бы неуместно. Ограничусь указанием на более или менее замечательных авторов.

Ма Чжи, по имени Юсуф, родом из Юньнани, в конце XVII столетия написал книгу под названием «Компас магометанской веры», состоящую более чем из 1700 страниц¹⁴. В ней собраны разные статьи по магометанской вере начиная от выспренных умозрений до самых мелких преданий исламизма. Писал он с целью представить свой труд императору Кан-си¹⁵, так как он слышал, что этот богдохан во время своего путешествия по Китаю заходил в одну мечеть и интересовался содержанием замеченных им там арабско-персидских оригиналов. Юсуф, по этим известиям, отправился в Пекин и здесь кончил свое сочинение, которому, по его словам, посвятил 35 лет своей жизни. В посвятельном адресе государю он доказывает превосходство магометанского учения и уверяет, что все непонятное в памятниках, завещанных глубокою древностью в Китае, можно объяснить только с помощью Алкорана. Юсуф тем не ограничился; считая себя сеидом¹⁶, он составил другой адрес государю с просьбою пожаловать ему какой-нибудь почетный титул вроде тех, какие даются потомкам Конфуция. Он доказывает свое происхождение от Адама в 95-м, а от Магомета в прямой линии в 45-м колене. Ни та ни другая попытка его выхлопотать титул и представить книгу государю не удалась ему, и он, как сам рассказывает, удалился из Пекина, обливаясь горькими слезами.

¹² Подробнее об упоминаемых в статье авторах см.: [Кафаров] Палладий, архимандрит. Китайская литература магометан. Изложение содержания магометанского сочинения на китайском языке под заглавием «Юй-лань-чжи-шен-ши-лу» (т.е. «Высоч. чит. жизнеописание святейшего», сост. китайским мусульманином Лю Цзе-лянь») // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. Т. 17. 1887, с. 149–188. Там же опубликованы переводы соответствующих сочинений.

¹³ Ван Дайюй (王岱輿, ок. 1548 — 1670) — переводчик исламских сочинений на китайский язык, знаток конфуцианства, даосизма и буддизма, автор трудов по исламу на китайском языке. Исповедовал ислам, изучал в детстве арабский язык и канонические книги ислама. Писал под псевдонимом «Истинно исламский старец» (真回老人 Чжэньхуэй лаожэнь).

¹⁴ Ма Чжи, Ма Чжу (馬注, ок. 1640 — 1711) — выдающийся исследователь ислама начала эпохи Цин. В 16 лет на императорских экзаменах *кэцзюй* уездного уровня получил степень *сюояя*. В 30 лет начал изучать персидский и арабский языки, был знаком с буддийскими сочинениями. Книга в 10 главах «Компас магометанской веры» («Цинчжэнь чжинань» 清真指南), завершенная в 1683 г., стала итогом многолетних исследований автора.

¹⁵ Кан-си (康熙) — девиз правления императора Сюанье династии Цин, на троне в 1661–1722 гг.

¹⁶ Сеид, сейид (араб. «господин») — почетный титул, даваемый потомкам пророка Мухаммеда.

Замечательны сочинения другого магометанского писателя — Лю Цзеляня¹⁷ (в начале XVIII в.). Он составил, между прочим, пространное жизнеописание Магомета (с предисловиями и прибавлениями, более 1300 страниц), постановления магометанские (500 страниц) и изложение магометанской философии (200 страниц). Это самый известный и более всех уважаемый китайскими магометанами писатель; они называют его апостолом веры. Вот как он сам отзывается о себе: «В восемь лет я прочел все конфуцианские книги; в шесть затем лет прочел магометанские книги; потом, в три года, буддийские; в год даосские; кроме того, прочел 137 книг европейцев (на китайском языке?); путешествовал по Китаю, посещая библиотеки и отыскивая наши книги. И много терпел от родных за свои исключительные и бесплодные, в материальном отношении, занятия». Произведения Лю Цзеляня суть самые отчетливые: китайский магометанин находит в них ясное изложение догматического и обрядового учения.

Опуская несколько других сочинений, я упомяну еще о произведении Цзинь Бэйгао¹⁸, который занимал в Пекине должность переводчика (в первой половине XVIII в.). Небольшое сочинение его «Об истинном значении магометанской религии» есть апология магометанства перед китайским народом, в которой автор довольно успешно отражает насмешки и укоры, которым подвергаются магометане в Китае; тон его замечателен спокойствием и умеренностью.

Народ, который отстоял своеобразные начала жизни и религии и показал опыты умственного труда в такой среде, в которой поглощены и исчезли не одно племя и не один народ с их национальностью и верой, заслуживал бы более точных статистических сведений, чем те, которыми мы владеем. Любопытно было бы знать численность магометанского населения в Китае; но в этом отношении невозможно сделать и приблизительных расчетов. Мне кажется только, что, принимая в соображение значительное число магометанских семейств в некоторых городах, согласно официальным данным, и прилагая его, в уменьшенных размерах, к другим местностям, населенным магометанами, можно предположить общее число магометан в Китае между тремя и четырьмя миллионами душ. Эта цифра составит немаловажное приращение к мусульманскому миру — приращение в людях, более или менее развитых, промышленных и предприимчивых.

Магометане главным образом населяют северную и северо-западную части Китая. Земледелием они почти вовсе не занимаются; в их руках находится вся торговля с Монголией рогатым скотом и лошадьми и мелочная распродажа их.

¹⁷ Лю Чжи (劉智), второе имя — Цзелянь (介廉) (1669–1764), сын известного исламского богослова Лю Ханьина (劉漢英), автор многочисленных трудов об исламе. Арабский и персидский языки изучал с детства, был хорошо знаком с конфуцианскими, буддийскими и даосскими сочинениями.

¹⁸ Цзинь Бэйгао (金北高), второе имя Тяньчжу (天柱) (ок. 1736 — 1795) — член императорской академии Ханьлин (翰林院), занимался изучением исламских и конфуцианских канонических книг, автор сочинения «Об истинном значении магометанской религии» («Цинчжэнь ши и» 清真釋疑).

В Шаньси они разводят опиум для внутреннего потребления, другие занимаются промышленностью средней руки. Они также владели монополией торговли ревенем в Кяхте. Богатых домов, как фирмы китайских компаний, по крайней мере в северном Китае, между ними нет, зато положительно можно сказать, что между ними нет ни одного без какого-нибудь промысла. Они обыкновенно живут в городах, отдельными общинами или кварталами при мечетях, в некоторых местах образуют целые деревни. Продовольствие они получают от своих единоверцев и тщательно берегут себя от осквернения в пище и питье при сношениях с китайцами. Последние редко посещают их общины, а мечети — никогда.

Исповедание китайских магометан есть суннитское. Говорят, что между ними есть и шииты; но ни лично, ни из расспросов, ни в их книгах, которых у меня было более 30, я не мог в том удостовериться. Они держатся ханифаитского¹⁹ толка. Ханифа²⁰, по времени, есть старший из четырех суннитских докторов²¹. Если верно, что в затруднительных случаях, когда нельзя найти решения сомнений ни в Алкоране, ни в Сунне (писаном законе), ни в хадисе (устном законопредании), Ханифа придает личным соображениям больше значения, чем другие три авторитета, то эта черта магометанской казуистики очень уместна в Китае, где при условном положении магометан часто представляются поводы к недоумениям. Но приписываемая ханифаитскому толку ревность к джихаду, или войне с неверными, несвойственна магометанским подданным богдохана. Конечно, тонкости толков доступны только духовным руководителям магометан, ахунам и имамам; простой народ исполняет только одну особенность ханифаитского толка, именно, не омовение, а обливание пред молитвою. Иногда мелкие различия в обрядах, по обычаям четырех толков, производят между здешними магометанами довольно важные несогласия. Так, в прошедшем столетии, еще до восстания саларцев, из-за способа чтения Алкорана в недрах китайского мусульманина²² возникли споры о лунном счислении, о земном поклоне после поклонения уйтар, о снимании туфлей при некоторых обрядах и т.п. вопросах, приобретших в то время большую гласность. Более всего наделало шума нововведение, состоявшее в том, что некоторые, при обязательном воззвании: «Нет Бога, кроме Бога (*ла илаха илла-ллах*)», — стали поднимать вверх указательный палец, вероятно, в знамение единства Божия (при слове *ла илаха* поднимали, при *илла-ллах* опускали палец); другие вместо одного поднимали три пальца. Начались прения и образовались партии, сторонники которых вступали в явную вражду между собою и не посещали мечетей одна у другой партии. Борьба не имела бы миро-

¹⁹ В современном варианте: «ханафитского».

²⁰ Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит ибн Зута (699–767) — исламский богослов, основатель одной из четырех суннитских правоведческих школ — ханафитского мазхаба.

²¹ В суннитском течении ислама существуют четыре богословско-правовые школы-мазхаб: маликитская, шафиитская, ханафитская и ханбалитская.

²² Так в тексте.

любивого исхода, если бы, как можно догадываться по некоторым данным, не явился ахун из Бухары, следственно высокий авторитет, который порешил вопрос в том смысле, что при воззвании не следует поднимать пальцев. По справке оказалось, что этот обычай существовал у последователей толка Шафира²³, а не Абу Ханифы.

Мечети называются по-китайски *либайсы* и являются местом поклонений: они строятся с востока на запад, по направлению к Мекке; минарета при них не бывает, вместо него устроится возвышенный павильон (под именем лунного) для наблюдения новой луны; вместо турецкой луны наверху мечетей обыкновенно водружается позолоченный шар. При мечетях особенное место назначено для училища, которое в праздничные дни, за неимением других помещений, служит обливальною; поэтому оно бывает заставлено рядами медных чайников с водою. Мечеть обыкновенно служит местопребыванием имама и ахуна. Имам, первостоятель в общественных молитвах, поступает в это звание из местных прихожан и отвечает пред полицией за порядок в мечети. Ахун, то же что мулла, избирается и посвящается из мусульман более или менее ученых и часто приглашается общиной издалека. При монгольской династии они назывались ташиманами; во времена династии Мин было известно название муллы (*маньла*), а ныне у магометан и у китайцев воспреобладало персидское наименование ахун (*ахунд*), вероятно, по численному превосходству магометан персидского происхождения.

В Пекине считается 13 мечетей; мне случалось быть в некоторых из них и познакомиться с ахунами и имамами. В первый раз, как я посетил одну мечеть, меня ввели в небольшую опрятную комнату, где сидел на кану, на тигровой коже, поджав ноги, молодой ахун приятной наружности с небольшой белой чалмой на голове. При нем был мальчик сын, которого он учил арабской грамоте. Узнав, что я из дальней западной стороны, он с живым любопытством расспрашивал о судьбе Руми²⁴, из которого, по его словам, вышли его предки; однако он не мог взять в толк перемен, происшедших в Западной Азии. Он выразил чрезвычайную симпатию к русским, когда узнал, что у нас магометане пользуются совершенною свободою вероисповедания. В первое ко мне посещение ахун, желая показать мне свое знакомство с христианством, разом высказал мне все магометанские бредни о лице Иисуса Христа и о христианской вере. Христиан он, как и все грамотные магометане, называл по-книжному, *тэрса*, а Иисуса Христа — *Эррса*.

---

²³ Скорее всего, архим. Палладий имеет здесь в виду одну из школ шариятского права в исламе — шафиитский мазхаб, основателем которой являлся Абу Абдаллах Мухаммад ибн Идрис аш-Шафи (у Палладия — Шафир).

²⁴ Рум — персидское и арабское название Конийского (Сельджукского) султаната. Конийский султанат образовался в 1077 г. на территориях, отвоеванных турками-сельджуками у Византийского государства. Начиная с 1231–1232 гг. на территорию султаната начались набеги монголов, в 1243 г. они захватили часть земель, что привело к его упадку и распаду на мелкие княжества к 1307 г.

Вообще, в частных сношениях с иностранцами магометане любезны и приветливы, зато в сочинениях своих являются противниками христианства.

В другой мечети я встретил такой же ласковый прием. Ахун ввел меня в мечеть китайской архитектуры, но с поперечными перегородками внутри, в которых устроены деревянные пилястры; посреди храма висела европейская люстра; в северо-западной части возвышалась кафедра; в глубине храма, на западе, полукруглое святилище отгорожено было низкой балюстрадой. Ахун без церемоний отодвинул ее ногой, чтобы ввести меня в пустое святилище; оно ничем особым не отличалось, кроме того, что стены его были испещрены арабскими надписями (изречениями из Корана), вырезанными из золоченой бумаги и наклеенными на стене. Впрочем, такие надписи виднелись и в других местах, по стенам мечети. В притворе мечети, на востоке, стоял стол со дщицею, на которой вырезана была обычная надпись многолетия царствующему императору; перед дщицей стояла жаровня с потухшими курительными свечами. Ахун уверял меня, что это чествование особы иноверного государя в доме молитвы, обязательное для всех больших кумирен и монастырей в Китае, не заключает в себе ничего предосудительного, и заметил при том, что в хотбе²⁵ он упоминает и о богдохане.

Ахун знал по-арабски и по-персидски; тот и другой язык изучаются в мечетях совместно, но произношение уже испорчено. Живя в Китае, магометане отвыкли произносить *p* и гортанные звуки арабские и заменили первое звуком *л*, а последние звуком *х*. Ахун показал мне несколько фолиантов, писанных на этих языках. Надобно полагать, что в мечетях, рассеянных по Китаю, и в частных библиотеках магометан хранится значительное собрание оригинальных арабских и персидских творений, принесенных в Китай с XIII в., т.е. со времени монгольского периода. Магометанский писатель Лю-цзе-лянь, составляя книги свои о постановлениях и философии магометан, руководствовался 67-ю оригиналами разного содержания, которые он поименно пересчитывает в начале своих сочинений, причем замечает с сожалением, что многое еще потеряно и погибло в бедственное время, при падении минской и воцарении маньчжурской династии. Переведены на китайский язык с арабского и персидского языка немногие сочинения, большею частью нравственного или обрядового содержания. В числе книг, хранящихся в посещенных мною мечетях, я не нашел ни одной, писанной турецким или татарским языком, и не встречал ни одного ахуна, который имел бы понятие об этих наречиях. Здешние магометане называют Алкоран *фургани* (ел-

---

²⁵ Хотба, хутба (у китайских мусульман-хуэйцзу — хутубан 呼圖邦) — молитва, читаемая в мечети специальным лицом — хатибом во время пятничного полуденного богослужения, а также в дни больших праздников и по особым случаям (о даровании победы мусульманскому воинству, об избавлении от засухи, голода, эпидемий и т.д.). В средние века была также молитвой о здравии халифа или местного государя.

фуркан — различие, т.е. дозволенного и недозволенного, и т.п.). Ахуны тщательно списывают его и распределяют в 30 тетрадей; переводить текст его на китайский язык считают недозволенным, исключая ссылок на него в книгах. Изречения из Корана без числа украшают стены магометанских жилищ и вырезаются на камнях. В жилищах ахунов я замечал карты Мекки и Медины, с проведением пути от Китая до Аравии и с означением небывалых памятников в священной стране. С тех пор как пилигримство сделалось слишком затруднительным, ахуны установили, что оно возмещается постоянным посещением мечети и годовою жертвою гурбан²⁶. На стенах в магометанских жилищах я видел также печатное, в виде объявления, описание наружных красот Магомета, по-арабски, с китайским переводом; в нем заверяется, что кто по этому описанию будет постоянно представлять себе лик пророка, тот избавится от многих бедствий. Это явное подражание суеверным и лживым вывескам буддистов и даосов.

Ахуны участвуют в главных фамильных событиях благословением и молитвами. По рождении младенца на третий день приглашают ахуна, который с молитвою дует на новорожденного три раза и дает ему мусульманское имя. Он есть главное лицо при совершении брачных договоров, равно совершает отпевание умерших. Ахун сам посвящает другого в сан ахуна. Раз я был свидетелем благословения, данного одним ахуном вновь поставленному в это звание ученику его. Последний стал перед старшим на колена, и учитель прочел что-то по-арабски, перекрестив свои руки с руками новопосвященного; левыми руками они поддерживали локти правых рук один у другого и взялись кистями правых рук в уровень с лицом; этот способ приветствия употребляется китайскими магометанами и в других торжественных случаях.

Китайские магометане, пребывая несколько столетий в Поднебесной империи, незаметно подчинились ее влиянию в тех обычаях, которые собственно не имеют религиозного значения. Браки их обставлены китайскими церемониями. В брачные союзы они вступают только со своими единоверцами; но в крайности они берут побочных жен из китайянок. Этим последним обстоятельством, вероятно, надобно объяснять изменение типа лиц у китайских магометан в полукитайский. При погребениях у них наблюдается некоторая помпа, но без музыки, употребляющейся при китайских похоронах; вместо того перед гробом несут несколько курильниц с возжженными благовониями. Для покойников они не готовят гробов, а пользуются, на время, готовыми, которые обыкновенно стоят в мечети и в которых доносят покойников до могилы. Тело умершего обертывается простынею со слоем камфоры и других ароматов; его кладут или, лучше сказать, усаживают в особой пещерке, вырытой в глубине могилы, в боку, лицом на запад.

---

²⁶ Гурбан, курбан (тюрк., у китайских мусульман — *гурбан* 古爾邦) — жертвоприношение копытного животного, в частности, во время праздника Курбан-байрам.

Магометанские мужчины и женщины усвоили китайский костюм; последние переняли у китайцев обычай связывать свои ноги с малолетства. Ахуны и имамы также носят китайское платье, с тем различием, что не надевают сапогов, а ходят в башмаках, которые снимают с ног при вступлении в мечеть для молитвы, причем обертывают голову небольшим куском белого холста. Женщины не ходят в мечети для молитвы, исключая дней поста.

Ахуны строго наблюдают счет лунных годов и месяцев, начиная счисление годов от геджры²⁷, которую они переводят переселением, а иногда перенесением столицы Магомета из Мекки в Медину. Каждый год издается, на желтом листе, календарь с показанием магометанских праздников соответственно китайским месяцам и числам. У них нет вставочной луны, как у китайцев, потому начало нового года, или, как они называют, конец поста их, проходит постепенно по всем месяцам китайского года.

Китайские магометане не считают предосудительным состоять на службе у китайского правительства, большей частью в качестве незначительных мандаринов, что не обязывает их к исполнению обычаев, противных их вере, как то: жертвам духам, поклонению теням знаменитых мужей и т.п. Впрочем, есть примеры, что магометане занимали и занимают высшие места. Губернатор губернии Чжэцзян Ма Синь²⁸ — магометанин, и единоверцы нисколько не считают его за то ренегатом. Некогда они долгое время заседали в пекинском астрономическом трибунале и пользовались вниманием двора, до тех пор пока ученые иезуиты не сменили их в этом звании.

Запрещение вина у китайских магометан так же строго, как и в других мусульманских странах, но также не всегда соблюдается. Странно, что они подвергают запрещению и табак, тогда как персияне и турки не могут обойтись без кальяна и трубки. Юсуф, о котором я уже говорил, замечает в своем сочинении, что табак есть произрастание египетское; Магомет, раз увидев его, покачал головою, а этого было достаточно, чтобы положить на табак запрет. Знакомый мне ахун объяснял вопрос несколько иначе, он уверял, что Магомет запретил употребление хашиша, следовательно, и табака, который по своему действию походит на это зелье.

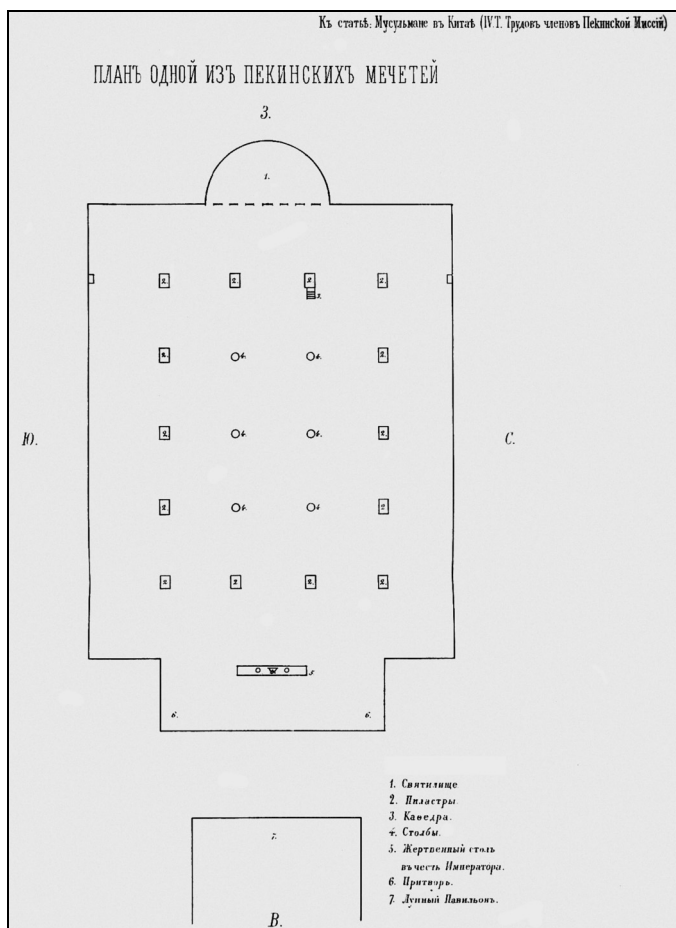
Сделаю еще заметку об уважении, какое оказывают здешние ахуны и имамы к желтому цвету. Говорил мне об этом один имам, добродушный старик лет 70; причем прибавил, что единственная печаль его в преклонных летах была о том, что он нигде не мог добыть желтого сафьяна для туфлей, что придало бы ему вид совершенного мусульманина священной родины Магомета. Имам предпочитал желтый сафьян китайским тканям того же цвета не только потому, что последние

---

²⁷ Геджра, хиджра — переселение пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. Именно с этого года начинается отсчет исламского лунного календаря.

²⁸ Ма Синь (馬新貽 1821–1870) — известный цинский генерал, мусульманин-хуэй, военный и политический деятель.

приготавливаются руками идолопоклонников, но также и потому, что сафьян, как он слышал, есть изделие магометан (казанских). Хилый старик рассказал мне также о своих путешествиях по Китаю. Между прочим, был он в Маньчжурии, куда ходил для назидания и совершения молитв для ссыльных магометан. Примеры подобных странствований китайских магометан нередки; ахуны и грамотеи их переходят из одной общины в другую, учащают взаимные сношения между их единоверцами, переносят вести и поддерживают единомыслие во всем магометанском населении. Ни один магометанин не лишается приема и вспоможения в первом попавшемся магометанском селении или доме; заповедь о милостыне по отношению к их единоверцам исполняется в полном размере. Оттого писатели их печатно вызывают китайцев найти между магометанами хоть одного бедного человека.

В.П. Васильев

О движении магометанства в Китае

Васильев Василий Павлович (1818–1900) — российский китаевед, профессор Казанского (1851–1855) и Петербургского (1855–1900) университетов, академик Петербургской академии наук, декан Восточного факультета Петербургского университета. В 1840 г. был прикомандирован к Русской духовной миссии в Пекине, в течение девяти с лишним лет изучал санскрит, китайский, монгольский, тибетский и маньчжурский языки. Многочисленные труды посвящены китайскому буддизму, истории Китая, китайской письменности и китайской литературе. Выдающимся ученым и педагогом были подготовлены грамматики и хрестоматии, изданы учебные пособия, разработана оригинальная графическая система расположения иероглифов в словарях (система Васильева–Пещурова–Розенберга–Колоколова). Обширное рукописное наследие В.П. Васильева хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 775. Оп. 1)*.

---

* Речь под названием «Движение магометанства в Китае» В.П. Васильев произнес 2 декабря 1866 г. на годовичном торжественном акте в Санкт-Петербургском университете (Архив Академии наук СССР. Обзорные архивных материалов. Т. IV. Под ред. Г.А. Князева, Г.П. Блока, Т.И. Лысенко. М., 1959, с. 254–256). В 1867 г. речь была воспроизведена в сборнике, посвященном этому мероприятию, к тексту была приложена переведенная В.П. Васильевым прокламация на китайском языке (Годич-

ный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 2 декабря 1866 г. [СПб.,] 1867). Позже соответствующий текст был опубликован в сборнике работ В.П. Васильева (Магометанство в Китае // *Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи.* СПб., 1900, с. 106–138), а в советское время переиздан академиком В.В. Бартольдом (*Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П. Васильева*) // *Бартольд В.В. Сочинения.* М., 1977. Т. IX, с. 625–626). Здесь воспроизведен исходный вариант выступления, который в рукописном виде хранится в библиотеке ИВР РАН ([*Васильев В.П.*] О движении магометанства в Китае Профессора В. Васильева. [Б.м., б.г.]. 30 с.).

Использованная литература: БСЭ (М., 1971). Т. 4, с. 324.

Китай сделается ли мусульманским государством? Вот вопрос, который мы предположили исследовать в настоящей речи.

Понятно, что подтверждение того, что мы поставили еще только в виде вопроса, представляет факт всемирной важности. С обращением Китая, страны, населенной по крайней мере третью всего человеческого рода, к мусульманству изменятся все политические отношения государств древнего мира. Мусульманский мир, раздвинувшийся от Гибралтара до Восточного океана¹, снова может поднять свою голову, снова будет угрожать христианству; мирная деятельность китайской нации, деятельность, в которой нуждается весь остальной мир, в руках энергической и фанатической политики может обратиться в тяжелое ярмо для других наций.

Но не одна перемена политического мира зависит от осуществления этого факта. Если мыслитель не может при этом не убедиться еще более в живучести идей, родившихся на Западе², в торжестве их пред бездушными умозрениями Востока, то тот же мыслитель не может не задуматься над преградами, которые человечество испытывает в своем стремлении к прогрессу, основанному на науке и истинном просвещении.

Так, недавно еще можно было сказать, что самое огромное и сильное государство Востока недалеко от полного сближения с идеями Европы. Китайцы стали оценивать и уважать европейскую науку, миссионеры нашли свободный доступ в

¹ Русское название Тихого океана.

² Под Западом мы разумеем и азиатские владения Персии и Турции. — *Примеч. В.П. Васильева.*

страну. И кто предполагал, что христианские веропрповедники встретят здесь не язычников, всегда более доступных голосу истины, но наэлектризованных поклонников Магомета!

Мы понимаем изумление, производимое подобного рода вступлением. Не только европейцам, ознакомившимся с Китаем по описаниям путешественников, но даже и самым известным синологам, конечно, никогда не приходило в голову возможности предполагать подобное событие. Пересмотревши и прочитавши всю китайскую литературу, мы едва найдем несколько строк о мусульманах в Китае, и можно сказать, наверное, что до настоящего времени сами китайцы и их правительство очень мало заботились о существовании этой веры, пришедшей с Запада. Но такова бывает и не на одном Востоке судьба всех великих переворотов; зародыш их никогда не обращает на себя внимания. Китайская литература позаботилась внести в свои списки всякого студента, всякого чиновника, она не пропускает ни одного физического феномена, дает описание вышины и толщины всякой городской стены, пространства каждого здания, наконец, китайская география записала имена всех инородцев, населяющих Китай, и в то же время она не заметила, как миллионы соотечественников обращались к исламу!

Вопрос мусульманский в Китае вырос до вопроса, занявшего даже европейскую прессу, только в последние три или четыре года. После того как Китай, в продолжение 15-ти лет потрясаемый инсurreкцией тайпингов³, грабежами няньфеев⁴, вторжениями горцев и еще более губительными повсеместными разбоями, мщением враждующих сторон, стал было успокаиваться — в северо-западных провинциях его начинается новое своеобразное движение, и мусульмане этих стран выступают на сцену. При первых успехах мусульмане провинции Шэньси чуть не берут главного провинциального города Сиань-фу и проникают даже до р. Хуанхэ, но вытесненные оттуда держатся до сих пор в другой западной провинции Ганьсу. Хотя китайская провинция и равняется любому европейскому государству пространством и количеством народонаселения, но лишение одной провинции, конечно, не представляло бы никакой серьезной опасности для нынешней династии, если бы к западу от этой провинции не лежали пространные земли Туркестана и Цзюнгари⁵, перешедшие также в руки китайских мусульман. Положим, что пекинский двор отнимет у них китайскую провинцию, но движение далее на запад, на пространстве нескольких тысяч верст, представит серьезные затруднения и не для китайской армии. А как трудно для нынешнего правительства, истощенного постоянными возмущениями, не имеющего средств

³ Тайпинское восстание (1850–1864) — крестьянская война в Китае против маньчжурской династии Цин.

⁴ Няньфеи (няньфэи) (捻匪), няньданы (捻黨) — участники Няньцзюньского восстания (1853–1868), известного также как восстание «факельщиков». В 1864 г. часть восставших объединилась с остатками тайпинских войск.

⁵ В современном варианте — Джунгария.

к удовлетворению самых насущных потребностей, восстановить свое владычество на всем пространстве прежних владений, об этом можно заключить из следующего факта: независимо от борьбы с мусульманами внутри Китая, богдыхан (император) с обычным на Востоке тщеславием объявил в предпрошлом году об отправлении не менее как стотысячной армии для отнятия у инсургентов Туркестана и Цзюнгари. Верный своей хвастливости он назначил даже главнокомандующего этой армией некоего Ляньцзе, потом постоянными указами преследовал его за медленность, укорял, зачем он не двигается вперед. Умер Ляньцзе, и подчиненные его доносят, что вся его армия налицо состояла из 228 человек пехоты и 61 — конницы!

Мусульмане, оставленные на просторе в Туркестане и Цзюнгари, образовав[шие] там огромное царство, конечно, будут постоянно угрожать собственному Китаю, в котором будут рассеяны их единоверцы. Но если бы даже и эти страны возвращены были вновь под китайское владычество, то ослабело ли бы от этого мусульманство?

Вопрос, нами поднятый, отодвинулся бы только на несколько лет, положим десятилетий, даже на столетие, но магометанство продолжало бы в это время разрастаться, т.е., поняв еще свою относительную слабость, оно стало бы только выжидать снова момента благоприятного осуществить те стремления, которые проявились в нем в современную эпоху.

Мы говорим не о тех мусульманах, говорящих наречиями тюркского языка, которые живут на огромном пространстве Восточного Туркестана начиная от Хами (Комула) до Кашгара и Яркенда, за которыми, далее на запад через Коканд, Бухару, Персию и турецкие владения магометанство достигает Гибралтарского пролива. Китайские подданные мусульмане-турки не могут иметь никакого влияния на переворот, готовящийся миру. Судьба осудила их на страдательную роль, которой они с исторической верностью подчиняются в продолжение тысячелетий, всегда оставаясь в зависимости от окружающих их соседей, постоянно враждуя между собой, как только ослабеет эта зависимость. Правда, китайское правительство придавало до сих пор большое значение всем ничтожным вспышкам беспокойных своих подданных турецкого происхождения, написало и издало целые тома об их покорении и усмирении, что часто давало повод и европейским синологам изучать мелочные перевороты и потрясения как важные факты. Но край, сам по себе интересный во многих отношениях, останется, по крайней мере, надолго без политического значения в остальном мире. Скажем только мимоходом, что незначительный отрывок тюркского племени, принадлежащий, однако, не этому Туркестану, а Монголии, живет до сих пор внутри собственного Китая и вместе с мусульманством сохраняет еще свой собственный язык. Мы говорим о саларах в провинции Ганьсу, на границах с Тибетом. Но и эти салары несмотря на значение, приписываемое им нашими агентами в киргизских степях,

несмотря на свой подвижный, дикий характер, не могут ничего значить в судьбах китайской нации. Конечно, если бы дело шло о простом завоевании, то мы не решились бы оспаривать возможности значения в Китае каких бы то ни было *инородцев*. Турки Хамула и Кашгара или, например, эти сейчас упомянутые сарлары, почему бы в самом деле они и не могли сделаться завоевателями Китая, когда мы видим же удачу в этом монголов или даже маньчжуров, племен в свое время более ничтожных и невежественных.

Но все такие победители Китая были побеждаемы образованием своих побежденных подданных. Здесь же речь идет напротив о том, что победители заставят Китай переродиться, бросить свои тысячелетние убеждения, отказаться от своего направления, поддерживаемого тысячелетиями, одним словом, изменят дух страны!

А такими победителями и вместе преобразователями могут быть только сами же китайцы, и такими *передовыми деятелями* китайской будущности и являются именно те мусульмане, которые в настоящее время вдруг как будто выросли из земли, а между тем имеют такую твердую почву.

Принимать ли предков их за чистых арабов, как хотят уверить нас сами же мусульмане, или, основываясь на туземном китайском названии мусульман, за уйгуров, нацию, игравшую незначительную роль в Средней Азии, но сделавшуюся более влиятельной в слиянии с тангутами, но каково бы ни было их первоначальное происхождение, мы имеем здесь дело с теми же китайцами, и по языку, и по наружности, только принявшими магометанство, китайцами, которые, следовательно, ничего не желают более от своих соотечественников, как чтобы они приняли участие в благах той религии, которую они сами исповедуют и которую хотят сделать господствующей во всем Китае.

Эти мусульмане-китайцы не ограничиваются одним только районом настоящего восстания. Напротив, они являются рассеянными по лицу всего Китая.

Несмотря на бедность китайских источников, мы можем представить уже по одним сведениям, собранным нами еще во время пребывания в Пекине, по вопросам от бывшего здесь лектором китайца-мусульманина Абдекаримова и по данным, известным из китайских газет, довольно грандиозную картину распространения в Китае магометанства.

Занятая в настоящее время взбунтовавшимися мусульманами провинция Ганьсу может по справедливости почесться очагом китайского мусульманства. Здесь в одном округе Хэчжоу считается более 1300 мечетей, в главном городе провинции Ланьчжоу с окрестностями число этих мечетей доходит также до тысячи. По этому можно судить и о развитии мусульманства в других департаментах той же провинции. Мы знаем, что один из самых главных торговых городов на Хуанхэ — Нинся, древняя столица тангутов, населен главным образом мусульманами, и китайские газеты за последнее время подтверждают эти сведения. Еще с большей верностью можно сказать о преобладании мусульманства в департаменте Лянчжоу-фу, самой северо-западной части Китая, еще более о землях, лежащих ме-

жду Хами и Великой стеной. Судя по нашим картам, мы представляем обыкновенно на с[еверо-]з[ападе] от Великой стены пустыню, но на деле выходит совсем не так; это великий торговый путь, первый во всей Средней Азии по своему значению. Он обставлен селениями, постоялыми дворами и мечетями, потому что, по рассказам всех путешественников, здесь все жители — мусульмане.

Как важно значение провинции Ганьсу для мусульманства, так понятно, почему эта провинция более других населена мусульманами. Она ближе всех к мусульманскому миру, который из Арабии, Персии, Бухары, даже из нашей Казани, во времена ее независимости, сообщался с Китаем чрез Хами и далее на в[осток] путем, сейчас нами описанным. Следовательно, здесь же в первый раз должны были появиться и первые миссионеры мусульманства. Но, кроме того, есть и еще одна характеристическая черта этой провинции: в древние времена она не составляла земли чисто китайской; отбитая у тибетцев и жителей Монголии, она не только не лишилась прежних своих поселщиков, но и подвергалась постоянно наплыву из соседних инородческих местностей; этот наплыв продолжался до 16-го столетия.

Но мы находим мусульманство распространенным и в других местностях. В провинции Шэньси, где получило начало настоящее восстание, уже из этого одного видно, что число мусульман должно быть очень значительно. Действительно, когда китайское правительство одержало верх над инсurreкцией, то мы встретили в пекинской газете упоминание о непрерывном ряде мусульманских селений, лежавших на северном берегу р. Вэйхэ, куда проникли китайские войска. Далее в той же газете упоминалось о тысячах и десятках тысяч мусульман, уроженцев провинции Шэньси, убежавших из страха китайского оружия в провинцию Ганьсу; китайский император обещает им прощение, если они возвратятся на прежнее место жительства.

Подвигаясь далее на в[осток], мы встречаем провинцию Шаньси. Здесь нам известно о существовании магометан только в окрестностях Дайтун-фу, сопредельного с Монголией. В последней стране, по ее наклонностям к буддийскому ламизму, кажется всего менее можно бы предполагать существование магометанства. А между тем мусульманство распространено во всех главных городах Монголии, которая на юг вовсе не так пустынна и вовсе не знает кочевой жизни, как изображают ее нам наши карты. В главном торговом городе Монголии Кукэ-хото⁶ встретили магометан уже знаменитые своими путешествиями Гюк⁷ и Габе⁸.

---

⁶ В современном варианте — Хух-Хото (ныне — административный центр Автономного района Внутренняя Монголия).

⁷ Эварист Регис Гюк (1813–1860) — француз, католический миссионер Ордена лазаристов, синолог, тибетолог и монголист.

⁸ Жозеф Габе (1808–1853) — француз, католический миссионер Ордена лазаристов, путешественник и тибетолог. В 1837 г. посетил Монголию, где вместе с Э.Р. Гюком под видом буддийских монахов вел миссионерскую деятельность.

Далее на в[осток] в окрестностях летней резиденции богдыхана Жэхэ, прославленной путешествием Макартнея, пекинская газета упоминала в последние годы еще ранее настоящего возмущения мусульман в Ганьсу о разбоях магометанина Ма Дэсиня. Откуда бы, кажется, явиться здесь мусульманам?! Но мы знаем положительно, что все китайцы, торгующие в Китае бараниной, — магометане. Китай не имеет своих лугов и, следовательно, скотоводства. Монголия снабжает его мясом, стада овец проходят отсюда южнее Пекина, переплывают даже чрез Цзян⁹. Еще замечательнее, что в начале уже прошлого столетия существовала мечеть в городе Цицикар, главном в Маньчжурско-Амурской провинции, следовательно на границе России, и едва ли это не самый восточный пункт распространения магометанства на с[еверо]-в[остоке], хотя мы думаем, что наши русские легко могли бы отыскать магометан и мечети их в самом Айгуне.

Мы знаем, что в Пекине существуют 13 мечетей и число мусульман насчитывалось до 20 тысяч семейств. Кроме того, в окрестностях Пекина нам указывали целые деревни, населенные исключительно магометанами. Но вот факт, заслуживающий еще большего внимания: Пекин — столица, цифра поклонников Магомета тоже, как видим, довольно почтенная, а между тем нам известно, что все муллы пекинских мечетей получают свое образование в торговом городе Линьцин-чжоу, стоящем на знаменитом императорском канале¹⁰ гораздо далее на ю[го]-в[осток]. Если бы нам сказали, что муллы пекинские приходят из западных провинций Шэньси и Ганьсу, то мы понимали бы такое тяготение, предполагая, что в последних провинциях центр всего мусульманства. Но когда мы видим, что на с[еверо]-востоке Китая есть свой собственный центр, к которому принадлежит и Пекин, то можно посудить о том, как должно быть сильно распространено мусульманство в Линьцин-чжоу.

Как велико количество мусульман в других южных приморских провинциях Китая, мы решительно не имеем возможности судить об этом. Но судя по тому, что в Чжэцзяне возвышается мусульманский минарет, что в Нанкине родился знаменитый у китайцев мусульманский писатель Лю Чжи¹¹, мы думаем, что там число мусульман не незначительно. В этом убедимся мы из того, что будем говорить ниже о распространении магометанства со стороны моря. Как бы то ни было, мусульманство ниспускается вдоль моря вплоть до Кантона, где мы встречаем в китайской географии едва ли не единственно в первый раз упомянутую мусульманскую кумирню — Хуайшэнсы с минаретом в 165 футов.

О том, что количество мусульман в юго-восточной части Китая не менее чем в северо-западной, можно заключить по прокламации последнего времени, о которой мы будем говорить ниже. В этой прокламации Нанкин и Кантон считаются такими же колониями мусульман, как и самый Сиань-фу (Чаньань).

⁹ Река Янцзы.

¹⁰ Императорский, он же Великий, канал (Даюньхэ 大運河). Строился с VI в. до н.э. до XIII в. н.э.

¹¹ О Лю Чжи см. примеч. 17 на с. 46.

Но всего замечательнее существование магометанства в самой юго-западной провинции Китая, в Юньнани, сопредельной с Индией и отделенной от нее самими злыми дикарями, следовательно, мусульманство не могло проникнуть сюда никак из Индии. О существовании их мы узнали из пекинской газеты еще в конце 40-х годов [XIX в.] по случаю бунта тамошних мусульман. Как скоро говорится о возмущении, то очень понятно, что в огромной монархии, наслаждавшейся в то время еще полным спокойствием, на такое возмущение не могла решиться горсть случайно заброшенных туда мусульман. О давнем существовании в Юньнани магометанства можно заключить из того, что один из главных писателей магометанства Ма Чжи Юсуф, живший в конце XVII в., был родом из этой страны¹².

Между Юньнанью и Ганьсу лежит одна из замечательных провинций Китая — Сычуань. Что здесь есть магометане, мы имели случай не раз слышать об этом от других мусульман.

О существовании магометанства в Хугуане мы можем заключить по крайней мере из того, что один магометанин, написавший предисловие к имеющейся у нас магометанской книге «Цинчжэнь ши и» («Об истинном значении магометанской религии»), был уроженец этой провинции¹³.

Если мы и не можем говорить положительно о распространении магометанства в центральных провинциях Китая, однако судя по тому, что сказано будет ниже об удобстве для магометан китайских вести пропаганду, мы можем с полным правом предположить, что и там разбросаны хоть по крайней мере небольшие магометанские колонии.

Но довольно и тех местностей, в которых мы означили существование магометанства с полной достоверностью. Не видим ли мы из этого очерка, что магометанство расставило по всем владениям Китая свои передовые посты, из которых оно рано или поздно должно будет охватить весь китайский мир?!

В последнее время чуть не возникли споры из-за количества магометан: считать ли их народом в 30, 20 или только в 4 млн.? Нет ничего смешнее, как делать исчисление без всяких данных. Достаточно того, если мы определим хоть приблизительно те местности, в которых утвердилось магометанство. При всей незначительности исторических данных о распространении магометанства мы можем, однако, убедиться, что при всех неудачах к осуществлению своего политического влияния в Китае оно все-таки не исчезало и, хотя медленно, но, продвигаясь вперед, будет распространяться и в будущем.

Это распространение, как и распространение буддизма, последовало с двух сторон: со стороны моря и чрез Туркестан, т.е. именно теми путями, которыми в прежнее время Китай только и мог сообщаться с остальным миром, т.е. Западом (Монголия и Маньчжурия в то время не служили средством сообщения).

¹² О Ма Чжи см. примеч. 14 на с. 45.

¹³ См. примеч. 18 на с. 46.

Первое знакомство Китая с магометанством было враждебно на обоих этих путях. До выступления арабов на поприще всемирной истории китайское влияние несомненно простиралось даже на Персию. Арабы не только уничтожили эту дружественную и вассальную державу Танской династии, но и нанесли удар ее союзникам в Мавераннегре и Трансоксиане¹⁴. Только тибетцам удалось впоследствии остановить успехи арабского могущества у подошвы Цунлина¹⁵.

Со стороны моря тоже в первый раз упоминается об арабах по случаю нападения их на Кантон в 758 г. В этом году «они сожгли казенные житницы, строения и ушли в море». Но по всем дальнейшим известиям надобно заключить, что Китай со стороны моря вошел в первый раз в дружественные сношения с магометанством; и тех и других связывали обоюдные торговые выгоды; если китайское правительство никогда не высказывало особенного сочувствия к торговым интересам, то зато местные правители очень хорошо понимали свои выгоды. Мы находим в китайских источниках ясное упоминание о том, что еще в 1192 г. кантонский правитель смотрел сквозь пальцы на то, как представитель магометанской конторы позволял себе противозаконные поступки, строил здания, не допущенные китайскими законами, и все это объяснялось прямо тем, что нужно было привлекать приезжающих иностранцев для увеличения государственных доходов. Как выгодно было это для самих приезжающих, видно из отзыва того же писателя о хозяине конторы как о первом богаче в свете, который бросал, по его выражению, золото как навоз!

Тем более с конца VIII в. приморские местности представляются в еще более благоприятном положении в отношении к внешней торговле. С этого времени стала ослабевать власть китайского императора, губернаторы стали высказывать к нему только наружное почтение и самовольно распоряжаться в своих провинциях. Следовательно, они имели всю возможность наблюдать местные интересы и покровительствовать иностранной торговле.

Действительно, все первые сведения о Китае, сохранившиеся у арабских писателей, принадлежат лицам, посещавшим Китай морем. Эти же сведения подтверждают и множество мусульман, живших в приморских городах, и радушие, с которым их принимали. Арабский купец Сулейман, бывший в Китае в половине IX в., упоминает, что мусульмане города Ганьфу имели собственного своего кади для разбора дел между жившими тут единоверцами и что на молитве произносили хотбу за султана мусульман. Масуди¹⁶, живший в первой половине X в., рассказывает анекдот, как сам китайский и[мперато]р принял участие в деле одного купца, притесненного таможенным приставом, как один корейшит¹⁷ до-

¹⁴ Мавераннегр (Мавареннагр, Мавараннахр) известен также как Трансоксиана, название между речья Амурары и Сырдарыи, использовавшееся в VIII в. См. примеч. 7 на с. 40.

¹⁵ Хребет Циньлин (秦嶺).

¹⁶ Аль-Масуди (ок. 896 — 956) — арабский историк, географ и путешественник.

¹⁷ Курайшиты (курейшиты) — правящее племя древней Мекки, родом из которого был пророк Мухаммед.

бился чести представляться сыну неба (Фагфуру¹⁸). О количестве мусульман, живших в его время в Китае, можно судить по тому обстоятельству, что при взятии бунтовщиком Хуан Цзяо города Ханьку (Khan kou) погибло 200 000 мусульман, христиан и жидов. К этому городу, стоящему вверх по Цзяну в семи днях пути от моря, прибывали тогда суда из Басры, Сирафа¹⁹, Океана, Индии, с островов Забедж²⁰, из Синфа и проч.

Гораздо позже Ибн Батута²¹ во времена Юаньской династии в начале XIV в. видел огромное стечение мусульман во всем своем путешествии от крайнего южного порта. В городе Ханчжоу (Ганьза) он находит целый квартал, заселенный мусульманами. Лавки там были устроены как в землях мусульманских, были мечети и муэдзины, даже был монастырь, обитаемый монахами суфи. В других городах также упоминается о кади и шейхах ислама.

Однако ж, не подозревая даже этих сказаний арабских писателей в преувеличении, к чему подает повод путешествие Марко Поло, вовсе не упоминающего почти о мусульманах в Китае, мы можем вывести из них только два факта. Первый — что мусульмане до Юаньской династии не имели такого свободного доступа в пределы Китая с сухого пути; второй — что, как бы ни велико было число приезжающих в Китай мусульман через приморские гавани, это все-таки были временные гости, нисколько не думавшие о распространении своей веры между природными китайцами. Приезжавшие, проживя более или менее лет, как ныне европейцы, могли также распрощаться с гостеприимной страной. Мало того, могли быть перерывы в посещении приморских портов иностранцами вследствие внутренних смут Китая, каково, например, разрушение Ханьку при Хуан Цзяо или завоевание монголами сунских владений в южном Китае — отчего Марко Поло и не видал мусульман. На эти предположения наводят нас слова того же сунского писателя, о котором мы говорили выше и который был современником Чингисхана. Этот писатель, рассказывая о кантонской коммерческой конторе, описывал мусульманские верования как совершенно неизвестные в Китае и описывал так, как только невежественная китайская ирония может отозваться об иностранном веровании. Так, мусульманский минарет он принял за отхожее место или из слова Аллах у него вышло Ао-я.

Этот же писатель говорит о водворении начальника конторы в Кантоне как об исключительном случае. Он, приехавши морем по претерпении бури, боялся воротиться на свою родину и потому выпросил себе позволение остаться в Канто-

---

¹⁸ Фагфур или багбур (перс., букв. «сын бога») — употреблявшийся на Ближнем Востоке перевод титула китайских императоров «Сын неба». См.: Юрченко А.Г. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингиз-хана. Прага, 2000.

¹⁹ Порт периода иранской династии Сасанидов (224–652), находился на территории современной пров. Бушер на юго-западе Ирана.

²⁰ Забидж — арабское название о. Явы.

²¹ Ибн Батута (1304–1377) — арабский путешественник, побывавший в Китае.

не. Точно так же и Ибн Батута говорит о некоем Отмане, поселившемся в Ханчжоу, как об особенно замечательной личности, и, следовательно, примеры водворения мусульман в Китае и в его время были еще редкостью. Таким образом, если Марко Поло принял за правило писать о мусульманах там, где они прочно поселились, то он мог считать себя вправе не говорить ничего о приезжих. Еще одно замечание: Ибн Батута всех встречавшихся ему мусульман называл арабскими именами и нигде не упоминает, чтоб они окитаились или чтоб мусульманство принимали и сами китайцы. Сверх того, из того, что китайское название мусульман *хуйхуй* принадлежит имени народа, вышедшего из внутренностей Монголии, следовательно, явилось только с распространением мусульманства в северо-западном Китае, можно также заключить, что приморские гавани не были рассадником мусульманства, что только с тех пор, как магометанство прочно водворилось на этом севере, и природные мусульмане ю[го]-в[остока] стали превращаться в китайцев. А это событие не могло начаться раньше половины XIV столетия. Действительно, к этому времени относится самая древняя магометанская надпись в одной из китайских мечетей в Кантоне.

С сухого пути магометанство также, как видно из китайских источников, проникло было в столицу Китая еще при Танской династии, конечно, с иностранными посольствами и купцами, которых тогдашние писатели называют ужасными негодяями. По словам ученого Ши-гу, они стали прятать оружие в своих частных кумирнях, вступали в драки с императорскими войсками, но вскоре их вытеснили из столицы манихейцы. И с того времени мы не встречаем упоминания об их существовании. Ибн Батута положительно говорит, что в северном Китае не было в его время мусульман. Это же подтверждает и Марко Поло. Он находит магометанство господствующим в Восточном Туркестане. Далее от Лобнора к востоку магометане уже являются у него изредка, здесь даже ясно указывается на преобладание над мусульманством несторианства. Что касается до собственно тангутских владений, начинавшихся от Хами, то здесь была, по словам Марко Поло, одна господствующая религия: идолопоклонство, т.е. буддизм. Далее во всем Китае тот же путешественник встречал исключительно тоже идолопоклонство, только в одном городе (Jacin) на границе с Тибетом он упоминает о сарацинах — вероятно, зашедших туда с монгольскими войсками, разорявшими эти страны при хане Мангу²².

Этому-то сейчас упомянутому царству Тангут суждено играть великую роль в судьбах Востока. И многое в средних веках, предшествовавших Чингисхану, нам кажется темным и непонятным потому только, что история этого царства до сих пор не обратила на себя должного внимания.

Царство Тангут основано было в рассаднике нынешнего мусульманства, в северо-западной части Китая; хотя царский род и происходил из тибетского племени

²² Мангу (Мунке, Менгу-хан; 1208–1259) — хан Монгольской империи, внук Чингис-хана.

танхянов, т.е. тангунов, но самыми главными силами этого царства были уйгуры, жившие как внутри китайских земель, так и за границами их к западу до Хамула и Урумци. Вот разгадка того знаменитого спора, который некогда возбудило одно место монгольского историка Санан Сэцэна²³, который утверждает, что уйгурами во времена Чингисхана называли тангутов. Этому смешению мы находим объяснение и в настоящее время. Китайские мусульмане называются самими китайцами именем уйгуров (*хуйхуй*), а турецкие магометане дали им название тунганей, название очевидно исковерканное через так часто случающуюся перестановку двух гласных букв в слове *тангун* (тангут есть множественное число от *тангун*).

Эти уйгуры-тангуты замечательны не одной только политической устойчивостью, вследствие которой они сохранили почти в продолжение трех столетий (до Чингисхана) самостоятельность своего царства, выдержав сначала борьбу против всего Китая (дух их живет и в их потомках), принадлежавшего династии Сун, потом остановив распространение могущества киданей и чжурчжэней. Мы имеем все поводы думать, что их политическое влияние пред появлением Чингисхана простиралось и на противника его Ван-хана²⁴, сделавшегося через Марко Поло известным под именем священника Иоанна (Prêtre Jean). Оно простиралось и на уйгуров или турок, живших далее к западу от Хами, которым ограничивались собственные владения царства Ся²⁵. Уйгуры-тангуты являются еще более замечательными по влиянию на умственное образование Востока, соединив в себе образование Китая с идеями Запада и религией Тибета. До сих пор мы думали, что уйгуры познакомили с азбучным алфавитом в первый раз в Средней Азии только потомков Чингисхана, от которых заимствовали свое письмо и нынешние маньчжуры. Из вновь открытых памятников оказывается, что тангутским письмом пользовались и чжурчжэни, и, вероятно, кидане. Уйгурская ученость, о которой так много распространяется Арабшах²⁶, была не более как усвоение китайского образования. Но главная не исследованная до сих пор роль уйгуров заключается в религиозном их влиянии.

Мы упомянули уже выше, что распространению политического могущества арабов на Востоке положило границы мужество тибетцев. Но нравственными врагами их являются те же уйгуры. Как китайские, так и магометанские писатели (Масуди) равно согласно говорят, что уйгуры при Танской династии приняли манихейзм, которому сочувствовали и китайские императоры, особливо в благо-

---

²³ Санан Сэцэн (Саган Сэцэн, род. 1604) — монгольский летописец, в 1662 г. составил обширную летопись «Эрденийн тобчи» («Драгоценный свод»).

²⁴ Ван-хан (Тоорил, Тогорил, Тогрул) — хан керейтов. Был побратимом отца Чингисхана, после разрыва с которым, войны и поражения в ней вместе с сыном Сангумом бежал на запад к найманам. Не узанный найманами, был ими убит.

²⁵ Название тангутского государства, существовавшего с 1038 по 1227 г.

²⁶ Ахмед ибн Мухаммед ибн Арабшах (1392–1450) — арабский писатель и историк.

дарность за пособие уйгурами, оказанное при возмущении Ань Лушаня²⁷. Этим обращением уйгуры не допустили магометанство распространяться далее на Востоке. Во времена Юаньской династии эти уйгуры являются не только буддистами, но и представителями буддийской учености. Когда пекинский двор задумал исправлять и пополнять буддийские книги, переведенные на китайский язык, то он приглашает в свою академию ученых уйгуров. Чан-чунь²⁸ в первом уйгурском городе встретил собрание буддийских книг. Мы думаем, что эта же ученость уйгуров имела большое влияние на образование новейшего ламайства — европейские миссионеры всегда поражались сходством наружности этих лам и их обрядов с римско-католическими. Но они не обратили внимания на то, что Цзонхава²⁹, основатель новейшего ламизма, был родом из Тангута, который был в связи со всеми христианскими последователями — тогда добродушным миссионером не нужно было бы прибегать к объяснению такого сходства демонским ухищрением!

Уйгуры, как видно, и по падении Юаньской династии долго еще придерживались буддизма. В китайских источниках мы находим упоминание, что еще в последней половине XV [XVI] в. (около 1570 г.) в Хами существовали буддийские монастыри, но западнее, в Турфане, соотечественники их уже были магометанами. Турфанский султан Али³⁰ делает непрестанные нападения на Хами, и, конечно, тут участвует религиозная ревность; жители Хами и более восточных местностей то бегут под защиту китайцев, то возвращаются обратно на свою родину, но все-таки мы находим в китайских историях постоянное упоминание о существовании в самом Китае (в провинциях Ганьсу и Шэньси) инородцев *хойхэ*. Эту-то эпоху мы и полагаем началом полного водворения магометанства в Китае.

Надобно, впрочем, сознаться, что название *хойхэ* с давнего времени могло быть перенесено китайцами от уйгуров, ближайших и последних турок, приблизившихся к их границам, на всех других более западных народов турецкого племени. Так, китайский путешественник Чан-чунь уже в начале XIII столетия называл этим именем все народы Западного Туркестана. Таким образом название мусульманства

---

²⁷ Ань Лушань (安祿山, ок. 703 — 757) — китайский военачальник согдийско-тюркского происхождения. В 755 г. возглавил восстание с целью свержения династии Тан, в результате которого была захвачена столица тогдашней империи Чанъань (совр. Сиань). Убит своим приближенным евнухом Ли Чжуэром. После смерти Ань Лушаня восстание начало затихать и через шесть лет практически закончилось.

²⁸ Чан-чунь (長春, 1148–1227) — даосский монах, основатель школы Лунмэнь («Драконы ворот»). Автор книги о путешествии ко двору Чингис-хана («Путешествие на Запад истинного мужа Чанчуна»), которая была переведена П. Кафаровым на русский язык. См.: Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. 1866, с. 261–437.

²⁹ Цзонхава (1357–1419) — тибетский буддийский мыслитель, проповедник. Известен как реформатор тибетского буддизма. Основанная им школа впоследствии стала играть значительную роль в политике Тибета и близлежащих стран.

³⁰ Султан Али — правитель Турфана в 1469–1478 гг. Некоторые исследователи отождествляют его с правителем Моголистана Юнус-ханом.

именем уйгурской религии могло в Китае явиться ранее, чем действительные уйгуры сделались магометанами, но это нисколько не доказывает более раннего водворения мусульманства в Китае. Торговцы из западных стран могли проникать в Китай и сухим путем, но по примеру приморских местностей только временно.

Минская история положительно говорит, что мусульмане рассеялись по всему Китаю только со времен Юаньской династии. Это очень естественно — монголы, сделавшись завоевателями Востока и Запада, конечно, умели искусно воспользоваться перемещением своих разнородных подданных, поступавших в их войско, из одной местности в другую; в составе чинов, окружавших монгольских императоров, мы также находим людей, носящих магометанские имена, но это не доказывает особой ревности монголов к магометанской религии. Может быть, это происходило от переданных веками враждебных чувств двух соперничавших в Средней Азии наций — монголов и турок. В дошедших до нас древних привилегиях, написанных древними монгольскими письменами, говорится только о буддийских монахах, даосах и христианских священниках (Эрке-гун), но этими милостями нигде не пользуются магометанские муллы. В самой Персии и Капчаке³¹ монгольские ханы обращаются к мусульманству только через несколько поколений и уже по прекращении связей со своей родиной. В Восточном Туркестане, где народ также с издавна исповедовал магометанство, князья монгольского происхождения обращаются к исламу уже после изгнания монголов из Китая.

Да китайцы-немусульмане и сами не говорят о распространении магометанства между китайцами раньше Минской династии (1368–1644). Вот что мы находим в их книгах: «После бегства последнего монгольского императора, когда взят был Пекин (1368 г.), в дворцовой библиотеке найдены были мусульманские книги, которых никто не мог разобрать, и первый минский император поручил перевести их академикам (-у?) Машаихэй (Машоих-старейшина) и Махама; вследствие этого мусульманство стало вращаться в Китае, так что его невозможно уже истребить». В другом месте китайский ученый Хан Шицзюнь³², живший уже при нынешней династии, говорит, что из трех религий: христианской, манихейской и мусульманской, прежде проникших в Китай, — одно мусульманство распространилось сильно и ему стали следовать даже ученые и вельможи.

Конечно, один простой перевод, сделанный для императора, перевод, не распространенный в печати, не мог бы возбудить благоговения к религии, если бы не было истолкователей. Есть другие более основательные причины этого обращения.

Минская династия заключалась в собственном Китае, она не распространяла своего могущества вне его пределов и поставила себя во враждебные отношения

³¹ Кыпчаки, кипчаки — название половцев у мусульманских авторов.

³² По-видимому, Хан Шицзюнь 杭世駿 (1695–1773) — цинский ученый, член императорской академии Ханьлинь.

ко всем соседям, желая отделиться от остального мира. Но внутри Китая при основании этой династии в различных местностях остались различные инородцы, занесенные сюда, даже прежде монголов, политическим могуществом киданей, чжурчженей и тангутов. Таким же точно образом магометане, приезжавшие для торговли в приморских гаванях, остались китайскими подданными. Первый основатель Минской династии³³ отклонил обычную ненависть китайцев, так долго страдавших от этих инородцев и готовых их вырезать, приказав оставить их в покое. Если не прежде, то уже после этого эти поселенцы должны были непременно окитаиться. Но принимая китайский язык и китайскую наружность, эти новые китайцы не могли скоро забыть своего иностранного происхождения, и память об этом происхождении всего более выразилась в удержании религии, чуждой Китаю.

Китайская нация всегда умела поставить себя так, что никогда, при всем превосходстве своего образования, не возбуждала сочувствия в инородцах; очень понятно, что одно чувство, воодушевлявшее всех, привело и к одной религии, понятно также, почему эта религия была магометанство. Если со стороны моря торговля с Китаем была по преимуществу в руках магометан, так они же ближе к нему были в то время и с сухого пути. Как бы то ни было, но мы видим магометанство утвердившимся именно в тех местностях, в которых история указывает нам поселение инородцев при прежних династиях в виде гарнизонов, колоний или контор, заведенных с торговыми целями, — все они теперь приняли давно тип и язык китайский. Этим же объясняется, почему магометанство занесено в провинцию Юньнань. Из истории видно, что эта провинция долее всех противилась минскому императору, под управлением монгольских начальников.

Но вовсе не надобно думать, чтоб все китайские мусульмане были одни расселившиеся повсюду уйгуры или, как хотят уверить сами китайские мусульмане, потомки арабов, присланных в Китай еще при Магомете.

Мы находим три варианта последнего факта: по одним (по минской истории, составленной уже в прошлом столетии при Цянь-луне), мусульманскую религию в первый раз распространил в Китае араб(-ы) Сахаба (сахабя — сподвижники Магомета) Сэйд³⁴ (Саади), Гань *гэ-сы* (или Сахабе Са-а-ди-кань во-сы гэ) при Суйской династии (581–619), следовательно, еще до начала гэчжры [хиджры].

По имеющейся у нас под руками поэме о происхождении магометанства («Хуйхуй юаньлай»)³⁵, написанной тоже при нынешней династии (начавшейся в 1644 г., так как в поэме сказано: по прошествии 1000 с лишком, а не 1100 лет, то, значит, эта поэма составлена никак не позже конца XVII в.), танский император

³³ Основатель династии Мин — Чжу Юаньчжан (朱元璋) (на троне 1368–1398).

³⁴ Скорее всего, имеется в виду сеид — почетный титул, даваемый потомкам пророка Мухаммеда.

³⁵ О сочинении «Хуйхуй юаньлай» (回回原来), автор которого неизвестен, см.: Палладий, арх. Китайская литература магометян. СПб., 1887.

видел в 623 г. во сне чалмоноса³⁶, прогоняющего из его дворца чертей, потому по совету министров отправил вельможу Ши Тана с письмом к хуйскому царю, который, обрадовавшись, отправляет к нему с адресом трех посланников Гайсы, Уайсы и Гэсиня³⁷, но из них двое первые умерли на дороге, один только Гэсинь достиг до богдохана и в разговорах с ним убедил его в превосходстве магометанского учения.

В полученной нами недавно прокламации одного уездного правителя, в которой излагаются мусульманские постановления, рассказывается еще определеннее следующее:

«В 632-м году (по Р.Х.) из Арабии (Тяньфан)³⁸ дядя величайшего святителя Муханьмодэ, Вангэши³⁹, в сопровождении 3000-[ной] свиты, неся с собой небесную книгу Гураи (Коран), вступил в этот Китай. Танский император, увидев образованность, деликатность и глубокую ученость прибывшего вельможи (*да-жэнь*), приказал столичному (чаньаньскому) правителю построить Мечеть (*сы*) великой чистоты и истины (Цин чжэнь — перевод слова «мусульманство») и убедительными просьбами убедил вельможу поселиться в Чаньане (столице) со свитой; так как они ежедневно совершали (в этой кумирне) пять раз намаз (*лэ-мацзы*) и, обращаясь к западу, молились (*либай*) истинному Богу, то (кумирня) и стала называться молельней (*либайсы* — так называют по-китайски мечети). Впоследствии, когда число душ (арабов) с каждым днем стало увеличиваться, (тот же) император Тайдзун приказал построить еще по мечети в Цзяннине (Нанкине) и Гуанчжоу (Кантоне) и расселил их там».

Все эти документы, в которых нет ни капли исторической истины, показывают не то, что китайские мусульмане забыли о своем происхождении и объясняют его благовидными для них рассказами. Мы видим только тот главный факт, что магометане начали в первый раз писать о себе на китайском языке только с началом нынешней династии. Оно действительно и не могло быть ранее, так как при Минской династии им надобно было еще утвердиться в Китае, дать забыть о сво-

³⁶ Император Тай-цзун (太宗, на троне 627–649). Существует еще один вариант сна, увиденного Тай-цзуном, в котором символизирующий ислам лев побеждает символизирующего буддизм слона.

³⁷ В китайских исламских источниках: Гайсы 該思, 蓋思; Увайсы 吳奎思, Уайсы 吳哀思; Гэсинь 噶心, Вангэсы 萬個思, Вангэши 挽個士 или Вангэши 旺各師, он же Саад ибн Абу Ваккас, Саид ибн Абу-ль-Ваккас, сподвижник пророка Мухаммеда, побывавший в Китае в 616 и 651 гг. См.: *Рифтин Б., Хасанов М.* Вступительная статья // Дунганские народные сказки и предания. М., 1977, с. 6; *Rimsky-Korsakoff Dyer S.* T'ang T'aitsung's Dream: Dungan Version of a Legend on the Origin of Chinese Muslims // *Monumenta Serica*. Vol. 35. 1981–1983, p. 545–570; *она же.* Karakunuz: An Early Settlement of the Chinese Muslims in Russia / With an English Translation of V. Tsubuzgin and A. Shmakov's Work // *Asian Folklore Studies*. Vol. 51. 1992, p. 243–279.

³⁸ Тяньфан 天方.

³⁹ Имена Гангэсы или Восыге по минской истории, Гэсинь в поэме и Вангэши в прокламации довольно близки по созвучию. — *Примеч. В.П. Васильева.*

ем действительном происхождении, освоиться с новым положением, вступить в сношения друг с другом.

Точно так же надобно заметить, что китайские мусульмане не хотят знать связи с уйгурами; в своем китайском названии *хуйхуй* (что значит собственно 'возвращаться') они видят буквальный перевод слова «мусульманин».

Мы уже говорили выше, что ц[арст]во Тангут, называемое и уйгурским, сообщило свое двоякое название мусульманам китайским. Это же ц[арст]во носило по-китайски название Да Ся, а под этим же самым именем известны были в Китае и арабы⁴⁰. Мусульмане воспользовались этим случайным сходством, чтобы произвести себя не от уйгуров, а от арабов.

Известно стремление мусульманства к прозелитизму, известен фанатизм, не терпящий господства других вер. Попытка осуществить эти стремления проявилась не в первый раз в настоящем возмущении. Когда пала Минская династия, магометане хотели и тогда воспользоваться замешательством Китая. Тогдашнее их сопротивление было гораздо серьезнее повторившегося через столетие после того возмущения в Ланьчжоу. Прошло еще столетие, и они выступают снова. Это терпение мусульманства, обыкновенно фанатичного, показывает, что оно сумело вступить на верный путь и когда-нибудь добьется своей цели.

Если бы китайцы-магометане состояли действительно только из одних потомков древних инородцев, пришедших на китайскую землю, то можно ли бы было задаться вопросом: обратится ли когда-нибудь весь Китай в магометанство? Самый вопрос предполагает уже, что мусульманство приобретает постоянно новых поклонников в среде туземцев, и, следовательно, спрашивается только, остановится ли это распространение.

Мы уже привели выше замечание китайского писателя, что мусульманство возбуждает сочувствие в китайских ученых и вельможах. По нашему мнению, автор сказал бы вернее: мусульмане занимают места и должности, они являются и в академиях, и в гражданской и военной службе, но, главное, распространение происходит в народе, о верованиях которого не заботится ни правительство, ни китайская литература. Мусульманство еще более распространяет пропаганду между низшими и средними классами, чем между высшими, но новая вера не мешает никому продолжать свои обычные гражданские занятия: заниматься земледелием, торговлей, науками, и если средства и способности позволяют, из мусульманина, как и из всякого другого китайца, выходит мандарин. Какая же может быть лучшая поддержка миссионерским стремлениям всякой веры!

И в самом деле, сбыточное ли дело, чтоб магометанство в одном Китае отказалось от прозелитизма?! Одно уже то обстоятельство, что все магометане имеют китайский тип, показывает, что инородцы смешались с туземцами, женясь на китайках, что продолжается и до сих пор, тогда как в приводимой нами про-

---

⁴⁰ Да Ся 大夏, Даши 大食, Дашиго 大食國 — Арабский халифат.

кламации мы читаем страшные проклятия мусульманке, вышедшей замуж за немусульманина, и преследования против тех, которые это устроили...

Если мы знаем, что христианство во время самого преследования успевало делать новые обращения, то что мешало магометанам, всегда оставляемым в покое за их религиозные верования, обращать других в свою религию. И мы имеем право думать, что ни одно миссионерское общество не устроило так превосходно свою пропаганду, как китайское мусульманство, но оно делало это без всякого шума, без всяких поощрений со стороны посторонних наций, потому на него и не обращали внимания и в самом Китае, как это случилось в прежнее время с христианами. Во-первых: китайский мусульманин-миссионер есть в то же время настоящий китаец, следовательно, он не бросается в глаза, лучше всякого другого веро-проповедника знает, где и как ему можно и должно действовать; он знает дух своих соотечественников, имеет с ними одно общее образование, говорит с ними на одном общем языке, нисколько не возбуждая смеха своим дурным произношением, что постоянно случалось с католическими миссионерами.

Мусульманство никогда не обращалось к правительству с требованием для себя каких-нибудь привилегий, напротив, оно кажется только и хлопотало о том, чтоб о нем забыли до поры до времени. Действительно, где видно, чтобы мусульманские минареты не возвышались среди городских зданий, в Китае мечеть скрывается в уровне среди прочих одноэтажных домов; где видано, чтоб магометанин не брил голову, не носил чалму и свой халат?! Китайский мусульманин носит косу, надевает *шапки с бутонами* всегда одинаково с прочими китайцами — его можно узнать только по подстриженным немножко усам, но это не запрещено законом никому и из прочих китайцев.

Послушать китайских мусульман, как они выражаются в своей китайской литературе, так магометанство ничем не разнится от главных идей, присущих всем китайцам, идей, основанных на изучении конфуцианских классических книг. Проникнутые теми самыми идеями, которые на Западе не терпят ни иудеев, ни христиан, хотя Христос и Моисей и признаются пророками, китайские мусульмане являются самыми снисходительными к языческому конфуцианству, они употребляют все силы, чтобы доказать своим соотечественникам, что их догматы не отличаются ни на волос от учения Конфуция.

Все наше различие, говорят мусульмане, оправдывая себя конфуцианской же идеей, что не должно изменять своим обычаям, заключается в том, что мы храним предания наших предков касательно свадеб, похорон, что мы не едим свинину, не пьем вино, не курим табак, запрещаем распутство и азартные игры, омываемся пред молитвой. Согласитесь, что все это не дурные дела. О главных догматах мусульмане стараются всюду молчать.

Вследствие этого мусульмане умели представить в глазах ученых китайцев, старающихся быть беспристрастными, свое учение так, что они отдают ему пред-

почтение пред христианством. Вот как говорит о них один новейший ученый: «Арабская вера *в служении* верховному небу похожа на конфуцианскую в служении верховному владыке неба. К этому она присоединила только заимствования из буддизма касательно молитв, поста, богослужения, подаяний, учения о воздаяниях. В главных своих основаниях она не порождает *нравственной религии* (т.е. естественной) допущением трех родов жертв: высших (небу, земле, солнцу, луне), средних (горам, рекам, воде, земле) и низших (в храмах предков и на могилах), она стоит выше *одностороннего и пристрастного христианства*».

Благодаря допущению жертв в мусульманстве магометанин смело является чиновником. Китайский мандарин, к какой бы религии он ни принадлежал (даосской или буддийской), есть уже вместе с тем жрец конфуцианства, которое и не имеет других жрецов, кроме правительственных лиц. Он приносит жертвы в конфуцианских храмах, присутствует на народных празднествах — мусульманин исправляет все эти обряды, смотря на них как на простой обычай, коленопреклонение для него нипочем — для христианина же невозможно это отправление обязанностей.

Кроме влияния власти, богатства, торговых и промышленных сношений, в магометанстве есть пункты, которые могут особенно привлекать простой и бедный класс. Так, например, так называемый зэкат, по которому всякий имеющий доход свыше известной (в Китае 14 *лан*, или 30 руб.) суммы, дарствует 40-й процент в пользу бедных. Для бедных китайцев, которых такое множество, такая религия должна казаться истинным благодеянием — им терять нечего, а получить вспомоществование могут. Самые христианские миссии только и привлекали к себе что бедняков своими пожертвованиями.

Но есть и другая сила, поддерживающая энергию мусульманства и не допускающая его до разложения, — это устройство магометанской общины.

В приводимой нами уже не раз прокламации мы читаем следующее:

«Вельможа (Ванкэши, еще при Магомете) сочинил правила и уложения и поставил трех лиц, заведующих делами религии: имама, катиба и муэззина, чтобы они поддерживали в полноте религиозные правила без погрешимости и упущений, объясняя их прихожанам, требуя, чтобы все соблюдали эти правила и с ними соображались. В случае противозаконности дел трех управляющих верой должны, не потакая и не лентясь, налагать взыскания. Если же будут упущения со стороны трех духовных, то старики всей общины должны их сменить и на их место избрать других достойных, отличающихся ученостью ахунов...».

В другом месте говорится, что не слушающийся приговора мулл может быть передан для наказания гражданской власти. Следовательно, если нам известен фанатизм самой религии, если мы видим, что в Китае она может даже рассчитывать на поддержку своей организации со стороны самого правительства, если мы

знаем, что в самой правительственной среде немало вельмож мусульманских, то нам нечего сомневаться, что мусульманство не упускает случая к своему распространению.

Мы не вдаемся в большие подробности; мы хотели только сказать, что кажущийся индифферентизм со стороны магометанства в Китае есть только тонко рассчитанное притворство. В последние годы совершился один факт, который разоблачает все эти закулисные тайны.

Мы уже говорили выше, что успехам мусульманской инсurreкции в новейшее время особенно благоприятствует то обстоятельство, что к ней примкнул Западный край. Этот край, состоящий из Туркестана и Цзюнгари, был завоеван в начале второй половины прошлого столетия. В Туркестане поставлены гарнизоны, которые были бы не в силах сдерживать стремление турок, если бы под боком не было Цзюнгари. Китайское правительство вырезало всех цзюнгаров и послало сюда военные колонии из маньчжуров, чахаров и проч. Но, не довольствуясь этим, оно держало в различных местах всего Западного края более 20 000 земского провинциального войска, приводимого сюда из собственного Китая и именно из северо-западных провинций. Тамошние мусульмане всегда с охотой поступали на военную китайскую службу, так как она в Китае представляет много выгод, и правительство охотно их принимало, отдавая предпочтение их энергии; таким образом, в последнее время в Западном крае большая часть гарнизонов состояла из мусульман. Когда они узнали о восстании на родине, восстании, в котором, вероятно, приняли участие тамошние местные войска, то им ничего не стоило поднять весь Западный край. Офицеры были также магометане. Мы не верим вовсе жестокостям, о которых рассказывали нашим агентам в киргизских степях. Мусульмане должны были встретить собратьев и сочувствие в купцах, земледельцах и простом народе, в ссыльных, потому что все это были их соплеменники, выходцы из Китая, хотя бы и не магометане. Естественными врагами инсurreкции здесь должны были стать маньчжуры, которых они действительно всюду истребляли, но их было немного. Солоны и сибо, другие поселенцы Цзюнгари, видя силу мусульман, вступили с ними в переговоры, тогда последние объявили, чтобы они, если хотят остаться в целости, приняли магометанство, на что и последовало согласие.

Итак, если когда-нибудь мусульманство, одержав политический перевес в Китае, обратится с этим же требованием к остальным китайцам, то встретит ли оно сопротивление? Нам кажется, что для китайцев принятие веры покажется гораздо легче перемены костюма, которая произошла с переменной нынешней династии.

На Востоке вовсе не имеют того понятия о привязанности к религии, которое мы встречаем на Западе, — там люди живут не сердцем, а житейскими нуждами. Конфуцианство, буддизм, даосизм вовсе не возбуждают сердечную привязанность в своих поклонниках, да нами уже не раз было высказано в дру-

гом месте, что буддизм и даосизм суть верования жрецов, а не светских; этой холодностью легко может воспользоваться всякая религия Запада. Но в настоящем положении, как мы думаем, все благоприятные шансы выпадают на долю мусульманства.

По крайней мере эта холодность может служить ручательством, что магометанство никогда и при всех политических неудачах не истребится в Китае. Не религиям Востока вытеснить жар, поселенный в сердцах идеями Запада.

Но китайцы, сделавшись однажды магометанами, потеряют, конечно, и свой прежний индифферентизм...

До сих пор мы более обращали внимание на влияние Востока на Запад, чем Запада на Восток. Всем нам с детства известно о движении варваров, разрушивших Римскую империю, а мы упустили из виду, что самое это движение вызвано было походами Александра Великого. Основанное им царство в Бактриане произвело переворот в судьбах народов Средней Азии; только после этого времени образовалась великая монархия хуннов. Потомки сподвижников Александра Великого являются под стенами Китая; еще в VIII столетии нашей эры грек Александр (переименованный китайцами — в Ань Лушаня) поколебал трон китайского императора и восседал на нем кратковременно. Имена греков и македонян сохранились в Средней Азии в названиях народов: хихи и кидань; последние перенесли свое имя на самый Китай. Оттого-то в странах Крайнего Востока и встречаются слова греческого и римского происхождения.

Изыскания почтенного профессора Хвольсона⁴¹ доказывают, что турки пришли не из-под стен Китая, но под стенами Китая явились из Европы, так как памятники турецкого языка в Крыму относятся к эпохе Р.Х.

Мы твердо убеждены, что только со времени Александра Великого начинается просвещение Индии. По крайней мере мы надеемся доказать положительно, что Будда явился никак не раньше этого завоевателя.

Даже если предположить, что буддизм был чисто индийское произведение, то не говоря о том, что его самое первоначальное и самое крайнее развитие было в связи с землями, лежащими на с[еверо-]з[ападе], мы знаем, что он поворотил от этого северо-запада прямо на восток и имел силу распространиться только на этом востоке; следовательно, западным идеям во всяком случае принадлежат превосходство и энергия над идеями Востока. Почему же магометанству, более западному, более чистому, более энергичному, чем буддизм, не заступить его место на Востоке?

И действительно, мы видим, что магометанство в самой Индии распространилось более всего на тех местах, где прежде господствовало учение Будды, что в Тохаре, Туркестане оно всюду вытесняло это же самое учение. Теми же самы-

---

⁴¹ Д.А. Хвольсон (1819–1911) — российский востоковед, семитолог, гебраист, чл.-кор. Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

ми путями, которыми проникал буддизм со стороны моря и со стороны Туркестана, и магометанство вторгнулось в Китай. Сама китайско-мусульманская литература свидетельствует, что китайцы-магометане сознают свое призвание быть наследниками буддистов.

Перевод прокламации китайского магометанина, изданной на китайском языке⁴²

Правила истинной мусульманской религии

В (632 г. по Р.Х.) шестой год правления Чжэнь-гуань танского (императора) Тай-цзуна при святейшем Мухаммеде (Муханьмодэ) в Арабии (Тяньфан — «небесная сторона») дядя его по матери, вельможа Вангэши (Ибн Гамза)⁴³ во главе трех тысяч мужей, сопровождая небесную священную книгу (*цзин*) Коран (Гурлвай), вступил в это (наше) Срединное государство. Танский (император) Тай-цзун, видя, что этот пришедший с Запада вельможа деликатен, образован и обладает глубокой ученостью, приказал правителю (своей столицы) Чанъань построить (мечеть) Дацин чжэнь сы (Великая мусульманская кумирня, или храм великой чистоты и истины) и убедительно просил вельможу поселиться в Чанъане. Вследствие этого он и поселился со (всей) свитой; (так как они) в этом храме каждый день пять раз совершали намаз (*лэмацзы*), обратясь к западу, поклонялись (*либай*) истинному Богу, то поэтому (храм и) сделался известным под именем Кумирня поклонения (Либайсы⁴⁴). Впоследствии, когда народонаселение размножилось, Тай-цзун приказал еще в Цзяннине (Нанкине) и Гуанчжоу-фу (Кантоне⁴⁵) построить по мусульманской кумирне и расселить их в этих местах.

Поэтому (?) вельможа, составив толкования на священные книги и уложения, постановил религиозные правила, учредил трех правителей веры, как то: имама (*имаму*), хатыба (*хэтуйбу*) и муэдзина (*моорлцизна*). Эти три лица сделаны за-

---

⁴² Эта прокламация доставлена нам в прошлом году обязательным и многоуважаемым другом нашим о. архимандритом Палладием, начальником Пекинской миссии, известным своими учеными трудами. Она напечатана на одном большом листе крупными буквами и имеет всю форму обыкновенных правительственных прокламаций, приклеиваемых на казенных зданиях и заборах. Прилагаемый при сем текст подлинника содержит в себе столько трудностей для не знакомого с арабским языком, который является здесь неизвестным в форме китайских иероглифов, что мы не могли бы ни в каком случае сделать этого перевода, если бы не прибегли к помощи нашего знаменитого ориенталиста Алекс. Касимовича Казембека. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁴³ Говорят, по преданию, что еще при Магомед дядя его Гамза и Аббас Корейшиты вышли распространять Коран вне владений, действительно принадлежавших этому завоевателю. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁴⁴ Так ныне называются по-китайски мечети. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁴⁵ Это все нынешние названия. — *Примеч. В.П. Васильева.*

ведущими религией, чтоб они содержали в полноте религиозные правила без погрешимости и без опущений, чтоб они ежедневно объясняли статьи и легенды (религии), вразумляли прихожан (*гкау* — *гаому*⁴⁶) и требовали, чтоб все соблюдали *объясненные* правила и с ними соображались. В случае противозаконных дел только трое управляющих религией по общем совещании беспристрастно должны решать (т.е. постановлять наказание или приговор); они не могут ни потакать [кому-либо], ни лениться. В случае ежели будут опущения, то, если трое управляющих верой допустили (эти) опущения, касающиеся общего дела, тогда старики всей общины должны их сменить и выбрать снова на эти места добродетельных, способных, стремящихся к учености отличных ахунов⁴⁷.

Правила суть следующие.

§ 1. Когда прихожанин (*гкау*) женится, то три управителя верой препровождают наперед религиозное имя⁴⁸ (невесты) в дом жениха, а из дома жениха чрез трех правителей веры посылают в дом невесты сговорные дары: шпильки, булавки (головные), кольца, головные украшения и платья. С этого времени [они] считаются соединенными навеки, и когда в назначенный день (жених) сам приведет невесту в дом, три правителя религии читают молитвы бракосочетания и по исполнении благословения четырех золотых монет кабин⁴⁹ мужчина вручает их девице в знак бракосочетания. По изъявлении женихом и невестой приветствий друг другу трое управляющих верой раздают *радостные* (т.е. свадебные, поздравительные) плоды. Собравшиеся, получив радостные плоды, желают (новобрачным) много детей, и все поздравляют их.

§ 2. Когда кто умрет, то в продолжение трех дней обмывают и хоронят тело; трое духовных⁵⁰ читают книгу (*цзин*) убирания костей. При чтении чжэназэ (*чжэнацзэ*⁵¹) возжигают курения и, махая кадиллом, с молитвой выносят (гроб); собравшиеся, все держа в руках кадила, в которых горят курения, провожают гроб до горы⁵². Когда опустят, то читают молитвы и раздают имущество (деньги, материи), соль, чай, жужубы, каштаны. Могила умершего называется землей спокойного опущения. После похорон трое духовных возвращаются в дом (покойника) и читают молитвы. По прошествии первой недели (также) читают мо-

⁴⁶ Араб. «племя», «народ»; у китайских мусульман — *гаому* (高目).

⁴⁷ Это слово новое персидское. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁴⁸ Китайские мусульмане по обычаю китайцев носят китайские фамилии и имена, под которыми известны и между собой; а собственные арабские имена неупотребительны. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁴⁹ Перс., у китайских мусульман — *кабия* 卡比亞, *кабинь* (卡賓).

⁵⁰ Так мы будем для краткости называть их; в тексте везде говорится «трое правителей веры». — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁵¹ Молитва по умершему при выносе. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁵² В большей части Китая горы служат кладбищами, но хоронят также и на равнинах. — *Примеч. В.П. Васильева.*

литвы (или совершают богослужение). После второй, третьей, по исполнении месяца, сорока дней и ста дней (всякий раз) читают молитвы.

§ 3. Когда обмывают покойника, то мужчину моют и одевают четверо мужчин, а женщину — четыре женщины; при обмывании употребляют чистую воду; натурального цвета (некрашеным, называемым кэфаном⁵³) холстом набрасывают поверх голого тела. Подстилают белое полотно и покрывают таким же (не подшивая его ничем). Религиозное имя надписывают на шапке, кладут мускус в отверстия тела (рот, ноздри, уши, глаза), камфару между платьем и телом. Когда кладут в могилу, то головой на север, а ногами на юг, лицо обращается к западу.

§ 4. При проходах гроба хотя и жгут курения, но должно идти стройно и соблюдать тишину по дороге; запрещается музыка и пускание ракет (как это делается при обыкновенных китайских похоронах). Если кто не последует этим религиозным правилам, то трое духовных сообща налагают штраф; если кто не подчинится штрафу, того сообща наказывают; если же [он] противится наказанию, то трое духовных отправляют его при бумаге к местному правителю, предоставляя его государственными наказаниям.

§ 5. При чтении и слушании священного писания непременно нужно обмывать тело дочиста. Только при чистоте искренняя молитва может проникнуть до милости Бога, может уменьшить грехи умерших. При раздаче соли, чаю, имущества, при вспомоществовании бедным, изнуренным, сиротам и вдовам — кунжутным маслом, мукой, ароматами, при возношении курений в честь священного писания или прежних людей (умерших святых?), (везде необходимо обмовение) — трое духовных должны наставлять прихожан, чтоб они приступали ко всему этому с прямым сердцем и чистым телом, не оскверняясь нечистотой. Если от невразумления тремя духовными прихожанин впадает в грех бессознательно, то это вина трех духовных.

§ 6. Если девица выдана замуж за неверного (т.е. выйдя замуж, покинет религию), то этот грех гунах (*гунахэй*)⁵⁴ столько же тяжел, как измена государственная (букв.: как двоедушный чиновник, заслуживавший казнь от обоих государств), — это из рода в род переходящий грех, не искупаемый даже казнью. И грех принявшего главное участие в этом деле еще тяжелее, а еще больше грех сватавшего. В будущности в день суда (кит. *као суань чан*) все они будут допрошены.

§ 7. Берегитесь дурного, творите добро. День суда (*као суань чан*) на небе (*асымани асман*)⁵⁵ и тюрьма (*дузах доцзыхэй*)⁵⁶ на земле недалеко друг от друга. Всякий должен от истинного сердца устранить себя и подвизаться в делании добра, тогда только он избавится от *тюрьмы* и взойдет в рай. В подвигах по пути по-

⁵³ Араб. *кафан*, *кафян* — «саван»; у китайских мусульман — *кафань* (卡凡), в разговорной речи — *кафаньбу* (卡凡布) «ткань *кафань*».

⁵⁴ Перс., у китайских мусульман — *гунаха* (古那哈).

⁵⁵ Перс., у китайских мусульман — *асыма* (阿斯瑪).

⁵⁶ Перс., у китайских мусульман — *доцзайхай* (朵災海).

лучается высокая степень амаль (высокого святого, т.е. не нуждающегося? в раю).

§ 8. Запрещаются вино и табак; вино возмущает природное состояние; табак портит дыхательные органы. Это все одуряющие человека яды; не позволено ни пить, ни курить; [это] непременно надобно строго запрещать. Иначе как может прихожанин питать дух, украшать тело? Если трое духовных не запрещают, то это вина троих духовных.

§ 9. Запрещаются распутные женщины и игры: распутная женщина есть презренная и бесстыдная женщина; игра служит причиной порчи добродетелей (нравственности); они погубляют человека на всю жизнь. Если, узнавши, что кто-нибудь предастся этому, нестрого запрещать, то местная молодежь непременно обретет эти недостатки, и вина падет на нестрогость троих духовных.

§ 10. Запрещается обременять сугубыми процентами: барыш (процент) составляет желание людей, тяжесть наносит вред человеку. Нельзя делать того, что (хотя и) приносит пользу (себе), но вредит (другим). Ссужать для вспомоществования других составляет обязанность; надобно желать правды, а не выгод. Трое духовных должны непременно считать своей обязанностью руководить и увещать на основании святых предписаний.

§ 11. Уплачивать зякат (*цзэкэдэ* 'небом установленные религиозные повинности') есть первейшая обязанность, повеленная небом. Всякий, кто имеет более 14 *лан*⁵⁷, обладает полным капиталом (с которого начинается уплата), должен уплачивать 3 *цяня* и 5 *фынов*⁵⁸ на вспомоществование бедным, сиротам и вдовам. При (капитале в) тысячу, 10 000 и 100 000 *лан* должно сообразно с этим уплачивать сбор. Так как это основано на повелении божьем, то и называется небесной податью. Кто не имеет полного капитала, на том не лежит обязанность нести небесный сбор. Но если все-таки (и такой) будет вспомоществовать бедным, то это называется садагка (*содэгэ*⁵⁹ 'скорая благодать божия, избавляющая от напастей'). Если ему встретится надобность просить (о чем небо), то он скоро получает удовлетворение. Садагка может избавить от напастей и бедствий. Трое духовных должны с этой точки увещевать других. Бывают пожертвования и словесные: всякий, кто имеет богатства, жертвует богатством, у кого нет богатства, тот жертвует словами (т.е. может творить благие дела поучениями); в получении Божиих милостей и в достоинствах они одинаковы.

§ 12. Приглашайте ахунов открывать училища для истолкования сокровенных идей в писании; если алим (*эрлин*⁶⁰) и множество хороших людей будут руко-

⁵⁷ Около 30 руб. сер[ебром], *лан* — то же, что драхма серебра, около наших 2 р. 15 коп. — Примеч. В.П. Васильева.

⁵⁸ Т.е. как предписано 4%; *цянь* составляет $\frac{1}{10}$ *лана*, а *фын* $\frac{1}{10}$ *цяня*. — Примеч. В.П. Васильева.

⁵⁹ Араб., «добровольные пожертвования», у китайских мусульман — *содэгэ* (索德格).

⁶⁰ Араб., «знарок теоретических и практических составляющих ислама», у китайских мусульман — *алинь* (阿林), *эрлин* (爾林).

водить прихожанами к исполнению амаль (*эрмоли*)⁶¹, то ислам (*исыляому*) вывесится.

§ 13. Для произведения зибх (*шуйбу*) должно глубоко понимать и по обрядам *жертвоприношения* соблюдать *семь дел*⁶². При том должно произносить ясным голосом все статьи, после чего можно заколоть животное. Непременно нужно, чтобы ахун и имам поручились за способность (режущего), иначе произойдет много ошибок, и нет греха больше этого.

§ 14. Трое управляющих религией должны себя держать сообразно с тремя путями: шариат (*шэлэрти*), таригкат (*толэгэти*) и хаккигад (*хагэгэти*)⁶³, должны быть готовы жертвовать получаемое ими содержание на украшение и поправление храмов; это в нашей религии их прямая обязанность — они должны исполнять это с готовностью.

Эти несколько статей объяснены вкратце для сведения Лань-суйевым сыном по фамилии Си, ученым Небесной страны (Аравии)⁶⁴.

---

⁶¹ Богоугодным действиям. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁶² Предписанных при заклании животных. — *Примеч. В.П. Васильева.*

⁶³ Араб., три этапа самосовершенствования в суфийской традиции.

⁶⁴ По сообщению отца Палладия, этот Си Лань-суй был в недавнее время уездным начальником (но где неизвестно). — *Примеч. В.П. Васильева.*

А.А. Дьяков

Воспоминания
илийского сибинца
о дунганско-
таранчинском
восстании
в 1864–1871 годах
в Илийском крае*

Дьяков Алексей Алексеевич (1876–1940) — дипломат, секретарь Российского консульства, позже — консул в Кульдже (1906–1912) и Урумчи (1913–1915).

После 1917 г. присоединился к белому движению в Семиреченской области (территория современных Казахстана и Киргизии) и в Илийском крае. Дальнейшая судьба Дьякова, место и время его смерти неизвестны. Говорившие на диалекте маньчжурского языка сибинцы, или сибо, были переселены в пределы Синьцзяна после завоевания соответствующих территорий цинским Китаем. Переведенные Дьяковым воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском (дунганском, мусульманском) восстании 1862–1877 гг. (у Дьякова: 1864–1871 гг.) были сверены с оригиналом на маньчжурском языке и прокомментированы известным российским и польским востоковедом, чл.-кор. АН СССР и действительным членом Польской академии знаний, председателем Польского востоковедческого общества В.Л. Котвичем (1872–1944). Черновик «Воспоминаний...» хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Ф. I. Оп. 1. Ед. хр. 76).

---

* Дьяков А.А. Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае (пер. с маньчж.) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб, 1908. Т. XVIII, с. 233–282.

Посланные императором Гао-цзуном (годы правления Цянь-лун) китайско-маньчжурские войска при содействии ловкого интригана Амурсаны¹ вошли в Илийский край (Джунгарию) в 1755 г. и, разбив в том же году джунгарского князя Даваца², присоединили к владениям богдохана новый богатый край. Для колонизации края в 25-м году правления Цянь-лун (в 1760 г.) из Туркестана было выселено 6000 таранчей [т.е. уйгуров] с семьями. Таранчи, прибыв на новые места, расселились к северу и югу от р. Или, образовав 80 деревень, и занялись хлебопашеством. Таранчей, кроме того, заставили строить крепости. Так, в 53 верстах от нынешней русско-китайской границы была выстроена крепость Хуйюаньчэн, в которой основал свою резиденцию цзянцзюнь³; здесь был помещен гарнизон из 4000 маньчжуров из городов собственного Китая. В другой сильной крепости Баянтае, в 10 верстах от г. Кульджи, был помещен гарнизон из 2000 маньчжуров, переведенных из Жэхэ. В 29-м году Цянь-луна (1764 г.) с берегов Амура и из Мукденя были переведены в Илийский округ 1000 человек онко-ров и дахуров, которые стали называться здесь солонами, и 1000 человек сибо⁴ (маньчжурское поколение)⁵. Затем правительство стало ссылат в Илийскую область китайцев, совершивших внутри империи преступления. Что касается дунган, то они не были переселены силой, а сами добровольно в разное время стали прибывать в Илийский край. Во время восстания (в 60-х годах минувшего столетия) их насчитывалось здесь около 3000 человек.

Итак, благодаря мерам Дайцинского правительства край был быстро заселен маньчжурами, сибинцами, солонами, китайцами и таранчами⁶. Китайцы представляли крайне негодный элемент, так как комплектовались из преступников.

¹ Амурсана (1722–1757) — ойратский нойон, последний правитель Джунгарского ханства (1755–1757). В 1754 г. перешел на сторону цинского правительства и помог ему вторгнуться в Джунгарию, в 1755 г. вновь присоединился к антиманьчжурскому движению.

² Дабачи (Даваца) (?–1759) — правитель Джунгарского ханства (1753–1755). Боролся за власть в Джунгарском ханстве с Амурсаной, в 1755 г. был схвачен и передан китайским властям.

³ Цзянцзюнь 將軍 — при династии Цин генерал, командир знаменного гарнизона.

⁴ Сибо, сибинцы — одно из национальных меньшинств КНР. Переселены на территорию Синьцзяна после его завоевания цинским Китаем. Говорят на диалекте маньчжурского языка, до сих пор используют маньчжурское письмо, восходящее к старомонгольскому, издают на родном языке газету.

⁵ По словам Ф.М. Муромского, сибо считают первоначальной своей родиной район городов Цицикара и Бодунэ в Маньчжурии (Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 7, с. 56). — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁶ Кроме того, (в Боро-тала) были переселены еще чахары, прибывшие в составе китайских войск. — *Примеч. Вл. Котвича.*

Господствующее положение в крае заняли маньчжурские знаменные войска. Сибо и солоны составили особый кадр войск. Получив в свое владение громадные земельные угодья, они жили самостоятельно и не были в тягость таранчам, с которыми сибо даже состояли в дружбе. Зато маньчжуры сели на шею таранчам, из которых каждый должен был содержать одного маньчжурского солдата. Таранчи были непосредственно подчинены маньчжурскому начальству, а не сяньгуаню [縣官] (китайскому уездному начальнику), как теперь.

Таким образом, с самого начала таранчи несли на себе все тягло и кормили маньчжуров, живших в крепостях. Китайцы, ссыльнопоселенцы, также всячески обижали таранчей; они и с дунганами постоянно ссорились. Чиновники, со своей стороны, применяли магометан и без зазрения совести брали взятки. Сам цзянцзюнь Чан, при котором началось восстание, отличался взяточничеством, за что таранчи и не называли его иначе, как Чан — «длинный мешок».

Все эти обстоятельства имели следствием то, что к половине минувшего столетия таранчи и дунгане представляли крайне озлобленный против маньчжуров и китайцев элемент. Распространившееся в начале 60-х годов по всему Синьцзяну дунганское восстание нашло в Или хорошо подготовленную почву. Не доставало только искры, чтобы и здесь вспыхнул пожар. Такою искрой и послужило нападение в 1864 г. ссыльных китайцев на дунган в г. Хуйюаньчэне. Дунгане бежали в г. Кульджу к таранчам, а после того началось общее восстание таранчей и дунган в Илийской области.

Звезда таранчей ярко заблестала: они уничтожили маньчжуров и китайцев в Илийском крае, образовали свое ханство и уничтожили затем в нескольких стычках своих прежних союзников — дунган.

Интересно, что сами таранчи удивляются теперь, как это тогдашние таранчи могли все это сделать. Один старик-таранчинец, участвовавший во всех битвах таранчей с маньчжурами и китайцами, а именно таранчинский аксакал при консульстве, на мой вопрос, как могли таранчи с самым плохим вооружением брать крепости, захватывать артиллерию, простодушно заявил, что «это Бог дал». И, обольщенный величием своих подвигов, этот убеленный сединами таранчинец добавил, что тогда 100 китайцев не могли ничего поделывать с одним таранчинцем, а всего китайцев и маньчжуров с сибо и солонами было около 200 000 человек при 150 орудиях, таранчей же и дунган вместе было не более 10 000 человек. Фантазия, конечно, у него разыгралась. А что у таранчей и дунган в их борьбе с маньчжурами не было особенных подвигов и поражение китайцев и маньчжуров было вызвано особыми обстоятельствами — так это видно из предлагаемого мною перевода маньчжурской повести о событиях в Илийском крае в 1864–1871 гг.

Как местный житель, я заинтересовался вышеуказанными событиями и попросил своего учителя, знаменного сибинца, прекрасно помнящего о мятеже дунган и таранчей в 1864–1871 гг.⁷ и имеющего несколько знакомых сибинских ста-

⁷ В 1864 г. этому сибинцу было 17 лет. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

риков-свидетелей того времени, написать мне беспристрастно свои воспоминания о мятеже дунган и таранчей. Сибинец согласился исполнить мою просьбу под условием не упоминать его имени и фамилии. Автор поступил добросовестно — ничего не приукрасил. Напротив, он сильно упрекает цзянцзюня Мина за его бездеятельность и порицает офицеров за их гордость, трусость и совершенную неспособность к командованию. Воспоминания свои сибинец писал спешно, а от этого в маньчжурском тексте встречаются местами повторения и уклонения в сторону. В своем переводе я разделил всю повесть на 13 глав, поместил кое-где мелкие подстрочные примечания к тексту. При этом все, что было не ясно для меня, автор объяснил мне при чтении с ним текста. В общем автор повествовал довольно кратко. В устной беседе он рассказывает о некоторых событиях гораздо подробнее. Но и за написанное спасибо ему! Немногие маньчжуры и китайцы уцелели в ту несчастную годину, а из оставшихся невредимыми уже многие покончили земные счета. Сибинцев-очевидцев осталось также немного, пройдет 10–15 лет, и их не станет. Вот почему рассказ сибинца, как единственный труд на маньчжурском языке о событиях 1864–1871 гг., я думаю, имеет некоторый интерес, и я решаюсь предложить читателям свой перевод, льстя при этом себя надеждой, что критики снисходительно отнесутся к этой работе.

А. Дьяков
30 декабря 1905 года
г. Кульджа

Обстоятельства дунганско-таранчинского восстания 1864–1871 гг. в Илийском крае, вызвавшего русскую оккупацию этой области, остаются донныне недостаточно освещенными в европейской литературе. Единственным, по-видимому, источником наших сведений по этому предмету могут быть рассказы туземцев-очевидцев, и донныне мы располагали двумя такими рассказами, принадлежащими представителям главных враждовавших между собой в Или народностей — китайцев и таранчинцев. Первый рассказ, написанный китайским чиновником Лю Цуньханем, был обнародован в русском переводе покойным профессором В.П. Васильевым в «Русском вестнике» («Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими». 1872, V, с. 173–161). Извлечение из этого перевода помещено у Г.Е. Грум-Гржимайло в 1-й части его «Описаний путешествия в Западный Китай» (СПб., 1896, с. 6–16). Другое повествование, составленное таранчинским муллою Билялем под заглавием «Китаби-игагат дермульки Чин» было издано Н.Н. Пантусовым («Война мусульман против китайцев». Вып. I. Казань, 1880) в одном лишь таранчинском тексте, без перевода, что, конечно, служило сильным препятствием для пользования этим трудом. Существует, однако, рукописный перевод его на русский язык, и этим переводом пользовался Д. Федоров при составлении своего «Опыта военно-статистического описания Илийского края» (Ташкент, 1903), где и поместил, по-видимому, извлечение из труда Биляля (ч. I, с. VII и 36–51).

Помещаемый здесь в переводе рассказ о тех же событиях принадлежит сибинцу, представителю одной из тех многочисленных групп населения Илийского края, которые были

вовлечены в китайско-мусульманскую распрю более или менее против своей воли, причем часть их пострадала весьма сильно. Этот труд, внося весьма существенные дополнения в рассказ Лю Цуньхана о деятельности сторонников Дайцинского правительства, дает вместе с тем весьма интересный материал для выяснения отношения к главным враждовавшим сторонам прочего пестрого по своему составу населения Илийского края. Но, конечно, при оценке исторической достоверности отдельных эпизодов необходимо иметь в виду, что автору, при возникновении описываемых событий, было только 17 лет и что с тех пор до времени составления «Воспоминаний» прошло около 40 лет.

Представленный А.А. Дьяковым перевод был, согласно желанию, выраженному Вост. Отделением (Записки, т. XVII, вып. IV, с. XXII, XXIV и XXXIII), сличен мною с маньчжурским текстом, причем, ввиду допущенных переводчиком некоторых отступлений от этого текста, были сделаны, с согласия переводчика, изменения, так что печатаемый перевод ныне соответствует своему оригиналу. Кроме того, мной для ясности сделаны небольшие примечания, обозначенные моими инициалами; прочие примечания принадлежат переводчику. Им же вставлены, для пояснения, слова, помещенные в тексте перевода в скобках. — *Примеч. Вл. Котвича.*

Содержание «Воспоминаний»

Глава I

События, предшествовавшие восстанию дунган и таранчей в Илийском крае

Глава II

Начало восстания дунган и таранчей в Илийском крае

Глава III

Первая битва войск илийского цзянцзюня с бунтовщиками и осада последними маньчжурской крепости Баянтай

Глава IV

Падение Баянтай и мелкие стычки маньчжуров, солонов, сибинцев и китайцев с дунганями и таранчами. Гибель суйдинского китайского артиллерийского отряда

Глава V

Осада бунтовщиками города Суйдина и единственное за все время войны славное дело сибинского отряда под начальством ротного командира Ургуна

Глава VI

Калмыки идут на помощь к цзянцзюню, но из-за коварства чиновников последнего уходят обратно. Битва маньчжурско-китайских войск с дунганями и таранчами

Глава VII

Экспедиция таранчинского войска под командою Эмир-хан-ходжи к югу от р. Или и договор таранчей с 8-ю сибинскими ротами

Глава VIII

Договор Эмир-хан-ходжи с солонскими ротами

Глава IX

Осада и взятие магометанами г. Хуйюаньчэна

Глава X

Взятие дунганами и таранчами прочих китайских городов в Илийском крае и разгром ими четырех солонских рот

Глава XI

Междоусобная война таранчей и дунган в Илийском крае

Глава XII

Отношение таранчей к 8 сибинским ротам

Глава XIII

Оккупация русскими войсками Илийского края

[Воспоминания]

(Перевод с маньчжурского)

[Глава] I

[События,

предшествовавшие восстанию дунган и таранчей
в Илийском крае]

В 3-м году правления Тун-чжи⁸ (в 1864 г.) пламя дунганского восстания широко распространилось в Притяньшаньском крае. Восстание началось в городах Куче и Аксу, которые ввиду отсутствия в них гарнизона были без всякого труда (в один день) заняты мятежниками. Затем последние завладели Гучэном, Урумчи и Манасом и уничтожили все китайские посты по дороге из Гучэна в Урумчи и от Урумчи до Манаса. Овладев последним, дунгане продвинулись далее по дороге в Илийский край и заняли китайский пост в Аньцзихае. В то время в Гучэне и Урумчи было по два гарнизона: китайский и маньчжурский, в Манасе — только китайский. Илийские дунгане и таранчи внимательно следили за успехами восставших.

---

⁸ Тун-чжи (同治) — девиз правления цинского императора Му-цзуна (1862–1875).

Первыми выказали враждебное настроение илийские дунгане, жившие в Хара-усу⁹. Китайцы, пахавшие там землю, должны были укрыться в крепости, которую занимал китайский гарнизон под начальством мэнь-амбана¹⁰.

Илийский цзянцзюнь Чан, узнав о критическом положении хара-усунского гарнизона, снарядил на помощь ему войско. В состав колонны вошла 3000 человек кавалерии, набранной из сибо, блёттов и чахар, 2000 китайской пехоты и 3000 особых пехотинцев, набранных из китайцев, сосланных из внутренних провинций Китая в Илийский край за преступления. А так как борьба с бунтовщиками ставилась в заслугу ссыльным китайцам, то к этой 8-тысячной толпе добровольно присоединились еще 3000 ссыльных китайцев, движимых желанием при удачном исходе операций войска ограбить дунганское население. Командование этой колонной цзянцзюнь поручил блётскому мэнь-амбану, который выступил из г. Хуйюаньчэна¹¹ в начале 7-й луны 3-го года Тун-чжи (в 1864 г.). Вместе с войском отправились и 4 мусульманских муллы, которые по распоряжению цзянцзюня должны были увещевать бунтовщиков; применение же оружия должно было явиться крайним средством.

Илийское войско, подойдя к хара-усунской крепости, расположилось лагерем вне ее, с северной стороны. На другой день были высланы для переговоров с дунганами четыре илийских муллы, но магометане сдаваться не хотели. Так прошло несколько дней. Дунгане в это время заперлись со своими семьями в мечети, находившейся на базаре вне северных ворот города¹². Мечеть была окружена толстой глинобитной стеной, и войско в течение двух дней не могло ворваться внутрь ограды. На третий день илийское войско продвинуло к воротам ограды пушку, удачный выстрел из которой привел в страх мусульман. Дунгане, видя свое отчаянное положение, подожгли мечеть, в которой были их жены и дети, а сами намеревались бежать. Но вдруг с запада надвинулась черная туча, полил сильнейший дождь, который погасил распространявшийся уже огонь.

---

⁹ Хара-усу (по-китайски Лаочэн [老城]) — название местности и города в четырех днях конной езды от г. Хуйюаньчэна, если ехать через хребет Борбосун, и в 370 ли от Манаса. Возле гор к югу от Хара-усу в описываемое время кочевали и теперь кочуют торгуты, подчиненные китайскому правительству. Когда таранчи образовали в Илийском крае свое владение, эти торгуты подчинились таранчинскому султану. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

¹⁰ Мэнь-амбань — начальник отдельного отряда войск. Все мэнь-амбани (блётский, чахарский, сибинский и солонский) назначаются правительством исключительно из маньчжуров. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

¹¹ Под этим Хуйюаньчэном разумеется старый Хуйюаньчэн (теперь есть новый город того же названия), разрушенный дунганами и таранчами, — отстоящий в 40 верстах к западу от г. Кульджи и расположенный на берегу р. Или. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

¹² Дунгане жили в особом квартале, вне крепости. Во время сражения с дунганами гарнизон крепости помогал илийскому войску. Но после неудачных операций этого войска, заставивших его возвратиться в Илийский край, крепость была взята дунганами, и гарнизон ее был вырезан ими. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Осаждавшие в дождь на приступ не пошли, и мэнь-амбань отвел войско в лагерь. Когда на другой день солдаты были уже готовы выступить на решительную атаку, от дунган вдруг пришли 4–5 мулл и принесли грамоту с изъявлением покорности. Командующий войсками обратился к ним с речью, обещав от имени цзянцзюня простить их, если они чистосердечно раскаются и покорятся, и приказал им сдать в течение трех дней оружие. Выслушав приказание, муллы удалились, а мэнь-амбань, считая мятеж оконченным, приказал своим солдатам, выходящим из лагеря за фуражом или по другим делам, не брать с собой оружия.

Это было время уборки хлеба (конец 7-й луны). Хлеб был снят, но не успели китайцы убрать его с полей, как дунгане заволновались, и китайцы-пахари укрылись в крепости, где местный мэнь-амбань раздавал им запасный хлеб. Для (вновь прибывшего) илийского войска не хватило этого хлеба, и оно вынуждено было само собирать хлеб с полей и таким образом питаться.

В это время разнеслась весть, что из Манаса и Урумчи идут на помощь к хара-усунским дунганам их собратья. Поджидая их, хара-усунские дунгане под разными предложениями не сдавали своего оружия, но китайские начальники не понимали (в чем дело).

Впрочем, илийский мэнь-амбань для защиты своего войска выставил заслон, послав в Аньцзихай¹³ 300 человек кавалерии и 1000 пехоты из китайцев-ссылочно-поселенцев. Этот авангард, не доходя Аньцзихая, остановился на открытом месте, не приняв никаких мер предосторожности. На рассвете дунгане из Манаса и Аньцзихая тихо вошли в китайский лагерь под Аньцзихаем и стали убивать спящих китайцев. Хотя кавалеристы успели вскочить на коней, но только сильные кони донесли некоторых до главного илийского отряда, имевшие же худых лошадей были настигнуты дунганями и убиты; были убиты также поголовно и все пешие китайцы.

Расположившееся под Хара-усу лагерем илийское войско с тревогою поджидало манасских дунган, которые на третий день после прибытия в Хара-усу китайцев, бежавших из Аньцзихая, явились и напали на илийское войско, причем успели взять в плен многих солдат. Однако хотя сражались целый день, но ни та ни другая сторона не одержала победы. А потому отряды илийского войска вечером возвратились в лагерь под Хара-усу, не будучи преследуемы дунганями. Но так как хлеб илийскому войску не был доставлен, то оно, очутившись в критическом положении, той же ночью бежало обратно в Или. Первыми бежали из лагеря китайцы. Офицеры, не будучи в состоянии остановить бегущих солдат, сами последовали их примеру. Китайцы, сибо, блоты и чахары¹⁴ от-

¹³ Станция Аньцзихай находится в 210 ли к востоку от Хара-усу, по дороге в Манас, от которого отстоит в 160 ли (цифры эти не вполне соответствуют картам. — *Вл. Котвич*). — *Примеч. А.А. Дьякова*.

¹⁴ Торгуты, помогавшие илийскому войску отрядом в 300 человек, также бежали от дунган в свои кочевья. — *Примеч. А.А. Дьякова*.

дельными группами прибывали в Илийский край. Почти все сначала скрывались кто где мог, боясь гнева цзянцзюня. Позднее всех явились к нему командиры отдельных отрядов.

Что касается сибо, живших к югу от р. Или, то они, надеясь на нейтралитет таранчей, пошли кратчайшей дорогой через ущелье Борбосун¹⁵, но почти все были убиты таранчами, жившими в многочисленных селениях к востоку от г. Кульджи.

После этого и среди магометан, живших в илийских городах Хуйюаньчэне, Суйдине, Кульдже и многочисленных селах, началось брожение. В это время пекинское правительство отредило цзянцзюня Чана от должности, назначив на его место тарбагатайского хэбэй-амбана¹⁶ Мина¹⁷.

10-го числа 10-й луны 3-го года Тун-чжи (в 1864 г.) хуйюаньчэнские дунгане пригласили цзянцзюня, хэбэй-амбана и мэнь-амбаней на обед. Большинство боялись и не хотели ехать на обед. Но цзянцзюнь, сказав, что своим отказом сановники выкажут трусость и только подольют масла в огонь, велел всем званым отправиться на дунганский обед, устроенный в мечети. После окончания обеда старший ахун обратился к цзянцзюню с речью, сказав, между прочим, следующее: «Мы, мусульмане, в течение 100 лет были верноподданными маньчжурского государя. Просим вас, цзянцзюнь, взять ныне нас под свою защиту, так как ссыльные китайцы, всегда презиравшие нас, теперь оттачивают в своем храме копья и говорят, что „высосут нашу кровь“». Цзянцзюнь успокаивал дунган, говоря, что китайцы, по его поручению, оттачивают на камне железные монеты, отлитые вследствие отсутствия медных денег в Илийском крае, и что они никаких злых замыслов по отношению к дунганам не питают. Но как бы то ни было, дунгане обнаружили признаки враждебного настроения, а потому цзянцзюнь и амбани, выйдя из дунганской мечети, скорее сели в свои тележки и помчались в крепость.

[Глава] II

[Начало восстания дунган и таранчей в Илийском крае]

За северными воротами г. Хуйюаньчэна был расположен базар, где жили дунгане и ссыльные китайцы. Спустя два дня после вышеописанного обеда возникла

---

¹⁵ Ущелье Борбосун (у Грум-Гржимайло, *op. cit.*, с. 33 — перевал Боробо-госун, или Цитерты. — *Вл. Котвич*) находится в расстоянии одного дня езды от Кульджи. Узкая дорога, пролегающая через это ущелье, ведет из Кульджи через хребет Борбосун в Цинхэ — станцию, лежащую на большой дороге Манас-Урумчи, по которой и бежало илийское войско из-под Хара-усу. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

¹⁶ *Хэбэй-амбань* — «советник» цзянцзюня. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

¹⁷ По словам Лю Цуньхэня, цзянцзюнь Чан получил приказание сдать должность Мину только 26-го числа 11-й луны. — *Примеч. Вл. Котвича.*

ссора между дунганами и китайцами. Дунгане вскочили на коней, вооружившись копьями; поднялась страшная суматоха. Цзянцзюнь и амбани, услышав шум, вышли на крепостные стены, к которым приблизились дунгане — старики, юноши, женщины и дети, стали на колени и с плачем просили защиты. Цзянцзюнь спросил о причине волнения. Вооруженные копьями дунганские всадники сказали, что у них вовсе нет злого намерения, а прибегли они к оружию единственно для защиты самих себя от китайцев, грозивших будто бы их убить. Тогда цзянцзюнь позволил дунганам укрыться в крепости. Дунгане слезли с лошадей и, ведя их за повод, пошли в крепость.

Но в это время ссыльные китайцы, жившие вместе с дунганами на базаре, погнались за ними с северной стороны и убили многих дунган в воротах крепости; оставшиеся в живых дунгане, вскочив на коней, успели скрыться. Напавшие китайцы не щадили и стоявших у стен крепости на коленях дунганских стариков, женщин и детей. После этого события и началось восстание дунган и таранчей в Илийском крае.

Все дунгане еще ранее условились между собою, чтобы 24-го числа 10-й луны хуйюаньчэнские дунгане первые подняли восстание, а прочие мусульмане последовали за ними.

Ссыльные китайцы, узнав о готовящемся бунте, не поверили чистоте намерений дунган, стоявших вооруженными под крепостью и просивших у цзянцзюня позволения укрыться за стенами крепости, а потому решили тотчас же покончить с коварными дунганами и тем подавить восстание в самом начале. Но китайцы не успели в то время (12-го числа 10-й луны) убить всех хуйюаньчэнских дунган, а только ускорили [надвигавшиеся кровавые события].

Ночью того же числа дунгане-пахари, жившие около ламайской кумирни, убили всех лам, но хамбо-лама¹⁸ успел бежать за р. Или к сибинцам.

Той же ночью (т.е. с 12-го на 13-е) вспыхнуло восстание и в Кульдже; проживавшие там китайские торговцы были перебиты. Бедные таранчи все перешли на сторону повстанцев, только знатные таранчи держались еще нейтралитета.

Между прочим, таранчинский аким-бек¹⁹ по имени Майсемсат, родом из Турфана, и другие сначала не примкнули к бунтовщикам. Аким-беку выгодно было оставаться верным китайскому правительству, так как оно его возвысило, поставив начальником над всеми таранчами и назначив ему 2000 лан в год жалованья. В ночь общего восстания Майсемсат²⁰ находился по делам в городе цзянцзюня (т.е. в Хуйюаньчэне).

¹⁸ Настоятель буддийского монастыря. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

¹⁹ Аким-бэк или хахим-бэк — вроде уездного начальника. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

²⁰ Федоров (ор. cit., р. 36), по-видимому, со слов муллы Биляля, говорит, что тогдашний хахим-бэк назывался Муззем-хан и что он в то время был смещен цзянцзюнем и насильно задержан в маньчжурской Кульдже, т.е. в Хуйюаньчэне. — *Примеч. Вл. Котвича.*

13-го числа 10-й луны цзянцзюнь стянул из разных мест к Хуйюаньчэну войска, которые вместе с ссыльными китайцами осадили дунганский квартал и после трехдневной осады выгнали дунган с базара. Некоторые дунгане успели захватить своих жен и детей, а не могшие этого сделать перебили сами свои семьи. Все дунгане бежали в г. Кульджу. Цзянцзюнь остановил преследовавшее дунган войско, запретив убивать дунган и грабить опустевший дунганский квартал.

В то время сибинским ухэридою был Дэхэду, живший в 4-й ниру²¹. В день восстания, т.е. 12-го числа 10-й луны, цзянцзюнь приказал ему взять сибинцев, перейти р. Или и занять ламайскую кумирню (духовенство которой, как сказано выше, было перебито дунганями). 16-го числа 10-й луны ухэрида²² с несколькими сотнями сибо перешел через р. Или и приблизился к ламайской обители. В это время туда же подошли и дунгане, бежавшие из Хуйюаньчэна по направлению к Кульдже. Ухэрида, опасаясь напрасного избиения безоружных сибинцев, пришедших в большом числе с сибинским отрядом для грабежа монашеского имущества, послал к дунганам одного сибинца и просил ахуна прийти для переговоров. Ахун пришел, и ухэрида чествовал его поднесением кубышки с нюхательным табаком. Ахун заявил ему, что дунгане взбунтовались, не будучи более в состоянии выносить притеснений, которым подвергали их маньчжуры и китайцы. При этом ахун добавил, что дунгане не успокоятся до тех пор, пока не перебьют в Илийском крае всех китайцев и маньчжуров, а их, сибинцев, дунгане не тронут. Ухэрида тогда просил дунган не переходить через р. Или во время ее мелководья или зимой по льду и не нападать на 7-ю и 5-ю роты, которые были совершенно беззащитны, так как были расположены на низком месте около реки и не были окружены стеной. Дунгане поклялись, что они не нападут на сибинские роты, и обе стороны мирно разошлись.

Ухэрида сильно беспокоился за свой договор с дунганями. И действительно, какой-то негодяй донес цзянцзюню, что ухэрида Дэ²³ вел какие-то переговоры с бунтовщиками. Цзянцзюнь немедленно вызвал в г. Хуйюаньчэн ухэриду и арестовал его. Также арестовали одного конвойного ухэриды и потребовали от него показания, о чем ухэрида договаривался с ворами²⁴. Но этот человек решительно отказался оклеветать своего начальника. Тогда, по распоряжению цзянцзюня,

²¹ Сибинцы делятся на 8 ниру («рота», «сотня»), во главе которых стоят ротные командиры. Все роты подчинены одному ухэриде (букв. «общему начальнику»). — *Вл. Котвич*, проживающему среди сибинцев и зависящему от сибинского мэнь-амбаня, который состоит при цзянцзюне. — *Примеч. А.А. Дьякова*.

Ниру, *ниру-чжаньгинь* (маньчж., кит. *нирочжанцзин* 牛录章京) — рота, низшая единица военно-административной системы цинского Китая.

²² *Ухэрида* (маньчж.) — должностные лица среди кочевников, назначавшиеся китайскими властями.

²³ По маньчжурскому обычаю произносится только начальный слог имени, а не все имя. — *Примеч. А.А. Дьякова*.

²⁴ Так автор, следуя примеру китайцев, называет взбунтовавшихся дунган и таранчей. — *Примеч. А.А. Дьякова*.

вызвали из 4-й ниру (роты), из которой происходил ухэрида, 3-х стариков и старшего брата ухэриды. Подвергнув этих лиц жестокой пытке, добились от них показания, что ухэрида действительно изменил.

В конце концов конвойный ухэриды также подтвердил слова этих 4-х человек, и тогда ухэриду Дэ заключили в тюрьму, назначив на его место другого человека.

[Глава] III

[Первая битва войск илийского цзянцзюня с бунтовщиками и осада последними маньчжурской крепости Баянтай]

25-го числа 10-й луны 3-го года правления Тун-чжи (в 1864 г.) хуйюаньчэнские маньчжуры совместно с сибинцами, солонами и китайским артиллерийским отрядом, стоявшим в суйдинской крепости²⁵, выступили из г. Хуйюаньчэна и пошли по направлению к крепости Баянтай²⁶. На половине дороги от г. Хуйюаньчэна до крепости Баянтай соединенное войско встретило бунтовщиков-дунган и таранчей. Во главе войска стояли бездушные и гордые начальники, которым не было никакого дела до своих солдат. Сам цзянцзюнь не считал нужным командовать войском и остался в городе.

Мусульмане, одушевляемые чувством мести, отчаянно напали на стоявших в центре маньчжуров, уже совершенно потерявших всякую воинственность в течение столетнего беспечного сидения в городе. Соединенному войску не помогла и артиллерия китайцев. Маньчжуры и китайцы были разбиты; их офицеры первые бросили поле сражения, после чего все отдельными группами бежали обратно в г. Хуйюаньчэн, бросив в добычу бунтовщикам пушки²⁷, ружья, порох и холодное оружие, чем и усилили бунтовщиков.

Что касается сибинцев и солон, то они (сначала) непоколебимо стояли на флангах. Хотя бунтовщики к ним и не подходили близко, но они (сибо и солон),

---

²⁵ Город Суйдин, в коем теперь имеется китайская крепость и *луин* под командой *чжэньтя* и живет начальник области (*чжифу* [知府]), отстоит от г. Кульджи в 50 верстах. До войны в нем также стоял полк Зеленого знамени (*луин*). — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Люйин (綠營) — состоявшие из китайцев войска «зеленого знамени», не входившие в маньчжурские «восьмизнаменные» войска.

²⁶ Баянтай — это громадная крепость, верст пять в окружности, разрушенная дунганями и таранчами. Баянтай находится в девяти верстах от Кульджи, возле дороги в Суйдин. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

²⁷ Пушки принадлежали китайскому отряду из Суйдина. Китайцы 25-го числа 10-й луны оставили мусульманам 3–4 больших пушки с лафетами и 20 малых пушек. Тогдашняя китайская артиллерия состояла из пушек двух родов: большие чугунные пушки ставились на лафеты; маленькие пушки клались во время сражения на плечи двух солдат, причем сзади становился третий, который и зажигал фитиль; в ряд устанавливалось пять таких пушек. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

боясь, как бы мусульмане, бросившиеся преследовать маньчжуров и китайцев, не зашли им в тыл, тоже бросили свои позиции и бежали в г. Хуйюаньчэн.

В этой битве таранчи были вооружены только палками с железными наконечниками, а у дунган были длинные палки с привязанными к концам ножницами для стрижки баранов.

После такого успеха и державшиеся нейтралитета богатые и знатные таранчи примкнули к повстанцам, которые того же 25-го числа также завладели крепостью в 8 *ли* от г. Кульджи — Чэнпаньцзы, где жило 250 китайских солдат, в том числе и артиллеристы, при нескольких орудиях²⁸.

Вечером того же дня таранчи и дунгане большою толпой, около 10 000 человек, подошли к маньчжурской крепости Баянтай и окружили ее. Главнокомандующим над всеми таранчами был кульджинский таранчинец Абдурасуль Чорурков, ему помогал «халпе»²⁹ Шамс-эддин Худай-Кулинов, командовавший таранчинским отрядом из восьми деревень. Потом прибыл из Ташкента сарт³⁰ Эмирхан-ходжа, который также много помогал таранчам. Всеми дунганями командовал дунганин Ма И, называвшийся по-таранчински Ягур. Дунганам особенно помогал дунганин Ханджа-ахун, отличавшийся изобретательностью и геройством. Таранчи и дунгане, вооруженные деревянными палками и ружьями, подойдя к Баянтаю, плотно окружили его. Мусульмане, воздвигнув к югу от крепости три земляных насыпи, поставили на них пушки на лафетах, отнятые ими у суйдинских китайцев в большом сражении 25-го числа 10-й луны. Таранчи под угрозой смерти заставили чэнпаньцзыских китайских артиллеристов стрелять по крепости, сшибая зубцы ее; из крепости маньчжуры отвечали огнем из больших пушек. Канонада раздавалась особенно сильно по утрам и вечерам. Звук выстрелов доносился до сибинских рот, и я (автор этих воспоминаний) сам лично слышал его.

На выручку Баянтая цзянцзюнь решил послать 27-го числа 11-й луны войско, составленное из маньчжуров, сибо, солонов, чахар, киргизов и калмыков.

Что касается последних, то они кочевали к югу от гор, расположенных по левому берегу р. Или. А так как на пути к калмыкам, к югу от сибинских рот, находились таранчинские селения, то передача калмыкам приказа от цзянцзюня и посылка ими вспомогательного отряда к Хуйюаньчэну представляли рискованное предприятие. На совете у цзянцзюня было решено послать к калмыкам 40 сибинских конных солдат под начальством маньчжурского ротного командира и его

---

²⁸ Автор сообщил мне, что в Чэнпаньцзы тогда было около 5–10 маленьких пушек. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

²⁹ Собственно *хальфа* — глава религиозного (дервишского) ордена у мусульман. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

³⁰ Сарты — название, которое до 1917 г. употреблялось преимущественно по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам полукочевыми узбеками и казахами. В Ташкентском, Ферганском и Хорезмском оазисах и в Южном Казахстане оно являлось также самоназванием оседлых узбеков.

помощника, двух сибирских чиновников (фуньдэ бошоку и араха хафань³¹), 7 калмыков из числа живших в сибирских землях и двух переводчиков с сибирского языка на калмыцкий, сибирцев — Мэршана и Ланго. Всего набралось 53 человека. Этому отряду было приказано пройти со всеми предосторожностями мимо таранчинских сел и привести с собой калмыков. Отряд прошел через Хонохойское ущелье, но не мог разыскать калмыков, а потому через 7 дней отправился в обратный путь. Но оказалось, что таранчинцы из селения Кальджат³², из 5 сел, расположенных в Хонохое, и 2-х — в Боро, заняв ущелье, преградили дорогу отряду. Но начальник над 12 таранчинскими селениями к югу от сибирских рот, шанбек Тогулак³³, живший в Кальджате, приказал таранчам пропустить этот отряд, тем более что сибирцы были хорошо вооружены, у всех были луки, а у некоторых и ружья³⁴, таранчи же были вооружены только дубинами и большинство их были пешие, так как другая, большая, часть таранчей на лучших лошадях отправилась к северу от р. Или сражаться с войсками цзянцзюня. Стычка с сибом могла окончиться для таранчей плохо, и потому они обратились к сибом с коварными словами: «Мы с вами добрые соседи и никогда не сделаем вам зла. Теперь переночуйте у нас; к тому же отвезите от нас к вашему цзянцзюню бумагу. Вы не бойтесь, мы худого вам не сделаем». Отряд не хотел верить таранчам. Но переводчик Мэршан сумел победить все сомнения своих товарищей, говоря, что он и Тогулак — большие друзья и что все сибирцы могут спокойно переночевать у таранчей, а на следующий день отправляться далее; если же встретят препятствие, то проложат себе путь с оружием в руках.

Тогда сибом, два маньчжура и калмыки слезли с лошадей; таранчи подошли и стали здороваться с сибирцами, с которыми многие были знакомы. Благодаря тому, что сибирцы и таранчи были соседями, совместно пахали землю и вообще издавна находились между собою в хороших отношениях, много таранчей нанимались работниками к сибирцам. Этим и объясняется доверчивость последних. Но как только солдаты сложили свое оружие, таранчи захватили его и дубинами перебили всех; успел бежать только один молодой калмык.

---

³¹ Этот араха хафань, как передавал мне автор «Воспоминаний», был самый младший брат дедушки автора. Последний хорошо помнит тот вечер, когда эти два сибирских чиновника и маньчжурский ротный командир с помощником, перед отъездом к калмыкам, собрались в доме отца автора записок, в 3-й сибирской роте. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Фуньде бошоку — маньчж.: поручик, заместитель ротного командира; *хафань (каван)* — маньчж.: чиновник.

³² Ныне Кальджат находится в русских пределах, возле границы. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Совр. село Кольжат, Уйгурский район Алматинской области, Казахстан.

³³ Сын этого шанбека, тоже Тогулак — русскоподданный и живет в Кальджате — известный богач. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

³⁴ Тогда у сибирцев, как сообщает автор записок, были ружья, выстрел из которых происходил от медленно тлеющего фитиля; запас последнего всегда находился у стрелка в коробочке, привешенной к поясу. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Неубитого переводчика Мэршана таранчи хотели обратить в магометанство и обрить ему голову. Но Мэршан отказался, заявив, что он не может один жить, когда убиты по его вине все его товарищи. Тогулак ответил Мэршану: «Что касается меня, то я не желал убивать сибинцев. На это была воля Божия. Ты же должен все-таки сбрить волосы на голове». Мэршан ответил: «Разве может баран сделаться свиньей?» Тогда таранчи, стоявшие за спиной Тогулака, который сидел рядом с Мэршаном, ударили Мэршана дубиной по голове и раскроили ему череп. Трупы всех убитых были брошены в степь. Подробности об этом событии рассказали впоследствии сами таранчи.

К 27-му 11-й луны в Хуйюаньчэн были собраны чахары и несколько сотен киргизов. Чахары жили в Боро-гала³⁵, на пути к ним не было таранчинских сел, а потому чахар и удалось призвать на помощь.

Затем цзянцзюнь взял 500 сибинских телег (арб) и отдал их под охрану 500 вольным (не военным) сибинцам, бежавшим с поля сражения при Хара-усу, с тем чтобы днем на этих телегах везти пищу, ночью же делать из них баррикады. Но эта затея цзянцзюня не удалась, так как в том году снег был очень глубок и телеги едва только тащились по дороге, ставить же их в стороне от дороги и вообще там, где было нужно, чтобы делать баррикады, не было возможности.

Собравшие цзянцзюнем 10 000 всадников и несколько тысяч пехоты 27-го числа 11-й луны выступили из Хуйюаньчэна, направляясь к Баянтаю. Сам цзянцзюнь отдал приказ непременно помочь Баянтаю, но сам опять не вышел с войском. Командовали же войском трусы. Следуя позади войска, они лишь дрожали, и весь поход носил характер детской забавы. Как же при таких условиях победить?!

Войска еще не были приведены в боевой порядок, как многочисленная толпа дунган и в особенности таранчей ринулась на них. В самом же начале сражения обратились в бегство чахары и киргизы³⁶. Бежали также с поля битвы и все командиры из маньчжуров. После непродолжительной перестрелки маньчжуры и китайцы были крайне стеснены. Таранчи ворвались в их ряды и кололи их нещадно: маньчжуры и китайцы падали подобно подкошенной траве. А так как в том году снег был очень глубок, то немногие китайцы и бывшие при обозе сибинцы могли убежать и спастись. Китайцы оставили пушки, оружие и порох, отчего сила бунтовщиков чрезвычайно увеличилась.

Что же касается сибо и солонов, шедших отдельно от остального войска, то так как они были известны по своей храбрости, таранчи не посмели войти в их ряды. В правильном сражении сибинцев погибло мало; больше погибло на разведках в мелких стычках. Вообще сибинцы держались стойко; сильные из них защищали слабых. К тому же среди сибо не было голодных, как у маньчжуров,

---

³⁵ Боро-гала, что значит Боройская долина, находится к югу от хребта Ала-тау и к северу и северо-западу от хребта Боро-Хоро; по этой долине протекает река Боро-гала, впадающая в озеро Эби-нор. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

³⁶ Это киргизы из рода Кызай. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

и лошади их были сыты. Дело в том, что сибо и солоны получали муку из своих рот от ротных командиров; фураж же для лошадей (овес и клевер) они получали от своих старших или младших братьев, вообще от родственников³⁷, не состоявших солдатами и живших у себя дома. Одним словом, набранные из рот сибинцы и солоны, не изведавшие городской жизни, отличались мужеством и силой; в своих ротах они постоянно занимались охотой и упражнялись в стрельбе из лука, а потому были отменные стрелки.

Маньчжуры же, проживши спокойно в течение 100 лет в городах, потеряли всякую воинственность и физически настолько ослабели, что не могли натягивать упругого лука; выпущенные ими стрелы летели недалеко и не могли пробить толстую ватную одежду таранчей. Изнеженные маньчжурские офицеры забросили обучение своих солдат стрельбе из лука, а только щеголяли своей одеждой и вели распутную жизнь. Во время столкновения с таранчами и дунганями маньчжуры были одеты в толстые одежды, что стесняло их движения. В довершение всего они были голодны, так как в Хуйюаньчэне не было хлеба. Хлеб, собранный ранее китайскими чиновниками в г. Кульдже и предназначенный для отправки в г. Хуйюаньчэн, был захвачен восставшими таранчами. Лошади маньчжуров также отощали от голодовки, так как фуража для них не хватило, и они не могли скакать в глубоком снегу. Таранчи и дунгане догоняли застрявших в снегу маньчжуров и убивали их.

Помимо вышеописанного сражения бывали неоднократные мелкие стычки на дороге из Хуйюаньчэна к Баянтаю. Случалось, что маньчжуры разбивали мятежников, но не преследовали их. Когда побеждали бунтовщики, то они, преследуя и убивая маньчжурские войска, доходили до их лагеря.

В это несчастное время цзянцзюня окружали недостойные чиновники из маньчжуров, клеветавшие ему на сибинцев. Лучшие же чиновники советовали освободить сибинского ухэриду из тюрьмы и поручить ему с сибинцами разгромить бунтовщиков. Цзянцзюнь вызвал из тюрьмы к себе ухэриду Дэхэду и спросил его, может ли он разбить восставших. Ухэрида, отвечая цзянцзюню, поставил следующее условие: «Если я, ухэрида, не уничтожу бунтовщиков, то тогда вы, цзянцзюнь, казните меня и всю мою родню, а также и всю четвертую роту. Но если я разобью бунтовщиков, то вы обещайте мне выдать тех немногих злых людей, которые посоветовали вам отправить 500 вольных сибинцев пешими с телегами в битву и тем погубили их». Цзянцзюнь не захотел далее выслушивать ухэриду и отправил его снова в тюрьму. Там его по приказанию цзянцзюня отравили и сказали, что он умер естественной смертью. Тело было выдано жене и детям.

---

³⁷ Жившие в *ниру* (rote) родственники сибо и солон, стоявших лагерем под Хуйюаньчэном, привозили им фураж для лошадей. Автор этих записок передает, что и он, когда р. Или покрылась льдом, привозил на санях в Хуйюаньчэн трем своим дядям фураж для их лошадей. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

После этого события еще более усилилась вражда между сибинцами и маньчжурами, жившими в городах: маньчжуры при встрече называли сибинцев друзьями бунтовщиков.

В довершение всех несчастий сам цзянцзюнь только задавал обеды и вовсе не думал о мятежниках, как бы их и не существовало. Когда понадобилось цзянцзюню отштукатурить комнаты в ямыне³⁸, то глину и известь разводили водою, наполовину разбавленной ханшином (водкою)³⁹. Таким образом значительная часть хлеба, из которого гнали ханшин, ушла на прихоти цзянцзюня.

Во всех бедах, которые постигли несчастный Илийский край, виновны цзянцзюнь и чиновники; дунгане и таранчи тут не при чем. Чиновники не заботились о солдатах, солдаты же презирали чиновников. Последние, когда вспыхнуло восстание, не думали о том, чтобы стать во главе войск и мужественно подавить волнения; наоборот, увидев бунтовщиков, они обращались в бегство. Хотя при этом они и заботились о сохранении своей жизни, но не знали того, что в конце концов они будут истреблены, а их жены и дети сделаются добычей мятежников. Как всё это жаль!

[Глава] IV

[Падение Баянтая

и мелкие стычки маньчжуров, солонов,
сибинцев и китайцев с дунганями и таранчами.

Гибель суйдинского китайского
артиллерийского отряда]

Между тем осажденные в Баянтае маньчжуры отчаянно защищались в течение трех месяцев, причем убили немало бунтовщиков, но положение гарнизона к концу 3-го года Тун-чжи (1864 г.) все-таки стало критическим. Дунгане и таранчи, разделившись на четыре отряда, вели осаду и днем, и ночью.

12-го числа 1-й луны 4-го года Тун-чжи (1865 г.) Ханджа-ахун объявил, что в этот день мусульмане обязательно должны взять Баянтай. По его совету дунган и таранчей накормили до излишества, а вечером приостановили канонаду. К этому времени гарнизон крепости, не ведая ни днем ни ночью покоя, чрезвычайно устал. Маньчжуры напрасно поджидали в этот день дунган и таранчей — в лагере последних все затихло. Вплоть до 10 часов вечера маньчжуры ожидали, что бунтовщики опять полезут на стены крепости и будут врываться через пробитые

³⁸ Ямынь (ямэнь) — присутственное место, управа, канцелярия.

³⁹ Вода, по случаю холодного времени, замерзала, но разбавленная водкой она сохраняла свое жидкое состояние, и в ней можно было разводить глину. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

уже в стенах отверстия. Но бунтовщики словно вымерли — ни криков, ни выстрелов не было слышно с их стороны. Измученные ожиданием и истомленные продолжительной борьбой, маньчжуры после 10 часов вечера заснули.

В час или два ночи дунгане и таранчи тихонько стали взбираться на стены крепости. Маньчжуры спали настолько крепко, что проснулись только тогда, когда половина таранчей уже была на стенах. Маньчжуры живо схватили ружья и луки, стали стрелять и привели в смятение таранчей⁴⁰, которые стали прыгать обратно, сваливаться и спускаться по лестницам со стен.

Но тогда Эмир-хан-ходжа схватил в руки саблю и стал направо и налево рубить таранчей, побуждая их войти в крепость через пробитые отверстия. И вот ночью 12-го числа 1-й луны дунгане и таранчи наконец вошли в крепость. Но в течение семи дней маньчжурский гарнизон⁴¹ еще отчаянно боролся с ворвавшимися в крепость бунтовщиками; даже женщины взялись за оружие для защиты себя. Но все было напрасно, все были убиты мусульманами. Уцелело только небольшое число детей и женщин, которых мусульмане взяли себе.

Незадолго до падения крепости четыре командира знамен и мэнь-амбань сошлись относительно участи хлебного склада, находившегося в крепости, причем некоторые предлагали сжечь его. Однако мэнь-амбань, человек очень даровитый и умный, сказал следующее: «Находящийся в этом складе хлеб собран таранчами. Вот уже в течение 100 дней мятежники осаждают Баянтай. Между тем в Хуйюаньчэне имеется, не считая пехоты, 10-тысячный конный отряд, находящийся от нас всего в 80 *ли*. Раз он не выручил нас, то я уверен, что бунтовщики обязательно завладеют всем Илийским краем. Так пусть мятежники едят наш хлеб и берут Или. Не сжигайте этот хлеб». Когда командиры знамен ушли от мэнь-амбана, он поджег хранившуюся в его доме корзину с порохом и погиб вместе со своей семьей в пламени.

Так как у дунган и таранчей вооружение было плохого качества, то цзянцзюнь, сидя в Хуйюаньчэне, полагался на силу огнестрельного оружия, бывшего в большом количестве у его войск. Для усиления своей артиллерии он приказал сделать большую деревянную пушку. Кроме того, обучили до 300 мальчиков 12–13 лет стрелять из ружей. Этот отряд цзянцзюнь назвал «отрядом летящего тигра». Означенные мальчики были размещены на телегах и отправлены в составе войска, вышедшего в 3-й луне 4-го года Тун-чжи на борьбу с бунтовщиками. В авангарде этого войска поставили артиллерийский отряд из китайцев с большими чугунными пушками; была взята также и новая деревянная пушка.

Кто посоветовал цзянцзюню взять мальчиков на телегах, неизвестно. Указывали на то, что мальчики не знают страха и потому пригодны для нападения...

---

⁴⁰ Нужно заметить, что во всех сражениях с маньчжурами и китайцами отчаянно боролись только дунгане. Они всячески побуждали таранчей; без дунган таранчам не завладеть бы Баянтаем и Хуйюаньчэном. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁴¹ До начала осады гарнизон крепости состоял из 2000 человек. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

В то несчастное время цзянцзюня окружали хитрые и злые чиновники, которые угождали ему и всякую глупость выдавали за важное; хорошие же и честные люди находились вдали от цзянцзюня.

Конница и пушечный отряд направились по дороге к Баянтаю и, остановившись у лагеря бунтовщиков, выстроились впереди, отряд же «летающего тигра» стал в арьергарде, за пушечным отрядом. Когда артиллеристы выстрелили из деревянной пушки, она разорвалась со страшным шумом, причем было убито осколками свыше 10 человек прислуги. Таранчи, увидя такую неудачу китайцев, удвоили усилия и, с криком «хун» бросившись на стоявших впереди маньчжуров, потеснили их.

Маньчжуры обратились в бегство, то же сделали и пушкарки, оставив победителям свои пушки.

Отряду «летающего тигра» не пришлось подойти близко к таранчам; мальчики, соскочив с телег, стали стрелять, но подавляемые большим числом бунтовщиков и не поддерживаемые своими должны были отступить. Отступая шаг за шагом, они храбро отстреливались от дунган и таранчей, но в конце концов были перебиты ими⁴². Только три мальчика 15–16 лет успели спастись, вскочив на лошадей. Весть о судьбе этого отряда скоро дошла до Хуйюаньчэна, и во всех концах города громко рыдали родители юных воинов, павших в бою.

Почувствовав под собой почву, таранчи силою заставили и аким-бека Майсемсату участвовать в сражениях с войсками цзянцзюня. Но Майсемсат не хотел причинять зла маньчжурам и китайцам, а поэтому приказал своему отряду из 700 человек стрелять в маньчжуров только холостыми зарядами. Таранчи узнали об этом и убили его. После смерти Майсемсаты начальником был избран один таранчинец, которого стали называть султаном⁴³.

---

⁴² В маньчжурском тексте сказано короче: «Мальчики, соскочив с телег, стали отступать отстреливаясь; но не прошли они и нескольких *ли*, как все были перебиты мусульманами». — *Примеч. Вл. Котвича*.

⁴³ Майсемсат был обезглавлен по приказу Кайра-ходжи, который после смерти Майсемсаты и был султаном в течение 35 дней. Нужно при этом заметить, что Кайра-ходжа посадил в тюрьму друга Майсемсаты — таранчинца Обул-аля. Брат этого Обул-аля Шамс-эддин Худай-Кулинов — главнокомандующий над всеми таранчинскими отрядами и называвшийся потому Казисаскером (собственно «Казисаскер» значит — военный судья. — *Вл. Котвич*), поставил себе цель отомстить за брата. Что касается Кайра-ходжи, то он не пользовался любовью у таранчей, так как он был пришельцем и захватил много земель. В довершение всего Кайра-ходжа возбудил неудовольствие среди таранчей из-за пушки: по указаниям Кайра-ходжи была сделана из дерева пушка и обернута 12 бычьими кожами; в пушку вложили один пуд пороха и один пуд пуль; при выстреле пушку разорвало и убило многих из прислуги. Этим неудовольствием на Кайра-ходжу и воспользовался Казисаскер. Он отпросился у Кайра-ходжи из таранчинского лагеря в Кульджу — по своим делам; затем Шамс-эддин подослал семерых убийц, которые ночью подползли к юрте, где спал Кайра-ходжа, и, отрезав ему голову, доставили ее в Кульджу Шамс-эддину. Последний, воткнув голову Кайра-ходжи на шест, возил ее по улицам Кульджи, возвестив тем народу, что нелюбимого султана более уже нет в живых. Казисаскер освободил из тюрьмы в Кульдже своего брата Обул-аля и послал его в лагерь

Как уже сказано выше, маньчжуры обвиняли сибинцев в измене. На этой почве возникла в 4-ю луну ссора между солонскими солдатами и маньчжурами в казенной меняльной лавке, находящейся за восточными воротами г. Хуйюаньчэна. В это время цзянцзюнь как раз возвращался из лагерей⁴⁴, куда ездил для ревизии. Он послал узнать, в чем дело. Оказалось, что находившиеся в меняльной лавке молодые маньчжуры, один — сын ротного командира, а другой — внук командира знамени, увидя двух солонов в соседней винной лавке, сказали им, что солоны — хорошие солдаты, а сибинцы во главе со своим ухэридой — изменники. Солоны оскорбились такой аттестацией их товарищей и сказали двум маньчжурам: «Как мы, так и сибо бросили свои семьи и живем здесь, одинаково защищая вас. Почему же вы одних хвалите, а других хулите?» Затем солоны стали бить маньчжуров.

Узнав о происшедшем, цзянцзюнь сильно разгневался на молодых маньчжуров и сказал им: «Зачем вы напрасно вносите смуту в среду моих солдат?» После этого он приказал принести из ямына «стрелу смертной казни» (фафуни ниру), держа которую он мог в военное время, не докладывая предварительно богдохану, казнить любого преступника — солдата или офицера. Стрела была принесена, и молодых маньчжуров казнили, а головы их повесили по краям дороги; солон же не наказывали.

Такой энергичный поступок цзянцзюня положил предел распространению слухов о том, что сибо вошли в соглашение с бунтовщиками.

12-го числа 5-й луны того же года цзянцзюнь приказал суйдинскому артиллерийскому отряду из китайцев ночью выступить и подождать в том месте, где расходятся дороги — одна в Суйдин, а другая в Хуйюаньчэн, — хуйюаньчэнских кавалеристов, которым было приказано выступить в тот же день и соединиться с ар-

---

принять таранчинские войска под свое начальство. Обул-аля был популярен среди таранчей, которые провозгласили его таранчинским султаном и впервые надели на его голову особую султанскую шапку. Обул-аля был султаном до самого прихода генерала Колпаковского в Кульджу. Генерал Колпаковский отправил Обул-алю в г. Верный (название Алма-Аты до 1921 г. — *Ред.*), где он до самой смерти получал от русского правительства пенсию в 5000 рублей в год. Сын ех-султана [экс-султана] Обул-аля, Кебир-бек Обул-аляев, и теперь живет с семьей в г. Верном и получает от казны 2500 рублей в год.

Эти сведения сообщил мне таранчинский аксакал (старшина) Кульджи, Закир-ахун Курбанов, стоявший близко к Кази-аскеру Шамс-эддину Худай-Кулинову. (Они, однако, расходятся с данными, приводимыми Д. Федоровым, *op. cit.*, не сходятся также и имена таранчинских деятелей. В частности, последний таранчинский султан у Федорова носит имя Айла-хана, или Абиль-оглы; в таранчинском тексте истории муллы Биляля в издании Пантусова, с. 44, он называется, согласно справке, любезно наведенной В.В. Бартольдом, — А'ла-хан; в своих примечаниях к тексту (вып. 2, с. 52) Пантусов дает еще варианты: Аля-хан, Агля-хан, Абиль-Оглы, в которых видно постепенное искажение слова А'ла. — *Вл. Котвич.*) — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁴⁴ Лагерь были расположены к востоку от г. Хуйюаньчэна, в трех *ли*, и заключали в себе отряды: сибинский (цзянцзюнем было вызвано 1000 человек кавалерии и 500 свободных сибо — *сула*), китайский, солонский и маньчжурский. Все эти отряды были расположены в одной ограде. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

тиллерией. Китайцы выступили, но цзянцзюнь, найдя этот день несчастливым для похода, задержал конницу, китайцев же обратно не вернул. В результате получилось то, что пушкари-китайцы в числе 500 человек были окружены бунтовщиками и перебиты, а пушки перешли во владение победителей. Выступившие на следующий день кавалеристы увидели только трупы китайцев. Но в этот раз маньчжуры лихо сражались и разбили бунтовщиков, хотя преследовать их не решились.

Итак, бунтовщики овладели Баянтаем и продвинулись близко к Суйдину и Хуйюаньчэну, остановившись лагерем на дороге.

В это время цзянцзюнь отдал приказ чахарскому мэнь-амбаню привести чахар из Боро-тала, но последние наотрез отказались идти на помощь и отправили своего мэнь-амбана обратно, к цзянцзюню, верхом на корове.

[Глава] V

[Осада бунтовщиками города Суйдина и единственное за все время войны славное дело сибинского отряда под начальством ротного командира Ургуня]

В 6-й⁴⁵ луне того же года (т.е. в 1865 г.) дунгане и таранчи, пешие и конные, прошли горами к северу от г. Кульджи и, приблизившись к г. Суйдину, окружили его. Чжэньтай⁴⁶ известил цзянцзюня об осаде города. Цзянцзюнь приказал сибинскому ротному командиру Ургуну, известному по своей храбрости, идти на помощь к окруженным в г. Суйдине китайцам. Ургун отправился с 500 сибинцами и, приблизившись к речке Сахэцзы, к востоку от г. Суйдина, остановился на западном ее берегу, а дунгане и таранчи, около 4000 человек, расположились на противоположном, восточном берегу речки. Открылась стрельба из луков и старинных ружей; сибинцы не выдержали и подались; таранчи, перейдя мелкую речку, загнали сибинский отряд к самым стенам суйдинской крепости. Видя критическое положение своего отряда, ротный командир Ургун обратился к своим солдатам с речью, в которой указал, что если они не будут отчаянно бороться, то все погибнут. Тогда солдаты удвоили свою отвагу; выпущенные ими стрелы летели подобно саранче. Но таранчи, превосходя сибинцев в восемь раз, продолжали наступать. Тогда командир Ургун, заметив, что пеших таранчей подгоняют дунгане, ехавшие верхом на лошадях сзади таранчей, приказал прекратить стрельбу по таранчам и стрелять над их головами в дунган. Когда туча стрел полетела над таранчами в лица дунган, последние побежали, за ними пустились и

⁴⁵ Лю Цуньхань относит это событие к 4-й луне. — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁴⁶ Начальник суйдинского китайского гарнизона. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

таранчи, которых сибинцы убивали вплоть до речки Сахэцзы. Потом было насчитано более 300 трупов убитых таранчей. 500 с лишком таранчей и дунган были ранены; из них почти все умерли, так как стрелы у сибинцев были отравлены.

В это время была нестерпимая жара; сибинцы и их лошади чрезмерно устали. Лошади, увидев воду, остановились и стали пить, то же сделали и всадники. Бунтовщики успели за это время убежать. Утомленные сибинцы не захотели их преследовать и возвратились в суйдинскую крепость. Здесь чжэньтай угостил всех солдат сытным обедом из мяса свиней и баранов. Цзянцзюню чжэньтай сообщил о победе.

Нужно сказать, что два маньчжурских солдата, посланные цзянцзюнем с поручением наблюдать за исходом битвы, увидев первоначальное бегство сибинцев, прискакали на лошадях в Хуйюаньчэн и сообщили там о поражении сибинцев. Каково же было изумление цзянцзюня, когда чжэньтай донес ему о победе сибинцев! Цзянцзюнь тогда сильно разгневался на двух маньчжуров-разведчиков и приказал казнить их; головы казненных были выставлены у дороги из Хуйюаньчэна в г. Суйдин.

Победителей-сибинцев торжественно встретили в Хуйюаньчэне; сам цзянцзюнь вышел навстречу им из города. Когда он увидел ротного командира Ургуна, то снял со своей головы шапку с шариком 1-й степени⁴⁷ и надел ее на голову Ургуна. Затем Ургун был назначен и[сполняющим] д[олжность] сибинского мэнь-амбана.

Таранчинцы, бежав от Суйдина, не остановились в общем лагере бунтовщиков, а возвратились в свои селения. Они получили хороший урок и, видя, что теперь сибинцы изменили прежнее доброжелательное к ним отношение, не хотели больше примыкать к восставшим дунганам. Но главным вожакам бунтовщиков все-таки удалось снова привлечь таранчей на свою сторону и стянуть в свой лагерь.

[Глава] VI

[Калмыки идут на помощь к цзянцзюню,
но из-за коварства чиновников последнего
уходят обратно. Битва маньчжурско-китайских войск
с дунганями и таранчами]

В 7-й луне того же года (т.е. в 1865 г.) калмыки⁴⁸ 4-й, 6-й и 10-й рот («сумунов»)⁴⁹ решили помочь маньчжурам. Во главе калмыков стал геген (хутук-

⁴⁷ Головной убор, шапка *гуаньмао* (官帽), служил знаком отличия чиновников и аристократии цинского Китая. В зависимости от наверхшия, венчавшего его, определялся ранг чиновника. На шапке чиновника первого ранга был прозрачный шарик из рубина.

⁴⁸ В маньчжурском тексте они названы блётами. — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁴⁹ *Сумун* (монг.) — рота.

та)⁵⁰, и они в количестве нескольких тысяч человек двинулись к Хуйюаньчэну. По дороге они разграбили в местности Тегус-шара восемь таранчинских поселков и навели такой страх на таранчей, что они опять стали колебаться и на своем совещании решили было захватить врасплох всех дунган и представить их цзянцзюню, а самим вымолить прощение.

Между тем калмыки, подойдя к Хуйюаньчэну, остановились против этого города на южном берегу реки. Геген письмом просил цзянцзюня послать к калмыкам в подмогу 500 сибинцев, и тогда хутукта обещал цзянцзюню уничтожить все 12 поселков левобережных таранчей, чтобы затем усмирить без труда и таранчей, живших к северу от р. Или. Но цзянцзюнь не обратил внимания на мудрый план хутукты, а послал калмыкам приказ, в котором говорил, что в бунте виновны только дунгане, которые увлекли таранчей; что касается левобережных таранчей, то они почти вовсе не участвовали в бунте, а потому если убить их, то можно прогневать небо. Вместе с тем цзянцзюнь приказал калмыкам переправиться на северную сторону р. Или, чтобы сообща с маньчжурами разбить главный лагерь бунтовщиков; после этого цзянцзюнь надеялся без всякого труда усмирить всех илийских магометан.

В то же время по совету командиров восьми хуйюаньчэнских маньчжурских знамен был принят коварный план — завладеть калмыцкими лошадьми, когда калмыки придут в г. Хуйюаньчэн, и посадить на этих лошадях маньчжуров, у которых лошади совершенно отошали; самих же калмыков предполагалось назначить на работы — частью по укреплению крепости, частью по сбору с полей пшеницы в Циншуйхэ.

Во исполнение приказа цзянцзюня отряд калмыков в 50 человек с гегеном-хутуктой во главе переплыл на лодках р. Или. Здесь их окружили маньчжуры, пришедшие с уздами, и отняли у них лошадей. Тогда калмыки прокричали оставшимся за рекой своим товарищам, чтобы они возвращались скорее в свои кочевья, так как маньчжуры у них, калмыков, отняли лошадей и таким образом сделали их пехотинцами.

Калмыки, находившиеся на южном берегу р. Или, немедленно отправились в обратный путь. Цзянцзюнь дал предписание сибинскому ухэриде Карманге догнать калмыков и привести их в Хуйюаньчэн. Но ухэриде не удалось этого сделать⁵¹.

---

⁵⁰ Геген (*гэгэн*) и хутукта (*хутукта*) — особые титулы, которые китайский император жаловал буддийским *хубилганам* (перерожденцам). Титул *хутукта* (монг. «святой») даровался за усердную деятельность на пользу буддизма, титул *гэгэн* («светлый», «блестящий») — за гражданские доблести.

⁵¹ Лю Цуньханю остались неизвестными причины, побудившие калмыков уйти обратно в свои кочевья, и он склонен предполагать существование у этих калмыков злого умысла. — *Примеч. Вл. Котвича.*

Бунтовщики, услышав о неудачном исходе мобилизации калмыков, почувствовали в себе еще большую силу.

Итак, цзянцзюнь не сумел воспользоваться помощью калмыков. А ведь они, разгромив восемь таранчинских поселков в Тегус-шара, навели страх на таранчей. И если бы цзянцзюнь послушался совета калмыцкого хутукты и дал калмыкам на подмогу своих солдат-сибинцев, то калмыки вместе с последними уничтожили бы 12 таранчинских сел, расположенных к югу от р. Или, и тогда бы восстание быстро прекратилось. Но раз небу угодно было, чтобы бунтовщики уничтожили маньчжуров и китайцев в илийских пределах, то, очевидно, никакая человеческая сила не была в состоянии предотвратить это. Подобная катастрофа неминуемо должна была случиться, так как цзянцзюнь действовал нерешительно и, подобно женщине, выказал жалость к изменникам.

В это время положение маньчжуров и китайских солдат было плачевное: не получая вовсе от правительства содержания за много месяцев, они должны были на собственные средства одеваться и питаться. Цзянцзюнь, докладывая императору о бунте в илийских пределах, сообщил, что войск у него вполне достаточно, но что нет средств для уплаты им жалованья. Богдохан выслал жалованье солдатам через русские пределы⁵², но оно дошло до Илийского округа как раз незадолго до взятия восставшими маньчжурско-китайских городов в Или. А потому присланные деньги были задержаны в русских пределах и впоследствии переданы солонам, которые, после занятия их лагерей бунтовщиками, ушли в Тарбагатайский округ.

В 20-х числах 7-й луны 4-го года Тун-чжи (в 1865 г.) илийские войска (сибо, солонь и маньчжуры), вооруженные луками, взяв калмыцкий отряд из 50 человек с гегеном-хутуктою во главе, выступили против бунтовщиков к месту их стоянки⁵³. С этими войсками шел также артиллерийский отряд из г. Суйдина.

Когда войска подошли к лагерю мятежников, то геген сказал войскам: «Выстройтесь в ряды, но пока не сражайтесь. Я взойду на гору и буду читать священную книгу⁵⁴. И вот, когда я, кончив чтение, брошу горсть земли в сторону бунтовщиков, то все войска пусть нападут на них». Сказав так, геген взобрался на вершину горы и стал читать священную книгу. Бунтовщики в это время стали стрелять удачно из захваченных прежде у китайцев пушек. Маньчжурские войска не устояли и, бросив свои пушки, побежали. А так как сибо и солонь стояли в стороне и не помогали маньчжурам, то бунтовщики, увидя, что пушкари побежа-

---

⁵² В то время весь Китайский Туркестан был охвачен пламенем восстания, и деньги этим путем в Илийский край посылать было нельзя. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁵³ Лагерь мятежников находился в 20 ли от крепости Баянтай, по направлению к Суйдину. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁵⁴ По-маньчжурски *номун* — священная книга у буддистов (по-монгольски — *ном*). — *Примеч. А.А. Дьякова.*

ли, отчаянно ринулись на маньчжуров; строй последних был прорван, и все, кто куда мог, побежали⁵⁵. Калмыки также поспешно бежали и укрылись в русских пределах, их геген скрылся неизвестно куда.

Таким образом маньчжурские командиры, устранившие сильный отряд калмыков в несколько тысяч человек, уже пришедший было на помощь, и взявшие взамен него маленький их отряд в 50 человек, а затем положившиеся на чтение гегеном священной книги, поистине были подобны играющим маленьким детям.

С другой стороны, в Илийском крае в то время было много богатых купцов. Цзянцзюнь мог бы занять у них под проценты денег для уплаты содержания войскам, с тем чтобы вернуть долг после подавления восстания. Впоследствии цзянцзюнь сам отнял у купцов деньги и заполнил ими свой ямунь [ямэнь]. Но ни перед восстанием, ни теперь у начальников не было любви к войскам; не было ни разумного плана, ни храбрости. Могли ли при таких условиях мятежники не иметь успеха?

[Глава] VII

[Экспедиция таранчинского войска под командой Эмир-хан-ходжи к югу от р. Или и договор таранчей с 8-ю сибинскими ротами]

Дунгане и таранчи, уничтожив баянтайский гарнизон и разбив несколько раз маньчжуров и китайцев, готовились к осаде г. Хуйюаньчэна. Но предприятие это было очень рискованно, так как силы маньчжуров и китайцев не были окончательно надломлены. Поэтому таранчинский султан чрезвычайно обрадовался, когда один преступник-сибинец, Билэси, бежав из тюрьмы к таранчам, посоветовал им подчинить сначала оба фланга, т.е. сибо и солонов, так как тогда-де уже не будет трудно справиться с хуйюаньчэнскими маньчжурами, суйдинскими китайцами и прочими китайскими гарнизонами. Таранчи рассудили, что сибинец прав, а потому султан, приказав вышеупомянутому ташкентскому сарту Эмир-хан-ходже подчинить сначала сибинские роты, расположенные к югу от р. Или, дал ему половину своего таранчинского войска⁵⁶. Вместе с тем Эмир-хан-ходжа, перейдя реку, призвал к себе на помощь и остальных таранчей из сел, расположенных к югу от реки, а также и киргизов, которые охотно пошли с таранчами с целью грабежа.

⁵⁵ В маньчжурском тексте это сражение описано короче; о том, что у маньчжуров была артиллерия, ничего не говорится; подробности, по-видимому, сообщены переводчику автором. — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁵⁶ В экспедиции таранчей за р. Или против сибинцев дунгане не участвовали, оставшись в лагере к северу от р. Или. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

К тому времени Эмир-хан-ходжа чрезвычайно прославился своей храбростью и распорядительностью; за все время восстания он всегда увлекал за собою таранчей.

Все восемь рот⁵⁷ во время восстания илийских магометан находились к югу от р. Или, где и теперь находятся. Каждая рота представляет из себя большой поселок, обнесенный глинобитной стеной.

На востоке, недалеко от р. Или, по северную сторону арыка, в 5 *ли* от него, находится 2-я рота (*ниру*), или желтое без каймы знамя⁵⁸. Все другие роты находятся к западу от нее. В 10 *ли* к западу от 2-й роты по южную сторону арыка расположена 8-я рота, составляющая синее с красной каймой знамя. В 30 *ли* к западу от 8-й роты и к югу от арыка расположена 6-я рота, имеющая красное с белой каймой знамя. В 45 *ли* к западу от 6-й роты находится четвертая рота, т.е. красное без каймы знамя. А от 4-й роты в 15 *ли* к юго-западу расположены в одном укрепленном поселке первая и третья роты вместе. За стеной, окружающей эти роты, расположены пашни, орошаемые из большого арыка и трех ключей, бегущих с гор к югу от стены. Внутри поселения каждый сибинский домик окружен невысокой глиняной стеной, а за домиком находятся фруктовый и овощной сады.

Расстояние между 1-й и 2-й ротами — 100 *ли*.

Что касается 5-й и 7-й рот, то они теперь расположены на новом месте, а именно 7-я рота находится теперь в 15 *ли* от реки возле самого арыка, к северу от него, на запад же от нее в 5 *ли* находится 6-я рота. 5-я же рота расположена также возле самого арыка, на северной его стороне, в 10 *ли* к западу от 6-й роты и в 15 *ли* от берега р. Или. До восстания 7-я рота находилась возле реки, между 6-й и 2-й ротами, а 5-я тоже возле реки, между 6-й и 4-й ротами. Однако в начале

---

⁵⁷ Сибинцы, переселенные в Илийский край из Маньчжурии, были разделены на 8 *ниру* (рот), применительно к восьмизнаменной организации маньчжурских войск, в состав которых они входили. В каждой роте сначала было по 100 солдат, не считая их семейств. Во время восстания же в каждой роте было по 163 солдата (теперь в каждой сибинской *ниру* по 125 всадников — моринга чоохá), много вольных (*сула*) сибо, стариков и пахарей; купцов не было; всего же в роте (*ниру*) жило около 3000 человек. Все восемь рот занимались и теперь занимаются хлебопашеством, орошая свои поля из арыка, который прорыт параллельно р. Или. Этот арык, начинаясь выше 2-й роты, проходит мимо всех рот и оканчивается ниже 1-й и 3-й рот. — *Примеч. А.А. Дьякова.* (Местоположение поселков сибинских рот указано на литографированной «Карте Илийского края», составленной В.М. Успенским и Г.А. Елгиным в 1895 г. — *Примеч. Вл. Котвича.*)

⁵⁸ «Восьмизнаменная» система деления войск была привнесена в Китай маньчжурской династией Цин. «Знамя» — корпус, наиболее крупная ячейка армии. Для того чтобы «знамена» можно было различать издали, каждому из них был присвоен свой цвет. Изначально в маньчжурской армии было четыре «знамени»: красное, желтое, синее и белое. В 1615 г. появились еще четыре «знамени», которым были присвоены такие же цвета, но с каймой по краям: у красного «знамени» кайма была белая, у остальных — красная. До 1622 г. воины в «знаменах» были исключительно маньчжурами, с 1622 г. ввели монгольские «знамена», в 1631 г. — китайские. Каждое «знамя» состояло из двух *гуза*, одна *гуза* состояла из пяти *чалэ*, одна *чалэ* состояла из пяти *ниру*, в одну *ниру* входило 300 солдат.

восстания, еще до падения Баянтая, бунтовщики ночью перешли через р. Или по замерзшему льду, вторглись в незащищенные 5-ю и 7-ю роты, убили весьма много застигнутых врасплох сибинцев и увели много скота. В 5-й роте тогда жили сибинский ухэрида, его помощник и ламы буддийского храма. После этого набега оставшиеся в живых сибинцы 5-й и 7-й рот вместе с ухэридой укрылись в 6-й роте, так что, когда прибыл Эмир-хан-ходжа с войском, то на месте 5-й и 7-й рот он увидел только брошенные импани [т.е. лагеря].

Перейдя реку, Эмир-хан-ходжа выстроил главный лагерь к югу от арыка, недалеко от 2-й и 8-й рот. Затем он повел пеших и конных таранчей осаждать 2-ю роту. Осаждавшие отряды всегда могли отступить к своему главному лагерю по мосту через арык. Сибинский ухэрида донес об осаде мятежниками 2-й роты цзянцзюню, который послал из Хуйюаньчэна на помощь маньчжуров и солонов в количестве 500 человек. Вместе с тем цзянцзюнь приказал сибинскому ухэриде собрать всех сибинцев старше 18 лет, в том числе и вольных, и дать тем из них, у которых не было лошадей, казенных и даже частных лошадей. Собранное таким образом войско из сибинцев, солонов и маньчжуров сосредоточилось в 6-й роте и отсюда выступило на выручку осажденной 2-й роты (*ниру*). Миновав 8-ю роту, войско перешло арык и приблизилось ко 2-й роте. Таранчи, увидя неприятельский отряд и опасаясь быть отрезанными от лагеря, поспешно стали отступать. Всадники успели бежать в свой лагерь по мосту через арык; несколько же сот пеших таранчей были окружены и перебиты. Вспомогательный отряд вступил в крепость среди ликования сибинцев 2-й роты.

На другой день сибо решили разгромить лагерь бунтовщиков, находившийся к югу от арыка. Но с этого времени начались неудачи сибинцев.

Все сибо 2-й роты, способные носить оружие, вместе с пришедшим на выручку отрядом на следующий же день перешли арык и подступили к лагерю бунтовщиков. Но те стали стрелять из пушек, и сибинцы, еще не обстрелянные, испугались и побежали. Первыми бежали сибинские юноши всех 8 знамен, не учившиеся военному делу; из числа их погибло в этот день около 200 человек⁵⁹. Сибо и маньчжуры бежали обратно по мосту через арык ко 2-й роте, а некоторые ускакали в 8-ю роту.

Командиры устроили во 2-й роте совещание, каким способом отбросить бунтовщиков. Отсутствие у сибинцев пушек слишком сказывалось, а потому командир маньчжуров, пришедших на помощь, обратился к сибинским офицерам со следующей речью: «Ныне воры стреляли в нас из пушек; так как у нас не было пушек, то мы не могли устоять и были разбиты. Вы, сибинцы, пока защищайте 2-ю роту, а я с маньчжурами и солонями возвращусь сегодня в Хуйюаньчэн, выпрошу у цзянцзюня артиллерийский отряд в несколько сот человек и приведу их

⁵⁹ В маньчжурском тексте сказано «очень много». — *Примеч. Вл. Котвича.*

сюда, а тогда мы легко отбросим воров». Все командиры согласились на это предложение, и маньчжуры свободно ушли от сибинцев, предоставив их самим себе.

На следующий день после ухода маньчжуров сибинцы снова подступили к лагерю бунтовщиков, но тоже были оттеснены. А после этого солдаты из других рот начали самовольно убегать к себе домой, хотя небольшая их часть все-таки осталась во 2-й роте. Одного сибинца, бежавшего с поля сражения, ухэрида приказал казнить.

После неудачного столкновения с бунтовщиками сибинцы временно не выходили из 2-й роты, ожидая подкреплений. Тогда Эмир-хан-ходжа подошел к крепости и в течение полумесяца и днем и ночью обстреливал из маленьких пушек крепостные стены. Однажды, когда таранчи подступили близко к стенам, все сибинцы, даже старики, женщины и дети, вышли на стены и облили таранчей горячей водой; хотя таранчи и прикрывались снопами хлеба, но горячая вода проникла через солому и многих ошпарила, отчего многие заболели.

Между тем порох во 2-й сотне был израсходован; тогда ночью два человека прокрались в 8-ю роту и принесли оттуда две корзины с порохом. И еще в течение некоторого времени 2-я рота стойко держалась против бунтовщиков.

Эмир-хан-ходжа, осаждая 2-ю роту, однажды ночью увидел, что со стороны сибинских рот поднимается красный свет и расстилается по небу. Тогда Эмир-хан-ходжа подумал, что сибинцев силой человеческой взять нельзя, и поэтому решил войти в соглашение с ними. С этой целью он отправил во 2-ю роту своего приближенного таранчинца, умевшего говорить по-сибински, с предложением сдаться. Старейшины 2-й роты не обратили внимания на командиров и отворили ворота крепости. А затем несколько стариков с юношами отправились к Эмир-хану для переговоров. Здесь старики выразили желание покориться таранчам, но с условием: чтобы они не ставили в крепость свой гарнизон. Эмир-хан-ходжа, весьма обрадовавшийся приходу сибинских старцев, поклялся, взяв в рот конец ружейного дула и смотря на небо, что он не введет своих таранчей во 2-ю роту. Затем он сказал сибинцам: «Возвращайтесь домой и принесите мне печать командира роты и военное оружие — луки, стрелы; тогда я уйду от вас к 1-й и 3-й сибинским ротам, с которыми также войду в соглашение. А для этого дайте мне двух находящихся в вашей роте сибинцев, говорящих хорошо по-таранчински. Эти переводчики будут сопровождать меня и расскажут, что 2-я рота добровольно сдалась. Прежде всего постараюсь договориться с 8-й ротой, а затем отправлюсь к 1-й и 3-й ротам; когда же подчиню себе все прочие роты, то сибинский ухэрида, живущий в 6-й роте, также подчинится мне».

Старики 2-й роты, выслушав слова Эмир-хан-ходжи, возвратились к себе домой, взяли печать командира роты, оружие и другие предметы и сдали все это Эмир-хану. Из 2-й роты пришли также два сибо Вахабу и Боро, которые говорили по-таранчински.

Эмир-хан-ходжа, взяв с собой этих толмачей, пошел с войском к 8-й роте; сибинцы этой роты, узнав от Боро и Вахабу о сдаче 2-й роты, охотно подчинились Эмир-хану. После этого таранчи отправились к 1-й и 3-й ротам, где соединились со стоявшими там лагерем таранчами. Эти таранчи, совместно с киргизами, примкнувшими к ним ради предстоявшего грабежа, подступили к 1-й и 3-й ротам в то время, когда Эмир-хан-ходжа с главным войском подошел ко 2-й роте; этим таранчи хотели, пользуясь своей многочисленностью, разделить силы сибинцев. Пришедшие в то время таранчи расположились лагерем в 10 *ли* к югу от 1-й и 3-й рот. Узнав об их приходе, старики и молодые сибинцы из обеих рот направились верхом к таранчинскому становищу; в крепости остались пехотные отряды. Всадники, выступившие против мятежников, не знали их численности, и таранчей оказалось около 3000 человек, между тем как сибинцев было всего около 300 человек. Опытные сибинцы бросились в бой, но молодые, не видавшие битвы, испугались и вскоре побежали. Мятежники, будучи превосходными в силах, отчаянно ринулись на сибо, которые все бросились бежать. Но стоявшая около ворот крепости сибинская пехота вышла и остановила натиск нападавших. В этот раз пало в бою три старика-сибинца и 24 юноши. Более сибинцы не выходили из-за своих стен и, поставив на них пушки, держали мятежников, не имевших артиллерии, в почтительном отдалении.

Эмир-хан-ходжа, подойдя к 1-й и 3-й ротам и соединившись с таранчами, осаждавшими эти роты, 6-го числа 8-й луны послал к сибинцам переводчиков Боро и Вахабу, которые, приблизившись к стенам крепости, сообщили сибинцам, что 2-я и 8-я роты сдались Эмир-хану и что он предлагает первой и третьей ротам поступить точно так же. Старики, услышав эти слова, ввели посланцев в свою крепость. Все командиры и уважаемые старики устроили совещание по этому поводу и решили сдаться. Тогда сибинцы взяли печати ротных командиров и оружие солдат и сдали все это Эмир-хану.

После этого Эмир-хан-ходжа отправился к четвертой роте, с которой также успешно договорился. А затем он пошел к шестой роте, где жил ухэрида. Эмир-хан-ходжа послал переводчиков Боро и Вахабу, через которых предложил ухэриде сдаться. Последний на это ответил, что он пошлет спросить цзянцзюня, и если тот разрешит сдаться, то сибинцы 6-й, 5-й и 7-й рот подчинятся таранчам; если же не дозволит этого, то сибинцы будут драться до последней капли крови.

Эмир-хан-ходжа согласился на это, а также по просьбе ухэриды выдал пропуск двум сибинцам, посланным ухэридой к цзянцзюню, и назначил им в провожатые двух таранчей из своего войска.

Когда посланные ухэридою сибо прибыли в г. Хуйюаньчэн и передали цзянцзюню донесение ухэриды, а также доложили ему о положении 6-й роты и об обстоятельствах сдачи прочих сибинских рот, то цзянцзюнь, обсудив дело, решил сибинскому ухэриде вступить в соглашение с бунтовщиками. Ухэрида,

получив такое разрешение, сдался таранчам, выдав им печати, а также оружие солдат⁶⁰.

[Глава] VIII

[Договор Эмир-хан-ходжи с солонскими ротами]

Подчинив таранчинскому султану все сибинские роты, Эмир-хан-ходжа с войском возвратился в г. Кульджу, где дал ему отдохнуть несколько дней, а затем повел свое войско⁶¹ возле гор к северу от г. Кульджи для покорения солон, которые в это время уже знали о подчинении сибинцев таранчинскому султану и совещались между собой относительно изъявления покорности Эмир-хан-ходже. Прибыв к солонам, он послал к ним таранчинца, говорившего по-маньчжурски, который от лица Эмир-хана обратился к ним со следующей речью: «Теперь сибинцы уже подчинились нам. Мы воюем единственно с китайцами и маньчжурами г. Хуйюаньчэн. С вами же у нас вражды нет. Нападать и убивать вас мы не желаем. Если теперь мы вступим в соглашение и откажемся от борьбы, то это будет весьма угодно Небу».

Солонские старики и чиновники обрадовались такому предложению. Выйдя из своей крепости, они заключили с Эмир-ханом договор⁶². Договорившись с солонами, Эмир-хан-ходжа возвратился со своим войском старой дорогой в г. Кульджу. А в это время солонский ухэрида Чишань убежал в местность Тургун. Солоны же (собственно четыре роты дахуров) остались жить возле города Хоргоса.

[Глава] IX

Осада и взятие магометанами г. Хуйюаньчэна

Покончив с сибинцами и солонами, таранчи и дунгане приступили к осаде г. Хуйюаньчэн, построив крепостцы на северном краю города. Так как восстание началось в то время, когда таранчи не доставили еще положенного количества хлеба, то теперь в г. Хуйюаньчэн оказался недостаток в продовольствии. Настал

⁶⁰ По словам Лю Цуньхэня, который как раз находился в это время в 6-й роте, мусульмане согласились на следующие условия капитуляции сибо: 1) сибо сохраняют свое одеяние и учение; 2) мусульмане двух родов (таранчи и дунгане) не будут вступать в браки с сибо; 3) сибинцы не будут посылаться в битву с дайцинскими войсками. Эти условия были сформулированы на словах, причем мусульмане поклялись на Коране в том, что не нарушат условий. — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁶¹ В этом предприятии дунгане также не участвовали. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁶² Подобно сибинцам, солоны выговорили себе право не платить податей таранчам, а Эмир-хан-ходжа, со своей стороны, обязался не вводить в солонские роты таранчей. Солоны сдали означенному командиру оружие своих солдат и казенные печати. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

сильный голод, во время которого люди съели всю живность, не оставив даже кошек и собак; съели даже все сделанное из кожи, а также тетиву от луков, которые были взяты из казенного склада. В конце концов осажденные дошли до такого состояния, что стали есть детей, выменивая их друг у друга. Многие умерли с голода.

Но вот 23-го числа 1-й луны 5-го года Тун-чжи, после 4-месячной осады, дунгане и таранчи разрушили северные ворота и, войдя ночью в город, подожгли деревянные постройки и начали всех убивать. Гарнизон не мог оказать никакого сопротивления магометанам, так как люди настолько изголодались, что не могли держаться на ногах и падали на ходу. Только запершиися в ямыне цзянцзюня ссыльные китайцы, в количестве 300 человек, оказали сопротивление: они три дня и три ночи подряд отчаянно отбивались от таранчей и дунган. И наконец, храбро сражаясь с ними, жертвуя своею жизнью, китайцы успели прорваться через западные ворота крепости и бежали к Хоргосу. Сам цзянцзюнь Мин поджог порох в своем доме и взлетел на воздух вместе со своей семьей.

Отставленного от должности цзянцзюня Чана, не успевшего вернуться к себе на родину, таранчи захватили вместе с его семьей, а также взяли в плен и[сполняющего] д[олжность] сибинского мэнь-амбаня Ургуна, отличившегося во время сражения под г. Суйдином. Чана таранчи увезли в Кульджу; здесь обрили ему голову, затем одели в овчинный тулуп шерстью вверх, на ноги обули войлочные сапоги и в таком виде посадили на осла, лицом к хвосту, и возили по улицам Кульджи на посмеяние народу. А затем приказали несчастному Чану пасти быков. Но когда Чан решительно заявил таранчинскому султану, что он охотнее умрет, чем будет пасти скот, султан, сжалившись над ним, освободил его от такого позорного занятия, дал ему квартиру, где Чан поселился с женою и двумя дочерьми, и отпускал им продовольствие. Вскоре Чан и его жена умерли, а дочери вышли замуж за таранчей.

Во время взятия города один китайский судейский чиновник (*лиши тунчжи* [理事同知]) по имени Чун-шань (ямынь его находился в восточной части города) с мечом в руках боролся с таранчами и дунганями, входившими уже в северные ворота; со словами на устах: «Раз я получал от государя жалованье, то и умру за него!» — он пал, сраженный ударом копья в грудь.

В г. Хуйюаньчэне в то время было 4000 маньчжуров-всадников, а с пехотой, вольными людьми, женщинами и детьми — всего 12 000 с лишком человек. Дунгане и таранчи, ворвавшись в город, избивали ослабевших от голода маньчжуров. Из всего населения города дунгане и таранчи пощадили только молодых женщин, девушек и мальчиков не старше 20 лет — всего около 2000 человек; их таранчи и дунгане взяли себе в добычу.

Очевидно, Хуйюаньчэн пал потому, что такова была воля неба. Ведь маньчжуры в течение 100 лет жили беспечно и развратно в городе, едя хлеб, достав-

лявшийся им таранчами, и получая от государя приличное жалование. Они возгордились чрезмерно, а поэтому внуки пострадали за ошибки своих предков.

Когда таранчи и дунгане 23-го числа 1-й луны 5-го года Тун-чжи вошли в крепость и подожгли ее, то поднимавшееся пламя было видно в 1-й и 3-й сибирских *ниру*. Старики и молодые 3-й роты, в которой я жил, взобравшись на высокую земляную насыпь, находящуюся внутри города⁶³, смотрели на зарево пожара; старики и другие громко плакали. Многие говорили следующее: «Теперь пал Хуйюаньчэн... Неизвестно, как поступят с нами таранчи и дунгане». Я был в то время очень молод и не вникал серьезно в положение дел. Но впечатление, вынесенное в ту ночь из созерцания громадного зарева, поднимавшегося со стороны пылавшего г. Хуйюаньчэна, хранится и до сих пор в моей памяти.

Уничтожив маньчжурский гарнизон в г. Хуйюаньчэне и завладев имуществом побежденных, таранчи и дунгане почувствовали себя полными господами в Илийском крае и сильно возгордились.

[Глава] X

[Взятие дунганами и таранчами прочих китайских городов в Илийском крае и разгром ими четырех солонских рот]

Вслед за взятием г. Хуйюаньчэна таранчи взяли города Суйдин, Циншуйхэ, Лаоцаогоу, Тарджи и Хоргос. Во всех этих городах были незначительные китайские гарнизоны, которые почти все добровольно сдались таранчам и дунганам; не сдавшихся добровольно победители или убивали, или обращали в рабство, брея им голову. Итак, дунгане и таранчи взяли в Илийском крае следующие китайские и маньчжурские крепости и города: Сичуньчэн (Чэнпаньцзы, что в 4 верстах от г. Кульджи), Баянтай (Хуйнинчэн), Хуйюаньчэн, Суйдин, Лаоцаогоу (Гуанжэньчэн), Циншуйхэцзы (Чжандэчэн), Тарджи и Хоргос (Гунчэньчэн, или Чэнпаньцзы). С г. Кульджой, в котором мусульмане истребили почти всех китайцев⁶⁴, таранчи и дунгане имели в своем полном владении девять городов.

---

⁶³ Об этой насыпи автор рассказа говорит в маньчжурском тексте следующее: «Когда и по какой причине была сооружена эта насыпь, теперь никто не знает. Когда я был молод, на этой насыпи, посредине ее, находилось знамя с духовными письменами. По рассказам стариков, однажды ночью в восточной части насыпи неожиданно появилась расщелина, причем на одном боку расщелины оказались духовные монгольские письмена. Пока искали человека, который бы знал эти письмена, они от ветра разрушились. Так и осталось неизвестным содержание надписи». — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁶⁴ Население г. Кульджи состояло главным образом из таранчей; здесь же проживала таранчинская администрация. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

В Хоргосе жили четыре роты дахуров, составлявших левое крыло солонского лагеря⁶⁵. Когда таранчи и дунгане после взятия г. Хуйюаньчэна пришли к Хоргосу, то нашли там только китайцев, которых и убили. Солоны же (собственно дахуры), узнав, что Хуйюаньчэн неминуемо должен пасть, все, в составе четырех рот, бежали и, пройдя Тургун⁶⁶, поселились в Боро-худзире⁶⁷, недалеко от находившихся там русских. Солонский же ухэрида Чишань, после ухода Эмир-хан-ходжи из солонских рот, но еще до осады г. Хуйюаньчэна, бежал в Тургун.

После взятия таранчами и дунганами г. Хуйюаньчэна таранчинский султан приглашал солонского ухэриду и других чиновников возвратиться на старые места. Но солоны (дахуры) не послушали султана. Тогда он в 12-й луне 5-го года Тун-чжи послал громадную толпу таранчей и дунган с присоединением еще киргизов — любителей пограбить, с тем чтобы они вернули солонов. Магометане, распуская ложные слухи о том, что они схватят только ухэриду и вернуться в Кульджу, (спокойно) прошли мимо сибинских рот, находившихся в Чэджи⁶⁸, Самаре и Чичикане. Возле каждой роты они оставляли военные отряды. Наконец, главный отряд, идя на запад, приблизился к Тургуну в надежде захватить там ухэриду⁶⁹, но он еще ранее, услышав, что из г. Кульджи идут магометане, бежал к русским в Боро-худзир. Таранчи и дунгане, боясь русских, не могли схватить солонского ухэриду.

Рассерженные дунгане и таранчи решили уничтожить солонов правого крыла (т.е. сибо). Для этого дунгане и таранчи окружили солонские роты в Чэджи и Самаре, как самые близкие к Хоргосу. Магометане устроили совещание для обсуждения плана нападения, причем решили в полночь 23-го числа 12-й луны напасть на солонские роты. Солоны — старики и юноши — в Чэджи и Самаре, окруженные магометанами, видя безысходность своего положения, с плачем взирали на небо. Старики в Чэджи растворили опиум в котле и научили всех так: «Что будет в эту ночь, трудно знать. Если, однако, будет плохо, то все выпьем этого опиума и умрем, избавившись таким образом от мусульманского плена».

---

⁶⁵ Правое крыло составляли 4 роты сибинцев, вызванных из 8 заречных рот на место вымерших онкоров. Но как дахуры, жившие в Хоргосе, так и сибинцы, жившие в Чэджи, Самаре (Джаркент), Чичикане и Тургуне, назывались и называются вообще солонками. Лагерь в Тургуне представлял собою небольшое укрепление; в других же сибинских лагерях (Чэджи, Самар, Чичикан) стен не было. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁶⁶ Тургун находится в 11 верстах от Джаркента по дороге в г. Верный. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁶⁷ Ст[аница] Боро-худзир — в 18 верстах от г. Джаркента. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁶⁸ Чэджи — возможно, совр. село Чунджа, административный центр Уйгурского района Алматинской области Казахстана.

⁶⁹ Ухэрида потому укрывался у сибо, что и сам происходил из племени сибо, а не из дахур. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

В полночь дунгане и таранчи вошли в вышеуказанные две роты. Все солоны собрались на одном большом дворе. Часть мужчин вступила в бой и погибла, но большинство бежали еще до начала сражения. В Чэджи солонские женщины, девушки и дети выпили опиума. Но кто много выпил, тот извергнул все обратно и остался в живых; те же, кто, боясь умереть, выпили немного, все умерли. Оставшихся в живых женщин, девушек и детей обоего пола таранчи захватили себе в качестве добычи.

Таким образом селения Чэджи и Самар в одну ночь были разрушены и опустели. Солоны же из Чичикана и Тургуна успели бежать к русскому гарнизону в Боро-худзир. Впоследствии половина солонув ушла в Тарбагатай, а прочие остались в Боро-худзире и Тургуне, куда солоны по уходе таранчинцев снова возвратились и занялись хлебопашеством⁷⁰.

Итак, таранчи и дунгане, благодаря беспечности цзянцзюня Мина и всех чиновников, очень легко завладели такими большими крепостями, как Баянтай и Хуйюаньчэн. Но если бы до восстания маньчжурские и китайские чиновники любили дунган и таранчей, то дело никоим образом не дошло бы до такого бунта. Когда же восстание уже началось, китайско-маньчжурские войска, несомненно, победили бы бунтовщиков, если бы офицеры любили солдат, если бы они здраво все обдумывали, если бы они геройски шли вперед, а не прятались позади солдат, и если бы сами солдаты храбро сражались со смелыми бунтовщиками. На деле же офицеры нисколько не заботились о своих солдатах, а за малейшую провинность жестоко их наказывали. Среди офицеров не было ни одного, который бы на поле сражения храбро шел впереди, увлекая за собой солдат. Напротив, когда дело доходило до сражения, командиры, забываясь о своей жизни, скрывались, бросая солдат на произвол судьбы.

[Глава] XI

[Междоусобная война таранчей и дунган в Илийском крае]

Спустя три года после взятия г. Хуйюаньчэна между таранчами и дунганями возникла междоусобная война. Те и другие стали оспаривать друг у друга господствующее положение (в Илийском крае). Дунгане говорили: «Если бы мы не произвели восстания, то вы, таранчи, сотню, тысячу лет оставались бы все такими же таранчами. Как вам владычествовать над Или?»

---

⁷⁰ Теперь эти солоны живут в китайских пределах около Чэнпаньцзы, в особой крепости. — Примеч. А.А. Дьякова.

Таранчи же (в свою очередь) говорили: «Хотя маньчжуры, выгнав дунган из г. Хуйюаньчэна, и не убили вас, но если бы не было нас, таранчей, то вы все-таки померли бы с голода. Теперь вы, благодаря нашей силе, сохранили свою жизнь. А потому где вам владеть нами?»

Из-за этого и возникли между дунганями и таранчами несогласия.

Так как в то время дунгане владели городами Урумчи, Гучэном, Манасом и другими, то илийские дунгане просили помощи у урумчиских дунган, которые и прибыли в Или. Таранчинский султан Обул-аля-багатур-газы, услышав о приходе дунган из Урумчи в г. Хуйюаньчэн, собрал 10 000 своих таранчинских солдат и, вызвав еще 500 пеших и конных сибинцев, пошел к крепости Баянтай, в которой и расположился. В то время Баянтай, после взятия его у маньчжуров, пустовал. Узнав от шпионов, что соединенное дунганское войско выступило из Суйдина и Хуйюаньчэна по направлению к Кульдже и остановилось лагерем на полдороге, султан Обул-аля на рассвете выступил с таранчами навстречу дунганам. Собственно о ходе сражения я хорошенько не знаю, но вот что я слышал впоследствии от участников сражения.

Султан лично выступил с войском и, встретившись с дунганями близ Баянтая, стремительно напал на них, причем сам находился впереди. В то время как таранчи сражались, воодушевляемые (его примером), им на помощь пришел халпе, брат султана, с большой толпой таранчей, и тогда дунгане были наголову разбиты и в панике бежали по направлению к г. Хуйюаньчэну. Первыми бежали с поля сражения дунгане, пришедшие на помощь из Урумчи. Они, захватив у илийских дунган красивых женщин и девушек, бежали в Урумчи. За этими дунганями бежали из-под Баянтая и илийские дунгане. Были среди них такие, которые посадили своих жен и детей на телеги и столкнули их в р. Или⁷¹. Так злы дунгане! И если им совсем не жаль убивать собственных жен и детей, то разве будут они жалеть чужих жен и детей? Из этого видно, что сердце у них сильно пропитано злобой.

Таранчи, разбив дунган, гнались за ними вплоть до г. Хуйюаньчэна и Суйдина, причем много дунган перебили и захватили в плен. Когда на другой день прибыл в Хуйюаньчэн таранчинский султан Обул-аля, он, собрав своих таранчей, приостановил избиение дунган.

Хуйюаньчэн после этого совершенно опустел. А так как дунган осталось очень мало, то они и не жили в г. Кульдже. Всего в Или осталась тысяча с лишком дунган, а именно в Суйдине, Лаоцаогоу и Циншуйхэ. После этого свирепость и злоба дунган сильно ослабели.

На основании изложенного (я) убедился, что всякий человек, когда его жестокость и злоба достигнут крайних пределов, неизбежно понесет наказание по воле неба.

---

⁷¹ Для того чтобы жены и дети не достались победителям-таранчам. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

[Глава] XII

[Отношение таранчей
к восьми сибинским ротам]

Сибинцы восьми рот сильно страдали от обременительных таранчинских повинностей. Хотя таранчи и не брали с сибинцев податей в виде хлеба или денег, но когда нужно было строить казенные здания, нести службу при ямынях таранчинских бэков или посылать солдат на разведки, то таранчи командировали также и сибинцев. А когда в Или среди скота свирепствовала эпидемия, так что из 100 быков оставались один или два, то и этот оставшийся скот таранчи отбирали на казенные надобности, вследствие чего скота для работ не хватало. Как же при таких условиях сибинцы могли обрабатывать землю? К югу от р. Или сибинцам было не под силу обрабатывать даже $\frac{2}{10}$ или $\frac{3}{10}$ пахотной земли. И таранчи на несколько лет завладели сибинской землей, обрабатывая которую они разбогатели, а сибинцы влачили жизнь, служа у них в работниках. Сибинцы по своей одежде напоминали пернатых и животных. Молодые замужние женщины и девушки даже не имели чем прикрывать свои срамные места.

В то время ниоткуда не привозили в Илийский край материй, а потому (даже самые обеспеченные из сибинцев) не могли носить одежды из материи⁷².

В то время сибинский ухэрида Карманга⁷³ женил своего старшего сына. На эту свадьбу ухэрида, для поддержания дружбы с таранчами, пригласил всех таранчинских ахунов и бэков, которые и прибыли в дом ухэриды. Среди женщин, подававших гостям обед и чай, находилась одна чрезвычайно красивая сибинянка, родом из 5-й роты, бывшая замужем за сибинцем 6-й роты Валишанем. Прекрасные брови ее были подобны длинному холму и доходили до висков. Хотя все таранчинские бэки с восхищением смотрели на нее, но в сердце никаких намерений не возымели. Только один бэк Алимша страстно влюбился в нее и захотел взять ее себе в жены. Но он не мог устроить этого, так как занимал небольшую должность⁷⁴. Что он доложил таранчинскому султану по возвращении в Кульджу, неизвестно, но произошло следующее. Так как султан по случаю женитьбы сына ухэриды Карманги сделал ему подарки, то ухэрида после окончания свадьбы тотчас лично явился к султану, чтобы выразить ему благодарность. На прощальной аудиенции султан сказал ему следующее: «Ту (красивую) женщину я возьму за себя замуж, а за ее мужа отдайте не просватанную еще девицу, все расходы по этой свадьбе я несу сам».

⁷² Насколько дорога была даже простая грубая материя, привозимая с юга, можно судить по тому, что кусок такой материи кашгарского происхождения, длиной в пять ручных сажен и шириной немного менее пол-аршина, стоил тогда, как говорит автор, 40 *лан*, т.е. около 80 р. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁷³ Ухэрида Карманга жил в 6-й роте. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁷⁴ Стало быть, не имел власти и силы отнять у мужа его законную жену. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Ухэрида на это ответил: «Хотя таранчи и другой веры с нами, но раз султан таранчей, став владельцем Или, не гнушается нами, а хочет даже взять замуж сибинянку, то мы чрезвычайно рады этому. Но что будет, если затем все бэки, подражая султану, станут брать таким образом наших жен?»

Тогда таранчинский султан отдал приказ, чтобы таранчинские бэки не брали себе жен у сибинцев.

Возвратившись в свою роту, сибинский ухэрида собрал всех начальников восьми рот на совещание по настоящему делу. Сотники говорили неодинаково: одни говорили, что можно отдать (вышеупомянутую женщину), а другие говорили — нельзя. Тогда ухэрида обратился к начальникам рот со следующей речью: «У нас теперь в хлебных магазинах осталось по скрупулу зерна. Но это бы еще не беда! Если мы не исполним требования таранчей, то они в один миг уничтожат все наши восемь рот. Из-за одной женщины разве можно погубить 20 000 душ? Теперь в восьми ротах пусть сибинцы возьмут замуж всех девиц старше 15 лет, не смотря на то, просватаны ли они или нет».

После этого было решено отдать сибинянку Шуха, жену Валишаня, замуж за султана. Ухэрида привез ее (в Кульджу), дав ей такое наставление: «С древних пор случалось, что государи ради пользы своего народа, в годину его бедствий, отдавали своих дочерей во вражескую страну. И тебя мы отдаем с той целью, чтобы ты непременно всем сердцем заботилась о (сохранении) жизни 20 000 сибинцев, живущих к югу от реки, и приобрела расположение султана. Когда нас будут очень притеснять, я пошлю тебе весточку, и ты помоги нам, повлияв на султана».

Хотя сибинцы жили в бедности и беде, но ради спасения своей жизни они исполняли усердно всякую службу, на какую их назначали таранчи. Несмотря на это вскоре таранчи задумали совершенно уничтожить сибинцев.

Среди таранчей пользовался особым уважением таранчинец, носивший звание «халпе»⁷⁵. Завладев самовольно лучшими угожьями в разных таранчинских деревнях, он распахивал землю, не платя никакой подати; напротив, другие таранчи платили ему подать и почтительно исполняли всякие его приказания, считая их как бы нисшедшими с неба. Прочие таранчи даже не смели крикнуть на дворовых собак этого халпе — настолько его уважали.

Собрав однажды самовольно таранчинских солдат, халпе оповестил всех таранчей, что если не убить сейчас заречных сибинцев, то впоследствии они обязательно причинят таранчам много бед. После этого он сам повел собранное войско за р. Или. В то время река замерзла, и лошадь халпе, вступив на лед задними копытами, далее не пошла. Тогда халпе, слезши с лошади, стал позади нее и начал ударять кнутом. Лошадь, собравшись с силами, прыгнула со льда на берег, но при этом лягнула халпе в сердце. Так халпе и не смог переправиться на южный берег реки и вернулся домой⁷⁶, где вскоре и умер.

⁷⁵ Это был упомянутый выше Шамс-эддин, сын Худай-куна. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁷⁶ В селение Арустан, в 20 верстах к юго-востоку от г. Кульджи. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Ухэрида, взявши сибинских начальников, отправился навестить труп халпе. Кланяясь трупу, ухэрида так думал: «Ты теперь умер и тем избавил сибинцев от великой беды». Радуюсь таким образом, ухэрида однако перед трупом халпе непрерывно проливал слезы, которые падали подобно дождю.

Таранчинские бэки, видя, что ухэрида так сильно горюет и плачет, сами расстрогались, зарыдали и, выйдя вперед, увещанием убедили ухэриду прекратить рыдания. Потом бэки говорили: «Раз ухэрида так горько плачет о смерти нашего халпе, то, стало быть, сибинцы искренне покорились нам, таранчам. Наш халпе не знал этого и, подозревая, что вы, сибинцы, имеете особые замыслы, решил переправиться через реку и перебить вас. Но небо не допустило до этого и самому ему причинило смерть. Нынешняя скорбь ухэриды искренняя. В этом деле халпе действительно был неправ».

Когда ухэрида вернулся к себе домой, то сибинские офицеры стали спрашивать его, почему вчера он так горько плакал перед трупом халпе.

На это ухэрида ответил: «Если бы этот таранчинец не умер, то он причинил бы нам много бед. Поэтому я и плакал так от радости, думая про себя: благодаря твоей смерти, халпе, 20 000 с лишком сибинцев сохранили жизнь». Все сибинские офицеры много смеялись этим словам ухэриды.

После смерти вышеупомянутого халпе ему наследовал в звании халпе его старший сын⁷⁷, захотевший также уничтожить сибинцев. И вот, когда таранчинский султан отправился на богомолье на мусульманское кладбище (мазар), находящееся у реки Каш, что к востоку (от г. Кульджи)⁷⁸, то младший халпе, воспользовавшись этим случаем, решил истребить сибинцев.

Но мать халпе сказала ему: «Хотя все девять городов Илийского края⁷⁹ и запустели, но к югу от реки все-таки осталось целое племя. Ясно, что (само) небо сохранило этих людей. Твой отец захотел истребить их, но, наоборот, сам умер раньше. Теперь, если ты не изменишь своего намерения, то как бы и с тобой не случилось какого-нибудь несчастья, как и с твоим отцом». Но молодой халпе, не

⁷⁷ Его имя: Камер-эддин Шамс-эддинов. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁷⁸ Это так называемый «восточный мазар», где находится могила султана Вэйса; он расположен в 55 верстах от Кульджи по правую сторону р. Каша, за речкой Борбогосун (если ехать от Кульджи), и называется поэтому также «Борбогосун мазар» (см. [Федоров, *op. cit.*, I, с. 17]). — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁷⁹ В правление цинского императора Цянь-луна для умиротворения и наведения порядка в Илийском крае было решено учредить там административную военную единицу с военным губернатором (*цзянцзюнем*) во главе. Административным центром был г. Хуэйюань (у А.А. Дьякова — Хуйюаньчэн), и еще было восемь городов-крепостей: Хуэйнин (у А.А. Дьякова — Хуйнинчэн, Баянтай), Суйдин, Гуанжэнь (у А.А. Дьякова — Гуанжэньчэн, Лаоцаоугоу), Нинъюань, Чжандэ (у А.А. Дьякова — Чжандэчэн, Циншуйхэцзы), Гунчэнь (у А.А. Дьякова — Гунчэньчэн, Хоргос), Сичунь (у А.А. Дьякова — Сичуньчэн, Чэнпаньцзы), Тарджи. Все эти города получили название «девять илийских городов-крепостей» (伊犁九城 или *цзючэн*). Из этих девяти городов на сегодняшний день лучше всего сохранился г. Хуэйнин.

послушавшись матери, собрал войско и, переправившись через р. Или, пошел к мазару, находящемуся в местности Доланту, чтобы условиться относительно избивения всех сибинцев с жившим к югу от р. Или в таранчинском селе Кальджат⁸⁰ таранчинским шанбэком по имени Тогулак. Он заведовал 12 южными таранчинскими селениями. Из среды тамошних таранчей это был первый богач: лицо у него было багрового цвета; будучи высоким и полным, он выделялся из ряда прочих таранчей величественной осанкой. Так как долантуский мазар был недалеко от Кальджата, то халпе, послав к этому Тогулаку человека, пригласил его к себе и сказал ему следующее:

«Ты, условившись со мной, помоги мне. Если мы теперь не убьем всех сибинцев, то впоследствии они обязательно причинят нам, таранчам, много горя». На это Тогулак ответил:

«За этими сибинцами не имеется никакой вины, да и вражды у нас с ними с самого начала не было. (Напротив того) в минувшие годы всякий раз, когда случалось, что за отсутствием горной воды нельзя было орошать землю, южные таранчи всегда находили у них поддержку. Если подумать об этом, то это похоже на то, как бы мы вместе с ними ели пищу из одного котла. И теперь мы с ними, сибинцами, не враждуем. Если мы убьем без причины людей, созданных небом, то как бы это не оказалось несогласным с волей неба».

Так как однако халпе упорствовал (не согласился), то Тогулак сказал:

«Если халпе действительно задумал так, то я вместе со своими таранчами из 12 южных деревень соединюсь с сибинцами восьми рот, и мы вместе с ними перейдем реку и будем воевать с таранчами, живущими к северу от реки».

Халпе оказался в затруднительном положении и не знал, что делать. Между тем сибинский ухэрида Карманга, узнав об этом деле, спешно и тайно послал дядю взятой султаном сибинянки к ней со словами: «Теперь сибинцам скоро будет конец! Помоги и защити!» Жена султана Шууха тотчас отправила к кашскому (восточному) мазару к султану человека передать ему вышеозначенное известие. Услышав это, султан поспешно возвратился в Кульджу и немедленно отправился (далее), меняя лошадей. Ночью он перешел р. Или, направился в долантуский мазар и приказал халпе и всему собравшемуся таранчинскому войску вернуться домой.

В 12-й луне 9-го года Тун-чжи⁸¹ таранчи распустили ложный слух, что в 1-ю и 3-ю сибинские роты пришли русские. Султан, услышав об этом, стал, однако, сомневаться, верить ли ему или не верить (тому слуху). Ввиду этого он командировал (в означенные роты) несколько бэков с солдатами. Посланному же вместе с ними своему младшему брату шанбэку Муктуру он дал следующую инструкцию: «Ты понапрасну не причиняй сибинцам зла, а то нарушишь волю неба и войдешь

⁸⁰ В тексте: «Галджату». — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁸¹ В самом конце 1870 или в начале 1871 г. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

в противоречие с моими намерениями. Ты тщательно узнай, правда или нет (то, что говорят о сибинцах), и затем немедленно возвращайся».

Таранчи, в количестве нескольких тысяч человек, придя в 12-м месяце, в мороз, в 1-ю сибинскую роту, выгнали из домов одного квартала всех мужчин, женщин и детей, причем бэки разместили в этих домах своих солдат. (Сибинцы), доставляя таранчам в пищу баранов, а их лошадям — фураж, пришли в крайнюю нужду. Таранчи днем и ночью, набрав сибинцев, умевших разыгрывать пьесы, заставляли их (сибинцев) забавлять себя. Хотя прошло полмесяца, но таранчи не возвращались домой. Тем временем к сибинским построикам подошли таранчи из южных сел вместе с киргизами и стали готовиться к грабежу.

Так как сибинцы очутились в безвыходном положении, то командир 1-й роты Мурунга два раза ездил в Кальджат к Тогулаку. Но Тогулак, дав понять, что султан, послушавшись некоторых таранчей, понапрасну послал своих солдат, сам к сибинцам не пошел. Тогда Мурунга еще раз поехал к Тогулаку и обратился к нему с такой слезною просьбою: «Когда вы, шанбэк, подумав о том, что бедные и неимущие люди (сибинцы) в холод не имеют пристанища, сжалитесь и сами своей высокой особой пойдете (к нам) и отошлете домой пришедших к нам таранчинских солдат, то все, старые и малые, из обеих рот, приблизившиеся к смерти, будут вечно помнить о таковой помощи вашей, шанбэк».

Когда Мурунга так неотступно умолял Тогулака, он, наконец, отправился вместе с командиром 1-й роты в 1-ю и 3-ю сибинские роты.

Тогулак, увидев младшего брата султана Муктура и бэков, приведших с собой солдат из г. Кульджи, спросил их: «Вы зачем в такой холод пришли сюда с войском, выгнали бедняков из их жилищ и позволили вашим людям завладеть этими жилищами? Что именно за причина этому?»

Бэки на это ответили: «Султан, дав нам солдат, послал нас сюда по той причине, что он, услышав о приходе в эти две роты русских, захотел проверить это». Тогулак на это ответил следующее: «Я и сам отлично знаю, что здесь действительно есть русские, но их немного, всего только три человека. Если вы спросите, кто они, то это, во-первых, таранчинец Токо из Кетмена, командированный султаном для наблюдения за тем, чтобы злонамеренные таранчи, придя в 1-ю и 3-ю роты, не бесчинствовали здесь. Второй — это вновь назначенный султаном помощник ротного командира (чжэрги чжангин) сибинец Боро. И третий — это сибинец 3-й роты, переводчик Опор. Вот они трое и суть русские. Они-то распускают разнообразные ложные слухи. Если их казнить, то никаких вопросов возникать не будет. И если бы подобное дело было, то как же это я, живущий недалеко отсюда, не знал бы об нем? Говорить же, что вы, живя в г. Кульдже, прежде меня услышали о подобных вестях, разве это не ложь? (Что касается сибинцев), то они теперь впали в крайнюю бедность. Хотя бы вы истребили их, вы не найдете у них никакого имущества, которое можно было бы взять. Можете

захватить только их жен и детей — ничего другого у них нет. Наши таранчи, овладев всеми девятью илийскими городами, награбили немало добра. Ведь сибинцы с самого начала, обрабатывая землю, сами прокармливали себя⁸² и не враждовали с нами. Почему же напрасно желать убивать их, нарушая законы неба? Если поступить так, то кто знает, может быть, впоследствии и нас истребят».

Бэки на это не возразили ни слова. А на утро Муктур, объявив солдатам о немедленном отступлении, выступил в обратный путь в Кульджу.

После этого сибинцы, не имея одежды, стали сеять хлопок и ткать материи. С этой поры они начали носить одежду из бумажной материи.

[Глава] XIII [Оккупация русскими войсками Илийского края]

На следующий (1871) год, в 3-й луне, таранчи услышали, что русские солдаты находятся около Хоргоса, что к северу от р. Или. Услышав об этом, таранчи испугались и, собрав большое войско, включая сюда 500 сибинцев, пошли к г. Хоргосу. Они окружили русских, остановившихся в одном пустом дворе, (обнесенном стеной), между Хоргосом (= Чэнпаньцзы) и Мазаром⁸³. Этот двор был первоначально устроен таранчами. Так как русских было очень мало — 90 человек пехоты да 45 сибинцев и солонов, всего свыше 100 человек, а таранчей было очень много, то русские не могли проникнуть в Или, а стали отступать. Таранчи, следуя за русскими с двух сторон на почтительном расстоянии, вынудили их перейти р. Хоргос. Затем таранчи возвратились обратно в Кульджу, возвестив всюду, что русские бежали, и потрясли Илийский край радостными кликами.

После этого русские вошли в таранчинское селение, что к югу от р. Или, и прежде чем таранчинские солдаты пришли туда, русские поднялись выше (т.е. к горам) и прошли через таранчинские селения Дардамту, Шонкор, а затем через Большой Ачанохó и Малый Ачанохó и приблизились к Кетменю⁸⁴. Тогда

⁸² Таранчи не платили сибинцам податей. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁸³ Это «западный мазар» — самое большое старинное мусульманское кладбище. На нем имеются «несторианские» камни, с высеченным крестом и сирийскими письменами. (Описание этого мазара, не вполне удачное, имеется в труде В.В. Баргольда: Отчет о поездке в Среднюю Азию. 1893–1894 гг. СПб., 1897 — Зап. Имп. Акад. наук. VIII сер., т. I, № 4, с. 65 и след. Ср.: Зап. Вост. Отд. XV, с. 0132 и XVI, с. XIV). О несторианских камнях см. статьи П.К. Коковцова в Зап. Вост. Отд., т. XVI, с. 0190–0200 и в Изв. Акад. наук, 1907, с. 427–458. — *Примеч. Вл. Котвича.*

⁸⁴ Все эти пункты находятся теперь в русских пределах. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Сейчас поселки Добон (Добын), Дардамту (Дардамты) и Кетмень расположены на территории Казахстана в Уйгурском районе Алматинской области.

жившие в названных селах таранчи с семьями бежали к востоку. Поднялся настолько сильный плач и шум, что эхо разносилось в южных горах.

Таранчи собрали всех своих солдат и напали на русских, но были оттеснены. Таранчи в ту же ночь устроили совещание, причем было решено выбрать из своей среды 500 удалых таранчей, которые бы сражались до смерти, не отступая. Эти таранчи должны были надеть для отличия на головы белые чалмы, в ту же ночь обойти кругом русский лагерь и напасть на него с противоположной стороны, тогда как главные силы таранчей напали бы на русских с этой стороны.

Как только настала глубокая ночь, 500 пеших таранчей, решившихся умереть в сражении, пошли вперед; за ними пошла прямо на русский лагерь главная масса таранчей⁸⁵.

Когда ушедшие вперед пешие таранчи подошли близко к русскому лагерю, то там не было слышно ни звука. Но таранчи, заметив, что русские с ружьями в руках приготовились (их встретить), не решились войти в русский лагерь и стали отступать в свой лагерь. Возвращаясь, они столкнулись с главным отрядом таранчей, причем обе толпы таранчей, приняв друг друга за русских, сразились между собой. Но потом глупые таранчи узнали по голосу друг друга и, глядя на небо, начали вздыхать.

Я, автор этой книги, хорошо знаю все это, потому что в рядах таранчинского войска был мой старший брат, от которого я и слышал вышеизложенное.

Русские солдаты после этого двинулись и находились уже недалеко от Кальджата, как вдруг в одну ночь они ушли обратно. А почему они так сделали, я не знаю. Таранчи, думая, что русские, быть может, возвратятся, стали лагерем.

Но вслед за этим Колпаковский⁸⁶, прибавив к пехоте тысячу кавалеристов, сам вместе с пехотой, кавалерией и артиллерийским отрядом, с пушками на лафетах, прибыл к Хоргосу⁸⁷, что к северу от р. Или, где и остановился лагерем (на ночевку). На другой день, накормивши солдат, Колпаковский пошел по направлению к Кульдже. Таранчи выступили русским навстречу с целью сразиться. Но как только они подошли, русские открыли огонь из больших орудий, и таранчи, не будучи в состоянии держаться, бежали вплоть до Циншуйхэ. Русские солдаты,

---

⁸⁵ Конный отряд. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁸⁶ Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896) — российский генерал от инфантерии, активный участник военных действий на территории Центральной Азии. Военный губернатор Семипалатинской (1864–1867) и Семиреченской (1867–1882) областей. Стоял во главе военной экспедиции, в результате которой Илийский край с центром в Кульдже с 1871 г. и вплоть до заключения в 1881 г. так называемого Петербургского договора находился под юрисдикцией России. О нем см. в статье Ф.В. Пояркова «Последний эпизод дунганского восстания», с. 167–169 наст. изд.

⁸⁷ Тут была разрушенная мусульманами китайская крепость Гунчэньчэн, называемая мусульманами, калмыками и маньчжурами Хоргос. Теперь эта крепость восстановлена. У ее стен находится базар и живут таранчи, а по базару идет дорога из Джаркента в Суйдин и Кульджу. Крепость ныне называется китайцами по-старому — Гунчэньчэн, а по-народному — Чэнпаньцза. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

придя туда же, остановились лагерем (на ночевку). На следующий день русское войско пошло к Суйдину по большой дороге. Таранчи, собрав своих бежавших солдат, еще раз попытались остановить русских, но так как последние (снова) стали стрелять из больших пушек, то таранчи без остановок бежали в г. Кульджу. И более сражений не происходило.

Когда русские в тот же день пришли в г. Суйдин, то дунгане заперли ворота крепости и, взойдя на ее стены, начали смотреть. Но русский отряд, приблизившись к стенам крепости, стал стрелять в нее из крупных орудий, а солдаты храбро взобрались на стены и, сражаясь, заставили дунган, находившихся на стенах, отступить, после чего отворили ворота крепости. Тогда Колпаковский со всеми солдатами вступил в город и усмирил его жителей; попусту никого не убивали. И хотя Колпаковский после этого дал своим солдатам два дня отдыха и (праздно) сидел в г. Суйдине, но таранчи не приходили сражаться с русскими. Затем русские пошли по направлению к г. Кульдже. В тот же день султан собрал всех больших и малых бэков и ахунов для решения вопроса о том, как быть. Все бэки и ахуны сказали: «Сражаться (с русскими) нельзя, а лучше покориться. Русских солдат хотя и немного, но они чрезвычайно сильны и несомненно истребят нас, если мы будем сражаться».

Султан подчинился единогласному решению всех. Собрав больших и малых бэков и ахунов, вместе с сибинским ухэридой Кармангой, султан выехал из Кульджи и, перейдя речку Сахэцзы, стал в стороне от дороги на колени и (так) встретил Колпаковского. Последний, увидев сибинского ухэриду, обнял его, и ухэрида произнес следующую речь: «Так как вот уже несколько лет, как облака и туман скрывали (от меня солнце), то я, цзангин⁸⁸, думал, что более уже не увижу неба и солнца. Но вот сегодня я увидел великого губернатора, и поистине туман и облака рассеялись, и я снова увидел небесный свет».

(Говоря так), ухэрида расплакался. Тогда Колпаковский сказал: «Не плачьте... Теперь русские состоят в дружбе с китайцами, и я пришел сюда со своими солдатами, чтобы помочь вашим сородичам. Отныне большого горя не будет».

Колпаковский, увидя на шапке ухэриды Карманги шарик из драгоценного камня, спросил: «Ведь по закону маньчжурские чиновники не носят на шапке шариков из драгоценного камня (еримбу). Почему же ухэрида имеет такой шарик?»

Ухэрида на это ответил: «Этот шарик мне пожаловал таранчинский султан». Тогда губернатор приказал назначить на службу прежних чиновников, бывших при цзянцзюне, отрешить от должностей всех чиновников, назначенных султаном, и снять пожалованные им шарики. В то время (действительно) имелись старые чиновники, которые были отрешены от должностей вследствие того, что злые люди оклеветали их перед таранчинскими бэками.

⁸⁸ Здесь ухэрида называет себя *цзангином* (младшим офицером) из унижения. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

Когда Колпаковский сделал изложенное распоряжение, то сибинский ухэрида, возвратившись к себе домой к югу от реки, немедленно отрешил от должностей чиновников, поставленных султаном, и восстановил в должностях прежних чиновников. Все сибинцы, старые и малые, сильно радовались этому. О последующих событиях пока говорить не буду.

В тот же день⁸⁹ Колпаковский, посадив в свой экипаж сибинского ухэриду Кармангу, отправился в г. Кульджу. Экипаж Колпаковского охраняли русские, причем не подпускали близко к карете ни таранчинского султана, ни бэков, отчего таранчи вознегодовали на сибинцев, говоря, что «русские пришли в Или ради них».

С этого времени Илийский край перешел во владение русских.

О вышеизложенном я, автор сей книги, слышал от своего родного дяди, сопровождавшего в то время ухэриду в г. Кульджу.

Старики считали большим успехом то, что китайцы и маньчжуры были побеждены в течение двух лет. Таранчи и дунгане, завладев Или, собрали в г. Кульдже ружья, пушки и военное снаряжение, находившееся в разных городах. А когда через шесть лет пришли русские, то они, сражаясь к югу и к северу от реки Или, в какой-нибудь месяц завладели Илийским краем. Когда подумаешь об этом, то действительно справедливо говорят, что если таранчи и легко завладели Илийским краем, то потеряли его еще легче.

В 7-й луне Колпаковский дал денег сибинцам и приказал построить большой ламайский храм к северу от реки, что они и сделали.

Потом в 10-й луне уездный («уяс») начальник произвел перепись всех сибинцев. А так как сибинцы исстари не несли денежных повинностей, то они без утайки написали число своих людей и сообщили (русскому начальству). Вслед за тем русские обложили каждого сибинца, большого и малого, податью в две монеты серебром (40 копеек)⁹⁰. Все сибинцы весьма испугались, потому что они, будучи подобно не имеющим хозяев собакам притесняемы таранчами, дошли до крайней степени бедности. Далее, когда русские вошли в Или, то таранчи и сибинцы не доверяли друг другу и (сибинцы) не могли ходить на заработки и находились в тяжелом положении. После прихода русских в Или, в течение нескольких месяцев, русские деньги еще не распространились повсюду; откуда же поэтому сибинцы могли достать русское серебро? Если привести пример, то ведь поистине трудно извлечь сок из засохшего во время засухи дерева — хотя бы оно (затем) и получило (влагоу в виде) дождя или росы, — до тех пор пока не вырастут ветви и листья.

⁸⁹ То есть в тот день, в который султан, бэки, ахуны и сибинский ухэрида Карманга встречали генерала Колпаковского около Кульджи. — *Примеч. А.А. Дьякова.*

⁹⁰ По словам Н.Н. Пантусова («Сведения о Кульджинском районе за 1871–1877 гг.». Казань, 1881), сибо были обложены податью в 3 рубля с семьи. Всего сибинцев насчитывалось в 1877 г. 18 321 душа (9305 мужчин и 9016 женщин). — *Примеч. Вл. Котвича.*

Когда сибинские чиновники, собирая с бедных сибинцев подать серебром, стали их сильно прижимать, то было много случаев, когда сибинцы, бросив своих жен и детей, бежали из своих домов. Да и все вообще сибинцы в то время находились в затруднительном положении из-за платежа подати.

На следующий год после прихода русских в Илийский край в нем был сильный голод, так что сибинцы и таранчи из-за недостатка съестных припасов питались кореньями, выкапывая (их из земли). Но потом сибинцы мало-помалу оправились и (более) не тяготились внесением подати.

Солоны в течение трех лет со времени прихода русских в Или не были обложены податью.

* * *

О всех событиях, изложенных выше, начиная с 3-го года Тун-чжи, т.е. со времени восстания в Или, и доходя до 10-го года Тун-чжи, т.е. до времени прихода русских в этот край, я слышал от стариков очевидцев и по памяти написал эту книгу, в которой нет лжи. А почему? Коль скоро я не мог тщательно написать всю правду, то откуда у меня мог взяться досуг для сообщения лживых сведений? А так как изложенные события протекли перед моими глазами, то если не думать о них, то лучше. А как только подумаешь, сердце немедленно наполняется скорбью.

В этой книжке содержится очень много печали и несчастья; горестным воспоминаниям нет и конца⁹¹.

---

⁹¹ Уже после того как настоящая статья была набрана, мне из беседы с нашим консулом в Урумчи Н.Н. Кротковым удалось выяснить некоторые дополнительные подробности о происхождении «Воспоминаний» сибинца. Оказывается, что еще до прибытия г. Дьякова в Кульджу этот сибинец написал свои воспоминания для Н.Н. Кроткова по его просьбе, так что настоящая статья представляет собою перевод позднейшей редакции этих воспоминаний. Любезно произведенное Н.Н. Кротковым сличение этого перевода с имеющимся у него маньчжурским текстом показало, что сибинец допустил значительные отступления от своего первоначального рассказа. С одной стороны, им опущены многие характерные подробности об описываемых им событиях, а с другой — сделаны некоторые дополнения, причем заслуживает внимания то обстоятельство, что дополнения эти касаются, между прочим, и таких цифровых данных, дат и т.п., о которых сибинец ранее откровенно заявлял, что их не помнит. Н.Н. Кротков предполагает использовать в ближайшем будущем первоначальный текст рассказа сибинца, а равно другие собранные им за время пребывания в Кульдже материалы для освещения новейшей истории Илийского края. — *Примеч. Вл. Котвича.*

Ф.В. Поярков

Последний эпизод
дунганского восстания*
(Маленькая страничка
из прошлой жизни
Семиречья)

Федор Владимирович Поярков (1851–1910) — военный врач, археолог, этнограф, выпускник медицинского факультета Московского университета. Студентом 4-го курса принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После окончания учебы в 1879 г. был направлен в 3-й Туркестанский стрелковый полк. Вместе с военным фельдшером В.М. Фрунзе (отцом советского наркомом М.В. Фрунзе) помогал в обустройстве дунганам, бежавшим в Российскую империю. В г. Верном (с 1921 г. — Алма-Ата) Ф.В. Поярков возглавлял местное отделение Русского географического общества. Составил первый казахско-русский словарь, рукопись которого хранится в Казахской государственной

---

* Так называемое в новейшей истории знаменитое дунганское восстание обнимает собою время около 18–19 лет. Точно и до сих пор не удалось установить время, когда именно оно началось. Одни писатели относят начало его к 1860–1861 гг., другие — года на два позже, т.е. к 1863 г. По сведениям, собранным нами от самих дунган, мы должны отнести начало их восстания к 1861 г. Сообщаемые здесь факты собраны нами от самих дунган, участвовавших в восстании и игравших в нем видную роль. Точно так же часть сведений нами собрана от очевидцев русских, бывших первыми свидетелями прибытия их в русские пределы. Сообщаемые факты обнимают собою время со дня прихода дунган в укрепление Нарын и до водворения их в Пишпекском уезде Семиреченской области. — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

библиотеке. В 1886 г. открыл несторианские кладбища в Пишпекском уезде (Пишпек — в советский период Фрунзе, в настоящее время Бишкек). Опубликовал серию исследований, посвященных истории и обычаям народов Семиречья — географического ареала, в состав которого обычно включали не только территорию современного Казахстана к югу от оз. Балхаш, но и часть современной Киргизии с городами Бишкек, Токмак, Каракол (в 1889–1921 и 1939–1992 гг. — Пржевальск), Нарын (в настоящее время административный центр Нарынского района и Нарынской области), иногда также верховья р. Или (совр. Или-Казахский автономный округ пров. Синьцзян КНР). С середины XIX в. ареал Семиречья вошел в состав Российской империи. В 1867 г. на его территории была учреждена Семиреченская область с административным центром в г. Верный. Включала шесть уездов — Верненский, Копальский, Лепсинский, Пишпекский, Пржевальский и Джаркентский (совр. села Капал и Лепси, а также г. Жаркент входят в Алматинскую область Казахстана)¹.

В публикуемом очерке «Последний эпизод дунганского восстания (Маленькая страничка из прошлой жизни Семиречья)»² учтены исправления, которые были сделаны рукой Ф.В. Пояркова на экземпляре, хранящемся в библиотеке Института восточных рукописей РАН. Он был подарен автором известному российскому востоковеду, тюркологу, арабисту, знатоку ислама академику В.В. Бартольд (1869–1930), надпись на книге гласит: «Глубокоуважаемому Василию Владимировичу от преданного Пояркова. Верный, 1901 г., сент. 3 дня».

---

¹ Использованы материалы: *Поярков Б.В.* Поярковы. Пять поколений исследователей на просторах Евразии. М.: Наука, 2006, с. 9–19. (Автор этой книги — правнук Ф.В. Пояркова; глава, посвященная Ф.В. Пояркову, написана его внуком В.Э. Поярковым.); БСЭ (М.: Советская энциклопедия, 1969–1978); Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1907–1909 (интернет-версия).

² Печатается по: *Поярков Ф.В.* Последний эпизод дунганского восстания (Маленькая страничка из прошлой жизни Семиречья). Верный, 1901. 76 с. — То же см.: Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 год. Верный, 1901.

Ей, Господи, Царю,
даруй ми зрети моя прегрешения
и не осуждати брата моего
Из молитвы Ефрема Сирина

Еже ся описах, еже не дописах,
еже переписах, чтите и исправляйте,
Бога дря, не кляните
Из летописи Нестора

I

Осень 1877 г. в южной части Семиречья, а именно в Пишпекском (прежде — Токмакском) и Иссык-Кульском (ныне — Пржевальском) уездах, была с самого начала замечательно холодная и дождливая. Со второй половины сентября почти каждый день непрерывно шел дождь, и в последних числах стал уже падать снег; такая погода с незначительными промежутками продолжалась и в течение всего октября, с той только разницей, что чаще падал снег. С каждым днем становилось все холоднее и холоднее, тяжелые свинцового цвета тучи нависали все ниже и ниже, густой туман непроницаемой пеленой уже давно скрыл от взоров не только вершины могучего Александровского хребта, но и мелкие отроги, и невысокие его предгорья были покрыты снегом. В первой половине ноября уже установилась настоящая зима, как в России или Сибири. Снегу выпало везде много, не только горы и ущелья, но и долины на далеком расстоянии от гор были покрыты глубоким его слоем. Декабрь месяц был еще более снежный и холодный, редкий день проходил без буранов. Небо все время сплошь было покрыто серыми облаками, которые становились еще мрачнее и тяжелее и спускались еще ниже над землей. Солнце редко выглядывало из-за туч, а если и показывалось иногда, то лишь на короткое время, притом оно выглядело таким бледным, жалким и маленьким, что совсем не грело.

Все это приводило в немалое смущение бедных кочевников. Наступившие ранние холода и большое количество выпавшего снега застали киргизов врасплох, и эти вольные сыны степей, еще так недавно беззаботные и беспечные, поневоле должны были, что называется, съежиться, войти в себя, замкнуться. Не-

слышно стало по аулам веселой речи взрослых, беззаботного, невинного смеха детей, а постоянные серые дни еще более наводили на всех тоску и уныние; с каждым днем киргизы становились более и более печальными, угрюмыми и скучными. Движения их сделались вялы и нерешительны, в голосе каждого слышалось недовольство и раздражительность, а в тусклом взгляде выражались отчаяние и полная беспомощность. Перед грозно разыгравшейся стихией все примирели и приумолкли, невольно предчувствуя тяжелую беду... и предчувствие это не обмануло бедных кочевников.

По словам старожиллов-туземцев, таких продолжительных и притом рано начавшихся холодов и такого большого количества выпавшего снега еще не бывало на их памяти. Все недоумевали ввиду появления столь ранней и притом необыкновенно суровой зимы и терялись в объяснении причин ее появления. Хотя предположениям и догадкам не было конца, большинство наконец успокоилось в том убеждении, что это русские принесли с собой такую суровую и жестокую зиму, ибо до прихода последних ничего подобного никогда у них не бывало, и странное дело, это объяснение всем пришлось по душе, все кочевники в простоте сердца и своего детского ума этому поверили и на этом успокоились. Положение их, однако ж, не улучшилось. Понятное дело, что такая зима сразу же дала себя знать тяжело и больно киргизам-кочевникам. По примеру прежних лет, рассчитывая на теплую зиму, они и не думали запастись достаточным количеством корма для скота, и не приготовили также удовлетворительного количества запасов продовольствия для себя, почему имевшиеся небольшие запасы того и другого скоро у них истощились, и скот, это главное богатство киргизов, начал падать, сначала более крупный, т.е. лошади и быки, а вслед за сим начали валиться и бараны — этот почти единственный и главный источник питания и благосостояния наших кочевников. И таким образом к существовавшим уже ранее среди них беднякам вскоре прибавилось очень много новых. Богач здесь находится в зависимости исключительно от благоволения к нему сил природы. Но более других своих собратьев страдали киргизы, жившие в принарынских волостях: им особенно приходилось тяжело и жутко!.. Не занимаясь почти ни сколько посевом, живя же исключительно скотоводством, они обыкновенно в начале, а иногда и в середине осени отправлялись за покупкой хлеба в другие более хлебобродные места, главным же образом в сел. Токмак, но на этот раз не успели сделать вовремя даже тех небольших запасов хлеба, которые они при своей обычной беспечности делали обыкновенно ранее, так как глубоким снегом рано завалило все проходы, и бедные киргизы оказались крепко запертыми в своих узких долинах. Вскоре они поняли весь ужас своего положения, но парализованные постигшим их бедствием они не в состоянии были помочь сами себе, а другие, более счастливые, совсем не знали об их тяжелом положении вследствие отдаленности и невозможности проникнуть к ним за отсутствием в такое время

года каких бы то ни было путей и средств сообщения. Но менее всего эти несчастные могли помочь сами себе...

Одно несчастье обыкновенно влечет за собой другое, так было и в данном случае. За падежом скота скоро обнаружился недостаток в хлебе, запасов которого, правда, и ранее у них бывало всегда немного, но затем скоро появился недостаток и в топливе... Никогда не запасали последнего, оно оказалось погребенным под толстым слоем льда и сверх того покрытым глубоким снегом, заваливавшим его с каждым днем все глубже и глубже, и несчастной, изнуренной голодом и холодом бедной киргизке сделалось наконец не под силу добывать это топливо, чтобы хотя бы немного согреть свою страждущую семью. Не одну из них находили при таких условиях замерзшей, и лишь только отчаянные и дикие вопли бедных детей, измученных ожиданием долго не возвращающейся матери, далеко разносились ветром, давая знать соседям о новой унесенной жертве, о новом несчастье, постигшем их собратьев, и окружающие еще более падали духом.

Страдая от холода и терпя голод, бедные кочующие сыны степей кое-как жались в своих юртах, расставленных в узких и глубоких долинах принарынских гор. Жалобно редела по аулам скотина, слабо разгребая своими обессиленными ногами глубокий снег и глухо стуча копытами о толстую ледяную кору, под которой скрывался столь желанный дорогой корм. Чаше и чаще ранним утром наступающего дня раздавался резкий плач и отчаянный вопль киргизок — жен и матерей³. Был ли то плач о преждевременно унесенных в могилу жертвах или это был плач о собственном тяжком и несчастном положении как самой себя, так и окружающих ее, которые еще остались в живых и которых ожидает в скором времени такая же печальная участь, сказать трудно.

Но тщетно плакали и зывали эти люди о помощи, а беспрестанно господствовавшие вьюги и снежные бураны точно еще более старались заглушить постигшее их бедствие, чтобы никто не слышал ни жалобных стонов животных, ни раздирающих душу людских воплей. Разыгравшиеся и разбушевавшиеся в своей ярости стихии как будто задались целью, чтобы сюда не проник ни один взгляд сострадания, ни одно слово участия, и одни только угрюмые вековые скалы и утесы, укутанные густыми серыми тучами, низко нависшими над землей, были безмолвными свидетелями человеческих проклятий и слез. Длинными и до боли однообразно скучными кажутся этим беднякам короткие зимние дни, но еще более мучительно бесконечными тянутся для них длинные ночи, а к вечеру тучи еще сильнее сгущаются, они еще ниже спускаются над долинами и тяжелее давят, а ветер, постепенно усиливаясь, переходит в яростный и страшный буран.

---

³ У киргизов Пишпекского уезда (собственно каракиргизов) есть обычай, что жены по своим умершим мужьям и близким родным с наступлением утра, обратившись лицом на запад, громко плачут. Плач этот ранним утром далеко разносится по степи. — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

Он может длиться почти всю ночь, его разнообразные завывания представляются расстроеному воображению голодного кочевника сонмищем злых духов, злобно издевающихся над его бессилием и беспомощностью, и бедняку киргизу кажется, что само небо в эту минуту неспособно услышать обращенные к нему его горячие молитвы, если бы только они могли молиться в эти минуты.

Страшен голод в странах культурных и благоустроенных, но здесь люди обладают быстрыми способами передвижения и могут поэтому довольно скоро подать один другому руку помощи и тем спасти своего ближнего от страшной и мучительной смерти, но невозможно себе представить, во сколько раз страшнее и ужаснее голод в странах диких или малокультурных, где пути сообщения плохо устроены или же находятся в зачаточном состоянии и где на пути стоят во всеоружии грозные естественные преграды, трудно преодолеваемые в лучшее время года, а для народа пастушеского они совсем и непреодолимы; в таких странах и в таких случаях о подаче быстрой и скорой помощи нуждающимся не может быть и речи и, как, напр[имер] голодающим кочевникам, живущим в своих небольших и узких долинах, окруженных со всех сторон исполинскими горами, ущелья которых и проходы завалены глубоким снегом, в подобных обстоятельствах, правда, к счастью, редко случающихся, они исключительно предоставлены самим себе, почему и весть об их мучениях и переносимых ими жестоких страданиях редко когда своевременно доходит до цивилизованного мира. Если же и случается, что узнают об этом, то узнают по большей части слишком поздно, когда всякая помощь оказывается уже ненужной и бесполезной. Почему страшные мучения голода здесь еще более усиливаются от горького и тяжелого сознания своей полной изолированности и отчужденности от всего остального мира!

Трудно, конечно, сказать, какие картины и образы проходят в воображении таких несчастных страдальцев, но только мысль о надежде на помощь остается им чуждой, и в расстроеном их воображении проходят только картины одна другой мрачнее и тяжелее; прекрасные и роскошно цветущие в летнее время их родные долины, полные неги и ласки, теперь им представляются дном могилы, а массивные и величественные хребты гор, уходящие в заоблачную высь небес, кажутся им не более чем высокими и мрачными стенами той же могилы. Беспомощность и безнадежность полнейшие! В описываемую нами зиму страшное несчастье — падеж скота и голод — постигло отдаленные и глухие наши аулы, главным образом пострадали аулы нескольких принарынских волостей, и несчастные кочевники, очутившиеся в таком безвыходном и горьком положении, только плакали, молились и посылали проклятия, но все это было тщетно — природа в своем грозном и суровом величии точно торжествовала и издевалась над бессилием и беспомощностью этих жалких и ничтожных людей, точно она жаждала их слез, молитв и проклятий!.. Но не одним этим киргизам приходилось так плохо в роковую зиму 1877 года, было немало еще и других несчастных страдальцев.

II

В последних числах декабря, многие даже точно называют день, а именно 27-е или 28-е число, того же несчастного, но, к счастью для многих, уже оканчивавшегося 1877 года, когда уже день склонялся к вечеру, в укрепление Нарын, утопая по пояс в снегу, совершенно неожиданно прибыла толпа людей обоого пола и всякого возраста, начиная от грудных младенцев и кончая 80-летними стариками. Определить теперь численность прибывших в то время трудно, так как верных и точных сведений об этом нигде не имеется; сами прибывшие также говорят различно, одни передают, что их было не менее шести тысяч человек, другие называют цифру еще большую, а третьи, напротив, показывают гораздо меньшее число; но из показываемых чисел взяв среднее, надо полагать, что их прибыло не менее трех с половиной или четырех тысяч душ обоого пола. Прибывшие поистине являли собой вид ужасный, у многих из них были отморожены руки и ноги, более счастливыми считали себя те, кто поплатился легким озноблением лица и ушей, у других рядом со свежими и широкими рубцами были видны также новые, еще не зажившие и гноящиеся раны, судя по их форме, они причинены были самым разнообразным и разнохарактерным оружием; у некоторых из прибывших эти раны были перевязаны кое-какими грязными, нередко разноцветными, тряпками, а у большинства даже совсем ничем не прикрыты. Одежда по форме и покрою как у мужчин, так и у женщин ничем особенным не отличалась, не отличалась она и по цвету. Почти на каждом можно было встретить китайского покроя халаты, стеганные, на вате; одежду же, подбитую каким-либо мехом, хотя бы и недорогим, довольно редко можно было видеть на ком-либо.

Все женщины, как и мужчины, одеты были в широкие ватные штаны, плотно завязанные тесемками у ступни. Обувь же была более разнообразна и разнохарактерна, и, как видно, она скорее зависела от степени находчивости и изобретательности владельца своего, нежели от его средств и достатка. Начиная от китайских башмаков и кончая одними чулками, сшитыми кое-как из куса необделанной овчины шерстью внутрь, — это была, конечно, лучшая обувь, но у очень многих совсем невозможно было определить ни форму обуви, ни материал, из которого она была сделана; у других ноги были обернуты в кое-какие тряпки, из-под размотавшихся концов которых виднелись отмороженные пальцы их несчастного владельца; у некоторых обувью, вернее подметками, служили только небольшие деревянные дощечки, привязанные к ступням тонкими веревками, нередко даже волосяными, а у менее счастливых и такой обуви не имелось... Громадное большинство из числа прибывших шли пешком, так как не только для всех женщин и детей недоставало лошадей и быков, но их недоставало даже и для наиболее ослабевших и выбившихся из сил полузамерзших стариков и женщин с детьми. Окоченевшие от холода и изнуренные голодом, продолжительностью и трудностью пути, они с трудом передвигали ноги, и некоторые из них, напрягая по-

следние усилия и сделав несколько бесполезных шагов... падали тут же на глубокий и мягкий снег, чтобы более уже никогда не встать, — прочие проходили мимо них, как бы ничего не замечая, да в течение столь долгого времени они, по-видимому, уже и привыкли к подобным картинам, так как никто на это не обращал внимания. Среди пришедших это было, как видно, обыденным явлением, да и помочь горю, облегчить страдания своих ближних более здоровые из них были также не в состоянии. Обессиленные матери не в силах были держать своих полужамерзших грудных детей, и последние незамеченными часто выпадали из их окоченевших рук. Ужас и отчаяние читались на лицах прибывших... и улицы всегда глухого и пустынного небольшого укрепления Нарын огласились вдруг тысячами раздирающих душу воплей...

Вглядываясь в эту пеструю и чуждую для непривычного глаза толпу, невозможно себе не только нарисовать, но и сколько-нибудь удовлетворительно представить полную картину тех мучений, борьбы и тех тяжких лишений, которые переносили эти люди. Только одна жестокость людская, бесконечная и безграничная в своей злобе и ненависти, способна заставить себе подобных в такое совсем неурочное время года переходить с дряхлыми стариками и грудными детьми Тянь-Шаньские высоты, трудно переходимые даже в лучшую пору лета, так как большинство горных проходов и перевалов, заключающихся в горах Тянь-Шаня, только летом, да и то на очень короткое время, свободны от снега; все же остальное время года они покрыты глубоким снегом, почему и равнины, узкие и короткие, заключающиеся между этими перевалами, в течение восьми-девяяти длинных месяцев, представляют собою одну только сплошную снежную пустыню... Тихо и мертво здесь вокруг на длинные расстояния... За рядом высоких гор с остроконечными пиками открывается другой ряд гор еще более высоких и еще более массивных, вершины которых теряются в бесконечной выси, и кажется, что и конца им нет. Тишина здесь нарушается только воем ветра да глухим шумом где-то далеко внизу быстро катящейся горной речки. Холодом, ледящим кровью, и смертью веет от этих массивных скал... Ничто здесь не напоминает о жизни, о человеческом приюте; жалким и беспомощным здесь кажется гордый человек. Пустыня — это смерть, и человеку здесь не место. И нужно только удивляться, как все эти люди не погибли и не очутились погребенными под снежными сугробами вечно сурового и величественно-мрачного Тянь-Шаня, но жертв действительно было немало среди этих несчастных. Так на Таш-Рабатском перевале их застиг страшный снежный буран⁴, после которого они недосчитались ста с лишним взрослых мужчин и женщин, кроме грудных детей. Нисколько не преувеличивая, а как передавали мне сами участники, каждый сделанный ими здесь шаг оплачивался не одной жертвой, не одной человеческою жизнью.

---

⁴ Перевал Таш-Рабат находится на высоте 11 тыс. футов над уровнем моря. — *Примеч. Ф.В. Полякова.*

Горячие мольбы, соединенные с проклятиями, и слезы были здесь бессильны. Был момент, когда казалось, что вся эта толпа людей в несколько тысяч человек навсегда останется здесь, погребенная на веки под мягким снежным покровом, в борьбе с грозной и могучей стихией энергия и силы этих людей подкосились, упали... Момент был опасный и роковой, когда эта многотысячная толпа, закованная от холода и голода, застыла, остановилась, не имея сил двигаться далее, и только благодаря находчивости и присутствию духа любимого своего предводителя и вождя Биянху⁵, который в минуту крайней опасности не растерялся, все они остались живы. Энергия и мужество одного спасли всех...

К вечеру говор и плач так неожиданно прибывшей в укр[епление] Нарын толпы людей несколько приутихли. С близлежащих гор они нарубили дров, разложили костры, и вот ярко запылали огни в различных местах, бросая длинные фантастические тени от толпы греющихся людей, собравшихся большими кучами вокруг этих костров. В небольших казанах они готовили себе незатейливый ужин, во многих из них варилась между прочим мелко изрезанная кора, содранная со срубленных деревьев, другие, не дожидаясь, пока поспеет это кушанье, грызли с удовольствием сырую кору, как малые, так и большие! Рады были и этому!..

Но подойдем же теперь поближе и спросим, что это за люди и как они дошли до жизни такой. Люди эти, прибывшие столь неожиданно в наше пограничное укрепление Нарын и в такое совсем неудобное для массовых передвижений время, были дунгане, по религии магометане. Спасаясь от страшной мести настигавших их китайских войск, более их многочисленных и гораздо лучше вооруженных, эти самые дунгане, после энергичной и тяжелой героической 18-летней борьбы с ними, вынуждены были бежать из пределов Китая, и в частности из Кашгара, и искать себе покровительство и защиту в пределах великого русского государства, о силе и могуществе которого они были уже давно и много наслышаны, о чем не раз, между прочим, свидетельствует в своих трудах и первый наш исследователь природы Центральной Азии, знаменитый путешественник Н.М. Прже-

⁵ Биянху (имя известно в произношении говорящих на китайских диалектах подгруппы Чжунъюань дунган, которые переселились на территорию Российской империи), Бай Яньху (白彦虎, 1840–1882), исламское имя Мухаммед Айюб (Аюб), — мусульманин-хуэй, родился в Китае, точное место рождения неизвестно, скончался в Пишпекке на территории Российской империи (совр. Бишкек, Киргизия). Примкнул к дунганскому (мусульманскому) восстанию (1862–1877) в ареале, охватывавшем юг провинции Ганьсу, примыкающие к нему районы провинций Шэньси и Нинся (совр. Нинся-Хуэйский АР), а также район г. Синин, административного центра современной провинции Цинхай, входивший в то время в состав Ганьсу. С 1868 г. стал одним из руководителей восстания. В 1853 г. под натиском правительственных войск повстанцы вместе с мирными жителями были вынуждены отступить сначала на север Ганьсу, затем далее на запад в Синьцзян и после окончательного поражения в Синьцзяне к осени 1877 г. приняли решение бежать на территорию Российской империи. См.: *Думан Л.И.* Биянху — вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. (Историко-биографический очерк по китайским и советским архивным материалам) // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VII. М., 1939, с. 27–54; *Сушанло М.* Дунганское восстание второй половины XIX в. и роль в нем Бай Янь-ху. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1959.

вальский. Сильно влекло их обаяние доброты и могущества Великого Белого Царя, слава о котором уже давно распространилась и укрепилась в самой глубине Центральной Азии и между самыми отдаленными подданными Срединной империи, как о том повествует тот же путешественник в своем «Четвертом путешествии по Центральной Азии»⁶.

Этим именно эпизодом, т.е. прибытием дунган в укрепление Нарын, и закончилось так называемое знаменитое в новейшей истории и ужаснейшее по своему кровопролитию **дунганское восстание**, длившееся с небольшими перерывами около 18–19 лет. И таким образом могущественная Китайская империя могла теперь успокоиться от внутренней неурядицы, обуревавшей ее столь продолжительное время по крайней мере на сто лет, так как восстания мусульман, находящихся в подданстве Китая, по замечанию покойного проф. Григорьева⁷, сделались явлением периодическим и стали повторяться с правильностью через каждые сто лет. Но несмотря, однако, на окончательное подавление восстания, гордые и самоуверенные сыны Поднебесной империи чувствовали себя далеко не удовлетворенными, причина чего заключалась в том, что им не удалось схватить знаменитого дунганского вождя и предводителя Биянху или, по транскрипции покойного проф. и академика В.П. Васильева, *Боянхо*, и самолюбие китайцев по этому жестоко и сильно страдало. Душа дунганского восстания и руководитель его — это именно был Биянху, поэтому, говоря о восстании дунган, справедливость требует в то же время сказать несколько слов и об их главном предводителе. Это был выдающийся человек из их среды, на котором внимание всего Китая было сосредоточено не менее по крайней мере 15 лет. Им также интересовались и другие, правда очень немногие и далеко живущие от Китая, как говорит о том проф. В.П. Васильев.

III

Мусульманское имя Биянху — Магомет Аюб. О детстве его и молодых годах нам не удалось собрать никаких точных сведений, по крайней мере лица, близко знавшие его при жизни, ничего особенного не могли передать о нем, почему надо полагать, что в ранние годы жизнь Биянху от остальных его сверстников не отличалась ничем особенным или выдающимся, очевидно, жил и рос он, как и все прочие его сверстники и единоверцы.

Не удалось также с полною достоверностью узнать и место его рождения. Одни дунгане говорят, что он родился в Пекине, другие считают его родиной одну неизвестную и мало населенную деревушку Вангацзун в провинции Синь-фу, а третьи утверждают, что он родился в городе Чангусян, где отец его

⁶ *Пржевальский Н.М.* Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888; То же. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948.

⁷ Восточный Туркестан, проф. Григорьева, том второй. — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

был городским старостой. Замечательно, что об этом говорят различно даже ближайшие его родственники, в том числе и родной сын его. Разногласие это, по-видимому, объясняется тем, что отец Биянху довольно долгое время жил со своей семьей в Пекине и только незадолго до восстания он переселился в провинцию Ганьсу, населенную главным образом китайцами-мусульманами, или что то же — дунганями. Провинция эта, как известно, сделалась впоследствии одним из главных очагов мусульманского инсurreкционного движения, причинившего так много хлопот и забот китайскому правительству.

Из рассказов мы узнаем, что Биянху по-своему получил порядочное книжное образование и знал будто бы несколько китайский книжный язык, и если знал не все сорок тысяч китайских иероглифов⁸, то все же некоторая часть их ему была знакома, почему и мог поспорить в учености с мандарином средней руки. Другие же говорят, что Биянху был совсем неграмотный человек. По словам дунган, и это все подтверждают, у отца его была порядочная библиотека, состоявшая из китайских и мусульманских книг; библиотека впоследствии перешла к Биянху, которой он дорожил и привез с собою в Россию. Быть может, часть ее вследствие продолжительной походной и боевой жизни была растеряна, а часть ее, как нам передавали, была расхищена и истреблена после смерти самого Биянху, так что несмотря на все наши поиски и старания никаких следов или остатков этой библиотеки не удалось найти, и об этом тем более приходится пожалеть, что между этими книгами находились записки самого Биянху, содержание которых будто бы заключало в себе подробную историю дунганского восстания.

Девятнадцати лет от роду Биянху был выбран на должность управителя одного довольно большого и видного участка в Пекине. Сын его передает, что на эту должность он был выбран единогласно всем мусульманским населением Пекина. Как бы там ни было, но уже этот факт сам по себе говорит за то, что Биянху начал рано выделяться среди своих сверстников и такое доверие, оказанное ему уже в очень молодых годах, он, как передают, оправдал самым блестящим образом. Благодаря этому обстоятельству ему рано пришлось развернуть свои недоюжинные способности; энергией, неподкупной честностью и справедливостью он скоро заслужил себе всеобщую любовь и неограниченное доверие своих единоверцев. Из частых и продолжительных наших расспросов о Биянху и характере его управления мы вынесли убеждение, что он слабого старался не давать в обиду сильному, бедняку помогал, оскорбленного удовлетворял, простой и бездомный ли малайка (работник) или же богатый и пользующийся всеильным влиянием ахун для него были все равны; в этом заключалась нравственная сила Биянху и его неотразимое обаяние на своих единоверцев; таким дунгане и воспевают его теперь в своих песнях.

---

⁸ В реальном употреблении в каждую эпоху находится примерно 8–9 тыс. иероглифов, 40 и более тыс. включают словари, в которых собраны иероглифы из текстов разных эпох.

Этот в наших глазах полудикарь и чуть ли не варвар был глубоко и нераздельно всей душой предан своему народу и его интересам; он жил его радостями и его страданиями и все, что имел, отдавал нуждающимся; менее всего он заботился о себе и своих личных интересах, ему чужды были мелкие расчеты. Всякая несправедливость, нанесенная китайцами какому-либо дунганину, глубоко задевала его за живое, почему всякую, даже самую ничтожную обиду редко оставлял неопротестованной или неотомщенной и при всяком случае настойчиво домогался и требовал удовлетворения, вследствие чего всем ближайшим китайским властям он надоел до невозможности; последние стали им тяготиться и жестоко его за это возненавидели. Из рассказов дунган мы знаем, что Биянху сначала пробовал искать удовлетворения законным путем, но, убедившись в невозможности этого, начал мстить им всеми возможными и зависящими от него средствами, и делал это так ловко и искусно, что китайские власти долгое время не подозревали настоящего виновника и руководителя их. Не один китаец, по его приказанию, был спущен темной ночью с камнем на шее в мутные волны глубокой реки Хуанхэ. Должно сказать, что чувство мести сильно развито в дунганах, это составляет отличительную черту их характера; дунганин поэтому никогда не прощает нанесенной ему кем бы то ни было обиды — одинаково будет ли то свой единоведец или же совсем посторонний, — и в Биянху эта черта характера была сильно развита, но, как передают, исключительно по отношению к иноверцам.

IV

Вскоре после избрания Биянху в управители началось в Китае восстание тайпингов. Здесь нам приходится коснуться причин восстания дунган, и о нем мы будем говорить словами дунганского доктора Ли Кокуя, который по нашей просьбе написал краткую записку о восстании дунган и его причинах, с указанием наиболее главных мест, где происходили побоища противников. Мы будем держаться точной передачи этой записки. Перевод ее сделан по нашей же просьбе покойным переводчиком китайского языка М.В. Сташковым⁹.

Кроме того, мы располагаем сведениями, собранными от различных дунган, непосредственных участников и руководителей восстания.

---

⁹ Сташков Михаил — семиреченский казак, переводчик. Вместе с еще одним молодым казаком по фамилии Бахирев изучал разговорный китайский язык (по-видимому, с местным произношением) в Кульдже после присоединения Илийского края к России (Илийский край находился в составе Туркестанского округа Российской империи в 1871–1881 гг.). Позже в соответствии с указом Сената от 1884 г. при российских консульствах в Урге и Кульдже были основаны школы китайского языка. См.: Из истории контактов России со странами Востока (XVII — нач. XX вв.): Учебное пособие. Томск: ТПУ, 2003, с. 56.

«В первый же год царствования императора Тун-чжи 25-го числа 3-й луны тайпинги (*чанмо*¹⁰), — пишет Ли Кокуй, — в числе около 30 000 человек заняли провинцию Шаньси¹¹ и начали резать китайцев, жечь их жилища и кумирни.

В это время и дунгане сильно боялись тайпингов. В Сининь-фу¹² было послано китайским правительством 2000 человек войска против тайпингов; в ущелье Хункуаньчун они и сразились. Тайпинги, встречая дунганские селения и мечети, не трогали их, а также не трогали они китайцев-католиков и здания, им принадлежащие, почему у китайских властей явилось подозрение, скоро перешедшее в уверенность, что дунгане и тайпинги действуют в союзе между собой заодно, о чем китайские чиновники последовательно сообщили один другому и донесли высшему начальству.

10-го числа 4-й луны китайцы зарезали 13 человек дунганских торговцев, той же луны 13-го числа они зарезали 19 человек, 14-го числа зарезали трех человек главных торговцев и еще в короткое время было зарезано несколько человек в различных местах провинции Шаньси. Видя и слыша это, на нас напал большой страх и трепет. В это время наши пожилые люди и старики сделали совещание, и 22-го числа той же 4-й луны сто человек выборных наших поехали жаловаться императору, доехали до провинции Тунчо-фу, где из них 78 человек были зарезаны, а остальные 22 человека спаслись каким-то чудом.

24-го числа прибыло китайское войско в селение Вангацзун, чтобы перерезать живущих в нем дунган, которых там было около тысячи семейств. Увидевши это войско, мы пошли против них, китайские же войска, видя, что по своей силе они не могут справиться с дунганями, бежали. Мусульмане, сознавая, что они находятся в ведении богдыхана, сначала не трогали и не резали китайцев. Но перед заходом солнца в тот же день вторично прибыли китайские войска уже в гораздо большем числе и напали на нас: драка была целую ночь. От испуга женщины и дети дунганские перерезали себе горло и бросались в колодезь; в это время муж не мог управлять своей женой, а жена мужем. 25-го числа той же луны дунгане сообщили из одного села другому, чтобы они запасали оружие и собирались по возможности поскорее в одно место. Собралось нас много, мы были в благонадежности и без всякого страха ожидали китайцев. Увидев такое скопление наше-

¹⁰ *Чанмо* (*чанмао* 長毛) — букв. «длинноволосые».

¹¹ Похоже, что речь идет о пров. Шэньси (陝西 *Shǎnxī*), название которой произносится по-китайски так же, как название пров. Шаньси (山西 *Shānxī*), но с другим тоном первого слога.

¹² Округ Синин (Синин-фу 西寧府) был учрежден в составе пров. Ганьсу в 1725 г., совр. г. Синин является административным центром пров. Цинхай. Тем не менее, судя по приведенному далее перечню пунктов поблизости от «Сининь-фу», возможно, в тексте имеется в виду не Синин, который также был охвачен «дунганским» восстанием, а Сиань, административный центр пров. Шэньси. В местном диалектном, в частности, привнесенном на территорию России дунганями произношении Сиань звучит как Синань (второй слог — [nǎ̃] либо [ŋǎ̃]). Ср. также далее в тексте фразу: «Это было в провинции Шэньси, в области Сининь-фу».

го войска, китайцы были в страхе и начали собирать с других сторон свои войска. 19-го числа пятой луны китайского войска собралось много, началась опять драка, и китайцы почти перерезали всех дунган; в живых осталось нас не более двух тысяч человек, а было нас много. Оставшиеся в живых перебежали к своим единоверцам в местность Вычын [Учэн?], где был начальником Мо Чегунь, дунганский мулла. С восточной стороны великой стены начальником был Дун Мый Ма Яньин. В местности, называемой Вандиша, начальником был Ма Сыньян — купец. На западной стороне великой стены начальником был Сун Ибо. Еще был начальником Жин Лоу.

Учитель китайского императора Джин Фий и наш дунганин Ма Быйлин советовали императору, чтобы две враждующие стороны не были в ссоре. Джин Фий говорил приятно и, по-видимому, искренно в пользу дунган, но у него в то же время была бумага от богдыхана, в которой было сказано, чтобы не было ни одного дунганина на китайской земле. Увидя такое предписание богдыхана и его печать, приложенную на нем, нам стало ясно, что мы не нужны в китайском государстве, что император не принимает нас на своей земле, и мы, хитростью заманив, зарезали его учителя Джан Фия, а когда зарезали его, то начали уже резать и всех китайцев; Ма Быйлина же высекли при всех дунганах и отпустили его домой в Синин-фу, где он вскоре и умер. И с этого времени ежедневно у нас были драки с китайцами до 9-й луны того же года, но перебить всех китайцев мы не могли. В этой же луне мы двинулись в северные горы, скитались там около года, есть было нам нечего, с семьями своими поехали дальше до провинции Пхинлян, остановились около города того же имени, в котором жили наши единоверцы, но вскоре позади нас оказались китайские войска, и у нас опять была с ними драка; убитых дунган оказалось за это время более тысячи человек мужчин и женщин. Войска китайского было много, остановить его не было у нас никаких сил, и ночью мы бежали и через два перехода пришли в город Куянь, где также жили дунгане, грабежами и разбоем добывая себе пищу, крали у китайцев лошадей и кочиров (ослов)».

Этой выпиской пока и ограничимся. Так объясняет в своей записке начало восстания и его причины дунганин Ли Кокуй, один из первых его очевидцев и непосредственный участник во многих стычках и битвах с китайцами.

V

Теперь послушаем, что другие дунгане говорят об этом же. Все они единодушно отрицают свое [со]участие с тайпингами; они утверждают, что «китайцы первые начали их притеснять: встретят двух-трех наших возчиков и ножом, резкой, которою режут клевер, отрезают им головы, хотя все время мы жили спокойно, первые не трогали их, повиновались им во всем, а за что они стали нас притеснять, мы не знаем». Пусть будет так, будем верить им. Дальше я также бу-

ду говорить о восстании словами самих дунган, которых я расспрашивал. Главным виновником или по крайней мере одним из главных они считают вышеупомянутого уже Джян Фия, который убедил богдыхана, что «дунгане народ крайне опасный и ненадежный для китайцев», и, управляя провинцией Сининь-фу, Джян Фий, заручившись согласием императора, отдал секретный приказ китайским уездным властям вырезать в одну ночь весь уезд в этой области, населенный дунганами, не исключая женщин и детей, а «было нас здесь более 20 тысяч», добавил рассказчик.

«Река Юхо [Вэйхэ?] разделяет город Сининь-фу на две части, на правой стороне ее жили дунгане; узнав об этом приказе, несколько наших молодых дунган ночью переправились через реку и сообщили своим об отданном приказании. Поднялась большая тревога, и с этого времени началось повсеместное восстание дунган, которое в первые же годы в больших размерах разыгралось в городах Тунчжу-фу, Выйнаньсянь, Линтусянь, Колинсянь и Сяньняньсянь. В этих городах была масса дунган, все они дружно восстали и сошлись в г. Сяньняньсянь числом до 30 000 человек, которыми предводительствовали вышеупомянутый Сун Бо, или Суй Бо, и Эрхо Цзу. Было это во второй луне второго года царствования императора Тун-чжи, т.е. около года от начала восстания. Китайцы, узнав, что мы собрались в большом числе, также переправились через реку Юхо и начали в разных частях провинции Сининь-фу жечь наши деревни и резать без различия всех дунган; всего вырезали в этой провинции сорок восемь наших деревень; масса дунган все же спаслась, но женщин и детей не спаслось ни одной души. Мы, в свою очередь, также вырезали много деревень китайских, но их женщин и детей не трогали. Эта резня продолжалась около года и происходила главным образом в двух уездах — Чаннаньсян и Сяньняньсянь. Хотя у дунган и были предводители Эрхо Цзу и Суй Бо, но мы их мало слушались, а действовали небольшими отрядами, стараясь неожиданно нападать на своих врагов. За все это время война у нас шла только с народом; обе стороны дошли до такого взаимного ожесточения, что нельзя было встречаться ни китайцу, ни дунганину, все равно в поле или в дороге, но один должен быть зарезан, так оно и бывало на самом деле. Все сделались хуже зверей. Жили же мы только награбленным, заниматься ничем нельзя было. Пришли, наконец, и правительственные войска, всего до ста тысяч, которыми командовал генерал Шин Гуньбо. Сначала у нас были мелкие стычки, а когда нас собралось до 50 тысяч, то у нас с ними было три больших сражения. Небольшая часть из этого войска убежала, оставшись в живых, а остальных мы перерезали. Первое большое сражение произошло близ г. Линтусян. Китайские войска, идя из Пекина, напали здесь на нас в первый раз, мы потеряли своих около трех тысяч, а китайцы около тридцати тысяч [человек]. Дрались здесь трое суток, день и ночь. Китайцы потому так потеряли много, что у них было неудобное и очень тяжелое оружие: одно ружье, так называемое *тханчан*, длиной около трех аршин, долж-

ны были нести два китайских солдата; ружье это фитильное. Мы же были вооружены пиками, шашками, ножами, т.е. еще, пожалуй, хуже своих врагов, к палкам привязывали ножи, но, одержав победу, мы отбирали у убитых китайцев лучшее оружие.

Второе сражение случилось на р. Юхо. Китайцы ночью отправились за углем, который находился на той стороне, где были дунгане; наши пронюхали и напали на китайцев, хотя они были вооружены, но мы их всех перерезали и сбросили в реку. Услышав, что идет драка, Ши Гуньбо прислал половину своего войска, которое прибыло с восходом солнца и напало на нас. Бились отчаянно, дрались не только на земле, но и на воде: на плотках, лодках и баржах, много людей погибло с той и другой стороны. Воду в реке нельзя было пить, в ней текла не вода, а сплошная кровь. Были жаркие дни, трупы людей на земле и в воде заражали воздух и воду, жить нельзя стало, мы бежали.

Третье сражение было близ г. Сяньянсянь. Мы потеряли здесь больше полутора тысяч людей. После этого сражения китайский генерал Шин Гуньбо убежал в Пекин с остатками своего войска, где и был повешен. После этих трех больших битв восстание разрасталось все больше и больше, оно перешло и в следующие области: Тунчжоу-фу и Фунсян-фу, или Фынсян, но соединиться для совместной борьбы мы не могли, ни под каким видом мы не могли подать друг другу руку помощи; хотя сила дунган и в этих двух провинциях брала перевес над силой китайцев, но все же и нашего народа немало погибло от руки китайцев. Во все области, которые были объаты восстанием, правительство послало свои войска, чтобы одновременно подавить восстание, за исключением области Сиань-фу, где восстание несколько затихло. Дунгане этой области с полгода прожили спокойно, после того как был повешен Шин Гуньбо».

Следует заметить, что все рассказчики дунгане разделяют свою борьбу с китайцами на два периода: сначала у них происходит война с самим китайским народом, а после уже у них идет отчаянная борьба с правительственными войсками, и так это повторялось и происходило в каждой местности или области, где только было восстание.

«В Тунчжоу-фу дунганские предводители Ма Яньин, Ма Сыньян, Жин Лоу и Ян Вучжи держали между собой совет и решили действовать совместно; хотя главного предводителя между ними не было, который направлял бы и руководил бы всем этим делом, но войска у них, правда плохо вооруженного, было до 60 000 человек. Первый китайский отряд, посланный правительством в Тунчжоу-фу, дунгане разбили и командующего им генерала зарезали, но со вторым отрядом, лучше вооруженным и находившимся под командой генерала До Чжянчжуна, который привел с собою около 50 000 солдат, нам биться было трудно. С этим отрядом мы в течение полугода сражались раз 20, и дунган за это время было убито около семи тысяч человек. Видя, что наша сила здесь не берет, дунгане, живущие в этой области, послали просить помощи к своим единоверцам

в Сининь-фу. Пришли на помощь около 10 тысяч человек, но, несмотря на эту помощь, китайцы сильно побили дунган, и прибывшие из Сининь-фу, потерпев поражение и потеряв много своего народа, обратно возвратились к себе домой, и все дунгане, живущие в Тунчжоу-фу и оставшиеся в живых, также ушли в Сининь-фу. Но китайский генерал До Чжянчжун не отставал от нас, а продолжал преследовать и в Сининь-фу и разбил там все отряды дунган, и мы бежали в Фынсян, главные города которого (Боучжисянь, Чисаньсянь, Лисянь и Чайнянь-сань)¹³ были населены дунганями и которые также восстали. Мы соединились с этими дунганями, но До Чжянчжун преследовал нас и причинял нам много вреда. На наше счастье на пути ему встретился один китайский городок по имени Чжу-жуцзянь, который заняли чамоза (каракайтайцы). До Чжянчжун задумал возвратить городок и наказать чамоза, почему и приступил к осаде его, но чамоза обладали лучшим оружием, нежели китайцы, и один из выстрелов попал До Чжянчжуну в глаз и убил его наповал. Но несмотря на это китайские войска продолжали окружать город, думая держать чамоза на осадном положении и тем принудить к сдаче, но чамоза сделали подкоп и ночью все ушли из города. Первый дунганский предводитель Эрхо-цзу накануне того дня, когда был убит До Чжянчжун, ночью со своим отрядом предался на сторону китайцев, но несчастный ничего от этого не выиграл, так как всех их и в том числе его самого китайцы казнили; из предавшихся осталось в живых не более 20–30 человек, которым удалось бежать.

После смерти До Чжянчжуна три отряда китайских войск, которыми предводительствовали Луй Чинсай, То Чжуму и Цо Чжуму, начали преследовать и теснить дунган в Фынсян-фу. Дунгане сообразили, что бороться с китайцами им уже стало не под силу и бросились бежать в другую провинцию, а именно в Ганьсу, где также были дунгане, которые уже давно резались с китайцами. От Фынсян-фу до Ганьсу 16 переездов, но и здесь уже было много китайского войска, которое постоянно за нами гналось и преследовало нас. Мы не знали в это время покоя ни днем ни ночью, обессилели совсем, сопротивляться мы не могли, и нас погибло много не столько от руки китайцев, сколько от голода и холода; отчаяние овладело нами, матери бросали детей, жены — мужей и наоборот, пропало нас за это время более 20 тысяч человек. Это было на четвертом году от начала восстания».

¹³ Похоже, что имеются в виду пункты в районе совр. г. Баоцзи 寶雞市, расположенного в западной части долины Гуаньчжун в пров. Шэньси, на границе с пров. Ганьсу. В прошлом Баоцзи относился к округу Фэнсян 鳳翔州, отсюда некоторая путаница в тексте. Именно к китайским диалектам западной части долины Гуаньчжун восходит диалект, на котором говорят шэньсийские дунгане бывшего СССР. В перечне пунктов можно с той или иной долей вероятности идентифицировать с учетом произношения этого региона Фынсян (сейчас это уезд Фэнсян 鳳翔縣 в пределах территории Баоцзи), Боучжисянь (на самом деле, по-видимому, сам Баоцзи), Чисаньсянь (уезд Цишань 岐山縣), Чайняньсань (уезд Цяньян 千陽縣).

«В провинции Ганьсу в городе Пинлян был управителем дунганин Мусан, в распоряжении которого было около 30 000, в городе Куянь управляющим был наш же Джан-ахун, у него было до 20 000 человек, в городе Джинчжибу управлял дунганин Ма Хуалин, который располагал отрядом около 30 000 человек. Этот Ма Хуалин был выбран предводителем над всеми дунганами в провинции Ганьсу. В городе Нинся управителем был Гуй Чжучжин и помощником его Маза, у которых в распоряжении находилось до 50 человек.

Все эти люди, способные носить оружие, собрались на реке Желтой близ г. Джинчжибу. Китайские правительственные войска, предводительствуемые вышеупомянутыми генералами Лун Чинсаем, То Чжумом и Цо Чжумом, продолжали неотступно преследовать нас, сверх того к ним пришли еще новые войска (общее число которых, по словам дунган, будто бы доходило до пятисот тысяч??!!), — но и наших дунган здесь собралось также немало (численность которых, по заверению рассказчиков, равнялась не меньше чем двумстам тысячам человек). Здесь-то в течение почти четырех месяцев каждый день беспрерывно происходило сражение и в день по несколько раз; отдохнем немного и опять сражаемся. В общем у нас потеря была около шести тысяч, а у китайцев из сотни осталось не более 40 человек.

В это время появилось как у дунган, так и у китайцев хорошее огнестрельное оружие. Дунгане Ма Хуалина не вступали в сражение с китайскими войсками, они доставляли нам пищу, провиант для скота, потому что знали хорошо местность как постоянные жители; случалось, что они заходили в тыл китайцам. Все же остальные сражались, но сражались небольшими отрядами или партиями человек по 300 или по 500 не более в каждом, но дрались одновременно в разных местах, бились на большом пространстве, другие же из наших оберегали лагерь и наблюдали, чтобы китайцы нас не окружили. Женщины и дети находились в крепости от Желтой реки верст за восемь.

На четвертом месяце наша сила стала брать перевес, и мы погнали китайские войска от Джинчжибу к Сининь-фу, на пути их много погибло от наших рук, за это время нам досталось много оружия, провианта. Начали уже выгонять китайцев и из Сининь-фу, но к ним подоспели свежие войска, и они начали нас одолевать; мы не выдержали и побежали обратно в Джинчжибу, много наших дунган было убито за это короткое время, а тут еще подошли свежие китайские войска, которые привел Лю Шо; мы хотя и вступили с ними в сражение, но одолеть их не могли; большой урон был у нас. Много привел войска также китайский генерал-губернатор Цзо Гуньбо, и нас стали теснить со всех сторон. Мы бились отчаянно, и наша сила начала одолевать, но у нас кончились запасы хлеба и не стало никакого провианта, не было даже клевера, который часто ели охотно, скот наш тоже стал пропадать, мы совсем обессилели, терпя большие потери людьми как от китайцев, так и от голода.

Притом наши предводители стали между собою ссориться, нас не жалели, все лучшее, что доставалось от китайцев, они брали себе, и мы хотели даже убить Ма Хуалина, но он спасся бегством. Видим, что наше дело совсем плохо, мы вторично бежали в Джинчжибу и в Хэчжоу, город Ланьчжуйской области, где жило много дунган и у которых был в обилии провиант. Это было в 3-й луне на 7-м году от начала восстания.

Когда мы во второй раз пришли в Джинчжибу, то Биянху уже командовал большим отрядом, с которым он успешно делал набеги на китайцев и причинял им немало бед, притом у него были запасы хлеба, который он раздавал всем дунганам, не жалея его, и почти все дунгане оставили своих прежних предводителей и пристали к нему».

Так рассказывают другие дунгане о своем восстании, его причинах и различных его эпизодах. Численность воюющих сторон, конечно, во многих местах преувеличена рассказчиками, да более или менее точную цифру они и не могли знать, особенно же сил противника; хотя мы не раз их спрашивали и притом различных лиц об одном и том же событии, но в общем и главном показания их согласуются. Точная хронология событий, понятное дело, также страдает, но при таком массовом беспорядочном движении, которое охватило обширный район и от начала до конца имело чисто партизанский характер и продолжалось столь долгое время (многие события притом похожи одно на другое), желаемой точности нельзя и ожидать, но зато все рассказчики указывают точно название города и местности, где происходили более или менее значительные схватки и битвы.

VI

Из приведенных сведений видно, что восстание дунган началось одновременно в различных областях, имело чисто партизанский характер и таким оно осталось до самого конца. В каждой восставшей провинции и области были предводители, которые действовали далеко не так дружно между собой, как бы того требовали обстоятельства дела, чем и объясняются неудачи дунган, особенно в первое время, и большие их потери людьми. Лишь один раз, по-видимому, дунгане сошлись в большом числе и действовали довольно дружно — это близ г. Джинчжибу, где в течение почти четырех месяцев происходила ежедневная непрерывная бойня, унесшая массу человеческих жизней с обеих сторон; во все же остальное время дунгане действовали отдельными группами, каждая со своим особым начальником во главе, следовательно, за исключением лишь одного, только что упомянутого случая, в течение шести–семи лет дунгане не представляли между собой чего-либо цельного и сплоченного, а это были лишь отдельные банды, или дружины, правда дружины храбрые и мужественные в борьбе со своим злейшим противником, но далеко не столь многочисленные и притом плохо вооруженные, особенно в первое время, почему они и часто терпели поражения.

Но вместе с этим еще резче выступает и бросается в глаза слабость и ничтожность китайских войск, которые в самом начале восстания не могли справиться со сравнительно мелкими отрядами взбунтовавшихся дунган, не имевших почти никакого вооружения. По-видимому, и дунгане не так скоро и легко поняли причину своей слабости и своих неудач с китайцами. Как дунгане мне передавали, они и сами первоначально не предвидели тех громадных размеров, какие приняло это восстание впоследствии, да они будто бы еще и надеялись, что китайское правительство окажется все же милостивым и снисходительным к ним, но, как показало время, в расчете они ошиблись... Но все же ряд неудач заставил их более или менее сплотиться в одно целое, выбор и внимание их остановились на личности Биянху, на сторону которого перешло много дунган из различных провинций, и ему они вверили свою жизнь и жизнь своих семейств, так как известность и популярность его в это время прочно установились между ними, что сознавал и сам Биянху, в чем он и не ошибся. В короткое время около него образовался весьма значительный отряд, слепо послушный его воле, некоторые из отдельных предводителей также пристали к нему со своими небольшими отрядами; последнее обстоятельство еще более увеличило его силу и сделало его имя на долгое время грозным и страшным для китайцев.

С того времени как Биянху вступил в борьбу с китайцами, последние скоро поняли, что они слишком далеко зашли в своей злобе и мести к дунганам и, быть может, было бы еще не поздно исправить свою ошибку, но традиционное их тщеславие и самоуверенность не позволяли им сознаться в своей несправедливости, которую они много раз проявляли по отношению к дунганам. Начавшееся, по-видимому, ничтожное и малозначительное восстание вскоре превратилось с обеих сторон в ожесточенную вражду, продолжавшуюся почти два десятка лет и поглотившую с обеих сторон число жертв, только одному Богу известное, и жертвою этой взаимной вражды и ненависти погибло много ни в чем неповинных женщин и детей.

Мы несколько не преувеличиваем, если скажем, что дунганское восстание, бывшее в 60–70-х годах только что минувшего столетия, по своему страшному кровопролитию есть одна из ужасных и мрачных страниц в новейшей истории человечества и тем более страшная, что достаточно удовлетворительных причин для такого кровопролития в настоящее время, когда страсти с обеих сторон несколько успокоились и затихли, сами противники не могут найти и указать. Правда, эта трагедия происходила в глухом, отдаленном и замкнутом уголке земного шара, вдали от цивилизованного мира, куда доносились только слабые и отрывочные отголоски, но это несколько не умаляет ее позорного значения; за эти два десятка лет обеими сторонами были пролиты целые реки человеческой крови...

Принявши начальствование над своими единоверцами-дунганями, Биянху превратился в настоящего льва, что скоро увидели самые близорукые китайцы. Че-

ловец замечательного ума и непоколебимой воли, смелый и находчивый, он в течение всего своего предводительствования дунганцами так жестоко отомстил китайцам, что последние, видя, что ничего не могут с ним сделать, решились прибегнуть к своему старому излюбленному средству, часто ими в таких случаях ранее практиковавшемуся, а именно: они назначили баснословную цену за его голову, все равно живого или мертвого. Дунгане говорят, что голова Биянху была оценена китайцами в 200 000 *лан*, что на наши деньги составляет около 400 000 серебряных рублей, но охотников ни между своими, ни между чужими не оказалось, никто не соблазнился даже такой чересчур богатой и щедрой приманкой. Очевидно, каждый хорошо понимал, что добыть голову Биянху не так-то легко, и даже всякий китаец, в припадке гнева или страха легко распарывающий сам себе живот и бросающийся как баран в колодезь, на этот раз более дорожил своей жизнью, и никто из них не решился таким путем получить столь богатую награду.

Как бы то ни было, но уже такая, столь необыкновенно высокая цена, назначенная скупыми и бережливими китайцами, говорит за то, что оцененный ими человек действительно обладал выдающимися способностями и качествами, благодаря которым он навсегда заставил помнить о себе гордых и самоуверенных сынов Поднебесной империи. И в самом деле сын какого-то простого и неизвестного дунганина, точно неизвестно даже где родившийся и ранее живший, Биянху, благодаря исключительно своему природному уму, своей энергии и поистине сказочной находчивости, сразу стал во главе народного движения. Присущее же ему чувство справедливости, никогда его не оставлявшее, еще ранее покорило и подчинило ему сердца его единоверцев. И вот он становится предводителем и полновластным властелином многотысячной и грозной толпы, фанатически наэлектризованной и до мозга костей проникнутой одной только мыслью, одним чувством, а именно: страшной и непримиримой ненавистью к своим злейшим врагам — китайцам. И Биянху сам отлично сознавал, какую грозной силой он располагает, поняли это и его противники, но было уже поздно. Действительно, в борьбе с этой, по-видимому, беспорядочной и плохо вооруженной толпой, какую из себя представляли дунгане в первой половине восстания, резко обнаружилось слабость китайского правительства и еще большая бездарность и бестолковость его военных чиновников, которым вверено было начальствование над правительственными войсками с целью подавить начавшееся инсurreкционное движение магометан.

Были ли уж очень плохи китайские войска или же совсем никуда негодны генералы, командовавшие ими, решать не будем, но только Биянху в течение всего своего предводительствования дунганцами почти всегда разбивал высылавшиеся против него правительственные войска, которые нередко втрое и вчетверо превосходили численностью его отряды. «Он участвовал в истреблении трехсот тысяч китайцев в городе Нинся и в отчаянной защите Сучжэу и очень насолил

в свое время маньчжурскому правительству внутри Китая», — пишет о нем знаменитый проф[ессор] и академик В.П. Васильев¹⁴. Постоянные удачи и успехи настолько придали смелости и отваги Биянху, что он решается, как уверяли дунгане, идти на самую столицу китайцев — Пекин, но, не дойдя нескольких десятков верст¹⁵, останавливается и возвращается обратно, когда увидел невозможность легко и скоро взять ее со своими войсками. Весьма часто со своими летучими отрядами Биянху показывался там, где его менее всего ждали китайцы, потому уже одним своим неожиданным появлением он наводил панический страх и ужас на своих врагов. Дунгане утверждают также, что Биянху был великодушнее, нежели его враги: он раз и навсегда приказал щадить китайских женщин и детей и строго следил за исполнением этого приказа, а в случае нарушения такового также строго взysкивал с виновных. Противники же дунган — китайцы с одинаковой жестокостью и беспощадностью истребляли и умерщвляли не только стариков и женщин дунганских, но и даже грудных детей. Зная эту черту своих врагов, Биянху нередко, даже в самом разгаре битвы, заботился прежде всего о том, чтобы удалить в безопасное место своих слабосильных стариков и женщин с детьми и обеспечить их всем необходимым. Эта черта в характере Биянху много способствовала его популярности у дунган и создала ему среди них горячих приверженцев, а великодушные его к невинным и беззащитным жертвам противников их заслужило ему глубокое уважение не только у его единомышленников, но и злейших его врагов.

В каждой битве и схватке Биянху был всегда впереди, воодушевляя всех своим примером, и он постоянно появлялся там, где его отряду угрожала наибольшая опасность, и весьма часто уже одно его неожиданное появление среди ослабевающих в неравном бою его единомышленников решало битву в пользу дунган, несмотря даже на гораздо большую численность неприятельских сил. На свои раны, которых было, по словам его сына, более двадцати, он никогда не обращал внимания, как бы ни были они тяжелы и опасны. Правда, в одном деле под Сининь-фу он был сильно ранен, так что только полная невозможность заставила его отказаться от личного руководства делами, и он принужден был лечь в постель, но и слабый, полуживой, истощенный опасным кровотечением, он не переставал руководить сражением, и благодаря его советам была одержана крупная победа. Как известно, людям необыкновенным все идет к лицу, им все в меру и в пору, и что простых смертных и обыкновенных безобразит и уродует, то людей выдающихся только более красит и тем выделяет их от прочей заурядной толпы. Так, на лице у Биянху было девять или десять ран, идущих в различных направлениях, и эти раны не только не уродовали и не безобразили его лицо, но прида-

¹⁴ «Китайцы, новые подданные России», В.П. Васильева, «Восточное обозрение» 1884 г., № 2. — Примеч. Ф.В. Пояркова.

¹⁵ Последнее обстоятельство навряд ли заслуживает доверия. — Примеч. Ф.В. Пояркова.

вали последнему более мужественный и симпатичный вид, они даже как-то шли к его лицу, и такое впечатление он производил не только на своих, но и на русских, которые имели случай видеть его неоднократно, как нам приходилось слышать много раз. Первым Биянху бросался в сражение и последним оставлял его.

И вот Биянху, не славящийся ни богатством, ни знатностью рода, делается народным героем. Дунгане его любят и боготворят, хотя в то же время и боятся, а среди китайцев имя его сделалось синонимом ужаса и ненависти, и китайки-матери, говоря это несколько не преувеличивая, долго еще будут пугать своих детей именем Биянху. И странное дело, прошло уже около 18 лет, как умер знаменитый дунганский вождь, но китайцы и в настоящее время едва верят этому и даже с большим трудом допускают мысль о его смерти; так кажется его призрак грозным и живучим, что только одно очень продолжительное время может общить им твердую и непоколебимую уверенность в смерти талантливого и грозного вождя дунган, да и эта приятная уверенность, как дорогое и давно ожидаемое с большим нетерпением наследство, достанется в удел и перейдет скорее к их потомкам, нежели к остающимся еще в живых его современникам. Очевидно, что всегда и везде время есть лучший и более надежный врач.

Память о Биянху долго-долго будет жить и среди самих дунган; о нем сложились у них целые легенды и сказки, и в длинные зимние вечера старики передают молодым много рассказов про его славные подвиги и смелые набеги на китайцев, а дунганки-матери, убаюкивая детей, воспевают его в монотонных колыбельных песнях. Следует сказать, что место погребения Биянху, как и всякого легендарного героя древности, неизвестно и самим дунганам, за исключением только весьма немногих из них, а именно только тех, которые при его жизни были наиболее к нему близки и пользовались особенным его расположением и любовью. Говорят, что сделано это дунганам с той целью, чтобы «...китайцы, домогавшиеся, — по словам проф. В.П. Васильева, — выдачи Биянху со скрежетом зубов, не подослали кого-либо и не вырыли бы из могилы прах дорогого и незабвенного их вождя». А такие попытки со стороны китайцев действительно были, и притом это было неоднократно. Потерпев полное и решительное фиаско добиться своего варварского требования официальным путем, китайцы задумали было достигнуть этого тайными способами и средствами, для чего не раз подсылали своих лазутчиков и шпионов с целью добыть труп Биянху из могилы. Но всякий раз подобные их попытки заранее предугадывались и разузнавались нашими властями, и все эти господа, имевшие дерзость и нахальство являться открыто или тайно с такими поручениями от своего правительства, были немедленно, со стыдом и позором, выпроваживаемы обратно туда же, откуда пришли. Дунгане, пришедшие к нам из Китая и не порвавшие еще связи с недавней родиной, зорко следили за всяким китайцем, прибывавшим в Семиречье, разузнавали о целях, с которыми он прибывал, и давали знать своевременно об этом ближай-

шим нашим властям, которые и принимали надлежащие меры. Что такие попытки так или иначе добыть труп Биянху действительно были со стороны китайцев, это подтверждает не раз уже цитированный нами покойный проф. В.П. Васильев, который один из немногих, быть может во всей Европе, всю свою долгую жизнь с живым интересом, зорко и неусыпно, следил за всем происходившим в Китае. Так он пишет; «К чести нашей дипломатии должно сказать, что на этот раз мы не поступили с Биянху так, как некогда с Амурсаной»¹⁶.

Приводимые мной неоднократно, выше и сейчас, слова такого компетентного ученого и знатока истории Востока, каким был покойный проф. В.П. Васильев, служат подтверждением только что сказанного, а также и того, что, говоря о личности Биянху, его роли и значении в дунганском восстании, мы нисколько не преувеличили и не приукрасили его, как могли бы иные подумать. Все сообщаемое здесь собрано путем тщательных и продолжительных расспросов как от русских, которые его знали, так и от дунган, а частью также и от приезжавших сюда китайцев. Не говоря уже о самих дунганах, но и спрашиваемые нами китайцы, еще совсем недавние заклятые враги последних, отдавали должное выдающимся качествам Биянху, его уму и способностям, несмотря на то что еще немного прошло времени, когда он им жестоко мстил; впоследствии в среде самих дунган также немало образовалось злых врагов Биянху, и пожалуй еще более злых и ожесточенных, нежели каковыми были китайцы, но все они отдавали должное своему бывшему предводителю. Мы же одинаково спокойно и внимательно выслушивали как его горячих приверженцев, так и непримиримых его противников, почему и сообщая все здесь вышесказанное, мы старались держаться насколько возможно ближе к действительности и быть по возможности точными как в описании передаваемых фактов и событий, так и в характеристике отдельных личностей.

VII

Дела дунган под предводительством Биянху пошли гораздо успешнее: они одержали над китайцами несколько блестящих побед одна за другой, отняв у них множество всевозможного оружия, скота и съестных припасов. Оружие для дунган было особенно необходимо, так как у них с самого начала ощущался в нем

---

¹⁶ Loc. cit.: «Амурсана был цзюнгарский князь, переманенный китайцами обещанием, что они сделают его по завоевании Цзюнгарии ханом в ней. Но когда по занятии в 1756 г. китайцами Кульджи они не думали исполнить своего обещания, Амурсана поднял бунт, разбитый бежал к киргизам и оттуда пробрался в Россию. Китайцы стали настоятельно, с угрозами, требовать его выдачи, и мы не знали, как от них отделаться. К счастью, будто бы Амурсана нечаянно утонул. Китайцы не удовлетворившись нашим извещением о его смерти, они потребовали, чтобы мы выслали им его труп в Кяхту, и мы покорно исполнили такое варварское требование» (примеч. проф. Васильева). — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

большой недостаток; хотя и было кое-какое оружие, но оно было настолько примитивное и жалкое, что едва заслуживало такого названия; если же дунгане и с таким ничтожным оружием одерживали во многих случаях над китайцами верх, то благодаря лишь исключительно своему личному мужеству, своей смелости и быстроте, с которыми они нападали на своих врагов, а эти качества зависели, между прочим, и от того, что по физическому своему развитию, а следовательно, крепости и выносливости дунгане значительно превосходят китайцев. Дунгане не курят опия, анаши, не пьют никаких спиртных напитков, т.е. не употребляют тех страшных ядов, которые быстро и в корень подтачивают организм, истощая его силы, и к которым так привержены китайцы.

Теперь мы опять обратимся к записке дунганина Ли Кокуя, простой эпический рассказ которого своею безыскусственностью и правдивостью передает лучше и точнее события:

«Пробывши немного в Куяне, мы вернулись обратно в свои родные места, посмотреть, что там осталось, и прожили спокойно около полутора года: слышим, идут китайские войска, хорошо вооруженные новыми ружьями, и мы, приготовившись, вышли им навстречу. Первое сражение под предводительством Биянху произошло близ уездного города Чжининьсянь, где мы и нашли китайцев; нас было всего около восьми тысяч, но Биянху взял с собой только пять тысяч человек. Подошедши к этому городу, мы окружили его. Биянху первый полез по лестнице на крепость, мы все последовали его примеру, китайцы этого не ожидали и растерялись, и мы одержали блестящую победу. Немного здесь спаслось китайцев; благодаря этой победе нам досталось много провианта, скота и имущества, дела наши поправились, мы ожили духом и вернулись на стоянку в местность Цзуцзывень, где оставались наши жены и дети. Здесь мы прожили два года. Это было в провинции Шэньси, в области Сининь-фу. Слышим, опять пришли китайские войска в Чжининьсянь; поправив эту крепость, они вновь напали на нас. Но Биянху сделал хорошее распоряжение, и победа наша была полная, на этот раз мы китайское войско не преследовали, потери их и без того были велики: из десяти тысяч пришедших их осталось только половина, нас же погибло всего около 300 человек. Вскоре после того, как произошла эта битва, из Ланьчжоу пришел генерал Цзу Гуньбо, который привел 100 *лянз* солдат. Увидев такое множество войска, мы бежали в Джинчжибу внутрь Великой стены. Нас тянуло к Ма Хуалину, как к магниту, у которого было много провианта. Опять нагрязнуло китайское войско в числе 20 000 человек. Впереди преграждала путь Желтая река, а сзади наступало китайское войско. Положение было безвыходное, необходимо было драться, вступили в бой, дрались отчаянно и с ожесточением, перебили десять тысяч китайцев, и нам досталось много оружия и скота. Это было в начале 1868 г. Пошли обратно в город Куянь, прожили здесь не более 8–9 месяцев. Китайский чиновник Лун чинцей пригласил наиболее почетных дунган к себе и упрасивал

их о смирении и покорности. „Я вам буду давать муку и прочие съестные припасы“, — говорил он и действительно выдал нам несколько сот пудов муки, но в муке этой была отравка, от которой умерло более 300 наших людей. После этого случая у нас не было уже никакого доверия к китайцам, и мы более не входили с ними ни в какие переговоры.

Видя, что дело плохо, небольшая часть наших отправилась в Джинчжибу, а большая часть, около $\frac{3}{4}$ всего народа — в Хэчжоу. За теми, которые направились в Джинчжибу, погнался с войском Цзу Гуньбо, он думал, что здесь находится Биянху, и, настигнув этот отряд, окружил со всех сторон. Есть было нечего им, часть нашего народа из этого отряда умерла от голода, а большая часть была вырезана китайцами. В это время один из наших предводителей, дунганин по имени Ю Яньлу, с тремя тысячами человек своего отряда перешел на сторону китайцев, прельстившись их заманчивыми обещаниями, но они почти всех их вырезали и первым зарезали самого Ю Яньлу, немногие спаслись из их числа. Оставшиеся в живых все направились в Хэчжоу, куда вперед прошел Биянху; по дороге к идущим присоединилось много дунган из других областей и уездов. Китайцы преследовали их по пятам, и им приходилось совсем плохо, но на выручку неожиданно явился Биянху, и по пути следования наши семь раз сражались со своими врагами... сила дунган превышала силу китайцев, и мы их за это короткое время перерезали более четырех тысяч человек. Пришли наконец в Хэчжоу.

Хэчжоу — город большой, населенный большею частью дунганами, которых здесь насчитывалось до ста тысяч человек, хотя немало здесь жило и китайцев. Управителем этого города был наш же дунганин Ма Чанью, и, с приходом сюда отряда Биянху, мы совсем завладели этим городом. Здешние дунгане все были вооружены хорошими ружьями. Когда мы сюда пришли, то уже все окрестности были опустошены, мы жили здесь около шести месяцев частью в городе, а частью в его окрестностях. Во 2-й луне 1871 г. пришел сюда опять генерал Цзу Гуньбо со своими войсками. На реке Дидохо¹⁷ произошло сражение; по одну ее сторону стоял Ма Чанью, а по другую — Цзу Гуньбо. Ма Чанью не выходил из крепости, а сделал в ней амбразуры, из которых он и стрелял, почему убытка в людях у него не было, напротив, китайцы потерпели большой урон, почему и должны были отступить. Другой отряд дунган зашел в тыл китайцам. Но с Ма Чанью случилось несчастье — ум его помутился, иначе мы не можем объяснить себе этого, — после того как он так решительно разбил китайцев, какой-то важный ихний сановник уговорил Ма Чанью предаться на сторону китайцев, что он и сделал, а также и многие из его отряда, но из предавшихся немногие остались в живых. Услышав же, что Ма Чанью перешел на сторону наших врагов, мы бе-

¹⁷ Возможно, имеется в виду приток Хуанхэ — р. Таохэ (洮河), протекающая в районе Хэчжоу-Линься.

жали в город Хунфэй, где дунган не было, но Биянху не смущало это обстоятельство, так как у него образовался большой отряд, всего около сорока тысяч человек. Хотя здесь и произошло большое сражение, но потерь людьми у нас не было... Мы китайцев загнали в город, и так как их осталось мало, то мы прошли мимо стен этого города, и они нас не тронули. Вскоре после этого случая командующий китайскими войсками призвал нашего знатного дунганина Люэр-сыфу, чтобы примирить обе враждующие стороны, но мы уже более не верили нашим врагам. Отсюда отправились в Каньчжу, город Ганьсуйской провинции. Когда подходили к нему, нас встретила китайская кавалерия, но она на нас не нападала, так как нас было много... Пробыв здесь немного времени и отняв у китайцев много провианта, скота и награбив массу разных дорогих вещей, мы отправились в провинцию Сининь-фу на выручку своих дунган — так распорядился Биянху, но здесь со всех сторон нас окружили китайские войска; пять раз происходило большое сражение, и китайцы не могли одолеть дунган, но на шестой раз их сила преодолела нашу силу... и погибло нас много... С обеих сторон пролились целые потоки человеческой крови.

В это время Биянху призвал отдельных командиров из среды дунган и сказал: „Надобно идти за великую стену в Кашгар, и если там не найдем спокойствия, то пойдем в Россию, и будем просить русского царя, чтобы он нас принял к себе“. Двинулись.

Дорога предстояла длинная и трудная; есть как людям, так и скотине было нечего. В дороге этой мы потеряли много людей и скота от голода. Народ начал роптать. Направились в округ Сючжю, к городу того же имени, в котором жили одни дунгане, но в окружности его во множестве были китайцы и их войска, которые со всех сторон окружили г. Сючжю, намереваясь вырезать всех в нем живущих дунган. Мы остановились от Сючжю в 40 *ли* в селении Тарвань, оставили здесь часть своего народа с женами и детьми, а большая часть нашего отряда отправилась для освобождения осажденных в Сючжю. Китайскими войсками предводительствовал ихний дзяньдзюнь [*цзянцзюнь*]. Было небольшое сражение, но города освободить мы не могли, и хотя сила наша не могла одолеть силы китайцев, но все же около половины мы выручили своих единоверцев. Отойдя от города на 10 *ли*, мы простояли здесь одну ночь, на рассвете более 15 тысяч китайского войска нарушило наше спокойствие. Солнце поднялось только более сажени, а мы потеряли более 7000 человек, считая в том числе женщин, стариков и детей; а у китайцев оказалось убитыми более 2000 человек. После этого направились мы в китайский город Джаюгуань [*Цзюцюань?*], разрушили этот город и двинулись далее в Сачжу; нет съестных припасов для людей и скота, остановились. Ели клевер, кору деревьев и траву невредную для здоровья человека. В Сачжу оказалось три китайских отряда войск, каждый из них находился под команду своего особого предводителя, а именно: Ху дажина, Джи дажина и Ма

дажина¹⁸. Всего у них было около восьми тысяч войска. Голодные, изнуренные, бежать вперед мы не имели сил, нужно было драться, вступили в бой. Сражались три дня, но хотя большого урона ни у нас, ни у китайцев не было за это время, но мы их победить не могли и отступили. Отдохнувши немного, Биянху сделал распоряжение, чтобы все, кто ни есть, поголовно, окружили крепость Сачжу с тем, чтобы взять ее, чего бы это нам ни стало. Когда мы окружили [крепость], китайцы увидели, что их дела плохи и хотели бежать, но Биянху у каждых ворот поставил надежную стражу, и всякий, кто только подходил, того схватывали и убивали. Два китайских начальника Ма дажин и Джи дажин успели каким-то чудом скрыться, а Ху дажина мы поймали и оставили в живых. Скрывшиеся прислали узнать, убили ли мы Ху дажина или нет, мы отвечали им, что не убили; узнав об этом, они просили отпустить его, обещаясь за это прислать нам провиант и фураж. Мы так и сделали: отпустили им Ху дажина, и они действительно прислали нам много провианта и фуража, который мы и раздали своему народу, наказав по возможности пользоваться им аккуратно и бережливо. Подкрепив свои силы, мы опять вступили в битву со своими противниками и в конце концов выгнали китайцев из Сачжу и заняли этот город, при взятии которого мы перерезали более двух тысяч человек, а наших пропало более тысячи. Нам досталось большое количество съестных припасов, и наш народ восторжествовал, радуясь этому. Китайцы, боясь, что их всех перережут, испугались, всё побросали и убежали из всех сел и деревень, прилегающих к Сачжу. В Сачжу мы прожили четыре месяца и посеянный китайцами хлеб весь собрали. Пошли в Хами, где есть большой город того же названия. В Хами управлял гражданский чиновник Вын Чисей, а войсками этой области управляли отдельно два предводителя: Чжань дажин и Вый Тулин, которые выступили против нас с восьмидесячным отрядом. Сначала мы не знали, на что решиться и что предпринять, но потом сообразили, что нас много, и Биянху приказал в одну ночь вырыть побольше землянок, в которых большая часть нас к утру и скрылась. Китайцы же, увидев, что нас мало, кинулись на нас и таким образом очутились в середине между нами. Произошла большая резня. Вый Тулина мы живым захватили в плен, а Чжань дажин был убит, тело которого мы передали Вый Тулину. При этой драке было убито более тысячи китайцев. Нам досталось более 700 лошадей и много съестных припасов, наши обрадовались.

В это время Якуб-бек¹⁹ стал звать дунган к себе, мы двинулись в Турфан и предались на его сторону. По приказанию Якуб-бека мы перешли в Урумчи

¹⁸ Очевидно, *дажэнь* 大人, дунг. *дажын* — большой человек, взрослый; господин, барин.

¹⁹ Якуб-бек Мухаммед (1820–1877) — правитель государства Джетышаар/Йеттишар («Семиградь») в Восточном Туркестане. Родился в Кокандском ханстве. В 1865 г. был послан в Кашгар, где вскоре захватил власть и начал завоевание других городов Восточного Туркестана. В 1867 г. создал государство Джетышаар, включавшее практически все земли современного Синьцзяна, и стал его правителем. В 1877 г. был отравлен своими придворными, а Йеттишар распался.

(или что то же — Хумезы), прожили здесь около трех лет, занимаясь хлебопашеством и торговлей. Услышали вновь, что китайцы набегают на нас. Слухи были такие, что в Джинчжибу, Минчжу, Синине и Хэчжоу китайцы режут дунган, половину вырезали, а половина еще осталась. Мы узнали, что на Кашгар идет Люшо и Джянь дзядзюнь [*цзянцизюнь*] с большим числом войска. Узнав, что китайцы идут на Урумчи, Биянху послал гонца к Якуб-беку спросить, можно ли нам драться с китайцами. Якуб-бек дал на это свое согласие, он также выступил со своими войсками против наших врагов и даже прислал нам для подкрепления свою конницу, но пользы от нее мы не видели, так как она стояла неподвижно и только смотрела за своими лошадьми. Войска Якуб-бека вступили в битву с китайскими войсками, произошло большое сражение, дрались несколько раз, мы увидели, что войска Якуб-бека не в силах бороться с китайцами, потому мы бросили их и ушли в Кашгар. В Гунди (от Урумчи верст 15–20) много было убито дунган большого и малого возраста (не менее 5–6 тысяч). Услышавши это, народ дунганский сильно перепугался, некоторые перебежали в Токсун, где получили сведение, что и Манас занят китайцами. Сколько было там убито, неизвестно, но от испуга этого и от голода умерло более 1000 человек. В это время два дунганина перебежали из китайского лагеря и сообщили нам, что в Джинчжибу, Манасе, Куяне, Сючжу и других местах китайцы вырезали всех дунган. На нас напал большой страх. Войска Якуб-бека были совсем разбиты. Дарын [*дажэнь*] Люшо преследовал как их, так и нас и быстро прибыл в город Кашгар, где истребил много всякого народа, в том числе и наших. В то время как Люшо занял Кашгар, Якуб-бек был в городе Корл. Узнав о том, что китайцы заняли его владения, у него на душе заскребли кошки. Не знаем, от этого ли горя или от чего другого, он выпил какую-то отраву и умер. Часть Якуб-бековых войск направилась по направлению к Андижану²⁰, другая часть вместе с китайцами, которыми предводительствовал Люшо, неотступно преследовала нас. Из Кашгара по дороге в Нарын мы бежали в Россию. Наши враги догнали нас, когда мы проходили ущелье Чакмак. Было очень холодное время года, ущелье тесное, узкое, вырваться некуда было, и в одном этом месте погибло дунган от китайцев и кашгарцев не менее трех четвертей, а другие утверждают, что здесь наших легло девять десятых всего — быть может, и так, ошибки тут большой не будет. Мы, дунгане, впереди, войска Якуб-бека сзади нас, а сзади их китайцы. Есть было совсем нечего, грабеж был в это время сильный, где только возможно было, мы везде грабили. День и ночь мы ехали без отдыха, много за это время погибло наших от голода и холода, а Люшо не отставал и все преследовал нас до самой русской границы!.. На Таш-Рабате²¹ было много снега, во время перехода через этот перевал [нас]

²⁰ Андижан — город в Узбекистане.

²¹ Таш-Рабат являлся ключевым пунктом при переходе через Тянь-Шань. Сооружение, построенное на р. Таш-Рабат в XV в., использовалось как караван-сарай для путешественников и торговцев.

застал буран, и масса народа погибло. Раненные во время Чакмакской свалки сильно стонали. Киргизы отставших наших женщин и детей, выбившихся из сил стариков по дороге подбирали и после доставляли нам, чем немало они спасли народа нашего, но немало из них было и таких, которые, воспользовавшись нашим затруднительным положением, забрали себе наших жен и детей, и так они у них остались навсегда. 27 декабря 1877 г. мы пришли в укрепление Нарын, где у нас отобрали оружие. Мы воскресли и остались живы только по милости великого русского царя».

Этими словами дунганин Ли Кокуй и заканчивает свои записки.

Да простят мне, что я несколько долго остановился на восстании дунган и их жизни в течение этого времени внутри Китая. Я желал только побольше представить фактов, чтобы можно было судить о том тяжелом и безвыходном положении, в котором находились дунгане в течение столь продолжительного времени. Понятное дело, что при таких ненормальных условиях жизни духовные и физические силы как отдельного человека, так и целого народа доходят до крайней степени напряжения и истощения. Ненависть и злоба, ослепляя и ожесточая человека, являются одним из сильных ослабляющих и изнуряющих факторов в его жизни, будь это дикарь или высокообразованный и развитой человек. Так было и с дунганями. Доведенные до крайней степени бедственного положения несправедливым к себе отношением своего правительства, не видя в будущем надежды на лучшую жизнь и не имея больше сил бороться и противостоять своим врагам, они вынуждены были искать себе другое отечество, другую страну, где можно было бы спокойно жить и трудиться, и естественно, что взоры их обратились на Россию. Но остановимся еще немного на восстании дунган за его второй период и сделаем краткую характеристику самих дунган.

VIII

С того времени, как Биянху стал во главе инсurreкционного движения, китайские генералы, командовавшие войсками, скоро увидели, что дело приняло для них оборот совсем нежелательный, почему они и сделались более осторожными и осмотрительными в своих нападениях на дунган. Мелкими отрядами они уже избегали на них нападать, и, чтобы вернее нанести поражение, они старались своей медлительностью и неспешностью усыпить бдительность и подозрительность своего врага, что им иногда и удавалось, хотя далеко не всегда. Ряд счастливых побед для дунган относится ко второй половине 1867 и к началу 1868 г. 1869-й и 1870-й годы и первая половина 1871 г. особенно были удачны для дунган, так как в это время им удалось возратить себе провинцию Шэньси, откуда их выгнал еще в 1865 г. или в начале 1866 г. генерал То, или Точжум, со своими войсками. Человек энергичный и решительный, Точжум нанес дунганам сразу

жестокое поражение, но он скоро был убит в одной из стычек, если не ошибаемся, в конце 1866 г., и со смертью этого генерала для китайцев начался ряд длинных неудач, в особенности с того времени, когда во главе дунганского движения стал Биянху. В период времени от 1861 г. и до конца 1867 г. восстание дунган внутри Китая охватило две громаднейшие провинции, а именно Шэньси и Ганьсу, и перешло даже в северную часть третьей провинции Шаньси. Положение китайского правительства одно время сделалось (в особенности в 1867–1871 гг.) довольно критическим, и маньчжурская династия почувствовала шаткую почву под ногами, и кто знает, чем бы кончилось это восстание, если бы к счастью для китайцев в среде самих дунган не начались распри и несогласия и притом нередко ввиду грозного и непримиримого их врага.

Во всяком случае, предсказание покойного проф. В.П. Васильева имеет за себя весьма большое и веское основание, что пройдет еще несколько лет, быть может, и целые сто лет, но будет нисколько не удивительным, если на китайском престоле появится царствующая династия, исповедующая мусульманскую религию, так как последняя с каждым годом все более и более распространяется между верными сынами Поднебесной империи. Вопрос о происхождении дунган и теперь еще остается открытым, и его подробно мы коснемся в одной из следующих наших работ, но, ссылаясь на такие авторитеты, как проф. В.П. Васильев и архимандрит Палладий, скажем, что дунгане — это те же китайцы, но только принявшие магометанство. Должно заметить, что эта религия резко изменяет духовный и нравственный облик китайцев, что, в свою очередь, сказывается и на физическом, внешнем их облике. С принятием магометанства китайцы делаются более энергичными, предприимчивыми и еще более трудолюбивыми, нежели их собратья китайцы-язычники. Как известно, последние совершенно равнодушны и индифферентны к своей религии, но те же китайцы, приняв мусульманство, делаются ярыми фанатиками, горячими поклонниками и последователями новой религии и обращаются в злейших и непримиримых врагов своих братьев-китайцев, продолжающих оставаться верными прежней вере своих отцов. Китаец-мусульманин резко порывает связь со всем прошлым, он оставляет многие прежние свои привычки и обычаи и делается строгим и точным исполнителем всех обрядов и предписаний закона Магомета. Но несмотря на такой быстрый и резкий переворот, который производит мусульманство в своих новых последователях, китайское правительство нисколько не смущается этим обстоятельством и допускает их к исполнению нередко важных государственных должностей, поручая им, например, управление целыми городами и т.д. Что не раз, как мы видели, упоминает в своей записке дунганин Ли Кокуй и что нам передавали и другие дунгане. Об этом упоминают и такие специалисты, как архимандрит Палладий и проф. Васильев; отмечаем это как факт, на который уже давно указывали как вышеупомянутые, так и другие наши ученые.

Определить численность китайцев-магометан, или, что то же, дунган, живущих в Китае, при настоящих условиях дело совсем невозможное, но по заявлению наших отечественных синологов, хорошо знающих Среднее царство, их насчитывается не менее 30–40 миллионов. И это цифра весьма внушительная, но, по словам тех же синологов, число их значительно превышает вышеупомянутое число, так как мусульманство с каждым годом находит все новых и новых прозелитов среди китайцев. И когда китайцы-магометане, сознав свою численность, соединятся и сплотятся в одно целое, то языческому правительству Китая будет более чем трудно с ними справиться. Большого труда стоило подавить и настоящее восстание, оно потребовало, как мы видели, для его прекращения много времени, жертв людьми и массу денег, и говорим, кто знает, чем бы оно окончилось, если бы в среде самих дунган не начались распри и несогласия. Распри и несогласия эти возникли прежде всего между отдельными дунганскими предводителями, которые из чисто личных выгод, а иногда и из ничтожных расчетов не желали подчиниться неограниченной власти Биянху, и нередко причиной тому была с их стороны мелкая зависть. Начав ранее командовать своими небольшими отрядами, эти предводители не хотели уступить Биянху свою небольшую власть и нередко распоряжались в ущерб общей выгоде и всему делу восстания, чем, конечно, пользовались китайцы и наносили дунганам большие потери, так что последние с 1872 г. стали терпеть уже с разных сторон частые поражения и большие потери людьми, что мы и видели из выше приведенной записки дунганина Ли Кокуя. Эти мелкие дунганские предводители завидовали славе и популярности Биянху и тому влиянию, которое имел последний на своих единомышленников, чего они и не скрывали. Их участие и труды как-то терялись и сглаживались в сравнении с деятельностью Биянху.

Такое поведение и настроение непосредственных помощников Биянху не ускользнуло от его внимания и наблюдательности, и это обстоятельство в одно и то же время огорчало и раздражало его, но в данном случае и он при всем своем авторитете, которым он пользовался среди своего народа, ровно ничего не мог поделать. Особенно ему трудно было управлять и руководить теми из предводителей, которые были или состояли в то же время ахунами или муллами. Последним, как нам известно, дунгане, как фанатики, беспрекословно подчиняются и безусловно верят во всем. Должен сказать, что в жизни дунган мулла, или ахун, всё заменяет, он советник их, руководитель и наставник во всех обстоятельствах жизни, как важных, так и мелких. Приснится ли дунганину ночью какой-то тревожный и беспокойный сон или предстоит ему куда-либо выехать или начать важное дело, дунганин во всех таких случаях идет советоваться к мулле, или ахуну, поэтому последние распоряжаются и владеют совестью своих прихожан так же свободно и уверенно, как и иезуиты, вот почему Биянху трудно было управляться с такими начальниками отдельных отрядов: последние также хорошо сознава-

ли свое значение и влияние и часто не слушались его. Обладая недюжинным и притом гибким умом, Биянху всегда умел быстро найти и сразу подметить слабое или невыгодное положение своего противника, соответственно чему он и делал свои распоряжения, нередко, быть может, и непонятные для подчиненных ему начальников, нередко приведших свои небольшие дружины издалека. Биянху же, привыкши к власти и гордясь своими удачами, требовал беспрекословного и точного исполнения своих приказаний, что, конечно, не всем могло нравиться. Кроме того, начальники эти не всегда стояли на высоте своего положения, больше заботясь о себе и своих выгодах, не жалея состоящих в их отряде своих единоверцев и не входя в их положение и нужды. Такое поведение их еще более сильно волновало и озабочивало Биянху, и надобно полагать, что такие предводители и с таким характером деятельности встречались у дунган нередко. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания и наблюдательности всего народа, и он передал и запечатлел его в своих песнях. Так, в одной песне, существующей среди дунган и известной под именем «Ранение дарына» (т.е. Биянху), которую мы и передаем дословно, какой-то неизвестный дунганский певец от имени самого Биянху, больного, истощенного и изнуренного после сражения под Сининь-фу, в следующих выражениях высказывает свое недовольство этими начальниками: «Неужели после меня не найдется достойного главнокомандующего, который мог бы вполне заменить меня? Один Лю Афе — достойный генерал. Чтобы выручить крепость Сючжан, он, не жалея своей жизни, дни и ночи не спал и не расседывал коней до самого Тэйтуна. Начальники же сининьских дунган не только его, но и меня плохо слушаются, на уме у них одно, чтобы предаться китайцам и быть их покорными рабами. Лю Афе призывал тэйтунских начальников, и как ни уговаривал их и ни упрашивал действовать заодно, но все они до одного отказались. Лю Афе доехал до Мобыйшина, чтобы увидеться и переговорить с Е Фыченем, но Е Фычень наотрез отказался помогать и задумал, как видно, окончательно передаться китайцам, чтобы выдать меня и заслужить себе у них чин. Но если я выздоровлю, то убью Е Фыченья (что и случилось впоследствии на самом деле). Негодяй Е Фычень уговаривал даже Лю Афе передаться китайцам... Достоинств Лю Афе не пересказать, он всегда впереди всех. Одно только меня утешает и радует, что мои конные и пешие отряды все пойдут за мной выручать своих из огненной ямы. Жаль только и обидно, что мои помощники стараются лишь для себя, а о солдатах нисколько или совсем не заботятся и не жалеют их. Брать крепость — первая пуля солдатам, а отнятые ими же у китайцев скот и лошади — все отбирают мои начальники; поставят поскорее впереди знак, и все принадлежит им. Солдату надобно дров, чтобы хотя бы немного согреться, но им и этого не дают, а начальникам моим и на печи холодно, бедные же люди все живут под открытым небом. Думал, думал Биянху, и взяло его сердце, и чем больше думал, тем все более и более сердился на своих началь-

ников. Лишь бы мне не умереть — никого из них не оставлю в живых, не страшны мне никакие враги, и не боюсь я никаких невзгод, выздоровею, отправлюсь в западные страны и выручу бедный народ из когтей страшных врагов».

Таковы жалобы и недовольство неизвестного дунганского певца. Мы привели эту песню дословно. Судя по ее содержанию, Биянху здесь уже является народным героем, который заботится о благополучии всего народа, сердцу его близки счастье и благосостояние бедных людей, он живет их интересами и за них болеет душой, видя несчастья и страдания своих единоверцев и будучи больной, проникнут только одною мыслью, чтобы помочь угнетенным и несчастным своим братьям. Такой характер и направление, выразившиеся в деятельности Биянху, не ускользнули от внимания и наблюдательности народа, что он и высказал в своих песнях, а это самая лучшая награда для всякого героя и верная его оценка.

А что вышеприведенные печальные факты происходили среди дунган, главными виновниками которых были начальники отдельных отрядов, то удивляться этому нечего: во всякой междоусобной войне подобные случаи неизбежны, каждому маленькому предводителю хочется играть первенствующую роль и присвоить себе более важное значение, нежели то, какое он заслуживал в действительности, хотя бы в ущерб успеху общего дела. Кроме этого, другая причина, повлиявшая на неуспешные действия дунган, та, что, несмотря на предварительные заслуги Биянху, доставившие ему известность еще ранее того времени, когда он стал во главе народного движения, только с течением времени, следовательно сравнительно уже поздно, присоединились и пристали к нему дунгане из отдаленных областей и уездов и сделались верными и покорными его власти, т.е. самое горячее, верное время было пропущено... Далее строгие меры, нередко принимавшиеся Биянху против кого-либо из провинившихся, также порождали недовольство к нему среди родных и сторонников последних. Случалось даже, что виновным Биянху рубил головы и не стеснясь применял также другие жестокие меры, обыкновенно практиковавшиеся в Китае... Одним словом, он вошел в роль диктатора, а эта власть для большинства тяжелая и неприятная. Дунгане же — народ своевольный, не признающий и не понимающий дисциплины и ее важного значения. Личное самолюбие дунгане ставят выше всего, это отличительная черта их характера, чем объясняется и горячность их. Так за малое, ничтожное оскорбление дунганин одинаково не постесняется пустить нож в живот как своему злейшему врагу-китайцу, так и своему единоверцу.

Дунгане высоко и дорого ценят свой труд, даже самую ничтожную свою работу, и в таких случаях они ничего своего не уступают и не упускают, но свою жизнь они, пожалуй, еще мало ценят. Эта черта характера их перешла к ним, конечно, от китайцев, с которыми они состоят в тесном кровном родстве, хотя, приняв мусульманство, они открещиваются всеми силами от такового, но это

совершенно неосновательно. Язык дунган, их верования, многие обычаи и все приемы в жизни, начиная с обработки полей и огородов, а также уход за животными — все у них чисто китайское. Другого языка, кроме китайского, дунгане не знают, за исключением мулл, которые кое-как умеют читать Коран на арабском языке, и уже по приходе в Семиречье они выучились киргизскому языку, да и то по необходимости. Названия всех полевых орудий, инструментов, их форма и вид, сама постройка домов, одежда дунган и покрой ее, все головные украшения, пища, способы ее приготовления и все вкусовые приправы — чисто китайские. В противоположность всем здешним мусульманам дунгане не едят конину, совсем не пьют кумыс, не курят табак, не едят мозги животных и мозги птиц, рыбу не любят и также очень мало и редко употребляют молоко, поэтому коров не держат. На все громадное селение, напр[имер] такое, как Каракунуз²², насчитывается не более 8–10 коров; преобладающая пища — растительная, главное и любимое их кушанье — лапша, которая существует у них двух сортов — один готовится из обыкновенной муки, а другой — из гороха. Летом в большом количестве едят зелень, овощи, дыни, арбузы, огурцы и проч[ее]. Мясо едят в общем мало и далеко не каждый день. Летоисчисление у дунган — китайское. Кроме мусульманского имени каждый дунганин носит еще китайское имя, не исключая мулл и ахунов. И по наружному виду дунгане — те же китайцы: желтоватый цвет лица со смуглым оттенком вследствие загара, небольшие, разных оттенков карие глаза, наружный угол которых у большинства приподнят, редкие расходящиеся к наружи брови, поздно появляющаяся растительность на бороде и усах, и в громадном большинстве случаев она малая, редкая и даже скудная, и только уже в пожилом возрасте она достигает значительного развития. Средней толщины полуоткрытые губы, за которыми виднеются неправильно расположенные желтого цвета зубы. Длинная, вытянутая спереди, как у гусака, шея с выдающимся кадыком, а сзади широкая, похожая на бычью. Цвет волос на голове исключительно черный, на бороде же и усах встречаются волосы иногда с русым или русоватым оттенком. Один раз только пришлось видеть совершенно рыжие и притом большие волосы на бороде у одного кульджинского дунганина. Типичное, как у китайцев, гортанное произношение, и так же, как и они, букву *p* почти не выговаривают. Но от последних дунгане отличаются безусловно здоровым, свежим цветом лица, хорошо развитой мускулатурой, вообще физически они стоят значительно выше китайцев, благодаря тому что не курят опий и не употребляют никаких спиртных напитков, но среди каракунузских дунган, хотя и редко, встречаются курящие анашу (гашиш). Дунгане так же, как и китайцы, страст-

---

²² Каракунуз, с 1965 г. — село Масанчи (Масанчин) в Кордайском районе Жамбылской области Казахстана. Дунгане называли его Йинпан (дунг. *йин'пан*¹¹, кит. *иньпань* 營盤 «военный лагерь»). Находится недалеко от границы с Киргизией и киргизского г. Токмак (Токмок) со значительным дунганским населением.

ные любители азартных игр, и последние между ними сильно распространены. По наружному виду дунганина трудно отличить от китайца, разве только по усам, которые дунгане тщательно подстригают. По моим измерениям каракунзских дунган, а также по измерениям д[окто]ра Мацеевского и моим — кульджинских дунган, роста они будут выше среднего. Они, как и китайцы, в высшей степени трудолюбивы, честны, ведут воздержанный образ жизни и гостеприимны. Женщины у них пользуются полным уважением и равноправны с мужчинами; у дунган женщине принадлежит видная роль не только в жизни семейной, где она — полная хозяйка, но они в большинстве случаев влияют и на общественные дела. Без совета жены муж не предпринимает ни одного более или менее важного решения. У дунганской женщины не замечается и следа той заботы и приниженности, какие наблюдаются у женщин других мусульманских народов, поэтому в умственном отношении дунганка стоит гораздо выше, чем другие мусульманские женщины. Вся работа по дому лежит на ней, хозяйство она ведет искусной и опытной рукой; она отличная и любящая мать своих детей, и за честь и достоинство домашнего очага дунганка сумеет всегда постоять. Отсюда мы видим, что на положении женщины у дунган бесспорно отразилось китайское влияние, несмотря на то что они исповедуют ислам. Дунганки, как и китайки, любят разводить цветы, а также, как и последние, украшают изобильно свои головы искусственными цветами, делать которые они большие мастерицы. Этой беглой и далеко не полной характеристикой дунган мы пока и ограничимся.

Из приведенного же выше довольно подробного очерка восстания дунган мы видим, что китайцы в течение длинного ряда лет непрерывно гонялись за ними, преследуя их на каждом шагу. В своем спокойствии и благополучии дунгане нисколько не были уверены, а напротив, каждую минуту они ожидали нападения, за которым следовало не только разграбление и расхищение тяжелым трудом нажитого имущества, но и мучительная, жестокая смерть, начиная со стариков и кончая грудными младенцами. Не все могли выносить столь долго такую крайне напряженную и тревожную жизнь, для этого требуется безграничная сила воли и характера. Говорят же, что сердце самого злейшего и непримиримого врага устает питаться злобою и враждой и требует покоя и отдыха. То же случилось и с дунганями. В самом начале мы видели, в каком положении они прибыли в наше пограничное укрепление — Нарын. Не каприз, не пустое любопытство или легкомысленное желание заставили их переходить зимой с женщинами, бессильными стариками и детьми громадные снежные пустыни и искать себе новое отечество. Оскорбленные в таких своих святых чувствах, как законность и справедливость, и не имея поэтому более возможности спокойно жить, работать и трудиться на своей прежней родине, они вынуждены были искать новый край, новое отечество, которое бы их приютило и где бы, не опасаясь постоянно за свою жизнь, можно было предаться мирному труду, к которому так склонны дунгане. В этом

заключается главная причина дунганского восстания и его необыкновенная продолжительность. Это же побудило переселиться их в пределы России, которая приняла их с искренним радушием, широко открыв им, как и всякому невинно страждущему, свои гостеприимные двери. В пределах России дунгане нашли полное удовлетворение всех своих естественных и справедливых требований и желаний. Здесь они обрели полный мир и спокойствие своей истерзанной и измученной душе и своему многоисстрадавшемуся сердцу!.. А теперь перейдем к краткому описанию дальнейшей судьбы дунган, прибывших в укрепление Нарын.

IX

Прибытие дунган в наше небольшое пограничное укрепление Нарын и притом в такое суровое время года было совершенной неожиданностью для местных жителей; даже начальствующие здесь лица не знали, что к нам идут дунгане, по крайней мере так мне передавали. Не говоря уже о том, что все жившие в этом укреплении ровно не имели никакого понятия о дунганах, и нисколько не будет преувеличением с нашей стороны, если скажем, что едва ли нарынские обыватели не в первый раз в своей жизни услышали самое слово дунгане, тунгани или тенгени. И местные власти, благодаря этому обстоятельству, очутились в крайне затруднительном положении и решительно не знали, что делать и как поступить с нежданно-негаданно явившимися гостями. Поэтому из Нарына экстренно был послан джигит в бывший тогда уездный город Токмак, к токмакскому уездному начальнику, с просьбой дать указания, как поступить с новоприбывшими неизвестными людьми, которые именуют себя тунгани или тенгени. А пока ходила эта переписка, дунгане жили в Нарыне под открытым небом и питались кое-как и кое-чем, но за это сравнительно короткое время почти все бывшие здесь русские люди и торгующие сарты очень выгодно воспользовались для себя выпавшим на их долю случаем, продавая по очень высокой цене хлеб голодным дунганам или обменивая таковой на ценные вещи — что было еще выгоднее для одних и убыточнее для других.

Пришел, наконец, из Токмака и ответ, в коем, как мне передавали, было предписано, чтобы дунгане сложили в Нарыне все свое оружие, каковое все у них здесь и отобрали. Администрация наша поставила это в число необходимых условий при принятии дунганами русского подданства; требование это дунгане выполнили охотно и беспрекословно. Много оружия и наиболее ценного попало в руки частных лиц. Были соблюдены дунганами и другие формальности, предъявленные нашими властями; всё, что от них требовалось, все они выполнили. Понятное дело, что в таком маленьком укреплении, как Нарын, дунгане не могли долго оставаться за полным отсутствием в нем хотя каких-либо помещений, а также и за неимением в нем достаточного количества предметов продовольствия, почему, исполнив все необходимые условия, они через несколько дней дви-

нулись в город Токмак. О кратковременном же пребывании дунган в Нарыне долго лишь напоминали ободранные и оголенные ими деревья, кору которых они варили и ели, как передавали, с большим удовольствием, так как рады были и этому. Еще с большим удовольствием долго вспоминал их небольшой кружок местных обывателей, русских и сартов, которые ловко сумели воспользоваться представившимся им случаем и зашибили себе лишний грош, нисколько не смущаясь и не рассуждая о том, каким путем они добыли его...

Переход дунган от Нарына до Токмака был также для них очень трудный и тяжелый. Зима этого года, как я уже выше сказал, была весьма суровая и холодная, снегу сверх обыкновения выпало везде много. Да при том и здесь приходилось идти им по местности чрезвычайно гористой и высокой, приходилось совершать переход по ущельям, которые, извиваясь узкой тропой, на пути своем имеют множество крутых спусков и обрывов, засыпанных в данное время сплошь глубоким снегом. Зимой эта дикая местность совсем бывает пустынная и безлюдная. В то время, когда здесь проходили дунгане, на всем протяжении от Нарына до Кутемалдов существовал лишь только один вьючный путь; уже гораздо позже была разработана и проложена на этом пространстве почтовая дорога, тогда же таковой и в помине не было, и на всем этом протяжении (более 160 верст) не было ни одной почтовой станции, следовательно, не было никакой возможности достать хотя горсть муки или кусок хлеба для наиболее истощенных и обесилевших, поэтому и жертв холода и голода и на этом сравнительно небольшом расстоянии между дунганами было немало. Особенно тяжело и трудно им достался переход через Долонский перевал, расположенный на высоте более 10 000 футов над уровнем моря. Здесь, так же как и на Таш-Рабатском перевале, их застал снежный буран, как и там, так и здесь немало уснуло дунган вечным сном. Не доходя до Токмака, дунгане встретили три или четыре почтовые станции, содержателями которых были семиреченские казаки. Число это, конечно, ничтожное, и единичным людям, заброшенным в степи, на расстоянии более чем на двадцать верст друг от друга, сделать хотя что-либо для нескольких тысяч людей является делом не только невозможным, но и прямо непосильным. Но как ни тяжело и ни больно сознаться, но справедливость требует сказать, что ни один из этих почтосодержателей-казаков ровно ничем не проявил своего участия и сострадания к тому крайне тяжелому и бедственному положению, в котором находились шедшие дунгане. Никто из них не предложил теплого угла или приюта хотя бы одному человеку, окоченевшему или замерзавшему от холода, ни один не призрел и не обогрел обесилевшую мать с ее ребенком, никто из них не дал ни куска хлеба ни одному малютке. Этот самый хлеб они за бесценок скупали у тех же мусульман-киргизов, и у каждого из этих казаков в буквальном смысле слова ломились амбары от избытка хлеба, добытого тяжким трудом иноверцев. Эти казаки-почтосодержатели всегда эксплуатировали и продолжают до сих пор

эксплуатировать самым усердным и добросовестным образом, забыв совершенно, что трудом этих простодушных и доверчивых сынов степи они воздвигли свое полное благополучие и благосостояние.

Я много раз и долго расспрашивал об этих фактах как самих очевидцев, так и других, и всегда получал один и тот же ответ. Из моих расспросов я только вынес одно — что все они, сытые и в довольстве живущие люди, достигшие благ жизни благодаря широкой эксплуатации простодушных туземцев, смотрели совершенно безучастно и равнодушно на проходивших мимо них дунган, нисколько не быв тронуты ужасным и бедственным их положением. Один почтосодержатель, свидетель того, как проходили дунгане, сидя со мной за самоваром, в своей теплой и довольно комфортабельной комнате, передавал мне с совершенно спокойной совестью такой факт. «Вхожу я как-то в пригон, — говорил он, — вижу — стоит дунганка, прислонившись к корове, к морде ее она приложила своего ребенка... корова такая смиренная, лижет ребенка... на глазах у дунганки слезы... Велел ее с ребенком выбросить ямщикам на дорогу. Дунганка упирается, нейдет... плачет... корова за ней, все лижет ребенка. Дело было к вечеру, насили мои ямщики оттащили дунганку и выпроводили на дорогу... На другой день неподалеку от станции нашли эту дунганку и ее ребенка замерзшими. Много мы их повывтаскали из пригонов и конюшен», — добавил мой собеседник совершенно равнодушно. «В дом они не осмеливались заходить, а только в пригоны или в конюшню», — присовокупил мой радушный хозяин. «Зачем же вы так делали, — спросил я, — жалко вам конюшни или пригона?» «Да так, — отвечал он, — и хлопот меньше... да и что их жалеть... собак». Всякие комментарии к этому излишни, но факт налицо!!!

Немного этих лиц (т.е. почтосодержателей), говорю я, жили вдоль дороги, но это были первые русские люди, с которыми пришлось встретиться дунганам в первый же раз. Все они одинаково, с непонятною жестокостью и злобой вышвыривали и выгоняли несчастных дунган из своих пригонов и конюшен на дорогу, где их вскоре и находили по большей части замерзшими. Впоследствии эти трупы, валявшиеся некоторое время вдоль почтовой дороги, по распоряжению местного начальства были зарыты киргизами в землю.

Х

Предводитель дунган Биянху с последней станции прибыл в Токмак ранее несколькими часами всех прочих дунган. Это был среднего роста человек, широкоплечий, крепкого телосложения. Бросалась в глаза необыкновенно хорошо развитая его мускулатура, которая свидетельствовала о большой физической силе прибывшего. На лице его было несколько рубцов, идущих в разных направлениях, некоторые из них пересекались между собою. Рубцы эти образовались от ран, полученных им в борьбе с китайцами; несмотря на то что этих рубцов было много, они нисколько не безобразили лицо неожиданно явившегося гостя, напротив,

они придавали ему более мужественный вид, скорее сообщали его лицу вид какой-то своеобразной дикой красоты. Одет Биянху был в шелковую ярко-желтого цвета курму, чисто китайского покроя. Вся фигура прибывшего, его походка и движения выражали полную уверенность в себе и сознание собственного достоинства; в небольших, слегка косых, глазах его светились ум и наблюдательность. Все его приемы и манера держать себя были чисто китайские, как и самый тип его лица. Тогдашний наш уездный начальник в Токмаке, к которому явился Биянху, кое-как объяснившись с ним и узнав от него о крайне бедственном положении идущих его единоверцев, немедленно распорядился выслать навстречу несколько телег с хлебом и подвод для наиболее ослабевших и выбившихся из сил. Это был первый кусок русского хлеба голодным дунганам, истощенным до крайней степени неравной долголетней и крайне напряженной борьбой с китайцами в течение многих лет, измученным и изнуренным физически и морально.

В Токмак дунгане прибыли в первой половине января 1878 года. Был какой-то праздничный день. Служба только что кончилась в небольшой местной церкви, и народ стал выходить от обедни, когда на улицах Токмака показались первые партии дунган. Как и всегда, так же и в этот день, горячо и искренне молились русские люди, волею судеб заброшенные в самую глубь среднеазиатских степей, вдали от родины и всего того, что так дорого сердцу каждого человека. Смирено склонив свои головы перед ликами святых угодников, в пламенной и горячей молитве они изливали всю глубокую скорбь своего наболевшего сердца и измученной веками души своей, и, подкрепив себя святой молитвой, они тихо расходились по домам своим, чтобы на другой день снова, с обновленными силами, приняться за свой тяжелый и однообразный труд... Но вид нескольких тысяч голодных, оборванных и замерзающих новых пришельцев не тронул сердца их, жалобные вопли заколеченных от холода женщин и детей не пробудили на этот раз в русских людях, только что после молитвы возвращавшихся из церкви, чувства сожаления и сострадания... Никто из них не дал крохи хлеба этим иноверцам, пришедшим к нам в таком тяжком положении, никто из них не пустил обогреться ни одной души... Бывший же до того хлеб в цене 7–11 копеек за пуд сразу поднялся от 2 до 3 рублей за пуд. Цена небывалая и никогда неслыханная в этом крае... На предложение местной и областной администрации понизить цену крестьяне отвечали решительным и упорным отказом. Но мало того, когда местной администрацией был закуплен хлеб помимо крестьян, то последние не давали даже своих мельниц, чтобы перемолоть купленный для дунган хлеб, почему пришлось прибегнуть к другим мерам. Деятельными помощниками администрации по доставке хлеба оказались киргизы и татары; те и другие также много его пожертвовали даром, сарты же проявили самое слабое участие.

Пока местною властью делались энергичные распоряжения о закупке и заготовке хлеба, дунганам в первые полтора-два дня пришлось бы среди господст-

вующего православного русского населения так же одинаково голодать, как они голодали в только что пройденных ими снежных тяньшаньских пустынях, если бы эти самые дунгане не имели с собой некоторого запаса ценных вещей, частью собственных, но больше отнятых и награбленных ими у ненавистных им китайцев. И с быстротою молнии... точно электрическая искра, всеми слоями токмакского и притом исключительно русского населения овладела мысль о быстрой и легкой наживе. Настроению русских подчинились и сарты, но они сравнительно меньше подпали под их влияние и держали себя спокойнее и ровнее. Больно и тяжело об этом говорить, но по долгу беспристрастного бытописателя хроники справедливость требует сказать, что и небольшой кружок интеллигентных лиц, живших в то время в Токмаке, также заразился охватившим всех позорным настроением, и все увлеклись жаждою быстрой и легкой наживы, за исключением, быть может, одного-двух человек. О мелких же чиновниках и говорить нечего, они выказали замечательную находчивость и удивительную способность и изобретательность к быстрому и легкому обогащению, нисколько не подозревая и не думая, что это могло быть предосудительно. Как бы то ни было, но всем казалось, что в порядке вещей, вполне законно и естественно за несколько лепешек или булок или за кап муки получить при таких условиях ценную вещь, как то шелковый халат, кусок или половину куска камфы, чичунчи, серебряный браслет или какую-либо золотую вещь, стоимостью превосходящую в несколько десятков раз за данное количество муки или хлеба. Вид же нескольких тысяч живых мертвецов ни в ком не пробудил жалости и сострадания, ни в ком не проснулось желания протянуть руку помощи несчастным в такую тяжкую и притом исключительную минуту, ни один голос, хотя бы самый слабый, не раздался в защиту пришедших страдальцев.

Не торгуясь, щедро платили дунгане за хлеб, потому что они умирали с голоду. Нисколько не будет преувеличением, если я скажу, что пропорционально тому бедственному положению, в котором находились прибывшие, в такой же, если даже еще не в большей степени разыгрались алчные и хищнические аппетиты сытых и в тепле живущих на счет умирающих с голоду дунган. Всеми овладело страстное, но позорное настроение — сбить поскорее дешевый хлеб и за малое его количество получить по возможности побольше, потому, не желая упускать единственного в своем роде случая, который больше уже не повторится в их жизни, все спешили и торопились, насколько возможно высоко подняв цену, сбить поскорее всегда дешевый хлеб, с которым в течение нескольких лет подряд, и не далее еще как за два-три часа до того, решительно не знали что делать и куда девать его и который поэтому составлял даже лишнее и тяжелое для многих бремя, так как у всех ломились амбары от запасов его, образовавшихся от прежних годов.

...И к вечеру первого дня, в который прибыли дунгане, все были счастливы и довольны! Наступившая же длинная зимняя ночь одинаково безразлично по-

крыла всех людей, а также их добрые и худые дела. Но зато в дунганском лагере в этот вечер весело и ярко пылали разведенные во многих местах костры, возле которых слышался уже веселый говор и давно небывалое оживление, и это едва ли не в первый раз после длинного, крайне тяжелого и мучительно-изнурительного их перехода. Счастьем и довольством сияли худенькие бледно-желтые лица дунганят, гревшихся вокруг этих костров и с жадным нетерпением ожидавших дорогого и вкусного ужина, которого они уже так давно не видали; неподдельной, искренней радостью светились глаза их, высматривавшие из-под косо расположенных век. Маленькие, бритые головки детей, заплетенные в несколько косичек, торчавших из-под круглых, разноцветных и грязных шапочек, своеобразные костюмы и лица взрослых, с длинными сзади у мужчин косами, представляли при свете ярко пылавших костров своеобразную и положительно фантастическую картину. Веселый говор старших и их оживление и радостные крики детей постепенно увеличивались. Развевавшееся широкими языками пламя костров, во множестве разложенных, вкусный запах готовящейся в казанах пищи, разносившийся в ночном воздухе, действовали возбуждающим и ободряющим образом на присутствующих.

Да оно и понятно: это яркое пламя множества костров с каждым мгновением все более и более как бы охватывало и пожирало навсегда тот страшный призрак голодной смерти, который так долго и неотступно следовал по пятам бежавших дунган и с которым, как им казалось, они уже так свыклись и сроднились навсегда, что никогда им более уже не расстаться с ним... теперь этот ужасный призрак, подобно дыму, исчезавшему и терявшемуся в ночном воздухе от весело горевших костров, уходил от них все далее и далее и уходил навсегда, так как все были уверены, что только что пережитое ими тяжелое время более в их жизни никогда не повторится и никогда не возвратится. Лишь один человек не принимал участия в общем оживлении, в общей радости всей этой толпы, погруженный в глубокую задумчивость, он одиноко сидел у ярко пылавшего большого костра, нисколько не интересуясь происходящим вокруг него. На коленях у него спал 6–7-летний сын. Человек этот был Биянху. Какие мысли пронеслись в его голове и какие чувства он переживал в данную минуту, то ведает один Бог... Но, судя по выражению его лица и по тому настроению, в котором он находился, Биянху переживал тяжелые минуты, и мысли, пронесившиеся в его голове, были далеко не радостные и не веселые. Быть может, он предугадывал, что ему скоро придется расстаться с тою неограниченной властью, которую он имел над своими единоверцами, а к этой власти он так уже привык, и ему жаль с нею расстаться; вспоминал ли он свое недавнее прошлое и жалел, что не мог более жестоко отомстить своим злым врагам-китайцам, как бы ему того хотелось; озабочивала ли его дальнейшая судьба его народа, который он привел в Россию, народа, который он горячо любил и за который готов был отдать свою жизнь. Он первый ука-

зал им как на единственный выход из того тяжелого и невыносимого положения, в котором дунгане очутились в Китае, и где их жизнь стала невозможной, — это отдаться в подданство России. Ему все они поверили, и все охотно за ним пошли, и вот перед ним, после пережитого первого тяжелого дня, со всей полнотой и наглядностью предстал роковой вопрос: что ожидает приведенных им его единоверцев в новом их отечестве?...

...В то время, как в дунганском лагере люди были так неподдельно счастливы и после вкусного горячего ужина все погрузились в глубокий сон, лишь только кое-где можно было видеть отдельные фигуры, дремавшие у потухающих костров, в тот же самый вечер обыватели Токмака также все были не менее несказанно счастливы и довольны благодаря удачному, по их мнению, дню, принесшему каждому такие осязательные результаты. Совесть у всех была спокойна. В одном доме состоялся вечер, на котором присутствовали все местные представители власти, а также находилась здесь и местная интеллигенция.

Вечер вышел на славу, всего было вдоволь: много ели, а еще больше пили, и как всегда на подобных вечерах, устраивающихся на окраине, чтобы не терять драгоценного времени, скоро образовалась карточная игра с неизбежным штоссом. Несколько игроков сразу повели крупную игру, вокруг них толпилась мелкота, с жадностью взиравшая на большую кучу денег банкомета и тем не менее усердно ставившая содержимое своего жиденького и скудного кошелька в надежде на счастье, но редко кого вывозило это счастье, и неудачный понтер с досады шел запивать рюмкой очищенной своей проигранный рубль.

К полночи игра достигла больших размеров. Весь стол был завален крупными и мелкими кредитками, между которыми виднелись и ценные дунганские вещи: два головных женских украшения, массивный глухой серебряный браслет и золотая брошка. Новые владельцы, выменявшие их сегодня на хлеб у голодных дунган, в этот же вечер их проиграли, у кого не было денег на игру, а кто и по привычке все спускать в пух и прах. Как легко пришли, так легко и ушли. Раскрасневшиеся лица гостей свидетельствовали о возбужденном состоянии их, частью вследствие азартной игры, принимавшей все более и более острый характер, а частью вследствие большого количества выпитого вина. Глаза игроков горели недобрым лихорадочным блеском, выражавшим недоверие и злобу друг к другу, плоские шутки, двусмысленные остроты и бессвязные пьяные речи стали раздаваться все чаще и чаще, нередко переходя в угрозу... и вечер закончился крупным скандалом...

Но отвернемся от этой чисто животной и безобразной картины. С рассветом наступающего дня дунгане, подкрепленные вкусным ужином и покойным сном, проснулись свежие и бодрые; гости с упомянутого вечера также расходились по своим домам с рассветом дня, но уходили с пустым сердцем, с отуманенной винными парами головой, уходили все с помятыми лицами, а менее счастливые...

и с битыми физиономиями. Так прошли и закончились в Токмаке первые сутки, в которые прибыли сюда неожиданно новые подданные России — дунгане.

XI

О прибытии дунган в Токмак уездный начальник немедленно донес тогдашнему губернатору области Герасиму Алексеевичу Колпаковскому²³, да последний уже знал, что к нам идут дунгане, так как он внимательно следил за всеми событиями, которые происходили не только в пределах области, но и далеко за ее пределами, и умел быстро обо всем получать сведения, а также он прекрасно был осведомлен о происходившем дунганском движении. Ввиду такого важного события, как приход в область нескольких тысяч новых переселенцев, и притом почти никому не известных в крае, Г.А. Колпаковский, как мне передавали, прибыл сам в Токмак на пятый или шестой день по приходе дунган, чтобы лично руководить первыми шагами их водворения в новом для них отечестве и дать необходимые указания уездной администрации для их устройства.

В истории Семиречья имя Г.А. Колпаковского навсегда займет видное и почетное место. Человек громадного ума, сильной воли, неустанной энергии и вместе с тем широкой инициативы, Г.А. Колпаковский с редким вниманием и старанием относился к делу заселения и колонизации края в течение всего своего долгого управления этой областью; все силы своего великого ума и таланта он вложил в дело устройства нового края. Перечислять все заслуги Г.А. Колпаковского и все что им сделано для Семиречья, я теперь не имею ни средств, ни возможности, скажу только, что Семиречье ему одному обязано своим возрождением и своим цветущим состоянием. Это был не только военный человек, но и администратор и организатор в широком и лучшем значении этого слова, сердцу которого одинаково близки и дороги были как экономическое положение обитателей, населяющих Семиреченскую область, так и все прочие условия их быта. Он старался всесторонне понять и изучить как жизнь полудикого кочевника, так и прошлого населения при новых условиях и новой обстановке сего последнего, чтобы одинаково быть полезным и всегда быть готовым прийти на помощь как тому, так и другому.

Приехавши сюда еще молодым, он полюбил этот дикий край и его первобытных обитателей и всего себя отдал служению этой совсем еще новой и неизвестной до того времени стране. Гораздо ранее других он понял, что для того, чтобы прочно водворить русское имя во вновь покоренной области, необходимо заселить ее русскими и людьми, которые станут постоянными обитателями этой страны. С этою целью он стал заселять край малороссами, которые, как известно, отличаются своим примерным трудолюбием и по справедливости считаются

²³ О нем см. также с. 120–122 в наст. изд.

лучшими земледельцами. В новом крае, среди господствующего искони кочевого населения, мера эта была в высшей степени полезная и разумная, и теперь мы видим, какие добрые плоды она принесла. Благодаря малороссам киргизы ознакомились со многими приемами земледелия, а также и с другими сторонами ведения хозяйства.

Почти каждого новосела Г.А. Колпаковский знал в лицо, но и этого мало: он хорошо и доподлинно знал хозяйственный инвентарь каждого из них, сколько у кого скотины и какая именно у кого есть, знал также хорошо количество земли, обрабатываемое каждым новоселом, в каком состоянии находятся у них огороды и проч[ее] и проч[ее]. С редким вниманием и участием Г[ерасим] А[лексеевич] входил во все даже самые мелкие подробности хозяйства каждого крестьянина и казака, заботливо устраняя все нужды и недостатки их и снабжая всем необходимым. Все делал Г.А. Колпаковский, чтобы только облегчить положение русских переселенцев по прибытии их в новый неизвестный им край. И где были прежде безжизненные мертвые степи, среди которых лишь на короткое время останавливался летом кочевник, там теперь находятся цветущие русские селения. После длинного ряда веков, едва ли не в первый раз благодаря стараниям Г[ерасима] А[лексеевича] прошел по этой земле плуг мирного труженика-земледельца, и где прежде росли лишь одни дикорастущие травы, там появились правильно обработанные поля и нивы. А чтобы воззвать к жизни эти громадные вековые степи и пустыни, требовалась такая же громадная энергия и настойчивость в течение длинного ряда лет. Но кто знает, сколько пришлось пережить этому человеку тяжелых душевных мук и волнений частью вследствие непонимания окружающих его лиц и помощников, на которых он возлагал свои поручения, частью же вследствие доносов и интриг, порожденных мелкой завистью и злобой. Но ни на что не смотря и не взирая, а напротив, поступая крайне осторожно и обдуманно, твердо и неуклонно этот человек шел к намеченной цели, а крепкий и сильный ум в соединении с железной волей помогли преодолеть все препятствия и достигнуть благих результатов. И будущий историк Семиречья с удовольствием остановится на организаторской созидательной деятельности Г.А. Колпаковского, и имя его как культурного деятеля всегда будет высоко стоять. Чутко относился Г.А. Колпаковский и к духовным нуждам населения области и таковые старался удовлетворять: он заводил школы, строил церкви, открывал училища, для руководства и управления которыми приглашал по возможности лучшие силы из России.

Выше мы уже упомянули, что Г.А. Колпаковский живо интересовался и хорошо знал не только то, что происходило в пределах области, но не менее он интересовался и тем, что совершалось за ее границами, в смежных странах; ведал он и о дунганском движении, которое столько лет продолжалось внутри Китая, обессиливая и истощая последний. Если большинство в области не имело никакого понятия о дунганах и лишь немногие имели самые смутные и сбивчивые

о них сведения, то Г.А. Колпаковский был прекрасно осведомлен, кто такие дунгане, что они за люди и чем они будут полезны для культуры края. Он знал дунган как весьма трудолюбивый и деятельный народ, знал, что они отличные земледельцы, прекрасные огородники и притом воздержаны в образе жизни и нетребовательны, поэтому Г.А. Колпаковский был рад такому полезному элементу в его области, и один из немногих он предвидел их важное значение для культуры края. Время, как мы увидим, вполне оправдало его ожидания. Ранее донесения уездных начальников знал Колпаковский и о том, что дунгане уже пришли в его область, о Биянху и его роли в восстании он также слышал и имел верное представление об этом человеке.

Так, получивши донесение от уездного начальника о прибытии в Токмак дунган, Колпаковский пожелал, как мы сказали, немедленно познакомиться с ними и лично дать некоторые наставления и советы относительно дальнейшего их водворения в новом для них месте. Он близко и горячо принял к сердцу тяжелое положение дунган и принял самые энергичные меры к тому, чтобы по возможности облегчить их горькую участь. Дунгане и теперь с чувством глубокой благодарности и сердечной признательности вспоминают Г.А. Колпаковского. Узнав о поведении служащего люда в первый день прибытия дунган в Токмак, Г[ерасим] А[лексеевич] был сильно взбешен и многим из них выразил порицание и крайнее негодование в самых резких словах; поведение же токмакских крестьян его также возмутило, но в то же время и опечалило, и огорчило. Думая, что, быть может, крестьяне неверно поняли предложение уездной администрации или таковое им предложено было в ненадлежащей форме, Г[ерасим] А[лексеевич] К[олпаковский], никому не доверяя, сам решился обратиться к крестьянам, будучи вполне уверен, что крестьяне его послушают и исполнят его предложение, для чего и приказал собрать их по возможности всех.

Действительно собрались почти все. Вышел к ним Г.А. Колпаковский, и после обычного приветствия обратился к ним с предложением понизить цену на хлеб. Постояли, подумали, пошептались между собой мужички и объявили, что согласны уступить по два рубля за пуд (так как подняли уже до 3 р.). Колпаковский ответил им, что эта цена слишком дорогая и высокая и необходимо помочь новым пришельцам в их тяжком и бедственном положении. Когда же пришедшие поправятся, то они их отблагодарят; он напомнил крестьянам, что и они когда-то, и еще не так давно, пришли сюда такими же бедняками, но недавние бедняки отвечали, что менее двух рублей за пуд не могут уступить, так как самим-де будет убыточно. Еще раз тихим голосом, но так, чтобы всем было слышно, со словом увещевания и просьбы о помощи нуждающимся дунганам, обратился Колпаковский к крестьянам, но последние твердо уперлись на своем, сказав, что с назначенной ими цены они не могут сбавить ни одной копейки. Опечаленный, полный гнева и негодования оставил их Г.А. Колпаковский.

XII

Печальны и прискорбны сообщаемые факты, но отрицать их нельзя, почему и обходить их молчанием было бы непростительно. Факты подобного рода по отношению к туземцам со стороны русского населения встречаются нередко, но повторяются они в меньших размерах, почему и не так резко бросаются в глаза. Явление это бесспорно печальное, крайне нежелательное, порождающее ненормальные отношения между коренным туземным и пришлым, господствующим, русским населением. Приведу еще один подобный крайне грустный факт черствого отношения русского крестьянина к бедствиям инородцев, произошедший также при исключительных обстоятельствах.

В 1866 г., уже на наших глазах, некоторые отдаленные загорные волости Пишпекского уезда постигло большое несчастье: случился голод и падеж скота у киргизов. Наша областная печать, чутко прислушивающаяся к явлениям окружающей жизни, своевременно отмечала эти факты и с болью в сердце обращала на них внимание общества, но последнее одинаково часто продолжает оставаться глухим и равнодушным к тому, что творится и происходит вокруг него. Так, в газете «Восточное обозрение» за 1886 год № 24, некто, подписавшийся *Яр.*, в статье своей «Обеднение киргизов и степные шакалы» писал, между прочим, следующее: «две волости киргизов умирают с голоду и третью скоро постигнет такая же участь. Местная администрация поспешила прийти на помощь несчастным. Приехал в Токмак один из членов администрации закупить хлеб для этих киргизов. На заявление приехавшего администратора тепло и с участием отозвались татары, сарты и другие инородцы, и в короткое время они пожертвовали безвозмездно около трех с половиной тысяч пудов хлеба, частью деньгами, частью хлебом. Русские же крестьяне обоих селений Большого и Малого Токмака не дали ни зерна, отозвавшись неимением у себя хлеба для продажи, хотя это совершенно неверно. У каждого крестьянина Чуйской долины, самого бедного, в настоящее время имеется не менее 400–500 пудов в запасе, у большинства же от 1000 до 2000 пудов, а у некоторых свыше 3000 пудов. Правда, наши мужички сейчас же *подняли цену на хлеб*». В той же газете и в том же номере, в передовой статье «Инородческие бедствия» и принадлежащей перу незабвенного Николая Михайловича Ядринцева²⁴, приводится официальное известие, сообщенное ему тем же корреспондентом по поводу того же страшного бедствия, постигшего киргизов, и гласящее, что «среди киргизов голод ужаснейший, масса скота подохла, подох и весь молодой приплод, так что ни у кого нет ни капли молока. Цена на хлеб страшно поднялась. Продавать киргизам, чтобы купить хлеба, нечего». Как и всякое официальное сообщение, оно коротко, ясно и убедительно,

²⁴ Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) — известный этнограф, публицист, общественный деятель, исследователь Сибири, Монголии и Центральной Азии.

и прибавить к нему нечего. А голод был действительно настолько ужасный, киргизы и теперь, по прошествии 14–15 лет, не могут без ужаса и содрогания вспоминать о перенесенных ими тяжелых страданиях, в чем я убедился сам, года два назад тому посетив одну из этих волостей. Все, что только можно было съесть, все было съедено, и дошли до того, что осторожно скоблили ножом засалившиеся от времени и закоптелые береги (деревянный остов юрты), и эти стружки, точно драгоценность какую, аккуратно и бережливо собирали и варили в своих котлах и этим питались. Пухли в буквальном смысле от голода. Живо еще и теперь помнят киргизы страшную голодную зиму 1886 г. *«Но к горькому прискорбию, — пишет далее в той же статье Н.М. Ядринцев, — приходится отметить факт, что в числе пожертвованного нет крохи от соседа — русского крестьянина. Что за причина подобного отношения к видимому бедствию? Черствость ли души или укоренившееся сознание, что „тварь“ не заслуживает помощи, но надо полагать, что русский переселенец, почувствовав силу господствующей народности, забыл, как он сам получал помощь от этой „твари“, по справедливости могущей с первого раза по положению дел видеть в переселенце своего врага, выражавшего постоянно поползновение отобрать от него лучшие земли, лучшие уголья».* И приводит пример, как «хоринские инородцы в 1805 г. помогли переселенцам-хохлам, бедствующим, голодным и холодным, уступив им земли и дав по быку и корове на семью, а жена родоначальника пожертвовала 1000 пудов шерсти. Немного подобных фактов, но они все-таки служат свидетельством добрых отношений инородцев к русским, а чем выражаются таковые же со стороны русского населения к инородцам? Излишен ответ: то же презрительное отношение, та же хищническая эксплуатация. Где же просвет, в чем заключается спасение? Призвать администрацию, чтобы она взяла под свое широкое покровительство эти бедствующие и погибающие народности, чтобы при посредстве ее помощь была отнюдь не фикция, а действительность, чтобы нужды народов были поняты полнее и приняты все меры побороть зловещий исход». Но автор выражает сомнение и считает невозможным возложить подобную серьезную функцию на сибирскую администрацию и высказывает далее твердое убеждение, что «без коренного изменения отношений русского населения к этим инородцам трудно ожидать улучшения их жизни и предположения возможности дальнейшей культуры. *Пора русскому человеку видеть в инородце не врага, не презренную тварь, а своего собрата, человека достойного сострадания и братской помощи* (курсив наш. — *Ф.В. Поярков*)». И незабвенный Николай Михайлович Ядринцев находит возможным единственный выход, чтобы положить конец этим ненормальным отношениям, и решает вопрос так: «Прежде чем думать о реальной пользе, необходимо самое широкое распространение гуманных идей. Таково и наше искреннее убеждение. Прошло после этого более пятнадцати лет, но и до сих пор ничего не сделано в этом направлении, и отношения между господ-

ствующим русским населением и туземцами продолжают оставаться такими же ненормальными».

Прекрасная статья Николая Михайловича Ядринцева, писанная им «не пером и чернилами, а кровью сердца и соком нервов его», осталась незамеченной. Но время идет, а великое и широкое поле распространения гуманных идей на ниве народной все еще ожидает своих самоотверженных скромных тружеников. Будем верить, что это время скоро настанет!.. Одно же из могущественных орудий для достижения означенной цели — это областная печать, она одна должна служить проводником в общество гуманитарных идей, в этом ее высокое просветительное назначение на окраине, — и мы видим, что действительно она не уклоняется от этого пути...

В дополнение к факту, сообщенному Н.М. Ядринцевым о хоринских инородцах, прибавим и мы один факт, случившийся также в Семиреченской обл. В 1895 г. партия русских крестьян поздней осенью переселялась из Акмолинской в Семиреченскую обл. Партия эта хотя шла прямой дорогой, но, как видно, ошиблась расчетом во времени, и около озера Балхаш ее застали сильные холода. Запасы продовольствия как для себя, так и для скота у переселенцев истощились, и больше половины последнего у них уже подохло, а к довершению всех их бедствий выпал еще снег, и в течение нескольких дней свирепствовали снежные бураны. Партии переселенцев-крестьян, очутившейся в столь критическом положении, грозила неминуемая смерть, но киргизы, живущие около Балкаша, как-то узнали об этих переселенцах и их страданиях: они нашли их, приютили у себя, обогрели и дали знать в Пишпек уездной администрации, чтобы последняя выслала все необходимое для дальнейшего их следования, и пока подоспела помощь от администрации, они все это время кормили целую партию крестьян, не взяв с них никакой платы. Как бы русские крестьяне-переселенцы поступили в данном случае — это еще вопрос, на который прежде чем ответить положительно, придется подумать и подумать. Мелких фактов, ежедневно повторяющихся и свидетельствующих о ненормальных отношениях русских крестьян к туземцам, я приводить не буду, скажу только, что в интересах обеих сторон они оставляют за собой желать весьма многого.

Как бы то ни было, но тяжелая зима 1886 г., перенесенная киргизами загорных волостей Пишпекского уезда, не прошла для них бесследно, и страшные страдания, пережитые ими, послужили для них уроком. С этого времени они стали более осторожны и осмотрительны, менее уже надеются на милости и благоволение к ним природы; с этого несчастного для них года они начали более заниматься хлебопашеством и с полученными запасами хлеба обращаются более осмотрительно, не спешат сбывать за баснословно дешевую и ничтожную цену только что собранный ими с полей хлеб, а порядочные его запасы оставляют себе на зиму, с таким расчетом, чтобы хватило его и для посева. В настоящее время

киргизы эти сеют различные сорта хлеба, как то: пшеницу, ячмень, овес, просо. Делают они также запасы корма на зиму для скота, хотя и небольшие. *Стали более тщательно устраивать свои зимовые стойбища.* Теперь кочуют только те, кто имеет возможность, т.е. более богатые, бедняки же все лето живут почти на одном и том же месте, ведя свое незамысловатое хозяйство и ухаживая за своими полями. Все больше и больше проникает среди киргизов сознание, что не так далеко уже то время, когда им придется оставить свой прежний кочевой быт и перейти к оседлому образу жизни, того требуют вновь сложившиеся обстоятельства и борьба за существование. Процесс оседания совершится не вдруг, а постепенно, и проследить первые его шаги среди наших киргизов представляет интерес большой важности...

Как ни велики и ни сильны были страдания, перенесенные киргизами в зиму 1886 г., так что до сих пор они еще живо сохранились в их памяти, но все же последствия его не были так губельны и мучительны, как в зиму 1877–1878 гг., так как администрация наша успела прийти на помощь голодающим. За это десятилетие мы лучше успели ознакомиться с краем, с его горными проходами, трудно доступными в обыкновенное время и казавшимися непроходимыми в зимнее время. За это время были проложены кое-какие дороги или улучшены старые пути сообщения, почему связь и сношения между населением и администрацией не прерывалась уже ни в какое время, а следовательно, голодающие кочевники не очутились в изолированном и замкнутом положении, как то было с ними в подобных случаях прежде и, в частности, в зиму 1877–1878 гг. Пожертвованный и частью купленный хлеб, хотя с большим трудом и усилиями, но был доставлен бедствующим и страждущим туземцам, и этот хлеб многих и многих киргизов спас от неминуемой голодной смерти и внес луч радости и света в истерзанную и измученную их душу, *но к глубокому прискорбию приходится отметить факт, что в числе пожертвованного хлеба не было крохи от соседа — русского крестьянина.* А теперь возвратимся ко вновь пришедшим к нам дунганам.

ХIII

В первое время по прибытии дунгане были поселены за селением Малый Токмак, в 1½–2 верстах от него на юго-запад, где были выставлены для них юрты в количестве 80–90 штук, а может быть, несколько больше или меньше, точно сказать не могу. В каждой юрте, смотря по ее величине, было размещено по три-четыре семейства, но так как выставленных юрт всё же было недостаточно для всего числа прибывших дунган, да и означенному числу семейств все же помещаться было слишком тесно, то некоторые дунгане построили себе шалаши из камыша, а некоторые устроили землянки в стенах пролежавшего здесь глубокого оврага. В 1885 г., исследуя окрестности Токмака в археологическом отношении, я встретил еще несколько этих землянок с остатками в них золы и пепла. Все эти

землянки я нашел значительно обвалившимися и разрушившимися от времени, но, судя по их высоте, какая сохранилась, они скорее были похожи на звериные норы, нежели на человеческое жилье. На вопрос мой, что это за норы (я их так и принял), проводник мой ответил: эти норы служили жилищем дунганам в первое время по их прибытии. Еще раз только оставалось подивиться выносливости, до какой степени она может доходить... как только, думал я, эти дунгане остались живы, проведя около трех зимних месяцев в таких первобытных жилищах, в которых удобно жить только волкам и лисицам, а не людям, но вспомнил, что дунгане и такими удобствами не всегда пользовались во время своей борьбы с китайцами, а также когда бежали в Россию из Кашгара. Тут же недалеко от этого рва проводник указал мне кладбище, где были похоронены умершие за это время дунгане; кладбище это было, конечно, временным, как и самые их жилища. Принимая во внимание крайне неблагоприятные условия, в которых находились дунгане, предшествовавшие истощающие и изнуряющие влияния, а также и значительную численность дунган, могил было немного, всего я насчитал 22–24 могилы, но так как это кладбище было не огорожено и теперь продолжает оставаться в таком же положении, то некоторые могилы и тогда уже были мало заметны, а в настоящее время большинство их уже совсем сгладилось, частью от времени, частью же от других причин. В заключение всей этой печальной эпопеи справедливость требует сказать, что, несмотря на то, что дунгане терпели крайнюю нужду, переносили и испытывали всевозможные лишения и недостатки, они за все это время не совершали никаких преступлений, не было ни одного случая даже самого мелкого воровства. Об этом мне не раз говорили сами же токмакские крестьяне, которые с самого начала прихода дунган отнеслись к ним недружелюбно, и в настоящее время сильно их недолюбливают и все так же продолжают относиться к ним недоброжелательно, о чем речь будет после.

Наступившей весной новым пришельцам отведена была земля около невысоких предгорий Заилийского Алатау на южной его стороне, по правую сторону р. Чу в семи-восьми верстах от селения Большой Токмак и как раз против него, на земле, принадлежащей киргизам Верненского уезда. Первоначально, как мне передавали, была мысль поселить дунган несколько выше старинной башни Бурана, находящейся на юг от Токмака в 10–12 верстах, т.е. приблизительно на том самом месте, где впоследствии мной открыто было древнее несторианское кладбище, и случись это, открытие существования христианства в Средней Азии, по всей вероятности, произошло бы несколькими годами ранее. Но дунгане, осмотрев предназначенную для них местность, нашли ее для себя неудобной вследствие отсутствия речек и достаточного количества воды, да и по другим причинам это место им не понравилось, в чем они как опытные земледельцы и не ошиблись. Мнение, высказанное ими, было уважено нашим начальством, и, согласно их желанию, дунгане были поселены на указанном выше месте. Устроенный ныне поселок, населенный исключительно этими дунганями, расположен вдоль те-

чения горной речки Каракуруз, впадающей в р. Чу, по имени которой поселок этот и носит самое название, т.е. Каракуруз, что в переводе значит «черный жук». Здесь же им поблизости отведена земля под хлебопашество и другие угодья. Небольшая часть этих дунган поселилась в Токмаке и Пишпекке. Для устройства двух больших дунганских селений в Пишпекском и Пржевальском уездах²⁵ было отпущено из казны около 56 тысяч, по 28 тысяч на каждое селение. Деньги эти были розданы дунганам на покупку скота, земледельческих орудий и других сельскохозяйственных инструментов, на постройку домов, а также на приобретение семян для посева, часть семян на посевы дали и киргизы.

Дружно и энергично наступившей весной принялись дунгане за работу, они посеяли много хлеба, как то: пшеницы, кукурузы и т.п., после чего начали себе строить домики в чисто китайском вкусе, разводили сады и огороды, и к концу лета у всех были дома и усадьбы, обнесенные глиняными заборами. Предводитель их Биянху служил примером и здесь для своих единоверцев: он усиленно работал в поле и дома, усердно ходил и за плугом и также старательно копался в огороде, одним словом все как мелочные работы, так и более крупные и важные он исполнял сам, как и всякий простой дунганин; пример его поощрял других. В первые годы на Биянху возложено было управление и приведенными им дунганам; он разбирал все их споры и тяжбы, нередко возникавшие между ними, но власть его была ограничена, ему, между прочим, воспрещено было рубить дунганам головы, хотя бы как кто ни провинился из его единоверцев, что он, будто бы, и хотел применить в одном случае, как мне передавали.

С недавнего времени дунгане, поселившиеся в Пишпекке, пожелали приписаться в мещане, в чем им и не было отказано, и, наравне с прочими мещанами, они несут все повинности, в том числе с 1890 г. они стали отбывать воинскую повинность. Покойный Н.М. Пржевальский не ошибся, сказав, что из дунган выйдут «добрые и лихие солдаты», действительно принятые нами на службу, дунгане учатся весьма охотно, с большим усердием и старанием они исполняют все обязанности и ни в каких проступках, насколько мне известно, пока не были замечены. Совершенное незнание русского языка для поступивших на военную службу, правда, представляет в первое время большое неудобство, и усваивание его для них довольно трудно, но молодые дунгане, поступившие на службу, скоро справляются и с этим неудобством.

Заканчивая описание первых шагов жизни дунган в новом их отечестве, мы во имя справедливости должны добром помянуть деятельность двух людей, положивших много трудов и не жалевших своих сил и здоровья, чтобы облегчить страдания множества тяжких больных дунган. Люди эти, оказавшие им столь

---

²⁵ Дунгане, живущие ныне в Пржевальском уезде, пришли одновременно с дунганам, живущими в Каракурузе. Но из Кашгара, удобства ради, шли они другою дорогою и прошли в Пржевальск через перевал Бедель. — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

большие услуги, были: тогдашний токмакский уездный врач Адам Викентьевич Пржегодский и помощник его, ныне уже умерший, фельдшер Василий Михайлович Фрунзе. Доктору Пржегодскому одному со своим помощником выпало на долю вынести на своих плечах всю тяжесть громадного труда по уходу за тяжело-больными дунганами. Более сотни больших операций, не считая малых, пришлось сделать ему одному при крайне неблагоприятных условиях и почти при невозможной обстановке; к тому же он располагал при том ничтожными вспомогательными средствами. И одиноко стоявший врач, вдали, как говорится, от света и людей, всю свою долгую службу прошедший в степи, вооруженный только знанием и горячей любовью к ближнему, кто бы и откуда он ни был, вышел с честью и славой из трудного положения, какое послала ему судьба. Первым пришел он со своим помощником на помощь несчастным и как настоящий солдат последним оставил поле сражения, оставил только тогда, когда все сделал. Честь ему и слава! Истинный героизм духа проявляется в систематическом труде на благо ближнего, требующем неусыпного внимания и согретом нежной заботливостью. Как и всякий чисто мирный труд, не рекламируемый трескучими фразами, труд этот, конечно, не был оценен по достоинству, да признаться, никто и не помышлял о его оценке. Помощник его, покойный Василий Михайлович Фрунзе, несмотря на свое скромное служебное положение, был человек всегда отзывчивый к нуждам ближнего и всегда во всякое время шел на помощь и помогал как умел и как мог словом и делом, он оставил по себе добрую память среди крестьян и киргизов. По своему природному уму и знаниям В.М. Фрунзе стоял выше многих из окружающих его и занимавших более высокое, чем он, общественное и служебное положение. Благодаря своему трудолюбию и занятию хозяйством он достиг было некоторой обеспеченности, так что мог дать детям своим, для которых он жил и трудился, образование в гимназии. Но времена и люди переменяются. Злоба и слепая ненависть его постигли... прежние друзья и приятели, раньше заискивавшие в нем, а теперь дослужившиеся всякими правдами и неправдами до титулярного и даже до надворного, отвернулись и понесли всякую небылицу и нелепость на человека, что отразилось на его службе, другие же просто начали вторить в унисон более сильным... Доведенный до отчаяния, оскорбленный и гонимый, он должен был бежать из того общества, которому так долго служил и отдал лучшие годы своей жизни, и нажитое кропотливым и тяжелым трудом его имущество все пошло прахом. Разбитый нравственно и разоренный материально, переживая страшные душевные муки, он умер одиноким вдали от родных и немногих добрых знакомых. Да будет же ему земля легкой! Во всяком случае, как имя доктора Адама Викентьевича Пржегодского, так и его помощника Василия Михайловича Фрунзе заслуживают нашей полной признательности, и имена их, как деятелей, много потрудившихся и поработавших на благо и пользу местного общества, в том числе и для только что прибывших в таком

критическом положении новых наших подданных, дунган, должны быть записаны на страницах местной летописи крупными буквами, несмотря на скромное служебное положение последнего.

Труд живой, производительный, ничем не нарушаемый и непрерываемый есть залог всякого успеха и благоденствия как отдельного человека, так и всей страны. В первый же год это сбылось и на только что пришедших к нам дунганах. К осени на указанном выше месте, которое так еще недавно было пустынным и безжизненным, вполне сформировался и сложился поселок в чисто китайском вкусе. Здесь уже кипела жизнь, полная довольства и счастья. Вдоль улиц, обсаженных молодыми деревьями, весело и беззаботно бегали дети, предаваясь незамысловатым своим играм; старики спокойно и бодро смотрели в будущее, и все, кто мог, молодые и взрослые, дружно работали, и страшное тяжелое прошлое, пережитое ими в течение многих лет, стало все дальше и дальше уходить из их памяти, при воспоминании о котором и сравнении с настоящим положением вырывался из груди их вздох облегчения, и луч светлой надежды и полного спокойствия с каждым днем глубже проникал и заполнял их сердца; счастливая и довольная улыбка озаряла лица всех, глаза светились неподдельной радостью, и они еще энергичнее и дружнее принимались за свой повседневный, живой и производительный труд.

XIV

Годы тяжких испытаний и лишений прошли как для этих дунган, добровольно принявших подданство России, так и для остальных народов Средней Азии, недавно еще вошедших в состав великого Русского государства, и для всех них настала пора новой и счастливой жизни! Наступило, наконец, и для этих народов время спокойного и мирного существования, при котором единственно только и возможно дальнейшее развитие и совершенствование духовных сил и способностей как отдельного человека, так и целого народа. С течением времени забудутся ими гнет и насилия их деспотических правителей, тяготевших над ними в течение длинного ряда веков и доведших их до полной потери личного самосознания. Надо думать, что при новых условиях жизни ослабнет также слепой и узкий фанатизм исповедуемой ими мусульманской религии с ее деспотическим учением о предопределении, окончательно парализовавшим их ум и волю и тем убившим в них всякую самостоятельность духа и творческой мысли. Пройдет, конечно, немало времени, чтобы совершился этот перелом в их духовной и нравственной жизни, но мы верим, что при благоприятных условиях жизни, созданных Россией для приобщенных ей народов Средней Азии, духовные силы и способности этих народов широко и блестяще разовьются, и они также примут деятельное участие в культурной работе совместно с другими цивилизованными народами, гораздо ранее их вступившими на путь прогресса и цивилизации, и наста-

нет время, что эти, теперь жалкие, забытые и запуганные народы внесут долю своего оригинального ума и своей самобытной мысли в общую сокровищницу человеческих знаний на благо всех и займут также почетное место наравне с другими народами, достигшими уже ныне высокой степени цивилизации и культуры. Встречаются и теперь среди них отдельные личности, работающие с честью и славой на поприще научном и административном, при нормальных же условиях подобные явления должны повторяться все чаще и чаще, а это поведет к обоюдной только выгоде, к большему взаимному доверию и пользе общему делу — в смысле духовного развития и материального благосостояния каждой из сторон. И вековые среднеазиатские степи и пустыни оживут и процветают цветущими городами и селениями, и там, где прежде широкой волной беспричинно проливалась человеческая кровь, здесь будут дружно трудиться и работать люди, без различия их звания и народности, кто к которой принадлежит, но воодушевленные чистою любовью к правде и к ближнему и вооруженные лишь одними мирными научными средствами и пособиями, все сойдутся во взаимном братском доверии друг к другу... Но это дело отдаленного будущего... А мы в настоящее время по мере наших слабых сил и средств должны содействовать к достижению и к скорейшему осуществлению такой цели.

А теперь скажем, что принятые нами дунгане оказались людьми замечательно трудолюбивыми и честными, благодаря столь дорогим своим качествам в новом своем отечестве в короткое время, говорим это несколько не преувеличивая, они достигли блестящего материального благосостояния. Все они без исключения в настоящее время вполне зажиточные люди, ни в чем не терпящие нужды, но много между ними есть и богатых. Подчеркиваем следующий факт, что, несмотря на малую численность переселившихся к нам дунган сравнительно с численностью коренного туземного населения и пришлого русского люда, они уже с самого начала, по своем прибытии, оказали заметное влияние и притом в лучшую сторону на экономическую жизнь обширного здешнего края. Благодаря этим дунганам в казне ежегодно остается не один десяток тысяч рублей, так как с приходом их всякого рода перевозка и доставка тяжестей и кладей сделалась весьма и весьма дешевле, и притом доставка всех кладей стала происходить гораздо скорее и быстрее, что имеет, конечно, большое значение.

Дунганин не знает усталости, он едет день и ночь; времени для отдыха ему потребно лишь столько, сколько нужно для того, чтобы выкормить лошадей; раз выкорм лошади окончился, в какое бы время дня и ночи это ни случилось, и он едет далее. Все свои работы дунгане исключительно производят при помощи лошадей, за которыми они большие мастера ухаживать и умеют их отлично выращивать. Из слабосильной и малорослой киргизской лошади дунгане путем тщательного и разумного ухода и кормления добились получать крепкую, сильную и рослую лошадь, способную перевозить на далекое расстояние большие тяжести, и дунгане ценят поэтому своих лошадей очень дорого.

Кроме того, с их приходом значительно понизились цены на все жизненные продукты и припасы начиная с продуктов первой необходимости и кончая даже предметами роскоши. Они в обилии разводят все огородные овощи, как то: лук, картофель, редиску и проч[ее] и проч[ее]. Посевом хлеба дунгане также занимаются в широких размерах. Работы на всякого рода мастерства также упали в цене — дунгане отличные кузнецы, слесари и знающие плотники. Но помимо всего этого громадная заслуга за ними та, что они ввели в крае новую, дотоле неизвестную, отрасль сельского хозяйства, а именно: разведение риса, посевами которого с каждым годом дунгане занимаются все в больших и больших размерах. Рис, ими возделываемый, оказался прекрасного качества, и увеличивающийся ежегодно сбыт его идет далеко за пределы области. Но самое дорогое и главное качество, которым обладают дунгане, это то, что они всякого рода поручения и обязательства выполняют честно и строго аккуратно; на слово, данное дунганином, можно положиться вполне, не делая никаких формальных договоров и условий, так по крайней мере было в первые годы по их приходе. За что берутся дунгане, можно быть вполне уверенным и спокойным, что они все сделают аккуратно и добросовестно, но, в свою очередь, и от других они требуют того же самого, и поэтому ничего своего, даже самого малейшего, дунгане никому и ни в чем не уступят. Теперь начали доходить до меня слухи, что дунгане стали попадаться в разных неблагоприятных проступках, будто бы в мошенничестве и воровстве. В первые 10–14 лет за ними ничего подобного не водилось, это нам говорили многое множество раз те, которые постоянно и близко жили около них и имели с ними частые сношения. Честностью и добросовестностью дунган они не могли нахвалиться, но если это так, как теперь говорят, то бесспорно, это — печальное явление, и такое деморализующее влияние, не обинуясь, приходится приписать окружающему населению — киргизам, сартам и русским, дунгане ведь очень мстительны. По нашим расспросам как в окружном суде, так и у уездных судей, дел дунганских, имеющих уголовный характер, или таких дел, в которых дунгане были бы вообще замешаны, очень и очень мало, а раньше их совсем не было.

Отрицательные черты их характера следующие: они раздражительны, запальчивы, злы и мстительны, но они честны, и случаев воровства как у посторонних, так и между собой не бывает; если же и встречаются иногда, то это скорее вызывается с их стороны желанием или жаждой отомстить. Уходя из дома, все запоры дунган ограничиваются лишь тем, что они на двери дома накидывают закладку, в которую иногда вкладывают деревянную палочку, но большинство ограничивается тем, что притворяют ворота своего двора, и этого вполне достаточно. Заперев таким образом свое имущество, каждый уходящий вполне уверен и спокоен, что никто, даже самый близкий сосед, не посмеет войти в дом и взять что-либо. Как хотите, а это — простота еще библейская. Если же по истечении 20–24 лет

нравы и характер дунган несколько испортились, то в этом виноваты другие, и об этом приходится только от души пожалеть. В жизни же своей дунгане в высшей степени воздержны, нетребовательны, довольствуются и ограничиваются лишь самым малым и необходимым; роскошь им неизвестна. Даже очень богатые люди по своему образу жизни ничем не отличаются от всех остальных.

Не раз уже нами упоминавшийся ранее знаменитый проф[ессор] и академик Василий Павлович Васильев так писал по поводу этих самых дунган: «От дунган мы должны ожидать большей пользы для государства, чем от таранчей, и в культурном отношении таких подданных, как таранчи, у нас множество, обитатели всего Туркестана не разнятся от них как в складе мыслей, так и в приемах практической жизни. Дунгане внесут с собой культуру китайской жизни. Хотя, конечно, к нам перешел более народ, державший дотоле в руках оружие, но ведь в Китае солдаты не были прежде обременены военной службой, они и на караул ходили с трубочкой да с материалами своего ремесла. Наши дунгане, сколько известно, принялись у нас уже за хлебопашество, зарабатывают у нас хлеб мастерствами. Мы знаем, что китайцы не только превосходные земледельцы, садовники, огородники, но и отличаются в ремеслах: они выделывают превосходный кирпич, отличные гончары, способны ко всем ремеслам, следовательно, *дунгане будут очень полезны для культуры края* (курсив наш. — Ф.В. Поярков), который недавно еще стал разрабатываться и из кочевьев и дебрей превращаться в населенную местность»²⁶. Слова проф. Васильева, как мы выше видели, вполне оправдались относительно значения дунган для культуры края, и к только что сказанному этим ученым мы добавим, что край этот из кочевьев и дебрей стал превращаться не только в населенную, но вместе с тем и культурную местность. Правда, процесс этот совершается медленно, и даже с трудом, но все же он происходит и идет вперед; в этом уже заключается прочный залог для дальнейшего развития и благосостояния края и его обитателей, как коренных, так и пришлых. «Для достижения высшего развития человечество ведет трудную, мучительную и медленную борьбу, — говорил недавно умерший проф. Э.Ю. Петри, — но борьба эта бесплодна, и просветительные идеи, составляющие наше лучшее достояние, называемое нами гуманностью, растут вместе с самим человечеством и распространяются все далее и могущественнее»²⁷.

Этим я пока и закончу настоящую статью. Печальны и прискорбны сообщаемые факты, но что же делать, мне передавать их также было тяжело и больно, но правда и справедливость — прежде всего. Таковы были первые шаги вступления

---

²⁶ «Китайцы, новые подданные России», В.П. Васильева, «Восточное обозрение» 1884 г., № 2. — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

²⁷ «Причины вымирания народов низшей культуры» проф. Э.Ю. Петри. Статья эта появилась сперва в немецком журнале *Globus*, а после переведена была в «Восточн[ом] обозрении». — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

дунган в пределы России и тот прием, который они встретили со стороны господствующего здесь русского населения.

Я сказал, что дунгане достигли в короткое время у нас блестящего материального благосостояния благодаря своему замечательному трудолюбию и своей честности, но это благосостояние еще не дает, как известно, душевного спокойствия, оно не может еще служить мерилom нравственного и духовного их благоденствия. Как нельзя более наглядно это подтвердилось и на дунганах. Вскоре между ними самими пошли большие распри, крупные раздоры и несогласия, часто оканчивающиеся драками, а иногда даже и убийством кого-либо. Весь поселок Каракунуз разделился на две сильно враждующие между собой партии, из коих одна партия называется якши, а другая — яман. Много стоило трудов и хлопот, чтобы примирить между собой эти партии, но все усилия и старания нашей администрации не привели ни к каким результатам. И вот уже не менее 20 лет, как идет эта вражда и ненависть между самими каракунузскими дунганами, теми самыми дунганами, которые когда-то дружно и энергично боролись против общего злейшего своего врага — китайцев. Что же за причина такой жестокой и непримиримой злобы и ненависти этих дунган между собою? Но об этом до другого раза, так как и без того наша статья вышла очень длинная.

А.П. Хорошхин

Очерки Семиречья [фрагмент]*

Александр Павлович Хорошхин (1841–1875) — подполковник, из казаков Уральского казачьего войска, участник российских военных действий в Центральной Азии. Автор многочисленных работ по топографии, этнографии и статистике Туркестанского края. Воспитывался и изучал киргизский и калмыцкий языки в Азиатском отделении Оренбургского кадетского корпуса. В 1865 г. по собственному желанию был направлен в Туркестанский край. Принял участие в Бухарской экспедиции 1868 г. Выполнял в Туркестанском крае важные и ответственные поручения по разведке. Собрал и опубликовал богатый этнографический и статистический материал. Погиб в ходе Кокандской военной экспедиции 1875–1876 гг. в сражении под Махрамом — крепостью на р. Сыр-Дарья между Кокандом и Ходжентом**.

---

* Здесь публикуется фрагмент из статьи «Очерки Семиречья». См.: *Хорошхин А.П.* Очерки Семиречья // *Хорошхин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, с. 324–326.

** Использована литература: Русский биографический словарь. [Т. XXI]. СПб., 1901, с. 214; Военная энциклопедия: [В 18 т.] / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915; *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: библиографический словарь. М., 2005, с. 254–255.

Другая коренная народность г. Кульджи и ее окрестностей суть *дунгане*, или *тунгани*, как их называют туземцы. Трудно в точности определить происхождение этого народа, исповедывающего ислам и говорящего китайским языком. В народе есть предание, что когда-то один из могущественных владетелей Бухары, Самарканда и Ташкента (чуть ли не сам Тимур Хромой¹) был приглашен в гости царствовавшим в ту пору в Китае богдыханом. Как подобает владыке, он отправился с визитом в сопровождении целой армии прислужников. Хлебосольство и радушие китайского повелителя простерлись до того, что он каждому мусульманину подарил невольницу. Погостив у богдыхана, татарский владыка вернулся восвояси, но почти вся огромная свита его каким-то необычайным образом, должно быть, очарованная прелестями китайянок, осталась в Китае. Прошло много лет, когда властитель Бухары вспомнил о своих остававшихся на чужбине подданных и написал богдыхану о высылке их на родину. Он просил прислать его народ, *находящийся* в Китае. Слово «находящийся» по узбек[ск]о-тюркски будет *турган*, и это слово китайцы будто бы приняли за имя собственное и, уважая слово грозного и сильного соседа, выслали народ *турган* на запад. Народ турган оставил восточные провинции Небесной империи, а в западных — все узбек[ск]о-тюркские соседи превратили кличку турган в *тунген* или *тунган*, а мы — в *дунган*. Это одно предание о происхождении дунган: в нем всё легендарно.

Другое [предание также] относится ко времени Тимура Хромого, который, покоров западные провинции Китая, оставил в них арабских проповедников ислама, успевших при помощи оружия превратить местное китайское население в истых мусульман. Дунгане мужественнее китайцев, но сохранили их физиономию, язык, одежду, многие житейские обряды и привычки, хотя все-таки отличаются от сынов Небесной империи суровостью жизни, чистотой нравов и храбростью. Кульджинские дунгане бреют головы, прикрывая их шапками и ермолками; урумчинские дунгане носят косы: и здесь, и там духовные носят чалмы. Женщины дунган, начиная с прически и до обуви, похожи на китайянок, только ног своих, подобно им, не уродуют. Дунгане, кроме г. Кульджи, занимают правый берег Или до г. Чинчагодзи; они оседлый и трудолюбивый народ и сеют много риса. Жилища дунган все из глины с плоскими кровлями, но бывают кровли и скатами на обе стороны, подобно тому, как это делают соседи дунган, *сибо*², на противоположном, левом берегу р. Или. Дунгане платят ту же посемейную подать, как и таранчи.

¹ Тимур Хромой (1336–1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель, эмир в 1370–1405 гг., основатель династии Тимуридов. Был ранен в одном из сражений и получил прозвище «Тимур Ленг» — «Тимур-хромец». Известен в Европе как Тамерлан.

² О сибо см. с. 79 в наст. изд.

И. Селицкий

Кульджинские
переселенцы
пограничной с Китаем
полосы.
Экономическо-
этнографические
очерки и бытовая жизнь
джаркентских таранчей
и дунган*
[фрагмент]

Селицкий И. (1875–1921?) — на военной службе с 1894 г., офицер с 1897 г. Полковник, инженер в вооруженных силах Юга России. Начальник Джаркентского участка (уезда) Семиреченской области**, член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

---

* *Селицкий И.* Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. Экономическо-этнографические очерки и бытовая жизнь жаркентских таранчей и дунган. Казань: Типография Императорского университета, 1906. 84 с. Предварительно опубликовано в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете». Т. XX. Вып. 6. 1904, с. 243–324. Здесь воспроизведена посвященная дунганам глава VI из этой публикации, с. 279–290.

** Семиреченская область учреждена в 1867 г. в составе российского Степного и затем Туркестанского генерал-губернаторства. Административный центр — г. Верный. Включала шесть уездов — Верненский, Копальский, Лепсинский, Пишпекский, Пржевальский и Джаркентский (Верный — совр. Алма-Ата, Алматы, столица Казахстана; Пишпек — совр. Бишкек, столица Киргизии; села Капал и Лепси, а также г. Жаркент находятся сейчас в Алматинской области Казахстана).

Глава VI

Приилийские дунгане, принадлежа[щие] также исключительно к переселенцам из Кульджинского района, как и таранчи, исповедуют мусульманскую религию; духовные книги у них употребляются на арабском и персидском языках, а моления совершаются на китайском языке. Других уклонений от таранчей в последовании исламу дунгане не имеют, а потому всё, относящееся к ежедневным намазам, праздничным торжествам, соблюдению постов и т.п., что сказано было в отношении о таранчах, распространяется и на дунган, тем более что джаркентские дунгане в религиозный культ свой не ввели никакой китайщины, хотя и сомневаются в таковой же целостности мусульманства у оставшихся в китайском ведении своих сородичей, подозревая последних в уклонении к распространяемому в среде китайских подданных идолопоклонству.

Все наказания, положенные по шариату за преступления против веры, у дунган приводит в исполнение «общественный начальник» (волостной управитель, аксакал и т.п.). Но и сами начальники несколько не изъяты от духовного суда и сопряженных с ним наказаний при малейшем нарушении не только строго религиозных, но и вообще нравственных понятий своего народа. В этом смысле известен такой факт, имевший место весной 1888 г.: по случаю свадьбы одного из весьма влиятельных и богатых таранчей, после обычных праздничных торжеств, дунганский волостной управитель устроил в честь новобрачного обед, на который приглашены были почетные лица и один престарелый, всеми уважаемый, дунганский казий (народный судья). Этот званый обед сопровождался разными увеселениями на китайский манер — музыкой, пением, плясками, в которых у китайцев преобладает эротический характер. Однако ж, легко увлекшись китайскими развлечениями и допустив их в обиход своей жизни, солидные дунгане противостоят преобладанию здесь скабрёзного элемента, и допустивший это волостной управитель был обвинен местными имамами в нарушении правил нравственности. Прегрешение свое сознал и сам обвиняемый, явившись к ахуну с повинной, но не избежавший наказания; ему, а равно участнику казию и дававшему представление дунганину было прописано ахуну в мечети по 39 ударов сквозь рубашку, нанесенных широкой кожаной плеткой (вроде обыкновенных мухобоек), называемой дарре и хранившей-

ся в мечети. Впрочем, за такое поругание должностных лиц сам ахун и его сторонники потерпели достаточное административное наказание, а дарре было изрублено на пороге квартиры собственноручно разгорячившимся крутым русским начальником, посетившим Джаркент вскоре после происшествия в мечети.

В духовной иерархии дунган на первом плане стоит *мударрис-ахун* и *имам*; последний обыкновенно обучает в школах и совершает общественные служения в мечетях по пятницам. Затем следуют *муфти-ахун* (помощник и временный заместитель главного духовного лица), *хатиб-ахун* (совершающий обрезание) и *муэдзин* (пономарь, словесно созывающий на молитву).

Дунганское духовенство выбирается самим обществом, убеждающимся в правоспособности кого-либо на известную должность как по полученному избираемыми образованию, так и из беседований с ними грамотных лиц из своей среды. Кончающим успешно курс в туземных школах общество дунган обыкновенно дарит праздничную нарядную одежду и тогда же обрекает подобного избранника заместителем в будущем первой свободной вакансии в духовной иерархии.

Дунгане и духовные лица образование свое получают от местных ученых мусульман и от своего главного ахуна.

Особого класса юродивых, дервишей и т.п. в дунганской среде нет, и даже обыкновенная нищенствующая братия встречается весьма редко, ибо все дунгане народ сравнительно зажиточный и очень трудолюбивый.

Никакого определенного содержания ныне лицам духовного звания от дунганского общества не полагается, но прежде, во время проживания в Кульдже и Суйдуне, старшему ахуну назначено было обществом содержание, а именно: 1 фунт чаю, 2 фунта сахару, 4 пуда рису, 4 пуда муки в месяц, по одному барану на 3 месяца и по 100 руб. в год деньгами. Теперь же духовенство получает только плату за обычные требоисправления: за венчание с бедных от 20 коп. до 1 рубля, а с остальных от 2 до 5 рублей, за похороны мужчины обыкновенно — халат и немного деньгами, а за погребения женщин — халат и что-нибудь из серебряных вещей, принадлежащих покойной (браслет, серьги и т.п.). Остальные сборы (ошур, зякет) практикуются как и у таранчей, но никаких особых сборников не существует, а даяния эти приносят сами правоверные, по усердию.

У джаркентских дунган существуют две общественные мечети, в коих совершается служение по пятницам, и семь домашних небольших молитвенных домов. Совершение *джума* признается обязательным только в городах и селениях, и правило это называется *уаджит*, а в открытой степи и ненаселенных местах достаточно совершать лишь обыкновенные намазы.

Большие мечети выстроены на общественный счет, и стоимость их простирается до 4000 рублей. Это обыкновенные сырцовые продолговатые здания, с зем-

ляными, приподнятыми по краям, на китайский манер, крышами и с большими круглыми окнами над входом, но без минаретов. Отапливает и освещает мечети само дунганское общество.

При двух главных мечетях находятся школы, а некоторые грамотные люди обучают и в своих домах. Обучение мальчиков начинается с 7–8-летнего возраста и может продолжаться до 20 лет, девочки же ходят в школу с 7 и не далее как до 10 лет. Тот и другой пол обучается в отдельных помещениях, но под руководством одного учителя. Обучение начинается с азбуки, потом изучают счет по буквам (*абджат*), далее *калиматун*, т.е. начатки веры, потом Алкоран и письменность. Способ преподавания — по отделениям, формируемым по времени поступления детей в школу. Определенного вознаграждения учителя (обыкновенно имамы) не получают, а перед поступлением в школу вносятся родителями небольшая плата, затем делаются подарки при переходе от изучения одного предмета к другому, перед праздниками, во время постов и т.п. Кроме имамов первоначальное обучение (до начатков веры) производит и *хатиб-ахун*, т.е. лицо, совершающее операцию обрезания.

Браки среди дунган не совершаются ранее 15-летнего возраста. Ни в какой степени родства браки не допускаются, и даже чужие семьи, но знакомые между собой хорошо и дружные, как родственные, не вступают в сватовство и браки. Для сватовства отец жениха выбирает своего лучшего друга, который обращается к одному из приятелей отца невесты и, по совещании с ним, отправляется к последнему. Переговорив предварительно со своей женой, отец невесты дает ответ и, если таковой в утвердительном смысле, то отец жениха выбирает еще четырех уполномоченных из духовенства и почетных лиц, которые составляют уже второе посольство к родителям невесты, отправляющееся с обычными подарками, а именно: 1 ф[унт] чаю, сахаром, изюмом и какими-либо гастрономическими блюдами из дунганской кухни. Подарки эти носят у дунган название *фейли* [菲禮]. После этого такими же подарками приветствуют и ближайших родственников со стороны невесты. Принесшие подарки сваты угощаются в доме невесты чаем, сладостями, ведут обыкновенную беседу, и затем сватовство считается совершенно оконченным.

Когда дунгане состояли в ведении китайцев, то, кроме имамов и ахунов, никто не имел права совершать браки; за отправление же этого обряда не принадлежащими к составу духовенства лицами на последних накладываемы были китайскими властями разного рода наказания. В настоящее же время у дунган не возбраняется совершать венчание вообще лицам грамотным и знающим установленные молитвы.

День венчания назначают по взаимному согласию, в этот день родители брачующихся и жених верхом, в сопровождении своих товарищей и сверстников, является в первый раз в дом невесты, где бывает обычное угощение, после ко-

тогого жених пред родителями невесты и всеми собравшимися родственниками ее делает общий поклон, а затем невесту с приданым отвозят в дунганской арбе в сопровождении родных и знакомых мужчин и женщин к жениху в отдельное помещение, назначаемое для постоянного жительства молодых. В это время жених садится в другой комнате, окруженный духовенством, своими провожатыми и родными и по окончании переговоров о магэре, ведущихся между родителями брачующихся также в особом помещении, совершается ахуном обычный *никах*, а потом присутствующим предлагается трапеза и посильное угощение.

Браки по согласию только родителей, связующих судьбу своих детей еще во время малолетства последних, бывают у дунган, но очень редко; взыскание же калыма и возникающие через это обязательства при разного рода случайностях совсем не практикуются, а потому у дунган неизвестна также и замена невесты другой ее сестрой или обязательный выход просватанной девушки за брата умершего до венчания жениха. Согласие на вступление в брак у жениха и невесты спрашивается родителями, и без этого согласия браки не допускаются, как не бывает браков и без согласия родителей — по одному только взаимному договору симпатизирующей друг другу пары. Духовенство решится совершить брак и без согласия родителей, если при обряде будут присутствовать в качестве свидетелей два человека из родственников или вообще людей солидных. После таких случаев духовенство убеждает родителей новобрачной четы санкционировать состоявшийся брак своим согласием, и если таковое последует, то жених надевает на отца невесты (дарит) халат, и недоразумения считаются оконченными.

Все расходы по свадьбе уплачивает жених, который перед совершением брака вносит и магэр (по-дунгански *кабин*): у богатых — от 10–50 *тиллей* (золотая монета в Кашгаре и Бухаре в 3–4 руб.), у бедных — до 20 рублей серебром. Если *кабин* полностью не будет приготовлен, то свадьба расстраивается; иных же поводов к такому исходу у дунган на практике не бывало.

В случае смерти жениха или невесты до совершения брака замужество с братом умершего или женитьба на сестре первой невесты не обязательны и могут состояться только по новому договору и согласию между родителями и с уплатой женихом нового *кабина*, который вносится по прибытии невесты в дом жениха.

Свадьба у дунган совершается наичаще осенью после уборки хлеба; до вступления в брак свиданий между женихом и невестой не допускается. День свадьбы назначается муллами. Наиболее счастливыми для этого днями недели признаются понедельник и четверг в том убеждении, что в эти именно дни Пророк и святые люди совершали свои великие дела и предпочитали отправляться в путь.

В день свадьбы в доме жениха и невесты собираются их родные и знакомые. При женихе группируется от 4–8 пар молодых людей, одетых в одинаковые костюмы, а один из них одевается точно так же, как и сам жених. Все эти провожаемые садятся верхом на одномастных лошадях и выезжают впереди жениха. Позади кортежа двигаются прочие участники брачной церемонии из родных и знакомых, численностью нередко до 100 человек. По приезде в дом невесты жениха представляют ее родителям, а затем подается угощенье, обыкновенно из 9 кушаний (*ши* [食]), после которого отец, мать или ближайшие родственники выносят на руках невесту и усаживают в дунганскую арбу; с невестой помещаются и провожатые (*шучинды*)¹ из двух близких женщин, а в следующей арбе едут от 8–10 женщин — родственницы и гости. В заключение поезда 2 человека несут приданое невесты, разложенное на особых столах, коих обыкновенно в процессе бывает от 30 до 40.

Тотчас по приезде в дом жениха окончательно разрешается вопрос о магэре: доверенный со стороны невесты (вакиль)² из ближайших ее родственников решает таковой с родителями или родственниками жениха. При договоре этом присутствует и жених, сидящий, обыкновенно, посередине комнаты. Затем совершается брак, подается угощение обычным мусульманским порядком, и брачное торжество, при котором не допускается ни песен, ни музыки, заканчивается.

При печальных случаях поятия нечестной девушки, если жених человек решительный и энергичный, то сейчас же дает развод, а слабохарактерный и смиренный втайне переносит свое несчастье, не оглашая его даже среди самых близких людей. По уверению дунган, при китайском владычестве подобные случаи неудачной женитьбы бывали нередко, а теперь их совсем не встречаются.

По окончании брачного торжества в доме жениха остаются две женщины-свидетельницы, имеющие совершенно не такое назначение, как у таранчей, а женщины эти просто наблюдают, чтобы жених не имел свидания с невестой до заката солнца, и на другое утро женщины эти расходятся по домам, нисколько не распространяя своей наблюдательности на первую ночь новобрачных.

В дунганской семье главою считается самое старшее по летам мужское лицо. Но если, например, у престарелых родителей, отказавшихся от хозяйства, есть несколько сыновей, то главой семьи из них считается не старший по возрасту, а тот, который во мнении родителей лучшего поведения и более способен вести самостоятельное хозяйство. Дети безусловно повинуются родителям и обязаны

---

¹ По-видимому, *шоуциндэ* 手輕的, букв. «тот, кто делает легко», дунг. шу¹чин¹ди¹ «женщина-шафер у невесты» (обычно пожилая).

² Араб. «адвокат, доверенный».

кормить престарелых из них. Также и жена должна находиться в постоянном подчинении своему мужу, а при дурном обращении с нею последнего может заявить жалобу казиям, которые пишут постановление, руководствуясь, впрочем, положениями шариата, по указанию ахуна, и дают развод. При китайском владычестве дунганские казии в подобных случаях иногда налагали на виновного мужа наказание ударами числом от 39–78 или, в более важных случаях, передавали дело на усмотрение китайского начальства.

В каждой семье имущество считается нераздельным, а приданым своим жена может распорядиться не иначе как только с разрешения мужа.

Бездетные семьи усыновляют обыкновенно ближайших родственников, а иногда и посторонних сирот. Незаконнорожденных младенцев обыкновенно подкидывают к воротам мечетей, и потом уже их берут на воспитание добрые люди и большей частью тот, кто первый заметит подкидыша. Незаконнорожденными вообще считаются дети, происшедшие от незамужней женщины или рожденные вдовой после 10 месяцев со дня смерти мужа, а также родившиеся во время долговременной отлучки мужа. Отцы незаконнорожденных детей уклоняются от воспитания последних, боясь обнаружить свою вину и получить наказание по шариату, а обманутые девушки и прелюбодейные жены не предъявляют к соблазнителям, из стыда, никаких исков и усиливаются воспитывать детей исключительно на свои средства, если не решаются подкинуть их.

Для решения посемейных дел особого суда у дунган не существует, а обыкновенно тяжущиеся семьи обращаются к кому-либо из почитаемых и уважаемых людей, или к ахуну, или же к обычному суду казиев. Никакого срока на заявление жалоб по всякого рода делам не полагается.

Многоженство у дунган распространено менее, чем у прочих джаркентских туземцев, и огромное большинство из первых имеет по одной и уже никак не более двух жен. Женитьба на второй жене вызывается у дунган исключительно расширением хозяйства, иногда неплодием, но отнюдь не физической неудовлетворенностью и сладострастными вожделениями.

Женщины в семье занимают вполне подчиненное положение и при китайском владычестве могли показываться на улице не иначе как с закрытыми особым покрывалом (*лянзор* [臉罩兒]) лицами, а теперь только прикрываются слегка шелковыми платками. Нечестных девушек, по отзывам дунган, в современной среде их совсем не встречается, и все женщины вообще очень добродетельны.

Причинами развода (*шуля*) у дунган принимаются те же обстоятельства, что и у таранчей, и, кроме того, недоставление мужем средств к жизни своей семье; неплодие же не может служить основанием к разводу. При разводе дети остаются у отца, и если даже грудной ребенок перейдет по необходимости к мате-

ри, то по вскармлении грудью отец может отобрать его к себе. Если развод состоится по просьбе мужа, то жена забирает к себе все приданое и магэр, а если по ее просьбе, то получает только одно приданое. Развод может совершиться и без участия духовенства, по одному взаимному согласию супругов, ибо случаи такового у дунган вообще ни в какую книгу не заносятся. Разведенной жене муж обязан давать содержание в течение 3 месяцев и 10 дней (у таранчей *нафаки*, а по-дунгански *джауфи* [照稅]). После развода женщина снова может выйти замуж не ранее как после трехкратного месячного очищения, а мужчина может сейчас же жениться, если только у него была одна жена; в случае существования нескольких жен и развода с одной из них муж может заменить разведенную жену новой только по прошествии иддата. Импотенция мужа может служить причиной развода, но предварительного испытания при этом, как у таранчей, не производится.

После смерти мужа вдова вторично выходит замуж исключительно по своему желанию и магэр родственникам умершего ни в каком случае не возвращается; после смерти же жены все приданое остается в пользу овдовевшего.

После смерти главы семьи отец его получает $\frac{1}{6}$ часть, жены — по $\frac{1}{8}$, а затем все остающееся делится между детьми так же, как и у таранчей. Но если в числе наследников будут наравне с семейными неженатые и незамужние, то из остающейся (без шестой и $\frac{1}{8}$) части выделяются сперва расходы на женитьбу и приданое последним, а потом уже чистый остаток делится, как выше сказано. Если остающаяся вдова женщина благоразумная, энергичная и хорошая хозяйка, то имуществом малолетних управляет она, а в противном случае выбирается один из ближайших родственников умершего в качестве опекуна (джуто); буде же покойный еще при своей жизни изберет какое-либо лицо для исполнения обязанностей опекуна, то таковое носит у дунган название *васи*. Опекунами ведутся только домашние книги, и за отчетностью их следят другие ближайшие родственники; в случае недоразумений по опекунским делам таковые решаются судом казиев.

В большинстве случаев имущество после умершего делится у дунган согласно словесным или письменным распоряжениям самого умершего, а по указаниям шариата и в вышеописанном порядке очень редко. Завещания бывают наиболее словесные, а в случае недоверия к исполнению воли умирающего его наследниками пишутся на бумаге, подписываются свидетелями из ближайших родственников и соседей и отдаются на хранение старшей жене или ближайшему родственнику. Случаев завещаний имущества совершенно посторонним лицам у дунган никогда не бывало, а выморочное имущество поступает в пользу мечетей.

Разделы семей и воспитание сирот у дунган совершаются точно так же, как и у таранчей.

Обряд погребения, выбор кладбища, отношение к ним и проч. у дунган тождественны с таранчинскими со следующими только исключениями: после облития трупа духами его не завертывают в кошму, а кладут на хранящуюся в мечети моржовую кожу красного цвета, с ручками по бокам (род носилок, называемый *чиндан* [衾單]), а потом уже на особые деревянные носилки, с коих на могиле труп снимают и спускают в лячет на чиндане, потом последний выдергивают из-под трупа и возвращают в мечеть.

Траур носят мужчины и женщины — вроде белой малой чалмы из маты³ на голове и таковой же опояски. Белый цвет для траура у дунган заимствован несомненно у китайцев, и по этому поводу нельзя умолчать об одном курьезном случае, очевидцем которого мне пришлось быть в 1886 г. в пределах Китая.

Осенью того года состоялся в китайских пределах первый международный съезд для разбора дел с туземцами Семиреченской области. После водворения китайцев в Кульджинском районе несколько киргизских волостей, как известно, осталось там, а большая часть, входящая теперь в состав кочевого населения Джаркентского уезда, приняла русское подданство. На съезде должны были участвовать киргизы той и другой стороны, состоявшие прежде в близких между собой отношениях, жившие в одних волостях, но переселением 1882 г. разлученные между собой и с тех пор не видевшиеся. Понятно, что свидание между ними при открытии съезда было очень теплое, но тем не менее чванливые китайские киргизы озаботились явиться на съезд с возможной своеобразной помпой, чтобы пустить пыль в глаза отошедшим от них сородичам. И действительно, все они приехали на лучших лошадях, с хорошими седельными приборами и были одеты в заново приготовленные для съезда халаты и шапки; последние имели верхушки из белой материи и были украшены кистями и полосами из красных нитей. Но как были поражены эти франты, когда прибывшие на съезд китайские чиновники задали им энергичные, чуть ли не палочные внушения за употребление головного убора с траурными признаками, предугадывающими как бы печальное поражение на предстоящем съезде, тогда как сыны Небесной империи всегда и во всем рассчитывают только на победы...

Срок траура у дунган полагается тот же, что и у таранчей.

---

³ Мата — грубый холст местного производства (уйгурск.).

Дунганские купцы.
Илийский край, конец XIX в.

Семейный портрет.
Кульджа, конец XIX в.

Женщины в традиционных костюмах.
Кульджа, конец XIX в.

Портрет семьи.
Семиреченская обл., г. Пржевальск, конец XIX — начало XX в.

Ф.В. Поярков (в центре) в окружении дунган
(крайний слева — Чжэбура Мадзиван)

Групповой портрет (второй справа — В.И. Цибузгин).
Конец XIX — начало XX в.

Первые переселенцы-дунгане.
Начало XIX в.

Женщины в традиционных костюмах.
Семиреченская обл., г. Пржевальск, конец XIX — начало XX в.

Женщина в праздничном костюме.
Пишпек, конец XIX — начало XX в.

Женщины в праздничных костюмах.
Пишпек, конец XIX — начало XX в.

Женщина в повседневной одежде.
Пишпек (Фрунзе), первая треть XX в.

Портрет девочек в традиционных костюмах.
Киргизия, первая треть XX в.

Девочки на свадьбе в праздничной одежде.
Киргизия, первая треть XX в.

Группа детей.
Масанчи (Каракуруз), первая треть XX в.

Дунганский музыкальный ансамбль.
Киргизия, первая треть XX в.

За чаепитием.
Киргизия, первая треть XX в.

Деревенский дом.
Казахстан, первая треть XX в.

Постройки в дунганском селе.
Казахстан, первая треть XX в.

Дом дунганской семьи.
Пишпек (Фрунзе), первая треть XX в.

Во дворе.
Киргизия, первая треть XX в.

Дунганская мечеть.
Киргизия, с. Александровка, первая треть XX в.

Двор в дунганском селении

Подготовка полей для посева риса.
Масанчи (Каракуруз), первая треть XX в.

Починка катка на рисовом поле.
Масанчи (Каракуруз), первая треть XX в.

У общественного котла.
Масанчи (Каракунуз), первая треть XX в.

Обед колхозников.
Киргизия, первая треть XX в.

Крестьянские будни

Сказитель Хия Мафучин с детьми.
Киргизия, первая треть XX в.

Магазы Масанчи во главе батальона имени Коминтерна,
преобразованного в 1920 г. в Туркестанский дунганский кавалерийский полк

Митинг по поводу хлебозаготовок.
Масанчи (Каракуруз), первая треть XX в.

Ф.В. Поярков
Дунгане
селения Каракунуз
Пишпекского уезда
Семиреченской области:
этнографические очерки

Сватовство (*шемий*)¹

I

Живя в Китае, дунгане как мусульмане обыкновенно рано вступали в брак: сыновей своих родители женили на 16–17-м году, а дочерей выдавали замуж на 13–15-м году, но нередко и ранее этого возраста. Из моих многочисленных записей (около ста) видно, что, будучи в Китае, дунгане женили своих сыновей даже на 13-м году их жизни, а дочерей выдавали замуж на 12-м году. Случаи же более раннего вступления в брак в бытность их в Китае большинство дунган отрицает. С переходом их в русское подданство браки в столь раннем возрасте нашими властями были воспрещены дунганам, но в первые годы по их прибытии в Россию ранние браки между ними совершались нередко, особенно наблюдались часто случаи ранней выдачи замуж девушек. С одной стороны, это происходило потому, что за этим нельзя было уследить, а с другой — родители преднамеренно скрывали года своих детей, что было им делать легко, так как дунганские муллы не вели записей ни родившихся в Китае, ни здесь в первые годы по их прибытии,

---

¹ Печатается по: Ф.В. Поярков. Сватовство (*шемий*) // Дунгане селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области: этнографические очерки. Верный: Типография Семиреченского областного правления, 1907. 46 с. См. также: Ф.В. Поярков. Сватовство (ше-мий) у дунган // Этнографическое обозрение. 1903, № 2. С. 38–75. Опубликованные в настоящем сборнике очерки Ф.В. Пояркова, посвященные сватовству и свадьбе, а также воспроизведенные ниже материалы В.И. Цибузгина содержат самые ранние записи лексики и фольклора переселившихся в Россию дунган-хуэйцзу, сделанные в селе Каракунуз (с 1965 г. — село Масанчи в Кордайском районе Жамбылской области Казахстана). Как и жители села Шор-Тюбе (Сортюбе) того же района и соседнего города Токмак (Токмок) в Киргизии, дунгане Каракунуза (Масанчи) говорят на шэньсийском диалекте.

Шемий (*шэ^{1a}мый¹⁶*, 說媒 *shuōmēi*) — отражено произношение шэньсийского диалекта. Как в шэньсийском, так и в ганьсуйском диалекте [s] перед [u] переходит в [f], но в шэньсийском слове *шэ^{1a}* ‘говорить’ [u] отсутствует. Ср. 說 *фэ^{1a}* ‘говорить’, 說媒 *фэ^{1a}мый¹⁶* ‘сватать’ у ганьсуйских дунган. См.: Яниансин Ю. (сост.). Краткий дунганско-русский словарь / Калимов А., Сушанло М. (ред.). Фрунзе: Илим, 1968; Яниансин Ю. Токмакский диалект дунганского языка. Фрунзе: Илим, 1968.

да и наши власти не слишком вмешивались во внутреннюю жизнь дунган, находя это по многим причинам для себя неудобным: и без того нашей администрации вначале было очень много с ними дела, тем более что дунгане оказались людьми довольно беспокойными и непослушными. Между ними происходили ссоры и крупные пререкания, принимавшие нередко острый и бурный характер; ссоры оканчивались в большинстве случаев ожесточенными побоищами между противниками, часто пускавшими в ход ножи, следствием чего бывали тяжелые увечья, а нередко и смерть кого-либо с той и другой стороны. Разбор всех этих неурядиц и ссор, то и дело случавшихся между дунганями, отнимал много времени и сил у наших чиновников.

Но и помимо запрещения со стороны наших властей браки между прибывшими в пределы России дунганями в громадном большинстве случаев стали совершаться уже в более позднем возрасте. Произошло это, между прочим, во-первых, под влиянием киргизского обычая, скоро перенятого дунганями, как они и сами говорят, брать за невесту большой калым и, во-вторых, благодаря обнаружившемуся в самом начале недостатку в лицах женского пола. Последнее обстоятельство было одной из главных причин, способствовавших высокому поднятю калыма.

Справедливость требует сказать, что не только дунгане, но и наши русские крестьяне переняли от киргизов обычай брать большой калым за невесту. Хотя дунгане, живя в Китае, также платили калым за невесту, но, как они сами говорят, платили калым самый небольшой. Каковы бы ни были эти причины, но неоспорим факт, что браки у них стали совершаться гораздо позднее, и сами свадьбы, по словам дунган, с переходом их в русское подданство стали им обходиться гораздо дороже, нежели в Китае. Для того чтобы сделать свадьбу, приходится затратить чуть ли не целое, хотя и маленькое, состояние. Так, самая бедная свадьба обходится не менее 150–200 рублей, а свадьба средней руки стоит не менее 300 рублей. Деньги же на свадьбу надобно заработать и припасти особо, что-либо продавать из имущества для этой цели у дунган не принято, это считается у них неудобным: соседи и знакомые будут смеяться и острить, да, пожалуй, и ту невесту, которую желают взять, не отдадут, скажут: «Собирается брать жену, а в доме ничего нет; задумал жениться, а жену кормить нечем». Но главное, будут обвинять в недововитости, в легкомысленном отношении к такому важному делу, как женитьба, а этого дунгане особенно боятся: это значит потерять уважение, кредит во мнении своих односельчан. Все это вместе взятое заставляет дунганина немало потрудиться, чтобы скопить для свадьбы 200–300 рублей. При всем громадном трудолюбии и бережливости дунган, при их замечательно воздержанной, нетребовательной жизни такая сумма ими нескоро накапливается для свадьбы.

Лично мы знаем не один случай, когда дунганин средней зажиточности употреблял около трех лет тяжелого и упорного труда, чтобы скопить необходимую

сумму для этой цели, бедняки же употребляли не менее четырех-пяти лет. Вот почему в настоящее время дунгане женятся довольно поздно. Встречается немало случаев вступления в брак на 25–30-м годах. Благодаря этим чисто экономическим условиям многие женятся и в более позднем возрасте, а бедняки обречены на невозможность совсем жениться или же в крайнем случае женятся на киргизках, женитьба на которых обходится гораздо дешевле. Но таких случаев все же немного, так как дунганин кропотливым и настойчивым трудом и бережливостью скопит необходимую сумму для своей женитьбы.

Вследствие этой же причины некоторые из дунган, с большим риском для себя, в первые годы ездили в Китай, чтобы там жениться на своих единовеках, для чего брали от русских властей билет на беспрепятственный туда проезд, для чего выставляли обыкновенно тот предлог, что им нужно привести оставленную там жену или престарелых отца и мать, которые по дряхлости и слабости сил не могли пойти одновременно с ними, а некоторые из дунган для этой же цели уходили в Китай тайно и, женившись там, возвращались обратно в Россию.

Задумав тайно бежать в Китай, такой дунганин, по возможности секретно не только от русских властей, но и от своих односельчан (чтобы последние не выдали и не обнаружили его), отращивал себе длинную косу². Это делалось ими для того, чтобы в китайских пределах при случае выдать себя или за чистокровного китайца или хотя и за дунганина, но за китайского подданного и таким образом не поплатиться жизнью за свой переход в Россию. Но, как говорят дунгане, некоторым из этих смельчаков не удалось обратно возвратиться в их новое отечество, они на месте своей прежней родины были узнаны китайскими властями и казнены. Но многим не удавался побег с самого начала потому, что они сами случайно с длинными волосами попадались низшим полицейским русским властям — а отращивать волосы дунганам строго было воспрещено по переходе их в Россию — или же таких нередко выдавали свои же односельчане, облеченные властью десятника или полицейского, — тогда им без церемоний и моментально обрезали косы. Жаловаться они не могли, да и не смели, а потому и должны были покоряться своей участи. Но с каждым годом случаи отправления дунган в Китай с целью там жениться становились все реже и реже, и в настоящее время о них уже совсем не стало слышно. Да в настоящее время дунгане уже достигли значительного материального благосостояния, и теперь они имеют возможность устраивать свои свадьбы без столь долгих отсрочек, как то было в первые годы по их прибытии в Россию.

---

² После завоевания маньчжурами Китая власти новой династии Цин запретили китайцам носить традиционную китайскую мужскую прическу — распущенные длинные волосы и обязали местное население заплетать волосы в маньчжурскую косу.

II

Но как бы то ни было, раз позволяют обстоятельства и время устроить свадьбу, т.е. когда сыну исполнится не менее 16–18 лет и имеются наличные средства, то родители задумывают женить свое детище, для чего и подыскивают подходящую ему невесту. Задумав женить своего сына, мать долгое время высматривает таковую в своем селе; остановив же свой выбор на известной девице, она не сразу и не сейчас сообщает об этом своему мужу, а продолжает потихоньку и осторожно, чтобы не обнаружить и не выдать никому своей настоящей цели, собирать сведения о поведении намеченной девицы, об ее уме, характере, доброте, о том, хозяйка ли она, насколько она трудолюбива и распорядительна, припоминает ее детские годы, как она вела себя в детстве со своими сверстниками, как она держала себя с ними, какова была в играх, часто ли капризничала, ссорилась ли, сердилась ли часто, не раздражала ли своим поведением других и не подавала ли какого-либо повода жаловаться на нее другим посторонним и, в частности, соседям ее родителей.

Также крайне осторожно и старательно собирает она сведения о состоянии ее родителей, об их характере, поведении, об их трудолюбии и домовитости, припоминает всю их прошлую жизнь, и в ее уме проходят нередко случаи и происшествия, виновниками которых когда-то давным-давно были родители намеченной ею невесты, — события, происшествия, уже нередко забытые не только соседями или их близкими, но и самими их виновниками. Все это и многое другое дунганка-мать взвешивает и оценивает строго и втихомолку, стараясь по возможности никому не подать ни малейшего повода или подозрения в том, что она выбирает своему сыну невесту, дабы в случае какой-либо неудачи или отказа избавиться злых и неприятных насмешек от своих соседей и знакомых.

Дунганка-мать слишком дорожит своим детищем и как хозяйка дома она ревниво оберегает честь и достоинство своего домашнего очага. И когда все сведения, как добытые ею непосредственно, так и полученные путем осторожных расспросов от других, вполне удовлетворяют ее требованиям и соответствуют ее желаниям, тогда только она сообщает своему мужу о намеченной девице-невесте. Деловитость и серьезность отношений сказываются нередко и в менее важных интимных отношениях между супругами-дунганами, а особенно в таких важных случаях, как задуманная женитьба, они ведут себя серьезно, попусту не болтают, не судят посторонних и лишнего не говорят между собой, потому что хорошо знают, что, в свою очередь, и их также строго взвешивают, оценивают их соседи и все односельчане. Муж в таких важных случаях вполне полагается на выбор своей жены, так как убежден, что жена его все разузнала и все строго взвесила; ему же за постоянной работой и частыми отлучками из дому решительно некогда было бы заниматься этим, почему в выборе невесты для сына первое и главное место принадлежит у дунган матери его. Супруги, согласившись между собой

в выборе намеченной для своего сына невесты, в скором времени созывают по возможности всех своих родственников на семейный совет. Если с некоторыми из них они были до этого в ссоре, то на этот раз все неприятности, несогласия и раздоры забываются обеими сторонами ввиду важности предстоящего семейного дела.

III

В назначенный день приглашенные родственники все собираются. Пригласившие их первоначально объявляют о своем желании женить своего сына, потом уже объявляют и о намеченной ими невесте, причем объясняют все выгоды этого брака как для сына, так и для них самих. Затем они подробно описывают характер невесты, ее главным образом трудолюбие и хорошее поведение, упоминают и о красоте ее и о других физических достоинствах и т.д. Также сообщают о характере и поведении ее родителей, указывают на их зажиточность и домовитость, на их связи и их отношения к прочим односельчанам; поднимают и разбирают не только настоящую, но и прошлую жизнь родителей невесты.

Одним словом, на этом совете родственников родители жениха стараются не упустить ни одной самой мелкой черты, имеющей отношение к сватовству сына. Таким подробным сообщением добытых сведений родители стараются показать, что к предстоящей задаче они, как родители, насколько могли, отнеслись серьезно. Но, несмотря на это, все же они могли что-либо и упустить из виду и, быть может, упустили даже главное, между тем, со стороны им, приглашенным, лучше видно как все достоинства и выгоды предполагаемого брака, так и недостатки и невыгоды его, особенно последние, почему они и просят убедительно совета своих дорогих родственников, просят ничего от них не скрывать и не утаивать, если им что-либо еще известно как о намеченной невесте, так и об ее родных, чтобы потом никому не пришлось жалеть, чтобы не сделать несчастной ни одну из сторон, почему и пригласили их всех на семейный совет, и еще раз просят их ничего не скрывать и не утаивать, говорить только одну правду.

Молча и с серьезным видом родственники все выслушивают, и по окончании речи родителей они начинают тщательно взвешивать все выгодные и невыгодные стороны предполагаемого брака. Спокойное и хладнокровное вначале обсуждение этого вопроса в большинстве случаев далее начинает принимать возбужденный и нередко острый характер. Собравшиеся на совет по большей части разделяются на две партии: одни стоят за избранную невесту, а другие — против нее, в таких случаях дело доходит скоро до порядочного шума и взаимных ссор, правда незначительных. Женщинам, особенно уже пожилым, на этом семейном совете принадлежит видное место, они слишком горячо и близко принимают к сердцу это дело: кричат, спорят и жестикулируют до упаду, как будто дело шло об их собственной участи. Мужья по большей части скоро сдаются и соглашают-

ся с мнением своих жен, если же который не согласится с мнением своей супруги, то последняя нередко в пылу раздражения сообщает какой-либо эпизод из своей супружеской жизни, где выставит своего благоверного в смешном или глупом виде. Это только и нужно было: раздается дружный общий смех, и смущенный и посрамленный супруг принужден бывает окончательно замолчать, шутки и насмешки на него теперь сыплются в обилии со стороны собравшихся.

Дунганки умеют отстаивать свое мнение и особенно перед обществом и пользуются для этого всеми средствами и способами, в них нет и следа той забитости, запуганности и приниженности, какие наблюдаются у киргизок или сартянок. Разбившись на партии, мужья обсуждают и разбирают чисто практические, материальные выгоды и расчеты предполагаемого брака, а женщины же рассматривают его с другой стороны — насколько этот брак принесет счастье молодым людям и родителям их. После довольно продолжительного обсуждения, порядочного шума и нередко горячего спора и взаимных ссор или упреков, неизбежных у дунган, хотя бы и между родственниками, дело кончается сытным и вкусным обедом, после которого большинством голосов постановляется окончательное решение: искать ли другую невесту или же останавливаются на избранной.

В последнем случае родители жениха посылают в качестве свата к родителям невесты одного из присутствующих родственников, солидного и почетного по летам и более других пользующегося уважением и почетом как со стороны своих же родственников, так и со стороны односельчан. Сват этот (*мэйжень* [媒人]) приходит в дом невесты, где его как гостя или как явившегося по делу усаживают обыкновенно на почетное место (*шан* [上] — сверху) на кане. Должно сказать, что дунганин-хозяин никогда первый не предлагает пришедшему гостю таких вопросов, как: «зачем явился или пришел, что тебе надобно?», а обязательно дожидается, пока пришедший гость сам первый не объяснит цель своего прихода. Предложить хозяину подобные вопросы своему гостю, кто бы он ни был, считается крайне невежливым и неприличным. Всякий дунганин (будет ли то гость или сват), вошедши в дом, первым делом осведомляется о здоровье хозяина в таких выражениях *хаома* [好嗎] («здоров ли»), *чиле мо ю* [吃了没有] («ел ты или нет»), *сычин ду тинань* [事情都平安] («благополучны ли дела»), «здорова ли скотина» и т.д. Вопросы эти обязательны как для дунганина, так и для китайца, это безразлично, по какому бы случаю или делу они не пришли или не явились в дом хозяина. Таков уже издавна установившийся обычай, строго дунганями поддерживаемый. Хозяин дома, между тем, в это же время отдает приказание, чтобы был подан чай. И вот сват, покончив с обычными вопросами и получив на них соответственные ответы, без дальних разговоров, прямо приступает к цели своего посещения и сообщает, что в родственном ему семействе есть очень хороший молодой человек, которого пора женить. Молодой человек этот по наружности очень красив (*чжанди хао* [長得好]), скромн (*тимянь* [體面]), умен (*чжинбэй*),

прекрасный хлебопашец или хороший торговец (смотря по занятию жениха), грамотен, набожен, да и родители его люди состоятельные, добрые и т.д.

Одним словом, как и наша добрая сваха, сват дунганин не спукится на похвалы, а напротив, щедро таковые расточает по адресу пославших его, хотя бы хозяин дома и сам отлично знал всех тех лиц, о ком идет речь. Зная же, продолжает далее сват, что у вас есть дочка, которая добра, умна, трудолюбива и по хозяйству весьма опытна и сведуща, родители этого молодого человека послали меня к вам просить вас отдать дочь вашу за него как за вполне достойного молодого человека, с которым ваша дочь безусловно будет счастлива. И он снова принимается расхваливать все достоинства жениха и родителей его. Покончив эти многословные и красноречивые похвалы, всегда в таких случаях длинные и пространные, сват просит дать ему ответ.

Выслушав все это, родители невесты, девушки, или прямо отказывают, если считают предложение это для себя невыгодным, почему-либо неподходящим, или же, если это предложение для них лестно и выгодно, то просят свата обождать некоторое время, так как они, в свою очередь, несмотря на все слышанные ими от него похвалы о женихе и его родителях, которым они безусловно верят, сами желают собрать подробные сведения о молодом человеке и его родителях, делающих им и их дочери столь лестное предложение. Если же отказывают, то отказ свой выражают сейчас же. Отец невесты говорит приблизительно свату так: «Сват, возвратись домой! Дело это неподходящее (*мэйжень, ни хуйцзя! чжесэ сычин буциле* [媒人, 你回家! 這個事情不起來])). Или «Я знаю, что ты пришел с хорошим сердцем (желанием) и добрым намерением, но дитя наше еще слишком мало и юно (*вава сяо; ниди ю хаосинь лайле, на о чжидоале* [娃娃小。你的有好心來了, 那我知道了])). Сват извиняется за причиненное беспокойство, раскланивается и уходит. Если же предложение выгодно, то, не отказывая, отец невесты говорит: «Дочь наша, хотя еще и очень молода, выходить ей замуж еще слишком рано, почему мы и просим молодого человека и его родителей обождать некоторое время, мы же наведем между тем справки (*датин* [打聽]) о поведении жениха, о его характере, а также и о родителях его, их состоянии. Хотя мы знаем их давно и с хорошей стороны, но чтобы окончательно решить этот важный вопрос — выдать нашу дочь замуж или нет, мы посоветуемся еще как между собой, так и со всеми своими родственниками». В заключение отец невесты еще раз благодарит свата за лестное предложение, и, любезно друг с другом раскланявшись, последний уходит.

IV

Отец невесты после посещения свата непременно постарается несколько раз осмотреть жениха, хотя бы до этого он его и видел раньше множество раз и говорил с ним. Обыкновенно опытные и старые родители так стараются осмот-

реть жениха, чтобы последний совсем не заметил, что за ним наблюдают. Оценивается фигура жениха, его манера держаться и вести себя как со сверстниками, так и со старшими; при случае присматриваются к приемам его работы, насколько он ловок, опытен и силен, возраст его, конечно, при этом принимается в расчет. Производится так сказать, тайная негласная, но очень строгая и притом весьма разносторонняя оценка всех достоинств и недостатков жениха. Результаты своих наблюдений муж обязательно сообщает жене своей. Родители же жениха, зная, что сын их будет служить в это время предметом самого внимательного и тщательного наблюдения как со стороны родителей невесты, так и со стороны ее родных, внушают ему правила вежливости, приличия, правила, как держать себя, чтобы он сам и они через него не послужили бы впоследствии предметом насмешек и издевательств, если дело, начатое, по-видимому, удачно, почему-либо впоследствии расстроится. И действительно, за женихом, кто бы он ни был, наблюдают многие, а особенно этим занимается вся нередко многочисленная родня невесты как сторона весьма заинтересованная, чтобы и им не ошибиться и не дать промаха. Отец невесты может видеть жениха только мимоходом, на улице, но никак не в доме его родителей, в свою очередь, и жених, и его родители не могут прийти в дом невесты до следующего дня после свадьбы. Таков уже обычай, издавна установившийся и строго всеми соблюдаемый и поддерживаемый. В силу того же крепкого обычая отец невесты не должен и говорить со встретившимся ему на улице или на дороге женихом. Жених при встрече со своим будущим тестем, если он, жених, пеший, отойдя от него несколько шагов в сторону, должен почтительно приветствовать своего будущего тестя, сказать селям (приветствие): *ань сайляму эрлайкун*. Приветствие это, как известно, есть обычное как среди дунган, так и среди мусульман вообще. У дунган же, говорящих на китайском языке, эта форма приветствия употребляется в случаях официальных или торжественных, не допускающих равных или дружественных отношений, при встрече с муллою или ахуном, или же при встрече младших со старшими, во всех же обычных случаях дунгане пользуются чисто родным выражением, существующим на родном их китайском языке: *хао ма* «здоров ли», *чиле мо ю* «ел ты или нет».

Если же жених встретит своего будущего тестя на лошади верхом, то, не доезжая до него нескольких шагов, он должен сойти с лошади и, остановившись, сказать то же самое приветствие (*селям*), и когда повстречавшийся будущий тесть уже пройдет или проедет несколько шагов, тогда только жених может сесть снова на лошадь и продолжать свое путешествие далее. Впрочем, этот обычай так приветствовать, как говорят дунгане, входит вообще в круг приличий или обязанностей всех молодых людей при встрече со старшими по летам и по положению, занимаемому ими в обществе. Но насколько мы могли заметить, обычай этот уже не так строго соблюдается, как об этом заявляют и сами дунгане.

Обычай так приветствовать, т.е. сходить с лошади в знак почтения и уважения к встретившемуся на дороге старшему, есть обычай чисто китайский, вернее общеазиатский, ведущий свое начало со времени глубокой древности. Как известно, в Китае даже знакомые между собой крестьяне, торговцы, служащие и чиновники, одним словом, лица, равные по общественному между собой положению, при встрече друг с другом сходят с лошадей, и после вопросов о здоровье и благополучии один другого начинает упрашивать прежде него садиться на лошадь, чем желают выразить свое особенное почтение и уважение; дело доходит нередко до взаимных и долгих препирательств, но обыкновенно старший всегда садится прежде и отправляется далее своей дорожкой, а после него уже садится младший. При встрече же начальствующих лиц подчиненные их и частные лица тоже обыкновенно сходят с лошади и, учинив должное поклонение, садятся на лошадь только тогда, когда начальствующее лицо отъедет на порядочное расстояние. У наших дунган обычай этот соблюдается только молодыми людьми по отношению к старшим, да и то не так строго и аккуратно; старшие же при встрече между собой ограничиваются одним словесным приветствием на ходу, не слезая с лошади или телеги.

V

Спустя несколько дней, но не более 10, что требуется опять-таки установившимся обычаем, родители жениха снова посылают того же свата, на этот раз уже не одного, а в сопровождении еще двух других, тоже почетных и уважаемых, всего на этот раз обязательно должно быть три свата, понаведаться в дом родителей невесты для того, чтобы узнать, какое, наконец, они приняли решение и можно ли надеяться на их согласие. По приходе в дом невесты после обычных приветствий, приведенных нами выше, уже все три свата начинают красноречиво, насколько хватает их сил и умения, расхваливать прекрасные качества жениха, его родителей, состояние последних и проч. и проч. и в заключение просят дать им окончательный ответ.

Если родители невесты находят, что предстоящая партия для них подходящая, чтобы далеко не растягивать дела, тут же дают свое согласие; но нередко, а то и большей частью родители невесты и на этот раз отвечают, что они еще далеко не все разузнали о женихе и его родителях, что им нужно знать, и просят сватов обождать еще некоторое время и назначают сватам на этот раз 10-дневный или 17-дневный срок. За это время они еще хорошенько и обстоятельно посоветуются как между собой, так и со своими близкими родными и взвесят все выгодные и невыгодные условия предстоящего брака как для той, так и для другой стороны, и главным образом им желательно убедиться, принесет ли этот брак счастье обоим молодым людям и действительно ли пославшие сватов решились взять замуж именно горячо любимую ими дочь. Те родители невесты, которые откла-

дывают до третьего раза дать окончательное согласие на предстоящий брак со своей дочерью, обыкновенно бывают люди зажиточные, пользующиеся уважением или же расчетливые. Своим неторопливым ответом они хотят увеличить цену и значение как себе, так и своей дочери, одним словом, стараются почему-либо придать себе больший вес в глазах ищущей стороны, чтобы будущий муж знал, что жена ему досталась не так легко, а потому он ее любить и уважать будет больше. Бывают и другие причины оттянуть свое согласие.

Наконец, в назначенный срок сваты идут в третий раз, и опять начинается расхваливание жениха и его родителей и т.д. и т.д. На этот раз сваты действуют и говорят уверенно, в разговоре их и в похвалах, расточаемых ими щедро по адресу той и другой стороны, слышится легкая насмешка или какое-нибудь острое словцо, так как они убеждены, что на этот раз согласие будет, а что сейчас они соблюдают просто одну формальность, которая приятно щекочет самолюбие родителей невесты. Наконец, отец невесты, колеблясь и нерешительным голосом (причем сваты усердно и дружно словами и жестами поощряют скорее дать свое согласие) говорит: «Положимся на волю Божию! Доволен (т.е. согласен)! Отдаю! (*Хуаньси! Гейле! 歡喜! 給了!*)».

Дав свое согласие, отец невесты и сваты все вместе становятся посреди комнаты и совершают так называемый обряд *цзуань шоу* [攔手], который состоит в следующем: один из сватов, по преимуществу первый, и отец невесты прикасаются ладонями своих правых рук вместе, затем сват ладонью своей левой руки прикрывает тыл правой руки отца невесты, а последний ладонью своей левой руки прикрывает тыльную сторону правой руки свата, и после пожатия опускают свои руки в таком виде книзу. Это проделывают все три свата с отцом невесты. Обряд этот у дунган имеет важное и серьезное значение, все более или менее важные случаи в своей жизни, как то: сватовство, торговые сделки, разного рода обязательства и договоры, продажу и покупку и т.п. они заканчивают этим обрядом, после исполнения которого отступать уже не полагается. Дунганин, желая убедить другого, что он сделает то, что говорит или что обещает, вместо всяких слов и убеждений проделывает со своим собеседником этот обряд, и последний уже тогда остается вполне уверен, что обещаемое ему будет исполнено обещающим и притом сделано будет последним самым точным образом, так как не выполнить чего-либо после *цзуань шоу* считается крайне предосудительным: это значит прослыть за обманщика, человека легкомысленного и ненадежного, на слово которого положиться нельзя, потерять доверие и уважение в глазах всех, чем дунгане слишком дорожат.

Исполнив обряд *цзуань шоу*, все три свата — отцу невесты и последний — сватам делают одновременно поклон (*цзо и* [作揖]) со словами *аньсайляму эрлайкун*. После чего сватов с почетом сажают на кан, хорошенько угощают и отправляют с приятным ответом к родителям жениха. В первый раз и во второй сватов

не угощают, ограничиваются только чаепитием, а если же дают согласие во второе посещение сватов, то также их угощают; одним словом, угощение делается сватам сейчас же родителями невесты после их согласия. Мать невесты ни разу не присутствует во время прихода сватов. Теперь, перед угощением сватов, отец объявляет жене и дочери о данном им согласии, хотя они и без того уже знают, во-первых, потому что отдано отцом распоряжение об угощении сватов, а во-вторых, без согласия матери отец не может дать своего согласия, но все же они дожидаются его объявления! Тут они все трое (т.е. родители невесты и она сама) громко плачут (непрерывно громко).

Мать, сидя в соседней комнате, обнимает свою дочь-невесту и со слезами и воплями начинает причитать и давать ей нежные названия. Родители плачут потому, что им скоро придется расстаться с дорогим своим детищем, а невеста плачет потому, что ей в непродолжительном времени предстоит неизбежная разлука и притом навсегда с родительским домом, где ей жилось спокойно и привольно, а сваты в ожидании угощения сидят на кане с торжествующим и довольным видом, что вот-де, наконец, после стольких трудов и хлопот им удалось подстрелить важную и дорогую птицу. Настроение отца во время угощения серьезное и печальное, у него то и дело скатывается с глаз по щекам крупная слеза, он мало говорит, а только усердно просит своих гостей, чтобы они ели хорошенько и извиняли на столь малом и небогатом угощении. А угощения на самом деле приготовлено очень много, так как отец и мать невесты заранее очень хорошо знали, что в назначенный ими день сваты непременно явятся к ним за ответом.

VI

Спустя 8–10 дней родители жениха отправляют приготовленные в течение этого времени подарки в дом невесты. Подарки эти называются *сяо лир* [小禮兒], т.е. «малые подарки». Для несения этих подарков устраивается настоящая процессия. В процессии этой обязательно участвуют прежние три свата, ахун, в приходе которого состоит жених, родные братья последнего (если таковые есть), некоторые ближайшие родственники, друзья и знакомые жениха. Эти последние (т.е. друзья и знакомые) несут подарки открыто, на подносах, чтобы все их видели. Порядок переноса подарков следующий:

1) На первом подносе находятся серебряные вещи: серьги, их одна пара, один браслет и два кольца.

2) На втором подносе — небольшой кусок черной кисеи, которым закрывают впоследствии прическу молодой (*фанионь* [拴上]).

3) На третьем подносе шелковые нитки разных цветов: красные, зеленые, желтые и синие и небольшой кусок шелковой материи; кто побогаче, тот кладет четыре куса шелковой материи таких же цветов, как и нитки. Материя предназначена для башмаков невесты, а нитки для вышивания их.

4) На четвертом и пятом подносах — десять свертков с небольшими сладкими хлебцами (*гоузы* [餠子]), в каждом свертке по восьми хлебцев, всего 80, а на каждом подносе по пяти свертков.

5) На шестом подносе десять больших хлебов, похожих на лепешки, круглой формы; хлебы эти видом напоминают обыкновенные лепешки, но только гораздо больше, а именно в диаметре не менее пол-аршина и толщиной в один вершок (хлебы эти называются *паньцзы* [盤子]).

6) Не менее 15–17 подносов с орехами и урюком.

Некоторые на первый поднос кладут, а иногда отдельно посылают невесте цветы (искусственные), белила и мыло. Более зажиточные кроме выше приведенных подарков посылают еще на кофту и штаны желтого цвета материи по пяти аршин и шелковой материи синего цвета для халата десять аршин.

Впереди несут подарки; за ними важно выступает ахун, затем ближайшие родственники жениха, его друзья и знакомые. Процессия заканчивается порядочной толпой мальчуганов и любопытных, что придает всей этой картине живой и оригинальный вид.

Смысл и значение настоящих подарков таковы: прежде всего, родители жениха выражают этим свою благодарность и признательность родителям невесты за согласие их увеличить семью первых; невесте — поздравление с новым ее положением, а всем родственникам своим и невестиным, а также и всем знакомым — объявление о предстоящей скорой свадьбе. Это, так сказать, официальное объявление о помолвке молодых людей, и оно делается, как мы видели, открыто, всенародно, чтобы все свои и чужие одинаково знали о столь важном событии, имеющем произойти в недалеком будущем в двух известных семействах.

Отец невесты с кем-либо из своих родственников, которые также приглашаются на этот случай, а также и знакомые встречают пришедших у порога своего дома, и отец принимает принесенные подарки, которые расставляются тут же на дворе у порога дома на заранее приготовленном месте, чтобы все присутствующие и вновь приходящие могли видеть. Так ставятся подарки, если день хороший, если же день ненастный, то подарки вносятся в комнату, но также ставятся на виду, вдоль стены, чтобы все желающие могли их видеть. Приглашенные женщины-гости, как и сама хозяйка дома, находятся в отдельной комнате, из них никто не встречает принесших *сяо лир*.

Передавши подарки и разложивши их на столах в известном порядке, пришедший со стороны жениха ахун говорит речь, причем все слушают, стоя друг против друга. Содержание речи этого ахуна приблизительно следующее: от имени родителей жениха он просит извинения и снисхождения, что присланные ими от чистого сердца подарки столь малы и незначительны, затем уже указывает на смысл и значение этих подарков, как мы выше привели, и в заключение призывает имя Божье на вступающих в брак и на почтенные их семейства и выражает

пожелания как тем, так и другим полного благополучия и благоденствия на долгие годы. По окончании этой речи ахун, приглашенный со стороны невесты, держит ответную речь своему собрату по профессии, которую также слушают все стоя; от имени родителей невесты ахун уверяет принесших подарки (*ли* [禮]), что они, родители невесты, не только не могут, но и не смеют выразить и тени своего неудовольствия, что присланных подарков мало, напротив того, они до крайности удивлены и смущены большим количеством и высокой ценностью последних, о чем и просят передать родителям жениха; уже по этим подаркам они видят то внимание и уважение, какое они питают к ним и их дочери, что также просят передать; заканчивает свою речь и этот ахун теми же благопожеланиями обеим сторонам, как и первый.

По окончании этой речи обе стороны говорят друг другу *салям алейкум* с поклоном *цзои* (все одновременно, враз), и отец невесты приглашает всех занять места за столиками, расставленными во дворе, прямо на земле. Земля прежде покрывается соломой, а потом расстилаются кошмы, на которые уже и расставляются столики, солома же прежде для того подстилается, чтобы кошмы не пылились. Ахуны, конечно, занимают главное место (*шан* [上]).

Сначала подают чай с сушеными фруктами: урюком, изюмом, чжигдой, грецкими орехами, а также подают сладкие хлебцы, почти всегда те самые хлебцы, которые они только что получили от родителей жениха, а потом следует обед, *сифань* [席飯], но не весь торжественный обед, а только четыре-пять блюд, входящих в полный торжественный обед — *сифань*, который состоит из 19 блюд.

VII

Со дня получения «малых подарков» помолвка считается официально объявленной; девушка, выходящая замуж, мирится со своей новой ролью невесты, хотя ее согласия не спрашивали, за нее судьбу ее решили отец с матерью; своего будущего супруга она не видала, а если и видела, то давно, когда она еще была совсем маленькой, так как дунганские девушки с 11 лет уже не показываются посторонним, и с этого времени они выходят на улицу не иначе как с закрытым лицом. Быть может, в детстве она видела и не раз играла со своим суженым и даже ссорилась с ним, но это было так давно, а она была так мала, что образ ее будущего супруга совсем улетучился из ее головы, и она не может себе представить не только его лицо, но и фигуру его, хотя напрягает к тому все усилия своего почти детского и девичьего ума. Но с этого времени отец и мать удваивают к ней свою заботливость и нежность и меньших ее братьев и сестер заставляют относиться к ней с большим почтением и уважением. Мать постепенно сообщает своей дочери о женихе и его родных, главным образом о его родителях и всех их домочадцах, дает ей наставление, как обращаться с ними, чтобы приобрести к себе их расположение и любовь. Знакомит с ее новыми обязанностями, которые вскоре

она должна будет нести по отношению к мужу и по отношению к его родным, дает советы, как привязать к себе мужа, вызвать и сохранить его любовь — всё это мать сообщает своей дочке по большей части вечером, когда все остальные члены семьи улягутся и они остаются одни вдвоем. Беседы эти происходят в ночной тишине среди покойного и крепкого сна остальных, обыкновенно сопровождаются тяжкими вздохами и крупными слезами с обеих сторон, и немало еще до свадьбы прольется горячих слез и вырвется тяжких и глубоких вздохов из их груди.

Со дня помолвки подруги невесты начинают чаще навещать ее; их обыкновенно угощают чаем, сушеными фруктами и сладкими хлебцами, жизнь в доме невесты начинает принимать более оживленный характер благодаря посещению ее подруг, но лица отца и матери по большей части сосредоточены, серьезны и больше печальны, нежели радостны. Некоторые из бойких и шустрых подруг, желая подшутить над невестой, сообщают ей об ее суженом какие-нибудь вымышленные истории, в которых представляют жениха или уродом, или очень некрасивым, злым и суровым, чем бедной невесте причиняют немалое огорчение и тем доводят ее до слез, которых она и без того много проливает. Такими выходками подруги стараются подстрекнуть молодую на любопытство и добиваются того, что она выражает желание как-нибудь увидеть своего жениха. Чтобы лучше и безопаснее устроить это, девицы прибегают к посредничеству молодых замужних женщин, которые со всякими предосторожностями дают возможность невесте хоть одним глазом взглянуть на своего жениха; это проделывают они не раз, но всегда устраивают так, что жених не замечает того, что он служит предметом наблюдения своей невесты, а быть может, он только притворяется и делает вид, что ничего не замечает, и это вероятнее всего. Конечно, все эти невидимые встречи и свидания, если их так можно назвать, устраиваются осторожно и потихоньку, ото всех сохраняются в тайне и даже будто бы после никем не выдаются, разве только по выходе замуж, спустя долгое время, в припадке откровенности жена сообщит своему мужу о подобной выходке.

Через день или через два, но не далее как через неделю после получения «малых подарков» (*сяо лир*) отец невесты, посоветовавшись предварительно со своими ближайшими родственниками, составляет реестр или список вещей или подарков, которые он желал бы получить от родителей жениха. Это в сущности тот же калым, только у дунган он известен больше под именем «больших подарков» — *тали* [大禮]. Точно говоря, это есть официальное требование, почему при составлении его родителями невесты и родными ее оно весьма строго взвешивается и обдумывается. При этом, конечно, принимается обязательно во внимание зажиточность и состояние родителей жениха и проч.; требования эти по возможности не должны превышать того, что могут дать последние. Строго оно обдумывается еще и потому, что после требовать более того, что обозначено в этом списке, не полагается, это считается предосудительным, сочтут за человека лег-

коверного или легкомысленного, отнесшегося поверхностно и недостаточно обдуманно к такому серьезному и важному делу; в противном случае это может повлечь к раздорам и неприятностям. При составлении этого списка родители невесты принимают во внимание и свою собственную состоятельность и зажиточность, но больше обозначенного в посылаемом реестре требовать уже нельзя, хотя бы родители жениха и имели весьма большое состояние.

Вот один из таких реестров, который нам удалось записать. Реестр этот, составляющий требование подарков, или, что то же, калым, относится к средней зажиточности дунган.

1) Деньгами от 150 до 300 рублей китайским ямбовым серебром как чистым по преимуществу, по крайней мере так дунгане думают, но это объясняется просто тем, что, живя в Китае, они привыкли к ямба, почему ценность их им более понятна. Но кто не может достать ямба, тот пускает в ход и наши кредитные билеты, по преимуществу новые сторублевые бумажки, а остальную сумму дополняют мелкими ямбами. Дунгане мне передавали, что более 500 рублей не бывают требования деньгами. Небогатые ограничиваются 100 рублями.

2) Баранов от шести до двенадцати штук, случается, что требуется и больше, но обязательно, чтобы всегда было четное число.

3) Серебряные вещи:

- a) серьги (*хуаньцзы* [環子]) — две пары,
- b) браслеты (*цзацзы* [возможно, 鐲子, дунг. жуэзы^{1-П}]) — четыре штуки,
- c) кольца (*тугуцзы* [頭箍子]) — четыре штуки.

4) Серебряные головные украшения.

- a) *бяньцзань* [辮簪] — одна штука,
- b) *чуанцао* — одна штука,
- c) *бинцзань* [鬢簪] — тоже одна штука и
- d) *тэйшуту* — одна штука.

Все эти головные украшения делаются в виде различных цветов, в чисто китайском вкусе; встречаются очень тонкой и изящной работы.

5) Одежды большие.

a) *дангор* — зимняя или осенняя, стеганая на вате (*мяньди* [棉的]) одежда, похожая по виду на широкий халат, рукава, как и у наших ряс, широкие, вышитые разноцветным шелком; воротник и края этой одежды сверху и донизу тоже вышиты разноцветными шелками, застегивается сбоку от шеи и до самого низу — одна штука,

b) *дангор* — летнее пальто на одной подкладке (*цзяди* [袷的]) — одна штука и

c) *дасань цзы* [大衫子] — это широкая шелковая рубашка, длинная и с широкими рукавами — одна штука,

d) *шуба на меху* (*ти нао* [皮襖]) — одна штука.

6) Малые одежды (*сяо ишан* [小衣裳]):

- a) рубашка ватная (*бэйда* [背褙]) — одна штука,
- b) рубашка без ваты и подкладки (*сань цзы* [衫子]) — одна штука,
- c) штаны ватные (*чжун и* [中衣]) — одна штука и
- d) штаны летние, без ваты — тоже одна штука.

Как рубашки эти, так и штаны делаются из простой или шелковой материи, смотря по достатку и средствам семьи.

7) Более семи штук материи, обязательно различных цветов и по возможности ярких, каждой материи от 15 до 30 аршин (*янку*). Богатые представляют наполовину шелковой, а наполовину бумажной материи, бедные же ограничиваются одной бумажной материей. Часть этой материи употребляется на башмаки.

8) Ваты (*мяньхуа* [棉花]) — от четырех до десяти фунтов.

9) *Гоцзы* (маленькие сладкие хлебцы) — от 60 до 100 фунтов.

10) *Паньцзы* (большие хлеба) — от 40 до 60 штук и более, но чтобы было четное число.

11) Сушеных фруктов (урюк, изюм, орехи грецкие, чжигда или чилан) — от 60 фунтов до двух-трех пудов.

Последние три разряда подарков не представляют серьезного требования, но они, скорее, имеют характер верования, освещенного давностью обычая, хотя и входят в список требуемых вещей. Так, сладкие хлебцы означают, чтобы жизнь молодых проходила слаще и приятнее, большие хлеба означают, чтобы жизнь их протекала полнее и Бог благословил бы их детьми, а различные сушеные фрукты — символ обилия, достатка и всякого довольствия в доме. Исходя из такого представления, всех этих предметов всегда посылают более, чем их обозначается в реестре родителей невесты.

VIII

Спустя несколько дней после отправки малых подарков (*сяо лир*) родители жениха, зная, что реестр этот должен быть уже готов, посылают за ним одного из сватов, по возможности самого первого. Сват, получивши таковой, немедленно вручает его отцу жениха. Последний обсуждает содержание его с некоторыми своими родственниками, причем при чтении его по адресу свата обсуждающими посылаются насмешки и остроты, нередко вульгарного характера. Но все же отец жениха немедленно закупает всё, что обозначено в этом списке, и начинается деятельное заготовление требуемых подарков и шитье одежды для невесты. Если своих рук недостаточно или если не надеются, что свои домашние сошьют так хорошо и искусно, как то нужно, то приглашаются посторонние женщины, славящиеся своим искусством шить.

С этого времени жизнь в доме жениха принимает более оживленный характер; между всеми членами семьи настроение духа веселое и радостное. Да оно и

понятно. Здесь ожидается появление нового члена семейства и притом молодого, полного свежих сил и здоровья, с прибытием которого увеличивается число рабочих рук по домашнему хозяйству, на которого во многих случаях даже в первый год можно будет положиться или заместиться, особенно же это относится к семействам небогатым или же малочисленным, где не хватает женских рабочих рук.

Означенные подарки стараются заготовить по возможности поскорее, чтобы показать себя перед родителями невесты с выгодной стороны, выставить себя перед ними людьми аккуратными и показать, что они к их требованию отнеслись внимательно. Ввиду этого в скорой заготовке их принимают деятельное участие многие родственники жениха. С окончанием заготовления подарков и главным образом с окончанием шитья различного платья для невесты снова посылают сватов к родителям ее с просьбой назначить день для отправки этих подарков. Отец невесты прежде всего благодарит родителей жениха за то внимание и предупредительность, с которой они отнеслись к его требованию, после чего приступают к совещанию о дне отправки подарков, совещаются долго и серьезно и, наконец, назначают известный по взаимному соглашению день.

Отправление подарков *тали* невесте составляет важное событие в жизни дунган, почему оно производится весьма торжественно, открыто, чтобы все видели и все знали. Этим фактом связь между двумя семействами, вступающими в родство, закрепляется еще теснее и ближе, еще крепче и полнее, с этого дня поворот назад, отказ, считается уже совершенно невыносимым. Ввиду такого важного как внутреннего, так и внешнего значения этого дня назначают самый счастливый день для отправки больших подарков. У дунган считаются счастливыми следующие дни: четверг (*най-шамбе*) — самый счастливый день в неделе для начала всякого нового дела, а также для начала торговли и земледельческих работ, за ним следует понедельник (*дю-шамбе*), далее — среда (*шаар-шамбе*) и пятница (*чжума*). Воскресенье (*як-шамбе*) не считается худым днем, но и к числу счастливых не относится, в этот день особенно важных дел не предпринимает. Самым же тяжелым и несчастным считается вторник (*сэй-шамбе*), в этот день ни один дунганин будто бы не решится пуститься в дальний путь, не сделает почину ни в каком более или менее важном деле, так как этот день может принести ему большие несчастья и беды и полную неудачу в начатом деле. Суббота (*шамбе*) такой же несчастный и неблагоприятный день, как и вторник.

Накануне того дня, в который назначено отправлять подарки (*сун ли* [送禮] «посылать, отправлять подарки»), в доме родителей жениха идут деятельные приготовления и хлопоты: режут быков, предназначенных для обеда в этот день, вмазывают казаны, в которых готовится обед, пекут в большом количестве хлеба (*пань цзы*) и маленькие сладкие хлебцы (*го цзы*); пишут и рассылают

пригласительные билеты на красной бумаге (можно и на белой, если не имеется хорошей красной бумаги) всем родственникам и знакомым и многим муллам и ахунам на завтрашнее торжество; приглашаются при этом также и остальные члены их семьи: женщины и дети. Часть двора отгораживается чиём или циновками, где должны будут обедать приглашенные мужчины; женщины же и дети обедают отдельно от последних в жилых комнатах, или же, если комнат мало и все приглашенные женщины поместиться не могут, то и для них отгораживают во дворе отдельное помещение рядом с помещением для мужчин, но только оно отгораживается более тщательно и более глухо закрывается теми же берданками или циновками, которые обыкновенно плетутся довольно искусно самими дунганями из камыша. Если же стоит ненастная погода, то во дворе над тем местом, где должны обедать, делается навес из тех же берданок, которые поддерживаются длинными тонкими шестами, вкапываемыми в землю.

IX

В этот же день (т.е. когда идут деятельные приготовления) или накануне торжества жены некоторых родственников (*цинци* [親戚]), знакомых и друзей (*сянхаоди* [相好的]) со взрослыми девушками и детьми являются в дом жениха на помощь (*банман* [幫忙]) хозяйке дома, а больше приходят для того, чтобы веселее провести время в разговорах, в сообщении друг другу различных новостей, не без того, конечно, чтобы и не посплетничать и не проехаться на счет своего ближнего или доброго знакомого. Их угощают чаем с сушеными фруктами и обедом. Они здесь нередко и ночуют.

Когда уже начинает темнеть, приглашают за небольшое вознаграждение (от двух до трех рублей на всех) несколько человек поваров, которые готовят кушанья ночью; на следующий день их подают гостям уже разогретыми. Вот название этих кушаньев в том порядке, как их подают гостям на обеде.

Сяочицзы [小吃子] (т.е. малый обед).

1) *Фынъидань* [分異蛋] — яйца куриные, собственно желтки, зажаренные на постном (*цинъю* [清油]), всегда льняном, масле и посыпанные толченым мелким сахаром. Очень вкусно!

2) *Мыньцзы* [爛子] — рубленое мясо, как для котлет, скатанное, как и наши колобки или фрикадельки, и величина их не более последних. Зажариваются в говяжьем сале и в жирном соусе-подливке, в котором и подаются. Подлив-соус по очереди выпивается всеми.

3) *Жицзянь жоу* — черный изюм, сваренный с зерном грецкого ореха и мелкими кусочками поджаренного мяса и облитый медом.

4) *Цзагэ* [雜割] — ноги, губы, голова (говяжь), сваренные и разрезанные небольшими тонкими ломтиками, почему предварительно все мягкие части тщательно очищаются от костей; подаются с супом.

5) *Лянжоу* [涼肉] — холодное мясо, нарезанное тонкими ломтями, предварительно сваренное в соусе из различных корней: корицы, гвоздики, с которыми и подается.

6) *Фынъидань* — то же в сущности, что и первое блюдо, только яйца прожарены больше, почему они выходят круче, облиты, кроме того, щедро дунганским медом (*танси* [糖稀]) и посыпаны мелким сахаром гуще, чем первое.

7) *Тутир* [頭皮兒] — кожа с мясом от бычьей головы, сваренная с различными приправами и нарезанная продолговатыми тонкими ломтиками.

8) *Цзагэ* — брюшина, кишки, сердце, легкие. Все это нарезано мелкими кусочками и сварено в супе, сильно приправленном дунганским уксусом (*чу* [醋]).

9) *Саомэй* — пельмени с изюмом, черными орехами и кусочками соли, зажарены в говяжьем сале и обсыпаны толченым сахаром.

10) *Ваньцзы* [丸子] — рубленое мясо, как и для котлет, скатанное в шарики (фрикадельки) и сильно поджаренное; подается в говяжьем супе.

Вот и все блюда, входящие в состав так называемого малого обеда; всех этих блюд подают понемногу, не более как по половине чашки, так что на каждого сидящего за столом приходится не более одного-двух кусочков. Вслед за малым обедом непосредственно сейчас же следует главный обед, или *чженьси* [真席], т.е. настоящее торжество или угощение.

1) *Юсян* [油香] — лепешки, жаренные на постном масле; их подают первыми в главном обеде.

2) *Туньжоу* [余肉] — жаренное небольшими кусочками мясо, подают с подливом.

3) *Чжен момо* [蒸馍馍] — хлебцы белые, паровые, подают по 2–3 штуки на человека. Хлебцы эти небольшие, круглой формы, горячие или свежие, они вкусны.

4) *Танпаньцзы* — сваренные ягоды, изюм с грецкими орехами, закатываются в пресное тесто, потом поджариваются в сале и обсыпаются сахаром.

5) *Цзагэ* — внутренности бычачьи: брюшина, кишки, сердце, легкие, т.е. то же, что и в малом обеде, но подаются нарезанные несколько большими кусочками и с мясом.

6) *Лянжоу* — то же, что и в *сяочицзы*.

7) *Фынъидань* см. *сяочицзы*, т.е. малый обед.

8) *Тутир* или *ляньцзы* см. *сяочицзы*.

9) *Сяоцао* — мясо слегка поджаренное, подают с гороховой лапшой (*фынтяоцзы* [粉條子]), но без всякого соуса или подлива.

10) *Пяньжоу* [片肉] — мясо, варенное с луком, морковью и редькой и нарезанное довольно большими ломтями. Оно подается с соусом и с означенными приправами.

11) *Цзагэ* — то же, что и в *сяочицзы*, только без мяса.

12) *Хужоу* [火肉] — жаркое; мясо нарезывается большими кусками и подается с подливом.

13) *Ваньцзы* см. *сяочицзы* — рубленое мясо с морковью, луком, сушеными грибами, доставаемыми из Кашгара или Кульджи, и редькой; редька красная, китайская скорей по вкусу своему похожа на редиску.

Кроме того, в разных видах подают лапшу или вермишель, которая у дунган бывает двух родов — одна готовится из горохового крахмала, а другая из обыкновенной муки, та и другая подаются в мясном бульоне с мелкими кусочками мяса. Всех кушаний большого обеда подают по полной чашке, а не по половинной, как в малом обеде, или *сяочицзы*.

Рано утром двор в доме жениха покрывают соломой, т.е. то место, где гости будут обедать, и застилают кошмами. У дверей дома, вдоль стены ставят несколько высоких столов или досок на высоких стойках и покрывают их одеялами или же какой-нибудь цветной, больше красной, бумажной материей (кумач); на эти столы с утра выставляют напоказ все подарки, предназначенные для невесты, чтобы присутствующие их видели. Около них всегда находится порядочная толпа народу, начиная от малых ребятишек и кончая взрослыми. По временам для осмотра их выходят из комнат и приехавшие в гости женщины, но преимущественно старшего уже возраста: посмотрят, потолкуют, пощупают, сделают по-своему надлежащую оценку и степенно-важно опять уходят в комнаты. Молодые же женщины и взрослые девушки осматривают эти подарки на ходу, сейчас же по прибытии в дом хозяина на пути в свои комнаты.

Х

Довольно рано начинается подъезд гостей; прежде всего едут на телегах женщины с малыми детьми и девушки, разряженные в яркого цвета шелковые и бумажные материи. Волосы их щедро убраны искусственными цветами — особенно у девушек, на головах золотые и серебряные украшения, в ушах такие же по большей части длинные серьги. Лица всех открыты и не нужно особенно присматриваться, чтобы заметить, что молодые женщины и девушки несколько не пожалели щедрою рукою положить на свои лица, в том числе на уши и шею, изрядное количество белил, румян и пудры, лишь бы показаться красивее. Всего этого до того щедро наложено, что при тряской езде белила и пудра обсыпаются и падают порядочными кусками на плечи и грудь их обладательниц, образуя на их лицах полосы в несколько рядов. Но это никого не смущает. Легко также заметить, что брови тщательно и аккуратно подведены черной краской, а свои ногти дунганские красавицы до половины выкрасили краской. В такой день нередко можно встретить телегу, в которой более половины сидящих составляют дети: их широкие и плоские лица, с черными маленькими глазами, весело высматривающими из-под косой узкой глазной щели (так как верхнее веко, особенно у внутреннего его края, сильно нависло, образуя двойную складку, и закрывает собою почти более половины глаза, особенно это резко наблюдается у детей младшего

возраста), выражают довольство и радость, широкие расплывшиеся носы, сильно приплюснутые посредине, так что спинка его едва выдается над щеками, резко бросающаяся в глаза большая величина детских голов с несколькими заплетенными тоненькими косичками, покрытых яркими разноцветными шапочками у мальчиков и обилием пестрых и ярких цветов у девочек, все это представляет своеобразную и довольно оригинальную картину. Едущие везут с собою на телегах и маленькие столики, у всех некрашенные, на которых и будут обедать. Дети держат в руках связки палочек — это китайские ложки, которыми дунгане обыкновенно едят (*куэйцзы* [筷子]) и небольшие фарфоровые или глиняные чашки (последние все без исключения нашей фабрики известного Кузнецова), так как каждая семья, приглашенная на такой большой обед, должна везти свои столики, чашки и ложки. Привезенные столики расставляют во дворе на постланных там кошмах или же вносят в комнаты и ставят на полу или на канах, но каждый столик ставится всегда отдельно.

Подъезд гостей все более и более увеличивается, вскоре за женщинами начинают прибывать и мужчины — они по большей части приходят пешком прямо от работы и в том же самом костюме. Насколько прекрасная половина изощрается в нарядах и старается ими блеснуть перед другими, настолько мужчины, по-видимому, совершенно равнодушны к своему костюму, даже молодежь не выказывает особого стремления к щегольству, по крайней мере нельзя этого заметить. Говор, шум и шутки увеличиваются во дворе, часть прибывших толпится около выставленных подарков; вместе с мужчинами здесь свободно стоят старухи и принимают участие в общем разговоре, часть стоит в стороне двора и ведет деловой разговор по хозяйству; более пожилые, сидя у стен забора, вспоминают свою жизнь в Китае и передают о ней более молодым, которые внимательно и почтительно слушают передаваемое, вспоминают также свои битвы с китайцами и своего предводителя Бянах³ [Бяньху, Бай Яньху], сравнивают свою настоящую жизнь с прошлой; другие обсуждают дела и распоряжения волостного и биев и сообщают новости, исходящие от уездной администрации и приказания последней. Все, что касается администрации и ее распоряжений, дунгане особенно любят обсуждать, касается ли дело их самих или же их соседей — киргизов и русских. Молодые же люди шутят, играют, придумывают разные забавы и игры; иной же из них засматривает через окно в комнату, где сидят женщины и девушки, и если окно целое, то он постарается проткнуть его пальцами, но грозные оклики матерей заставляют быстро удалиться непрошеного наблюдателя; более же смелый вбежит в комнату, где сидят разряженные дунганские красавицы, но его быстро оттуда выпроваживают, и стоящие во дворе товарищи встречают шутками и на-

³ Об этом предводителе довольно подробно говорится в моей статье «Последний эпизод дунганского восстания», помещенной в «Памятной книжке Семиреченской области статистического комитета» и в «Семиреченских областн. ведомостях» за 1901 год. — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

смешками. При таких неожиданных набегах и проделках молодых людей или старающихся наблюдать через окно нельзя особенно заметить, чтобы молодые женщины и девушки спешили быстро отвернуться и закрыть свои лица, они, по-видимому, не замечают любопытных взоров молодых кавалеров, если же и отвертываются в угол или закрываются, то делают это по большей части тогда, когда успеет уже раздаться заботливый и предостерегающий голос какой-либо старухи или строгой мамыши, у дочки которой лицо изрыто оспой. Но главным образом мишенью для насмешек и шуток служит сам жених. Для своих сверстников он является положительно козлом отпущения: всякого рода остроты и насмешки, по большей части грубые и вульгарные, на него сыплются в изобилии, дружеских, товарищеских колотушек и щипков ему также достается немало, но он все переносит со спокойствием, достойным лучшей участи. Оживление и возбуждение во дворе достигло больших размеров, так как народу, старого и малого, собралось много. Смех то и дело раздается в разных концах двора. В играх и шутках приняли участие и старшие. Но... тихо и незаметно из-за угла улицы показался медленно идущий, опирающийся на палку старик мулла в большой белой чалме. Не доходя двух-трех шагов до ворот дома, он произносит приветствие (*салам*), хотя своим старческим разбитым голосом он произнес его тихо, но это приветствие все услышали, во дворе все сразу смолкло, все почтительно встали и на приветствие муллы или ахуна, раздавшееся за воротами, все большие и малые отвечают приветствием прибывшему мулле или ахуну. Важно и с достоинством, с полным сознанием своей нравственной силы и значения, медленно проходит он через весь двор, сопровождаемый самим хозяином, который его встретил со знаками глубокого уважения еще за воротами своего дома. Все присутствующие во дворе отвешивают мулле почтительные поклоны, наиболее старым и уважаемым он подает одну или обе руки, которые они и с признательностью пожимают в своих руках. Обыкновенно прежде приходят более молодые муллы, если их не задержит дома что-либо особенное: или важное дело, или работа по хозяйству, а после уже являются старые и пожилые муллы и ахуны, но одинаково как тех, так и других все встречают с глубоким уважением, и уже при них говор и смех, шутки и игры стихают; бывшее до того общее оживление затихает и уменьшается. Каждый мулла, затем приходящий, не доходя нескольких шагов до ворот дома, произносит также приветствие, на которое ему отвечают все присутствующие во дворе. Хозяин дома или его близкие родственники и почтенные по летам гости встречают каждого муллу и ахуна за воротами своего дома, а также и наиболее уважаемых гостей. Прибывающие муллы степенно проходят в помещение, особо для них предназначенное; за неимением же свободной для них у хозяина комнаты они не брезгуют и обыкновенным сараем, где и усаживаются с важным видом. Муллы и ахуны приглашаются всегда в числе нескольких десятков человек; чем их больше приглашается, тем происходящее семейное празднество считается

наиболее торжественным и важным, таков уже обычай. Вместе с муллами являются и их ученики-подростки, которые приходят ранее своих наставников.

XI

Как только собрались все муллы и ахуны, немедленно расставляются столики, вокруг которых они и усаживаются; присутствующие здесь молодые ученики (*мылла*) (встречаются между ними иногда и зрелого возраста, но довольно редко) берут со среднего столика, находящегося в центре других, лежащие там в нескольких тонких пачках связанные книги и поспешно разносят и раздают ахунам и муллам, которые и читают вполголоса. Коран разбит или разделен не менее как на двадцать или тридцать частей, каждый мулла и ахун берет себе одну часть, которую он и должен здесь прочесть всю до конца. Читают обыкновенно все вместе в одно и то же время, читают очень скоро, так что чтение это занимает не более получаса времени, в течение которого общими силами всех находящихся мулл и ахунов и прочитывается будто бы весь Коран. Чтение Корана все присутствующие, как большие, так и малые, слушают внимательно и усердно. Один из главных мулл, как только кончит читать свою часть, не дожидаясь своих собратьев — кончили ли они чтение своей части или нет, — произносит громко «*аомина*», т.е. аминь, и все находящиеся гости, вытянув свои руки несколько вперед и с опущенными глазами смотря на свои сближенные ладони, читают про себя «*дувар*», т.е. молитву (сартовское, киргизское и татарское *дува*, *дуа* или *дуга*), а по окончании дуvara одни ученики убирают со столика книги, складывают и связывают в одно место, так как к окончанию дуvara все прочие муллы уже успевают обыкновенно кончить чтение своей части, а другие ученики, сидя около столиков, начинают распевать священные стихи из книги «*Мэдэхар*».

По окончании пения одного стиха мальчики или же взрослые, приглашенные подавать кушанья (*дуаньсиди* [端席的], т.е. «подающие кушанья»), ставят на каждый столик по чашке с кушаньем и отходят к кухне, где повара наполняют вторые чашки следующим кушаньем. Когда первое кушанье будет съедено гостями, то ученики какого-либо ахуна поют следующий стих из книги «*Мэдэхар*» или повторяют тот же самый стих; по окончании этого пения *дуаньсиди* несут второе кушанье, а первые пустые чашки убирают и относят поварам, которые наполняют их следующим кушаньем, и т.д. Лишь гости съедят поданное кушанье, как ученики опять поют стихи из «*Мэдэхар*», по окончании пения которых опять подается новое кушанье, и т.д. Стихи из «*Мэдэхар*» поются после каждого блюда только во время малого обеда (*сяочицзы*), в продолжение же большого торжественного (*чженьси* [珍席]) обеда поются только раза два-три и то в начале обеда.

XII

По окончании обеда, сотворив молитву, некоторые из гостей, заранее прощенные, укладывают на подносы лежавшие до этого на столах подарки, предназначенные для невесты, и несут их в дом ее. Впереди мальчуганы со смехом и шутками гонят баранов, спины которых выкрашены красной краской. Окраска животных в этом случае выражает символ торжества, победы. Затем на подносах несут деньги, серебряные украшения и т.д., в том порядке, как они были здесь обозначены. Каждую вещь несут на отдельном подносе. Родители жениха, сам жених и их родственники остаются дома, подарки же сопровождает ахун, в приходе которого состоит жених, и сваты. Эти лица замыкают собою несущих подарки. Хотя дунгане — народ трудолюбивый и дорожающий своим временем, но на подобное торжество, как составляющее выдающееся событие в их повседневной жизни, небогатой вообще развлечениями, всегда является поглазеть немало охотников и любопытных, почему его всегда сопровождает изрядная толпа не только взрослых мужчин, но и стариков, которых немало присоединяется по дороге во время самого шествия. Для некоторых из них это служит предлогом побеседовать лишний раз с добрым знакомым, а другие рассчитывают, что родители невесты пригласят и их пообедать, что почти всегда и случается. Случается нередко, что сопровождающая толпа ведет себя чересчур бойко и шумно, но мулла и сваты внушительно ее останавливают. Степенно и с достоинством выступают участники процессий, они проникнуты сознанием серьезности того дела, исполнение которого на них в настоящее время возложено, дела, имеющего общественный интерес и притом происходящего открыто, на виду всех. В данном случае мулла или ахун и сваты являются не только охранителями материального достояния родителей жениха, им вверенного, но они являются в то же время охранителями его достоинства и чести, которые строго поддерживают. Вот почему это событие, т.е. отправка подарков невесте, в жизни дунган имеет такое серьезное и важное значение.

В доме родителей невесты накануне, в ожидании получения подарков, и в этот день идут также и такие же деятельные хлопоты и приготовления, как и в доме родителей жениха, происходит такая же суматоха и возня, как и там. Родители невесты также приглашают своих родных и знакомых и общими силами и заботами стараются достойно встретить представителей от жениха. Здесь также разложены и выставлены на показ подарки, предназначенные для жениха. Вот они:

- 1) Башмаки (*хай* [鞋]) — одна пара.
- 2) Чулки (*вацзы* [襪子]) — одна пара.
- 3) Халат (*паоцзы* [袍子]) бумажной материи или шелковый — одна штука.
- 4) Пояс (*вэйдуцзы* [圍肚子]) с вышитым разноцветным шелком широким мешочком для денег — одна штука.

5) Шапка (*маоцзы* [帽子]) — одна штука.

6) Наушники (*эрдү таоцзы* [耳朵套子]), вышитые и отделанные изящно и красиво разноцветным шелком, внутри подбитые каким-либо мехом, по большей части лисьим — одна пара.

7) Козырек (*эржжацзы*) из бумаги, покрытый шелковой материей и вышитый шелковыми нитками, складывающийся в виде веера, служит для защиты глаз от солнца (глазной щиток от солнца) — одна штука.

8) Серебряное кольцо.

9) Веер (*шаньцзы* [扇子]) — одна штука.

10) Хлебы (*хуамомо* [花饅饅]) большие, разрисованные красной краской — несколько штук.

11) Разные печенья самой причудливой формы — то в виде змеи или лягушки, то в виде какой-либо птицы, черепахи, рыбы и т.п. Как перед женихом, так и перед всей публикой невеста (вернее, ее родня) стараются блеснуть своим искусством и находчивостью, чтобы не ударить лицом в грязь. Каждое печенье известной формы кладут на отдельный поднос и тут же две-три копейки денег; последние предназначаются для несущих. Деньги завертывают в красную бумажку.

12) Курица жареная, поверх которой красуется большой петух, сделанный из разноцветной бумаги. Последнее означает символ покорности, готовность слушаться и беспрекословно повиноваться и подчиняться всегда и во всем своему будущему мужу, как главе и хозяину дома, прямому и непосредственному повелителю и защитнику жены.

В доме родителей невесты, хотя приглашенных бывает и много, как и у жениха, но, несмотря на это, здесь не наблюдается такого оживления и веселого настроения, как в доме последнего, да оно и понятно: все эти приготовления, да и ожидаемая с часу на час присылка подарков от жениха говорят родителям о предстоящей скорой разлуке с дочерью, которая в недалеком будущем должна войти в новую и незнакомую семью. На глазах отца и матери чаще и чаще показываются слезы, и их серьезное душевное настроение невольно передается также собравшимся гостям. Хотя, благодаря влиянию китайской культуры, женщина у дунган поставлена выше и пользуется большею свободой и большими правами, нежели у сартов и киргизов, но исповедуемая ими (дунганами) мусульманская религия жестоко и беспощадно обрекла женщину на подчиненное рабское положение; по религиозному их воззрению она есть вещь, раба, почти бесправное существо. И при случае муж, опираясь на свое право, предоставляемое ему их религией, может сделать все, что ему угодно, а муллы и ахуны так суровы и строги и так ревниво оберегают букву закона Мухаммеда, что ей нечего надеяться на их защиту или покровительство, если ее постигнет немилость и несправедливость мужа. Все это хорошо сознают родители невесты, а в особенности ее мать. Последняя, по выходе своем замуж, сама немало перенесла тяжелых минут в первые годы брачной жизни. Такая же участь ожидает и ее дочь. Пришедшие в

гости молодые ее подруги также на этот раз меньше смеются, меньше острят, они сознают, что не сегодня-завтра и их ожидает такая же участь, в каком положении находится сейчас их подруга. Со дня получения больших подарков поворот назад, отказ, как я сказал, немислим. Тем серьезнее этот день в жизни дунганской девушки, вот почему здесь не слышно веселого и здорового смеха, не видно играющих, бегающих и беззаботных игр... Мне не раз приходилось бывать как в этот день, так и в день свадьбы в доме родителей невесты, и у меня, после всего виденного и слышанного здесь, всегда оставалось тяжелое впечатление. Разница в душевном настроении всех находящихся в доме жениха и в доме невесты слишком резкая, чтобы ее нельзя было не заметить. Может быть, есть тут и другие причины, которых мне не удалось подметить.

Лишь одни муллы и ахуны в своих больших чалмах и длинных халатах как там, так и здесь остаются бесстрастны, они одинаково молчаливы и сурово важны — под их чалмой давно уже иссякла всякая живая мысль, и выражение их лица такое же серое и безжизненное, как серы и безжизненные стены тех мечетей, в которых они ежедневно молятся не менее пяти или семи раз в сутки.

Сердце их, скованное рамками узкого формализма той религии, служителями и строгими защитниками которой они являются, чуждо живой и теплой любви, и бедная женщина, которую постигнет случайное несчастье или по капризу и прихоти мужа [она] впадет к нему в немилость, не найдет себе в представителях и охранителях религии никакой поддержки и защиты. В случае какого несчастья или какой семейной неурядицы она должна защищать себя сама, она должна полагаться на свои собственные силы, и мы знаем несколько примеров, что замужняя дунганка с успехом отстаивала свои права и интересы, не прибегая к помощи и защите своих мулл — в крайнем случае даже игнорируя их авторитет.

XIII

Родитель невесты с ахуном, в приходе которого он состоит, и со своими гостями встречает пришедших с подарками от жениха возле тех же столов, на которых разложены подарки жениху от невесты. Принесшие раскладывают подарки на этих же столах рядом с приготовленными от жениха, после чего обе стороны, каждая во главе со своим ахуном, становятся одна против другой, друг против друга. Ахун со стороны жениха говорит речь первым. Содержание его речи касается главным образом важности значения настоящего события, происходящего в это время между двумя семействами, которые вступают в близкое родство между собою; [он] говорит о важном значении брака, все это подкрепляя подходящими и соответствующими изречениями из Корана на арабском языке, которые сейчас же переводит и объясняет на дунганский или, что то же, на китайский язык. Чем ахун больше приведет изречений из Корана и пространнее и вразумительнее их объяснит, тем ему больше чести и славы. Ахуны в таких случаях ста-

раются блеснуть и своею ученостью и своим красноречием, чтобы произвести на присутствующих по возможности более выгодное для себя впечатление; одним словом, они прилагают все усердие и старание, чтобы не ударить себя, что называется, в грязь лицом, в заключение же своей витиеватой и пространной речи ахун этот приблизительно говорит следующее:

«Цзы ю и цзян цин: „Ли фу бу цзя, хао хань нань дан“. Сао ляншанди тацзи, цзай гунянди срынчжунь, синвиди чже идяр лисин. Е бусы ахунди мяньцянь бэйди е бусы гунян шу фо юнди, ляо ли хаваньди синьсы».

В переводе на русский это будет означать следующее: «Есть только одно (т.е. выскажу только одну мысль), что „без денег трудно быть молодцом“. Стерев пыль с лица (т.е. краску стыда на лице нашем), говорю, что мы предложили такие подарки, которыми удовлетворился бы разве только ахун, но которые совершенно непригодны для такой достойной девушки. Исполнили мы только малое желание нашего сердца».

На эту речь ахун со стороны невесты отвечает краткою речью, в которой также в цветистых выражениях с прибавлением неизбежных изречений из Корана благодарит от имени родителей невесты за присланные подарки и выражает вступающим в родство семействам и молодым пожелание счастливой, полной и разнообразной жизни, как полно и разнообразно все принесенное от жениха, затем указывает присутствующим гостям на подарки, приготовленные от невесты жениху и в заключение от имени родителей последней просит извинения, что они предложили столь малые и весьма незначительные подарки. По окончании речи последнего ахуна обе стороны одновременно кланяются друг другу и говорят *салям*, после чего приглашают гостей садиться за столики. Опять начинается чтение Корана приблизительно таким же числом ахунов и мулл, по окончании чтения так же поются стихи из книги «Мэдэхар» и следует угощение обедом, порядок которого, как и самые кушанья, такие же, как и в доме жениха.

По окончании обеда отец невесты вручает подарки для передачи жениху; несут их те же самые лица, которые несли подарки от жениха невесте, и несут так же на подносах, причем каждый предмет лежит на отдельном подносе. Сопровождает процессию тот же ахун и те же три свата. Впереди несут жареную курицу, на которой красуется бумажный раскрашенный петух, затем хлеб и разные печенья. Настроение несущих подарки от невесты к жениху резко противоположное тому, какое было, когда несли подарки от жениха к невесте: все возвращаются веселые, смеху, шуткам и островам нет конца; та торжественность, та важность и серьезность, которые наблюдались в первый путь, на этот раз совершенно отсутствуют. Зато здесь бывает много балагурства, игривости и шутовства; во всю дорогу от дома невесты и до дома жениха то и дело происходят комичные сцены и выходки, которые не прекращаются и тогда, когда процессия придет к жениху, где над последним по приходе еще долгое время шутят, острят и забавляются до тех пор, пока каждому участвующему это не надоест. Редко случается, чтобы

курица, предназначенная собственно для жениха, доставлялась по назначению целостью, и почти всегда со смехом и шутками по адресу жениха (что ему в этот торжественный и знаменательный день не удастся отведать вкусной стряпни из дома невесты), ее всю съедают, а жениху остаются только обглоданные кости да бумажный петух, их ему и преподносят торжественно. Точно так же уничтожается по дороге часть хлебов и печений, последние не все, часть их оставляют и на долю жениха, чтобы и он хоть немного да отведал, насколько хороши и вкусны гостинцы, присланные невестой. Какой-нибудь шутник надевает на голову принесенного бумажного петуха, а другой с ужимками и прибаутками преподносит ему остатки курицы или только одни косточки, а третий хлебы и печенья. Остальные подарки передают отцу жениха, который благодарит принесших, а также благодарит ахуна и сватов. Ахун получает при этом небольшое вознаграждение.

XIV

Говоря о подарках, посылаемых от жениха невесте и представляемых, как мы видели, по требованию родителей невесты, а следовательно, и относящихся к разряду безусловно обязательных, надобно заметить, что в числе их, даже если бывает и самая небогатая свадьба, можно встретить несколько мелких подарков, которые хотя и необязательны, но посылаются в силу установившегося обычая, а именно: здесь, на отдельном подносе лежит несколько кусков хорошего мыла фабрики Сиу или Брокера, маленькое зеркальце, с противоположной стороны обшито шелком и вышитое разноцветными шелковыми нитками; к зеркальцу этому бывает привязана шелковая или серебряная цепочка. Молодые дунганки, женщины и девушки, отправляясь куда-либо в гости, надевают это зеркальце себе на шею, которое обыкновенно и красуется у них на груди сверх всей остальной одежды и к которому они часто прибегают для поправления своего туалета, как то: прически, для поправки цветов на голове или же для того, чтобы еще наложить на лицо слой пудры или белил, если таковые обсыпались, и цвет лица, по мнению владелицы его, стал недостаточно красив.

Зная эту слабость своей прекрасной половины, дунгане в числе подарков также посылают невесте банку с пудрой и пуховкой и банку белил, кроме того, китайский прибор для чистки зубов или же в отдельности зубную щетку, зубочистку, копоушку (для чистки ушей) и небольшие щипчики для выдергивания волос из носу и на лобке, последние три вещи сделаны из меди, довольно аляповатой работы; они все вместе часто бывают надеты на шелковый шнурок или же на тонкую серебряную цепочку. Дунганки большие мастерицы и любительницы всякого рода цветов, почему в числе подарков всегда можно видеть на отдельных подносах несколько штук искусственных цветов, сделанных из разноцветного шелка. В число подарков входят также небольшие медные тазы, по большей час-

ти их дают две штуки — один предназначается для умывания лица молодой, а другой для подмывания ее половых органов. Бедные же дают железные раскрашенные тазы; кроме того, посылают рукомойник и один или два небольших раскрашенных сундучка или шкатулки, куда невеста могла бы складывать все принадлежности своего туалета, как до свадьбы, так и после того. Все эти предметы в требовании родителей невесты не обозначаются, а всякий посылает столько, сколько может, смотря по своим средствам. Отправляя открыто подарки невесте, родители жениха помнят, что всякий дунганин видит, какое имущество дается молодой, а потому они поневоле считаются с судом общественного мнения своих односельчан.

Перечисляя ранее обязательные подарки, входящие в *тали*, или в калым, а также указав различные головные украшения и браслеты, я там сказал, что они посылаются серебряные, но богатые и зажиточные все эти вещи посылают сделанными из чистого золота, или часть их. Если серьги и головные украшения оригинальны по своей отделке и тонкой работе, особенно последние, то браслеты уж очень просты и обыкновенны, а именно: они представляют собою совершенно гладкий кусок серебра или золота круглой формы, различной только толщины, в одном месте насквозь рассеченный для того, чтобы благодаря этому, несколько растянутым, браслет этот мог пригодиться на руку каждого или каждой. Зная зажиточность жениха, родители невесты часть обозначают в своем требовании, чтобы означенные вещи были золотые. Кроме того, богатые выговаривают в большем количестве различной одежды, а также несколько кусков материи и сукна. Так, они не ограничиваются одной или тремя парами разного платья, а требуют не менее десяти штук летних одежд — различных кофт, штанов, а также по несколько штук зимних одежд, начиная со стеганых, на вате штанов и кончая шубами, башмаками, чулками, наушниками и т.п. Но как бы ни было велико число подарков, все они в большинстве случаев вмещаются в сундучке средней величины.

Только что описанная церемония отправления «больших подарков» (*тали*), как и самая свадьба, по большей части происходит осенью, по окончании полевых работ, или зимою, когда бывает свободное время и припасены для этого особые деньги, о чем мы говорили выше. Если же, после выраженного родителями невесты согласия на брак, свадьба имеет совершиться скоро, дней через 20–60, то не бывает поднесения невесте «малых подарков» (*сяо лир*), а непосредственно спустя условленное время совершается обряд поднесения «больших подарков» (*тали*); этот обряд обязательно бывает во всякой свадьбе. В иных случаях пропускается *сяо лир*, во избежание излишних расходов как со стороны жениха, так и со стороны невесты.

Извещение о помолвке и предстоящей свадьбе посылается со стороны невесты и всем отсутствующим родственникам, живущим иногда далеко, с приглашением прибыть на таковую, причем кроме письменного или словесного приглаше-

ния посылаются приглашенным родственникам, где бы они ни были, сладкие хлебцы (*зоцзы*), присланные женихом невесте или во время *сяо лир* («малых подарков») или во время *тали* (т.е. «больших подарков»). Но обязательно, чтобы были посланы эти хлебцы, в противном случае приглашенные обидятся и не поедут на свадьбу, хотя бы они получили самую убедительную просьбу прибыть на таковую. Но, как говорят сами дунгане, этот обычай с переходом их в Россию стал соблюдаться уже не так строго, потому что здесь все они живут сравнительно близко друг от друга, приглашенные легко успевают прибыть или на *сяо лир* или на *тали* и таким образом могут отвесть этих хлебцев на самом месте действия.

Таковы в главных чертах нравы и обычаи, существующие у каракунuzских дунган во время сватовства. Бывают, конечно, как всегда и везде, некоторые отступления. Так, у жениха во время *сяо лир* и *тали* бывает малый, а у невесты большой обед; все зависит от средств и от того, как кто условится. Но также за малым обедом, где бы и по какому случаю он ни происходил, муллы и их ученики поют шесть–восемь раз, а за большим обедом только один раз или много три раза. У одних подарки бывают разложены всего на 20–30 подносах, это у бедных и у людей средней зажиточности, а у богатых на 60–100 подносах.

Через два-три дня после поднесения «больших подарков», т.е. уплаты калыма, сваты приходят к отцу невесты и уговариваются с ним о дне свадьбы. «Погодите, я посоветуюсь с женой об этом», — говорит отец невесты, так что назначение дня свадьбы зависит от матери ее. Последняя, заранее рассчитав и сообразив, выбирает по возможности такое время, когда у дочери прошли регулы, т.е. через несколько дней после этого. По словам других, сваты уговариваются с отцом невесты о дне свадьбы в тот же самый день, когда ими были принесены «большие подарки» (*тали*). В таком случае сваты дожидаются ухода всех гостей, после чего приступают к обсуждению и выбору дня свадьбы и возвращаются в дом жениха лишь тогда, когда будет окончательно выбран и назначен этот день. Муж и в таком случае опять советуется со своей женой. День свадьбы обыкновенно называется счастливым.

Ф.В. Поярков
Дунгане
селения Каракуруз
Пишпекского уезда
Семиреченской области:
этнографические очерки¹

II

Свадьба (*цуйсифур*)²

С приближением дня свадьбы в доме родителей невесты идут деятельные приготовления и спешные работы как по заготовке и окончанию приданого невесте, так и по усиленной заготовке и закупке различных припасов к должному, приличному приему гостей, каковых на этот раз приглашается очень много. За последние, остающиеся до свадьбы, немногие дни усиленно шьется белье и прочая одежда для молодой, и если оказывается недостаточно собственных рук, то приглашаются за плату опытные, искусные портнихи и мастерицы. Вся эта работа лежит исключительно на женщинах, отец же доставляет лишь все необходимое и требуемое и заботится исключительно о приобретении в возможно большем количестве различных съестных продуктов, для чего закупает скотину, преимущественно хорошо откормленных быков; одного быка для более или менее порядочной свадьбы обыкновенно бывает недостаточно, а требуется не менее двух, а также несколько баранов; он хлопочет о заготовлении в достаточном количестве и всех прочих припасов для такого важного случая, и обо всем этом советуется со своей женой и ближними родственниками, чтобы не ошибиться, не

---

¹ В «Этнографическом обозрении» 1903 года, кн. № 2, помещена моя статья под названием «Сватовство у дунган». Статья эта исключительно относится к дунганам селения Каракуруз, как и все имеющие после появиться статьи будут иметь своим предметом жизнь дунган только названного селения. Настоящая же статья является ее продолжением, как 2-я ее глава, под общим оглавлением: «Дунгане». — *Примеч. Ф.В. Пояркова.*

² Печатается по: Ф.В. Поярков. Дунгане. Свадьба (*цуйсифур*). Отд. оттиск из «Этнографического обозрения», кн. 75. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1908. 67 с. На обложке оттиска надпись от руки: «Глубокоуважаемому профессору Василию Владимировичу Бартольду от Пояркова. 1908 г. Г. Верный. 24 дек.».

Цуйсифур (娶媳婦兒) — свадьба.

промахнуться в расчете. Некоторые из родственников часть хлопот и забот принимают на себя. Люди зажиточные, богатые обыкновенно не покупают скотины, а обходятся своею, лишь бы только это не отразилось убыточно на хозяйстве.

В доме жениха идут также деятельные приготовления, но здесь расходов предстоит уже меньше, так как главные и крупные затраты были произведены еще во время *сяолир* и *тали*, о чем говорилось в предыдущей главе. Теперь же родителям жениха остается произвести один расход, исключительно почти весь идущий на прием и угощение приглашенных гостей.

Со дня сватовства и, в частности, со дня получения больших подарков (*тали*, *сун ли*) и до свадьбы в каждом отдельном случае проходит несколько недель или месяцев, но больше проходит месяцев. В течение такого продолжительного времени под влиянием постоянных разговоров с матерью, как бы ни была невеста молода, она уже постепенно свыкается с мыслью, что ей в скором времени предстоит расстаться с родительским домом и сделаться членом новой семьи, до того, быть может, совершенно ей неизвестной; с мыслью о расставании свыкается она частью и под влиянием бесед наедине со своими преимущественно молодыми родственницами, не так давно еще вышедшими замуж; но невеста более бодро и спокойно смотрит на предстоящую перемену, имеющую с нею произойти в недалеком будущем, когда резко изменится как ее личная жизнь, так и ее общественное положение.

Поэтому с некоторого времени она начинает принимать более деятельное участие во всех делах и событиях, происходящих в доме ее родителей, особенно в тех делах, которые касаются лично до нее самой. Молодая девушка, выходящая замуж, едва ли не в первый раз в доме родителей выражает свое мнение, свою волю, подает свой голос, и к ее мнению, к ее голосу родители серьезно и внимательно прислушиваются, потому что она уже «взрослая» в их глазах; поэтому все заявления и требования молодой девушки отцом и матерью по возможности исполняются беспрекословно (так мне, по крайней мере, приходилось слышать). Делаемые приготовления все более и более поглощают внимание молодой девушки, она входит во вкус их, всем интересуется и старается уже о том, чтобы войти в дом будущего своего мужа по возможности поприличнее, чтобы у нее все было, чтобы в первое время не подвергнуться насмешкам или упрекам со стороны своих новых родственников, главным же образом со стороны своих родственниц, почему относительно своего приданого, как его качества, так и количества, невеста следит очень внимательно, и мать по этому поводу постоянно с ней советуется. Как у других народов, так и у дунган между матерью и дочерью в подобных случаях, происходят пререканья и размолвки, и дочь по адресу матери иногда посылает упреки.

Нам, между прочим, удалось записать следующий диалог, происходящий между матерью и дочерью по поводу приданого. Дочь, упрекая мать, говорит: «У меня несколько братьев и невесток, все они богаты, постоянно они одеты в

лучшие платья и т.д.». «Прошу, дочь, — отвечает мать, — остановись... перестань, напрасно меня не укоряй, прежде выслушай. Свекровь твоя прислала тебе 32 *ляна* (около трех фунтов) серебра, а сколько есть у меня, то всё принадлежит тебе, всё отдаю тебе. Даю тебе красных шелковых кофт три пары и из белого шелка две пары, башмаки разноцветные, башмаки большие и малые без счета, ими наполнены два кожаных сундука. Нанятые плотники делали для тебя столы и кресла; один ореховый стол разукрашен узорами; одна пара оловянных банок для румян. Будет тебе медный таз с цветом *мутан* [牡丹 'пионовый'], а также стойка (вроде нашего туалета), куда будешь ставить зеркало. Все гребешки сделаны из красного дерева. Медные подсвечники, вычищенные, сияют, их три пары. Одна пара серебряных браслетов весом в три *ляна*. Перстней две пары. Кофт обиходных простых пять штук и таких же штанов пять пар. Одна пара серег из чистого золота. Для головы полное *инхо* [銀貨, дунг. *йин¹хуэ^{III}* 'серебряные украшения'] (так называется полное головное украшение), оно сделано из чистого серебра. Белых и красных кошм по четыре штуки, и столько же подушечных наволочек, вышитых шелком. Одеял из красного сукна — две пары. Синих и красных рубах — по десяти штук. Румян белых и красных — полный ящик. Мыла — пять фунтов (*цзо чжо*, какое-то растение, имеющее свойство мылиться). Щипчики для орехов из стали также будут. Хороших чашек десять штук, ложек (китайские ложки-палочки) также десять пар. Будут еще медные ложки и вилки из желтой меди, урыльник из красной меди. Белых полотенец в три аршина — одно. Две пары платков из черного шелка. Будет также у тебя прибор, обделанный в золото, в котором ты найдешь копоушки, зубочистки, щипцы для выдергивания волос на губах, в носу и для выдергивания заноз. Занавесок на две двери из синего полотна — четыре штуки, серых стеганых занавесок для зимы — одна штука. Все это я отдаю тебе, дочь моя, и еще дам тебе много другого: матери твоей ничего не нужно».

Независимо от того прямого интереса, который представляет этот ответ, из него, между прочим, мы видим, что дунгане, живя в Китае, в домашней своей обстановке пользовались исключительно чисто китайскими предметами, а именно: вся домашняя мебель, серебряные и золотые головные украшения, а также вся без исключения одежда, ее форма и покрой, все приборы и принадлежности для стола, туалета и проч. и проч. — все это было чисто китайское. Еще в бытность дунган в Китае они пользовались предметами, которые сделаны были руками ненавистных им китайцев. И по переходе своем в Россию дунгане в домашнем своем обиходе продолжают пользоваться теми же самыми предметами. Указываю на это обстоятельство потому, что дунгане — ревностные мусульмане-фанатики и, как известно, страшно ненавидят китайцев, но не брезгают нисколько пользоваться китайскими вещами.

Дунгане, как то нам приходилось видеть не раз, даже ради такого важного события, как свадьба, никогда не изменяют обстановки и вида своих жилищ: все

в них остается по-прежнему, как и в обыкновенный день. В комнатах также спокойно в одном углу лежит кукуруза, как она лежала ранее и до этого, в другом углу стоит в капах пшеница, рядом с нею находятся лопаты, текмени и другие орудия незамысловатого дунганского хозяйства. В комнате, отведенной для молодых, также не делается никаких перемен к лучшему, если не считать того, что уберут с кана старые одеяла и кошмы и заменят их новыми — вот и все перемены, которые делаются внутри, в том числе и в комнате, предназначенной для молодых. Для такого выходящего из ряда события дунгане не считают также нужным изменять и наружный вид своих саклей, последние и в этот день остаются одинаково серыми и угрюмыми, как и самые их владельцы, к побелке своих домов они никогда и ни в каких случаях не прибегают, да это им совершенно и неизвестно. Во дворе, в сараях (в последних нередко помещается часть гостей, в том числе солидные и важные муллы и ахуны) также ничего не убирается, а напротив, всё в них остается в прежнем порядке, и по наружному виду двора или дома нельзя заключить, что здесь сегодня будет происходить важное семейное торжество, если не считать того, что часть двора еще накануне отгораживается чием или циновками, где будут обедать приглашенные гости.

Правда, в некоторых домах в день свадьбы с раннего утра можно видеть высокоперетянутые и притом через весь двор (это бывает только в доме жениха) веревки, на которых хозяева в знак радости и довольства развешивают куски яркой материи, по преимуществу красной (главным образом излюбленный дунганами наш кумач, или «француз», как они его называют; название это позаимствовано ими от русских), а также куски бумажной материи синего цвета — последний цвет также пользуется у дунган широким вниманием, и поэтому он у них в большом ходу. Нередко в таких случаях можно видеть красующимися на тех же веревках развешанные различные костюмы, как то: халаты, штаны и кофты красного или синего цвета, большие и малые башмаки, вышитые разноцветным шелком и т.п.

Но подобную картину можно встретить, как я заметил, не в каждом случае. Обыкновенно же многочисленная толпа ребятишек, еще задолго до того времени, когда начнут съезжаться гости, наполняет дворы жениха и невесты в ожидании предстоящего угощения. Одеты они несколько лучше и чище, нежели в остальные дни. Так как свадьбы происходят большею частью осенью и зимою, то на всех детях можно видеть ватные кофты и такие же штаны, на ногах их — башмаки, обтянутые черным плисом и вышитые белым шелком. У некоторых из них под подошвами башмаков привязаны тонкими веревочками вокруг ног деревянные дощечки, во всю ширину которых снизу в двух местах (спереди и сзади) прибиты небольшие вертикально поставленные перегородки, это делается для того, чтобы сберечь свою щегольскую и нарядную обувь. Такие своеобразные и бесспорно дешевые калоши употребляются только в грязную и ненастную пого-

ду, но чтобы ходить в них было удобно, этого сказать нельзя. На головах у всех детей расшитые разноцветным ярким шелком новые шапочки, которыми они и щеголяют друг перед другом. Присутствие множества нарядных детей — это, пожалуй, будет одна из тех примет, по которой каждый дунганин, помимо всяких сообщений или приглашений, безошибочно заключает, что в таком доме в этот день будет происходить какое-либо важное семейное празднество. Беззаботно и весело предаются дети своим незамысловатым играм, а еще более они счастливы потому, что на сегодняшний день избавились от скучного и монотонного учения, что хотя в этот день крепкая палка с широким основанием (наподобие нашей лопаты, только в меньшем виде), которую вооружен их суровый учитель-мулла, не будет гулять по их спинам и ладоням. Радостное настроение детей, их веселый говор и смех, пестрые и яркие их костюмы резко выделяются на сером, желтом фоне всей остальной домашней обстановки дунганских жилищ. В толпе этих ребятшек нередко находятся и взрослые парни, между которыми часто можно встретить и жениха, спокойно играющего с ними, особенно если он молод. При виде его, беззаботно веселящегося со своими сверстниками, никому из посторонних и в голову не придет, что здесь находится жених, герой дня, но среди всех остальных он выделяется более лучшим, а главное, несколько особенным нарядом, о чем скажу после.

Дня за два-три до свадьбы родственники, друзья и знакомые несут жениху и невесте подарки, каждый из них несет своей родственной или знакомой стороне, если же кто знаком одинаково хорошо с обеими сторонами, находится в хороших отношениях с той и другой или же приходится родственником обоим, то таковые обязательно делают подарки жениху и невесте. Подарки эти состоят в следующем: один дарит хороший халат, другой несет башмаки (*хай* [鞋]) или ичиги с калошами, иной — вышитую шапку или же дарит от пяти, десяти копеек до 20 рублей и больше деньгами, более же бедные несут пять-шесть фунтов сухих фруктов (изюм, урюк, фисташки, орехи и т.п.) или же две-четыре связки сухой лапши (*гуамянь* [掛麵]) или от пяти до десяти фунтов сырого мяса, но большинство отделяется четыремя-пятью аршинами красной бумажной материи, по преимуществу кумачом или «французом». Более состоятельные дарят шелковые материи разных цветов, но главным образом преобладают красный и синий цвета, одним словом — каждый дарит по своему состоянию и по своим средствам, а также в зависимости от степени родства и тех отношений, в которых находится дарящий с родителями жениха и невесты. Подарки эти, какова бы ни была их ценность, обыкновенно несут на подносах.

Подарки принимает сам хозяин дома, который каждому, принесшему подарок, кладет, в свою очередь, на поднос несколько сладких хлебцев и горсти двести сушеных фруктов. Поднос этот со сладкими хлебцами и сушеными фруктами, которыми хозяин отдаривает своих гостей, называется *хуйтань* [回盤], т.е. «воз-

вратный поднос». Имена даривших и то, что ими подарено, записываются аккуратно на красной бумаге кем-либо из близких родственников или знакомых жениха и невесты, и список этот после передается жениху для проверки. Список этот называется *лидань* [禮單], т.е. реестр подарков. Так об этом обычае свидетельствует В.Ф. Ладыгин³, прекрасный знаток быта китайцев и, в частности, дунган; мне лично этого обычая не пришлось видеть.

Я же видел следующий порядок: каждый приглашенный на свадьбу гость, будет то родственник или знакомый, обязательно несет какой-нибудь подарок в самый день свадьбы, каковой держит не на подносе, а прямо в руках, и таковой с вежливым поклоном вручает хозяину, который, приняв подарок, отвечает таким же поклоном с выражением благодарности и еще раз приглашает гостя на свадьбу. После чего принесший подарок проходит во двор и смешивается с толпой ранее пришедших гостей. Должен сказать, что в большинстве случаев хозяин встречает гостей у ворот своего дома, но иногда и внутри двора близ дверей дома. Насколько мне приходилось видеть, подарки делаются вообще недорогие, они не поражают количеством своим и не отличаются особенною ценностью, так как дунгане — народ расчетливый, крайне бережливый и довольно скупой. Подарки те же, которые мы привели выше, но главным образом отделяются нашим недорогим кумачом или «французом», которого в иную свадьбу надаривают от 100 до 200 арш[ин] и более. Иные дарят и деньгами, но в таком случае ограничиваются по большей части одним рублем, редко кто из более зажиточных дает два-три рубля. Подарки точно так же записываются на красной бумаге; записывающий сидит рядом с хозяином у ворот дома. Всё принесенное хозяева складывают в одно место — в сундучок или просто в ящик, а за неимением того и другого, кладут в угол.

Обыкновенно в 9–10 часов утра начинают собираться гости как в дом жениха, так и в дом невесты. В такое время можно встретить, что мужчины, женщины и 10–12-летние (и большего возраста) девушки идут вместе, причем женщины и девушки идут с открытыми лицами. Одежда взрослых мужчин и на этот раз мало чем отличается от будничной, большинство мужчин прямо идет с работы: кто в чем был, так и идет на свадьбу, но зато прекрасная их половина вполне пользуется настоящим случаем, чтобы нарядиться во все лучшее и блеснуть перед многочисленным собранием своими дорогими украшениями и нарядами и тем представить себя в наиболее выгодном свете, а особенно своих подрастающих дочерей. Замужние молодые дунганки тщательно убирают и украшают свою голову, начиная с прически, которую они делают в чисто китайском вкусе.

---

³ Ладыгин Вениами́н Фео́дорович — губернский секретарь, заведовал дунганской школой в сел. Каракунуз, преподавал там, участвовал в экспедиции В.И. Роборовского в Восточный Тянь-Шань и Наньшань в 1893–1895 гг. в качестве переводчика.

Прическа эта бывает довольно фигурная и сзади имеет вид петушиного гребешка. На голове у них целый сад красиво и изящно сделанных искусственных цветов, среди которых виднеются серебряные и золотые украшения своеобразной формы, в ушах длинные, также золотые или серебряные серьги, нередко доходящие почти до плеч. Все эти украшения делаются самими дунганями, но стиль их чисто китайский. Толстым слоем, по обыкновению, лежат белила, румяна на лице, ушах и шее, на последней одинаково как сзади, так и спереди. Верхняя одежда их состоит из кофты (покрой китайской курмы) с широкими рукавами и доходящей до талии или немного ниже, в более же холодное время кофту заменяет длинный халат, также чисто китайского покроя. Края рукавов как кофты, так и халата обыкновенно бывают обшиты шелковой тесьмой, этой же тесьмой вышит весь воротник (последний обыкновенно делается невысокий), подол и обе полы вдоль всего края от верху и до низу. Штаны у молодых замужних женщин из бумажной или шелковой материи по преимуществу красного цвета, у женщин же более зрелого возраста из синего, голубого или серовато-черного цвета. Яркие, нередко красные башмаки из бумажной материи или же из плиса вышиты разноцветным шелком. На груди зеркальце и прибор, содержащий зубочистку, копоушку и проч.

Старухи дунганки не белятся и не румянятся; покрой платья их тот же самый, что и прочих женщин, но он весь состоит из однообразного синего или черного цвета, на голове нет никаких украшений, а голову они покрывают черным или белым небольшим бумажным платком, которому придают форму косынки. Взрослые девушки, подрастающие невесты делают на голове сбоку один только пробор, волосы заплетают в одну косу, над лбом и над висками идет полукругом один ряд ярких цветов, а у иных цветы расположены в два-три ряда: последнее считается щегольством. У девочек младшего возраста нередко приходится видеть, что от впереди лежащего цветка, расположенного вокруг лба, висят, спускаясь, три-четыре отростка, из коих средний идет по самой середине лба и доходит до переносицы, а боковые отростки цветка лежат на висках. Если бывает больше отростков, то таковые спускаются и на самые глаза. В ушах также золотые или серебряные серьги. Яркого цвета кофты и по большей части узкие, красные штаны, галоши которых подобраны и завязаны на несколько сантиметров выше лодыжек, и красные же шелковые маленькие башмачки составляют весь наряд молодой дунганской взрослой девушки.

Прибывшие женщины и девушки проходят на женскую половину в отдельное помещение, где они по большей части и усаживаются на кане, поджавши под себя ноги. Хозяйка угощает их чаем, фисташками, простыми и миндальными орехами, дешевыми конфетами, маленькие кусочки нашего сахара, нередко грязные и пыльные, также входят в состав этого десерта. На свадьбе свободно участвуют дети обоого пола и всякого возраста. Такова в общих чертах картина начала

свадьбы, одинаковая как в доме жениха, так и в доме невесты. А теперь пойдем в дом последней и посмотрим, что там делается.

Еще накануне дня свадьбы взрослые девушки, дочери родственников и хороших знакомых, собираются к невесте и усаживаются вместе с ней в отдельной комнате на кане. Возле невесты с утра этого дня неотлучно сидит солидная и почтенная старуха, приставленная от родителей ее. Старуха эта на другой день должна сопровождать невесту в дом жениха, почему и называется *шуциньди лаопоцзы* [手輕的老婆子], т.е. провожатая старуха. Собравшиеся подружки в последний раз забавляют и развлекают невесту рассказами и разными шутками, каждая из подруг старается быть находчивой и изобретательной, чтобы невесте было нескучно, но еще более усердно они едят и пьют, так как их хорошо угощают. Нередко во время этих развлечений своими подругами невеста и всплывает, но больше и чаще плачут ее отец и мать. Это посещение невесты подругами, означающее проводы и прощанье с нею ее подруг, у дунган называется *цзо кан* [坐炕], т.е. сидение на кане.

В этот же день, в полдень, приезжает к невесте от родителей жениха старуха с большим красным платком, в котором завязаны орехи, и с женским верхним платьем (*дангор*). Платье это называется *нин-и* [擲衣], т.е. разлучающее с родным домом, с родителями, платье. Еще при входе старухи во двор, как только ее завидят, родители невесты и их родные, какие в это время случаются, и сама невеста начинают плакать, особенно сильно и долго плачут мать и невеста, отец же в это время находится по большей части во дворе, и хотя также много плачет, но продолжает делать распоряжения относительно приготовлений к завтрашнему дню. Присланная от жениха старуха, войдя в комнату, где находится невеста, бросает из платка привезенные орехи на девушек, последние, кидаясь друг через друга, подбирают орехи, и каждая старается захватить себе больше, а если какой покажется, что на ее долю досталось мало орехов, то отнимает у другой, чем девицы производят порядочный шум, суматоху и совсем в это время позабывают о своей подруге-невесте.

Старуха во время этой суматохи, с легкой усмешкой и торжествующим видом, завязывая, закрывает голову и лицо невесты красным платком, что означает, что с этой минуты она, невеста, уже не девушка, а женщина. Сделав это, старуха обращается к подругам невесты, подсмеивается и подтрунивает над ними, говоря с упреком, как это они так легко проглядели, просидели свою подругу, несмотря на то что их много; но те, не обращая на это внимания, пристают к старухе, торжествуют ее и просят еще орехов; старуха отвечает, что в скором времени она привезет еще больше орехов, а также постарается тогда захватить и других сластей, но только чтобы они на будущее время лучше берегли своих подруг, а то если будут так плохо беречь, то скоро во всей деревне не останется ни одной девушки, все они скоро выйдут замуж и ей некому будет больше возить орехов. Девушки

хочут и говорят, что если так, то им ничего не нужно, и пусть она убирается подальше. Перекинувшись еще несколькими веселыми словами и шутками, старуха уходит к матери невесты, где ей оказывают полный почет и внимание и усердно угощают. Старуха эта называется *дагайтуди* [打蓋頭的] или *шантуди* [上頭的], т.е. покрывающая голову невесты. По уходе этой старухи провожатая старуха, т.е. *шуцинъди лаопоцзы*, та самая, которая приставлена к невесте ее родителями, вместе с находящимися здесь девушками снимает с головы невесты красный платок, расплетает ее девичью косу, и общими силами все вместе делают ей женскую прическу, после чего одевают в платье замужней женщины, в то самое платье, которое привезла из дома жениха старуха *шантуди* или *дагайтуди*. Невеста во время этого одеванья плачет, плачут вместе с нею и некоторые более близкие ее подруги, а другие стараются утешать невесту. Подруги эти остаются весь этот день с невестой, их угощают обедом, чаем и разными дешевыми сладостями, некоторые из них остаются ночевать вместе с невестой.

В день свадьбы, рано утром, невесту убирает одна из родственниц, особенно тщательно и долго она причесывает ее голову, причесывает так же, как и замужнюю женщину. Общими силами этой родственницы и подруг невесте умывают лицо, шею и руки, после чего усердно ее белят белилами, последних, конечно, нисколько не жалеют, после чего невесту одевают во всё новое, самое дорогое и лучшее платье, приготовленное ее родителями; одевают так же, как и замужнюю женщину, и затем голову убирают цветами, конечно, искусственными, надевают серебряные украшения или золотые, если таковые имеются, на каждую руку по браслету, в уши вдевают серьги. Таким образом, убранная и тщательно одетая, невеста садится на кан, лицом повернувшись в угол к западной стороне, лицо ее остается открытым, возле нее неотлучно сидит ее провожатая старуха, *шуцинъди лаопоцзы*, и несколько более близких подруг.

Комната эта постепенно наполняется прибывающими женщинами и девушками. Чем больше вокруг невесты женщин и девушек, тем для нее лучше, значит, невеста пользуется большим уважением, которое она, будучи девушкой, заслужила, а также и ее родители. Вследствие присутствия многих гостей в комнате невесты господствует полное оживление, но сама она не принимает ровного участия во всем происходящем вокруг нее, она сидит молча и неподвижно и, как статуя, безучастно смотрит в угол комнаты, иногда только вполголоса ответит на какой-либо вопрос, изредка к ней обращенный. Сидит она так неподвижно, что в течение долгого времени никуда не повернет головы и сама не шелохнется; в эту минуту, глядя на нее, невольно приходит мысль, что перед нами не живой человек, а какой-нибудь истукан, и впечатление это еще тем более усугубляется, что сама невеста в данную минуту, усердно набеленная, нарядная и наряженная в своеобразный костюм, напоминает собою настоящую куклу. Когда невеста будет совсем одета и убрана, об этом дают знать в дом же-

ниха, откуда, спустя немного, приезжает старуха, которая также называется *шантуди* или *дагайтуди*, т.е. «покрывающая платком голову», но уже не та старуха, которая была накануне, а другая, она также покрывает голову невесты платком, но делает это в день свадьбы, когда невеста будет уже совсем одета... Двор жениха и невесты постепенно наполняется прибывающими гостями.

Если невеста в последние дни, а особенно накануне и в день свадьбы, составляет предмет особых забот и внимания, нельзя того же сказать про жениха: на него мало или почти совсем не обращается внимания, в среде гостей он почти не показывается, а сидит где-нибудь в отдельной сакле или на заднем дворе со своими товарищами, которые без всякого стеснения и излишней церемонии то и дело над ним подсмеиваются и подтрунивают — кто ущипнет его, а кто под видом особой дружбы заедет, и притом довольно чувствительно, кулаком в спину. Жених не стесняясь отвечает тем же, дело между ними иногда доходит до порядочной свалки, в которой жениху приходится получить немало чувствительных дружеских ударов, тем более что в этот день он мало находит защитников и сторонников между своими же товарищами, наоборот, каждый из них на прощанье старается оставить по себе память более или менее значительными пинками или ударами. Иной раз жениху было бы совсем плохо, если бы на выручку его, услышав большой шум и крик, не являлись на помощь взрослые, которые своим вмешательством и прекращают ссору, начинавшую принимать довольно серьезный характер.

Такие сцены обыкновенно происходят за домом или на заднем дворе, чтобы не видели взрослые. Дунгане народ вспыльчивый и легко раздражающийся, почему нередко случается, что, начав играми и шутками, они быстро переходят к ссорам и серьезным перебранкам, которые и оканчиваются зачастую порядочным, а то и совсем изрядным побоищем. Нередко добрую половину утра жених проводит за обыкновенной работой по хозяйству, как то: убирает скотину, дает корм лошадям и проч., но больше проводит время со своими товарищами в играх, в которых принимают участие и взрослые; козлом отпущения на этих играх служит, между прочим, ишак, к шее которого привязывают большую тыкву, убирают его разными цветными тряпками и таким образом на нем разъезжают по двору.

В день свадьбы жених одевается в чистую, по возможности новую одежду однообразного цвета, преимущественно синего или голубого (это излюбленные цвета у дунган-мужчин). Верхняя одежда его состоит из кофты, закрывающей все туловище, или халата, подпоясанного шелковым поясом, и штанов; в зимнее время весь костюм обыкновенно бывает теплый, т.е. стеганный, на вате, на ногах новые башмаки с узорами, вышитыми белым шелком, галоши штанов у ступни аккуратно завязаны тесемками, на ногах виднеются новые чулки, сшитые из толстой бумажной материи белого цвета, шов которых всегда проходит спереди посередине тыла стопы. На голове новая шапочка или тубетейка, вышитая разно-

цветным шелком. Через плечи перекинута красная перевязь — *хунди* [紅的], т.е. «красный». Перевязь эта, означающая символ радости, торжества, делается следующим образом: красная лента шириною в три-четыре пальца перекинута через правое плечо, одна половина этой ленты идет спереди туловища, а другая сзади его, и завязывается бантом приблизительно на уровне левого тазобедренного сочленения, другая такая же лента перекидывается через левое плечо, один конец которой идет также спереди туловища, а другой сзади, и делается также бант на уровне правого тазобедренного сустава, т.е. как раз против предыдущего. Концы перевязи, идущие от бантов, спускаются с той и другой стороны немного ниже колен. На туловище, как спереди, так и сзади, ленты перекрещиваются. Перевязь эта составляет неизбежную и неизменную принадлежность и украшение каждого жениха. Если жених слишком молод, то кто-нибудь из его родственников или знакомых обучает в это время его известному церемониальному поклону, который он обязан будет сделать после обряда венчания всем муллам и собравшимся гостям. Иной жених учится делать этот поклон в течение нескольких дней.

Во дворе жениха стоит приготовленная телега для невесты, телега эта на коротком ходу обыкновенно тюменской работы. Для такого случая телега эта всегда готовится с крытым верхом. На дно телеги кладется одна или две и больше белые кошмы, простые и раскрашенные, это смотря по достатку. Верх кибитки покрывается чистою белую или разрисованною кошмою — это у бедных, богатые же убирают эту телегу довольно роскошно, верх ее они покрывают яркой шелковой материей по большей части красного цвета. Дуга и лошади обыкновенно убираются в обилии красными лентами. Верховые лошади, предназначенные для жениха и его провожатого (*пэйнюсю* [陪女婿]), и сёдла щедро перевязываются лентами такого же цвета.

Около 11–12 часов гости, собравшиеся в доме жениха, все почти отправляются в дом невесты, за исключением самых близких родственников и друзей жениха, которые едут вместе с последним спустя некоторое время.

Когда из дома невесты дадут знать, что все гости уже собрались, из дома жениха отправляется приготовленная для невесты разукрашенная телега, в которой едет старуха, а с нею еще три или четыре молодые женщины, по большей части родственницы или же близкие знакомые жениха. Женщины эти заблаговременно приглашаются, и притом такие, которые для такого важного случая могут блеснуть перед прочими более роскошными нарядами, обилием цветов и серебряных или золотых украшений на голове, а также щеголяющие своими наплечниками (*пэйцзянь* [帔肩]).

Наплечники эти состоят из тонких кованых пластинок шириною в два-три пальца и сделаны из серебра или золота, в находящиеся между ними промежутки вставлены разноцветные стекла. Пластины эти обыкновенно нашиваются лучеобразно на шелковой цветной материи и укрепляются на плечах. Богато одетые

женщины выбираются для большей представительности, старуха же, находящаяся вместе с ними, будет сопровождать невесту в дом будущего ее мужа вместе с провожатой старухой, приставленной к невесте ее родителями еще накануне дня свадьбы и все время находящейся при ней безотлучно. Вслед за этой телегой едут остальные родственницы и знакомые женщины и дети со стороны жениха; в случае если богатая свадьба, то поезд этот состоит из 10–20 телег, если бедная — то не менее двух-трех.

Приехавшие от жениха за молодой женщины (*цойцуньди* [去親的], т.е. «отправляющиеся за молодой, за родственницей») прямо проходят в комнату, где сидит невеста, у двух из них в руках по узлу, одна — с маленьким, а другая — с большим узлом. Та женщина, которая держит маленький узел, по большей части старуха, быстро всходит на кан, развязывает его над головой невесты и обсыпает ее орехами, урюком в знак того, чтобы молодая была плодovита и жила бы замужем в довольстве и достатке, — и платком этим сейчас же закрывает лицо невесты. Орехи же и урюк немедленно подбирают находящиеся здесь женщины и девицы и поедают.

Лишь только поезд этот приближается к дому невесты, как ее родители и она сама начинают плакать. Плач этот усиливается, лишь только приехавшие женщины входят в комнату невесты; особенно горько и громко плачут невеста и [ее] мать, последняя не отходит от дочери; находящиеся здесь родственницы их также плачут. Плачут с громким и резким гортанным причитыванием. Приехавшие за невестой родственницы жениха утешают плачущих и убеждают их долго и горячо, причем и сами при этом случае немного всплакнут, но сквозь слезы пускают в ход все свое красноречие, чтобы успокоить родных невесты и, насколько хватает их сил и умения, выражают им свое участие и соболезнование по поводу предстоящей разлуки их с дочерью. Они берут их за руки, жмут их, кладут свои руки на плечи плачущих или же прикладывают их руки к своему сердцу в знак того, что они глубоко сочувствуют и понимают всю тяжесть настоящей разлуки и также одинаково горячо разделяют переживаемую ими минуту, как бы и сами они испытывали и переживали при расставании со своею собственною дочерью. В то же время родственницы жениха просят их так сильно не убиваться и не печалиться, так как дочь их будет жить хорошо и спокойно в новом семействе: свекровь и свекруха люди добрые и никогда не будут обижать свою невестку, а напротив, будут ее всячески жалеть, любить и учить ее всему доброму и хорошему, да и жених такой же прекрасный и добрый человек, который будет свою жену любить и т.д. и т.д. Отец невесты находится обыкновенно на дворе, он плачет, стоя где-нибудь в углу, братья невесты, если таковые есть, также не отступают от своих родителей и плачут не менее горько.

Утешив, насколько возможно, родных невесты, та женщина, которая только что обсыпала ее, развязывает платок с ее лица, затем снимает с головы ее все

украшения и цветы, разбирает всю прежнюю ее прическу, для чего осторожно развязывает шнуры, и выбирает все шпильки и проволоки, которыми были укреплены волосы невесты, и сама вновь причесывает невесту. Причесывает долго и старательно, приглаживая и подбирая волос к волосу, если же таковые выказывают некоторое упорство и не хотят прямо и ровно ложиться, как того желает причесывающая, то она без всякой церемонии как связующее средство пускает в ход свои слюны, которыми обильно смачивает волосы невесты.

Наконец, окончилась длинная процедура причесывания и убирания головы невесты, лицо ее вновь умыли, щедро нарумянили, набелили, надели на голову все цветы и украшения, и та же самая женщина вновь завязала лицо ее платком. Так как невесте приходится довольно продолжительное время сидеть завязанной, то в таких случаях употребляется обыкновенно легкий платок. Перестают и плакать. Приехавших за невестой *цуйцинди* угощают чаем, домашними печениями и разными сладостями, одним словом, им оказывают самое полное внимание, на какое только способны дунганки; в ухаживании за ними принимают участие все находящиеся здесь родственницы невесты.

Вскоре после этого приезжает и жених. Он едет в сопровождении своего *пэйнюсю*, т.е. провожатого, окруженный своими товарищами-сверстниками. Все они едут верхом. Более пожилые родственники и знакомые жениха едут на телегах. Лошади и седла жениха и его провожатого, как было сказано выше, убраны разноцветными лентами, и жених одет во все новое, и на нем красная перевязь. Жених со своим провожатым, приехавши в дом невесты, делает родным и знакомым ее поклон (своего будущего тестя он еще не видит), после чего их проводят в отдельную комнату, и здесь сидят они до тех пор, пока муллы не прочтут установленные молитвы из Корана. В иных случаях бывает и так: жених, подъехав к воротам дома невесты, останавливается и посылает ей визитную карточку, прося разрешения или позволения войти в дом; сам же дожидается у ворот до тех пор, пока брат или ближайший родственник невесты не принесет согласие последней, после чего жених уже и въезжает во двор.

К приезду жениха собрались также почти все муллы и ахуны, которых в особенности для такого важного случая приглашается не менее 20–30 человек; если же свадьба богатая, то приглашается и больше этого числа. При входе они обыкновенно говорят приветствие (*салам*), все присутствующие их встречают стоя, о чем подробно было говорено в предыдущей главе. Как только пришел главный мулла (или ахун), поспешно расставляются столики, еще поспешнее ученики мулл и ахунов раскладывают Коран, каждому мулле дается по небольшой его части. Перед главным муллой ставится на столик небольшая чайная или деревянная чашка, обыкновенно китайского изделия, наполненная пшеницей, и в эту чашку втыкают семь свечей или, правильнее, семь очень тоненьких палочек, обернутых зеленой бумагой. Свечки эти готовятся исключительно китай-

цами, и каракурузские дунгане достают их в Кульдже или Кашгаре. Эти свечи зажигают перед началом чтения Корана, свечи эти не горят, а тлеют, подобно нашим известным курительным свечам, или монашкам: тлея, они издают особый специфический и притом весьма слабый запах, но довольно приятный. Употребляются эти свечи при каждом чтении Корана, по какому бы случаю таковое ни происходило. Зажегши эти свечки, начинают читать Коран. Характер чтения Корана также не меняется, по какому бы случаю это чтение ни происходило, это все равно: читают обыкновенно все вдруг, читают громко и скоро, точно каждый из них старается перегнать один другого. Один из родственников жениха тут же, вблизи мулл, нисколько не стесняясь, что происходит чтение священных молитв, серьезно занят раскладкою денег для уплаты муллам и ахунам за их труд.

Вознаграждение обыкновенно дается самое скромное: самому старшему, наиболее почтенному и уважаемому мулле дается от 20 коп[еек] и до одного рубля, редко когда больше, а всем остальным от пяти и до семи или десяти копеек. Как бы ни была мала и скромна плата, но обязательно предназначенный каждому мулле гонорар завертывается в бумажку белого или красного цвета, как того требует приличие. Приготовив плату и разложив свертки на подносе в известном порядке, заведующий этим делом сейчас же, нисколько не медля, преподносит их еще во время чтения Корана, но обычный порядок от этого нисколько не нарушается, каждый мулла берет предназначенный ему сверток и, как ни в чем не бывало, преспокойно продолжает читать свою часть Корана дальше.

Остальная, находящаяся здесь многочисленная публика слушает чтение Корана или только делает вид, что слушает, так как из такого одновременного чтения несколькими десятками голосов, притом чтения громкого и резкого, едва ли можно что понять даже самому внимательному правоверному слушателю. К концу чтения Корана провожатый (*пэйнюсю*) выводит жениха, сидевшего все время по приезде в отдельной комнате, на средину места, занимаемого муллами, и ставит его лицом к ним. Вошедши, жених становится перед главным муллой на колени на отдельно приготовленном для него столике, последний для такого торжественного случая покрывается красным ватным одеялом, свернутым в два-три раза. Перед женихом, стоящим на коленях, поджавши под себя ноги, сидит главный мулла, который читает аникагор (сартовское *ника* — молитва, которой освящается брак). Некоторые муллы и в это время все еще продолжают читать свою часть Корана. Главный мулла, прочитавши первую половину молитвы, спрашивает жениха: согласен ли он такую-то девицу взять себе в жены, и, получив от него утвердительный ответ, продолжает читать дальше; оканчивая читать вторую половину молитвы, мулла такой же вопрос предлагает по адресу невесты, но так как последняя сидит далеко в комнате и ничего не слышит, то за нее отвечает наиболее старейший из ее родственников, здесь присутствующий, или же ее

отец; получив также утвердительный ответ, мулла продолжает чтение означенной молитвы до конца обычным порядком.

Еще не успел мулла окончить чтение этой молитвы, как на столики, на которых только что читался Коран, подается десерт, состоящий из орехов простых, грецких (больших) и миндальных, сухого урюка, фисташек и домашних печений на постном льняном или кунжутном масле. Муллы, окончившие уже чтение Корана, забавляются этим десертом и в то же время острят, подшучивая над женихом, который все еще, потупив глаза, стоит на коленях и слушает чтение молитвы. Когда окончится чтение этой молитвы, жених встает со своего столика и прежде всего делает особый в таких случаях поклон, называемый *чанже* [唱惹] (или *чжанже*), главному мулле, который ему только что читал молитву.

Искусству делать этот поклон жених усердно и старательно обучается предварительно за несколько дней и, как я выше заметил, утром в день свадьбы делает еще несколько пробных опытов, чтобы не ударить лицом в грязь, не осрамиться перед многочисленным обществом своих односельчан. Особенность этого поклона состоит в следующем: обе руки, сложенные вместе, жених поднимает несколько выше своей головы (не отнимая рук), таким образом кланяется до пояса. Дунгане, которые делали когда-то этот поклон, передавали мне, что с непривычки руки скоро устают и голова начинает кружиться. Да оно и понятно, так как сравнительно в короткое время приходится сделать около 150–200 таких поклонов. Сделав поклон мулле, провожатый подводит его к каждому столику, занимаемому муллами и ахунами, и всем им жених делает поклон, соблюдая при этом старшинство. В это же время, т.е. лишь только окончилось чтение молитвенника, немедленно подается обед. В таких случаях бывает всегда торжественный обед — *сифань*. Как я сказал уже выше, за первыми тремя-четырьмя блюдами и после каждого из них ученики какого-нибудь ахуна или муллы поют священные стихи; в пении этом принимают участие и сами ахуны. Пение это резкое, громкое, с выкрикиваниями и для нашего слуха положительно неприятное, так как в нем нет ни гармоничности, ни мелодичности. По этому пению, доносящемуся до невесты, последняя узнает, что она уже перевенчана и стала уже замужнею женщиною, женою человека, которого она или совсем не видела, или же если и видела когда-либо, то так мало и редко, что совсем не может его представить, не может сказать, кто именно стал с этого времени ее мужем, и она начинает громко плакать.

Окружающие ее женщины еще громче смеются и подшучивают над ней, а другие, утешая, успокаивают ее. Форма этого утешения близко походит на то, когда мы тюкаем на собак. Находящиеся здесь дунганки целым хором, дружно, тюкают на невесту, и последняя скоро перестает плакать, а так как от слез белила на лице ее несколько сошли и образовали дорожки или полосы, то ей поспешно подаются таковые, и она быстро, как ни в чем не бывало, подбеливается и опять

закрывает свое лицо платком. Душевное настроение на женской половине в это время бывает уже более веселое, здесь замечается оживление, которого раньше не было. Гости обедают, и жених, отдав поклон муллам и ахунам под руководством своего провожатого (*пэйнюсю*), делает таковой всем родственникам невесты, а также и своим, а затем уже и всем остальным гостям без исключения, обязательно в том числе и своим товарищам и работникам, если таковые имеются в доме отца невесты, только последнему он не делает поклон, так как своего тестя и тещу он в этот день, по мусульманскому закону, не может видеть. Гости, не обращая никакого внимания на поклоны жениха, так как отвечать на его поклоны нисколько не обязательно, едят и в то же время подтрунивают над ним.

Говоря в предыдущей главе о порядке, в каком подается обед у дунган, я упустил одну маленькую особенность, а именно: после четвертого блюда подается уже хлеб, прежде подаются горячие постные лепешки, приготовленные на пару, таковые делаются небольшие, обыкновенно круглой формы, наподобие наших хлебцев, а после уже подаются лепешки на постном или кунжутном масле. Эти лепешки бывают уже большие, плоские; такой порядок не раз мне приходилось видеть. Свадебный обед заканчивается мясным кушаньем, это — рубленое мясо, из которого приготавливаются колобки; подают их в мясном соусе.

Точно так же по окончании чтения Корана и после молитвы (*ника*), освящающей брак, и следовательно в самом начале обеда в собрание гостей вносится пять-шесть и более больших круглых хлебов на постном масле, один или два больших куска сырого мяса, несколько свертков со съестными припасами (вермишель из муки или картофельного крахмала), сушеными фруктами, несколько халатов и денег, и все это передается сватам за их труды и хлопоты по сватовству и устройству настоящей свадьбы. Сватов вознаграждают поровну, и каждая сторона благодарит их особо, но время, в которое их благодарят, одно и то же — это перед началом обеда, а другие делают это во время самого обеда, приблизительно в начале или в середине его.

Жених же, отдавши поклон всем гостям-мужчинам, в сопровождении своего *пэйнюсю* идет на женскую половину и прежде всего в ту комнату, где сидит его невеста, закрытая красным платком, обратившись лицом в угол. Вокруг нее сидят почетные разряженные гости (*цюйцзиньди*). При входе жениха провожатая (*шуцзиньди лаопоцзы*) непременно подшутит над молодым и строгим голосом прикажет ему сделать поклон своей жене. Мне передавали те лица, которые ранее, когда-то, все это сами пережили, т.е. были женихами, что всякий дунганин далеко не без волнения входит в ту комнату, где находится его невеста, а тут еще совсем неожиданный строгий голос ее провожатой, к нему обращенный, и присутствие целой массы любопытных взоров молодых разряженных красавиц, уставившихся на жениха, — все это еще больше приводит последнего в смущение. Лицо жениха и без того уже красно от множества сделанных им до этого

поклонов, и в глазах уже стали ходить круги, а войдя в эту комнату, он еще более краснеет и еще более теряется при виде представившейся ему яркой и пестрой картины, состоящей из одних женщин.

Если он первый поклон сделает своей жене, что по большей части всегда и бывает (так как жених сразу узнает, где сидит его молодая жена), то между находящимися здесь женщинами поднимаются шутки и смех без конца, они громко и резко кричат и смеются, что приводит жениха в еще большее смущение. В настоящем случае жених должен делать поклоны здесь находящимся женщинам также по старшинству, а жена его, или невеста, в данное время еще не есть старшая между присутствующими, почему и здесь он, жених, должен делать поклоны по указанию своего провожатого, который старается строго придерживаться известного порядка и правил этикета, чтобы не дать повода обижаться старшим по положению или по летам, а также чтобы не нажить и себе неожиданно какого-либо врага или по меньшей мере неприятности. Невеста, как и ранее, так и в это время, сидит, обратившись лицом в угол, точно статуя или манекен, и нисколько не шелохнется. И если жених, войдя, растерявшись или почему-либо другому, поклонится прежде своей невесте, то это считается у дунган признаком того, что он будет у своей жены под башмаком!

Сделавши поклоны находящимся женщинам, как в этой, так и во всех других комнатах, жених выходит оттуда краснее мака, а здесь его встречают мальчики и товарищи-подростки и, нисколько не церемонясь, в присутствии всех, смеясь, издеваются над ним, толкают его в бока, щиплют и т.п. Но жених на всё это не обращает ни малейшего внимания, а соблюдая должное случаю достоинство, молча и с серьезным видом отвешивает каждому установленный и заученный им ранее поклон (*чанже*), кому он еще его не сделал. Иногда порядок отдания этого поклона бывает и другой, а именно: отдавши поклон ахунам, муллам и ближайшим родственникам-мужчинам, жених в сопровождении своего *пэйнюсю* идет на женскую половину, где делает поклоны всем женщинам, там находящимся, и невесте и, уже возвратившись оттуда, делает поклоны остальным гостям-мужчинам, в том числе товарищам и работникам и т.д.

Для полноты картины должен сказать, что у дунган редкий обед проходит без проповеди, которую говорит обыкновенно старший ахун или мулла. Чем богаче свадьба или если хозяин дома по какому-нибудь более или менее важному случаю устраивает у себя обед, то обязательно какой-нибудь мулла, по преимуществу пользующийся влиянием среди своего общества или даже своей только партии и отличающийся красноречием, говорит проповедь, что бывает в середине обеда или во второй его половине. Дунгане — большие охотники до проповедей и любят их слушать, да оно и понятно — в большинстве случаев их проповеди носят злободневный характер. Проповедь у дунган является поэтому могучим, сильным и притом самым верным средством для проведения в общество извест-

ных, нередко ранее намеченных целей, желательных только или одному мулле или небольшому кружку влиятельных и богатых людей. Направление жизни общественной дается у дунган муллами или ахунами в проповедях, которые говорятся поэтому всегда на обедах и в мечетях; проповеди эти очень часто влияют на взаимные отношения односельчан, часто изменяя их или даже обостряя. И вот нередко дремавшие до того страсти, гнев и вражда, смутно бродившие в массе, или совсем утихают, прекращаются или же, напротив, вспыхивают с особенной силой, переходя в открытую вражду, весьма часто оканчивающуюся большими и крупными взаимными побоищами и драками, в результате которых бывают увечья, а сплошь и рядом убийства.

Вопросы религиозные, само собою, в этих проповедях занимают одно из первых мест. Случается, что какой-нибудь мулла позволит себе сделать небольшое отступление от буквы Корана, это уже служит достаточным предлогом для какого-нибудь более влиятельного ахуна произнести проповедь и таким образом в глазах всех обличить легкомысленного собрата. А так как почти у каждого мุลлы есть свои последователи и приверженцы, считающие своего ахуна более правым и более авторитетным в толковании вероучения, то как между самими муллами, так и их последователями возникает партийная вражда на религиозной почве, оканчивающаяся весьма часто между ними большими раздорами. В проповедях же во время свадебных обедов большею частью говорится о пожеланиях счастливой семейной жизни молодым, чтобы их семейная жизнь служила примером для других и проч. и проч. Сделав небольшое отступление, перейдем опять к дальнейшему описанию свадьбы.

Отдавши поклоны всем, жених уезжает из дома невесты к себе домой, причем провожатый его (*пэйнюсю*) едет несколько впереди, а за ним уже молодой, окруженный своими товарищами-сверстниками. Если же по дороге встретится какой-нибудь знакомый жениха или же знакомый или родственник его *пэйнюсю*, то по приказанию последнего жених сходит с лошади и делает установленный поклон (*чанже*), несмотря ни на какую погоду и грязь. Некоторые в этом случае делают поклоны всем лицам, которые им встретятся на улице — безразлично, будут ли то знакомые жениха или его провожатого или же не знакомые ни тому, ни другому (это зависит от усмотрения провожатого, приказанием которого жених подчиняется в данном случае беспрекословно). Когда жених отдает поклон лицу, встретившемуся на улице, то вся сопровождающая компания останавливается и ожидает, пока он сделает требуемый обычаем этот знак вежливости, после чего жених садится на лошадь, и все в том же порядке продолжают путь далее.

Обед в доме невесты подходит к концу. Со времени прибытия *цуйцинди* невеста и ее мать почти не перестают плакать, плачут все время. Плач этот надрывает душу. Чем ближе подходит минута расставания, тем плачут сильнее и громче. Мать не отходит от дочери всё время, она берет ее за руки, за плечи, прикла-

дывает свои руки к ее груди, к ее сердцу, сама, горько плача, утешает плачущую дочь, дает ей советы, наставления, как жить в новой семье, как поступать и что делать, чтобы ей там лучше и легче жилось. По-видимому, всю свою душу, всю свою горькую житейскую опытность и знания она в это короткое время хочет вложить своей юной дочери, чтобы та не сделала каких-либо крупных промахов в новой семье.

Как ласточка, выпуская из гнезда своих уже оперившихся и достаточно созревших, но еще совсем малоопытных птенцов, учит их летать, заботливо в первое время исправляя каждый неосторожный шаг, ими сделанный, и своим тревожным криком предупреждает о всякой малейшей опасности, им грозящей, так и дунганка-мать, провожая свое дорогое, любимое детище в чужую семью, тоже молодое и неопытное, дает уроки и наставления, какие она считает по своему разумению наиболее подходящими, чтобы предохранить и избавить ее от укоров, нареканий и насмешек и в то же время оградить и себя, потому что за всякую ошибку, сделанную ее дочерью, прежде всего будет обвинять ее, мать.

Мать, как и знакомые, обыкновенно плачет с причитанием. Характер плача грубый, вырываются по преимуществу гортанные звуки, потому плач выходит резкий, как бы лающий, и издали несколько напоминает рев диких животных.

Но вот обед кончился. Старший мулла, или ахун, прочитал молитву, по окончании которой из груди всех присутствующих раздалось полугромко заключительное *алла гебер* («великий боже!»), скорее, или правильнее сказать, как бы вырывающееся из гортани, и все обедавшие встали. После чего обедают женщины, они всегда обедают отдельно от мужчин, нередко обедают одновременно, но в таком случае обед женщинам подают в комнаты, если их не слишком много; если же их много, то для них отгораживают циновками или берданками отдельное место, обыкновенно рядом или вблизи с мужчинами, и всякий желающий наблюдать своих красавиц, может вполне удовлетворить свое любопытство — неудовольствия или претензий на это с их стороны замечать не приходилось. С женщинами обедают обыкновенно дети и взрослые девушки.

Вскоре после обеда одна из приехавших за невестою *цойцинди* развязывает привезенный ею большой узел, в котором находилось красное ватное одеяло, бумажное или шелковое, это смотря по достатку, — в иных случаях вместо одеяла бывает большой платок такого же цвета, — и разостлав его на кане, усаживает на это одеяло или платок невесту и завертывает ее в него, лицо же ее еще задолго до этого было завязано красным платком. Кто-нибудь из самых близких родных, отец или брат (если же несколько братьев, то самый старший из них), берет невесту на руки, выносит ее и усаживает в приготовленную заранее, но обязательно присланную женихом телегу; лошади и телега бывают убраны красными лентами.

Лишь только *цойцинди* начинает развязывать узел с одеялом, чтобы завернуть в него невесту, как в доме и по всему двору поднимается усиливающийся

громкий плач, который бывает слышен далеко вокруг; все присутствующие также по большей части громко плачут. Мать, точно раненная в самое сердце, отчаянно плачет и, крича и причитая, бежит за уносимую дочь; отец также громко и дико плачет, слезы у них буквально бегут ручьями. Одним словом, происходит крайне тяжелая, сильно бьющая по нервам, картина расставания. Насколько приходилось видеть, большой ошибки не сделаем, если скажем, что за отъезжающей невестой родные и знакомые плачут несколько не менее, чем по покойнику.

Нам удалось записать одно из тех наставлений, которыми мать напутствует свою дочь, когда она провожает ее из своего дома в новую семью; в таких случаях мать всегда провожает дочь до телеги, приехавшей от жениха за невестой. Наставления эти характерны по своей простоте и безыскусственности, как и сама жизнь дунганки. Вот они: «Приказываю тебе, дочь моя, всё делай лучше и скорее, а не так, как в своем доме, у своей матери. Мать и отец жалели тебя и не замечали твоих слабостей, не то будет тебе в чужом доме. Поздно ложись спать и рано вставай. Старшим подчиняйся, слушайся их и не груби им. По утру всё в доме и во дворе убирай, чтобы была чистота везде, а в кухне грей воду, тогда спроси у матери, какое готовить кушанье. Слушайся золовок, их речи уважай. Старайся шить и кроить, а не старайся иметь ссоры. Будешь ссориться, тебя не будут уважать. Пойдешь брать муку или крупу, бери осторожно и аккуратно, хотя и не увидят старшие, их тратить напрасно не следует, да и грех тебе будет даром тратить пищу. Станешь перемывать посуду, старайся не стучать ею одна о другую, а то расколешь, вам же будет убыток. Если муж с кем-либо будет ссориться, зови его к себе в комнату и успокаивай; если семья вздумает делиться, то уговаривай, чтобы жить вместе, а не разделяться. И если зять и его родные будут навещать меня, то, значит, мои труды и хлопоты не пропали о тебе понапрасну, и я недаром тебя вскормила и вырастила; если же они не будут проводить и навещать меня, то, значит, ты вошла недостойной в дом мужа, и мне будет горько и обидно...». Последние слова мать договаривает, ухватившись за телегу, в которую уже посадили дочь, также плачущую; мать с трудом отталкивают от телеги, дочь уезжает в дом жениха, а мать возвращается к себе домой и продолжает плакать. С плачем и воем, как мы видели, проводили родные невесту...

Если невеста бедная или не совсем богатая, то в ту же телегу, в которую она садится, вместе с нею складывается и отправляется и ее приданое; если же невеста богатая, то приданое отправляется вскоре вслед за женихом, по выезде его из дома невесты; часто богатые такое отправляют на нескольких телегах. Приданое это обыкновенно состоит из разного платья, заготовленного родителями невесты и подаренного женихом и его родственниками, а также серебряных и золотых украшений, полученных от родителей и жениха, различных одеял и головных подушек, последние обыкновенно бывают набиты рисовой соломой. В со-

став приданого входят также медные тазы, один из коих, между прочим, предназначается для омовения (*post coitum*), а также большой медный чайник. Всё девичье платье невесты остается дома, его донашивают меньшие братья и сестры, или если они слишком малы, то переделывают для них. Теплые и холодные кофты, большие и малые, т.е. короткие и длинные, несколько пар штанов различного цвета, преимущественно синего и красного, цветы для украшения головы, мыло, белила, различные щетки, зубочистки и другие предметы, которые мы перечисляли выше, все это входит в состав приданого. Приданое называется *пэйфан* [陪房]. Но привозится ли оно вместе с невестой или же отправляется несколько ранее вслед за отъездом жениха из дома невесты, в том и другом случае оно устанавливается на кане в известном порядке, в комнате, приготовленной для молодых.

Мы оставили невесту, когда ее вынесли из родительского дома и усадили в телегу, чтобы отвезти ее в дом жениха, займемся же опять ею и дальше. Невеста садится, или, правильнее, ее сажают спиной к лошадям, а лицом взад телеги, вместе с нею садится и ее провожатая (*шуциньди лаопоцзы*), которая находилась все время неотлучно при ней со вчерашнего дня, будучи приставлена к ней ее родителями. Также с невестой вместе садятся и ее меньшие братья и сестры, если таковые имеются, а за неимением их, ее сопровождают ближайшие маленькие родственники, племянники, племянницы или же двоюродные братья и сестры. Впереди невесты на двух телегах, тоже убранных красными лентами, едут четыре молодых женщины (*цюйциньди*), здесь же с ними находится и *дагайтуди* или *шантуди*. Эти лица будут со стороны жениха, они были посланы за невестой, чтобы ее сопровождать и привезти ее в дом к нему. За этими двумя телегами едет уже невеста со своей провожатой (*шуциньди лаопоцзы*) с меньшими братьями и сестрами и приданым, если последнего немного, о чем уже сказано выше. За телегой невесты едут еще две телеги, также убранные красными лентами, в которых сидят четыре провожатых со стороны невесты. Эти провожатые называются *суннюйди* [送女的] (т.е. провожающие девицу). Последние одеты так же, как и *цюйциньди*, т.е. они одеваются по возможности в лучшее платье, украшают себя золотыми и серебряными различными уборами и наплечниками, и обязательно масса цветов на голове. В каждой телеге сидят по две *суннюйди*. Порядок этого поезда, случается, бывает и иной: так, впереди всех едет невеста, а за ней уже едут ее *суннюйди* и *цюйциньди*. Но во всяком случае уже после этого, так сказать, должностного персонала едут остальные гости — кто верхом, а кто в телегах. В последних находятся мужчины, женщины и дети. В качестве гостей отправляются к жениху и родственники невесты, кроме родителей ее, которые, согласно обычаю, остаются дома.

Подъехав к воротам дома жениха, четыре провожавшие (*суннюйди*) невесту и четыре ездившие за молодой, за родственницей (*цюйциньди*), выходят из телег

и отправляются в дом, где их встречают мать жениха и ближайшие родственники; их с почетом усаживают на кан и начинают угощать. Остальные гости, сопровождавшие невесту, также входят во двор, мужчины идут на предназначенную для них половину, а женщины идут на женскую половину. Но лишь только к воротам дома жениха подъехала телега с невестой (кучер, везущий невесту, не доезжая немного до дома, замедляет нарочно езду), как эту телегу со всех сторон быстро окружают молодые родственники невесты, поднимается большой шум, крик, все они, в том числе и сидящие вместе с молодой ее меньшие братья, сестры и другие родственники, а также и кучер, везший невесту, — все они долго не выпускают молодую, настойчиво и энергично требуя выкупа (*сифыр* [席費兒]) деньгами и вещами от жениха и его родных.

Просьба требующих выкуп, по возможности, удовлетворяется скоро, но если кому-либо покажется, что он получил мало, таковой настаивает еще на прибавке, что хотя и исполняется, но делается уже не так охотно, и нередко дается удовлетворение только после довольно продолжительных пререканий и препирательств, а иногда обе стороны так увлекаются, что пускают в ход кулаки, и хотя под видом дружеских шуток, но все же стараются усердно наградить друг друга добрыми ударами. Маленькие сестры и братья, следуя примеру взрослых, также не удовлетворяются полученным выкупом и настойчиво кричат, выражая желание получить более дорогую цену за свою сестру, но их без всякой церемонии выталкивают вон из телеги, а если совсем маленькие — то без церемонии вытаскивают. Мало удовлетворенный кучер, желая получить еще большее вознаграждение за свою молодую пассажирку, которую он доставил благополучно, старается изо всех сил около самых ворот разогнать лошадей, чтобы проехать мимо двора жениха и, таким образом, провезти невесту. Родственники жениха, заблаговременно здесь для этого исключительно поставленные, быстро подхватывают под уздцы лошадей и крепко держат их, а кучеру дают еще небольшое вознаграждение или же отказывают, но в том или другом случае препирательство между ними и кучером кончается тем, что последнего стаскивают с телеги и, при общем хохоте присутствующей толпы, награждают несколькими ударами кнута по спине или же кулаками в шею.

После того как требования всех более или менее будут удовлетворены, из телеги выходит сидевшая все время с невестой ее провожатая (*шучиньди лапоцзы*) старуха, которой тут же дарят новый платок и несколько денег за ее труды, что она сберегла невесту и благополучно ее доставила. И уже когда находящаяся вокруг телеги толпа достаточно пошумит, натешится и несколько успокоится, один из родственников невесты берет ее из телеги на руки, по-прежнему всю закутанную с ног до головы в красный платок и одеяло, и вносит ее в приготовленную для молодых комнату. Тотчас же над дверями комнаты, в которую внесена невеста, вывешивается занавеска, которая у богатых готовится из более или

менее дорогой материи и вышита разноцветными шелками, а у бедных — из бумажной материи или даже просто из маты синего цвета; вышита она также разноцветными нитками или гарусом. Занавеска эта привозится из дома невесты и обязательно готовится ею самой. Случается и так, что занавеска эта привешивается на двери несколько ранее прибытия невесты, а именно: она прикрепляется к дверям в то время, когда ранее прибывает ее приданое, которое привозится вслед за женихом после его отбытия из дома невесты. Кроме этой занавески на окно с наружной стороны его привешивается красная или розовая бумажка, шириною в три-четыре пальца, а длина ее делается во всю длину окна или даже несколько более. Конец этой бумажки, обращенный книзу, делается бахромчатым. Все это обозначает, что здесь находится или будет находиться невеста, и, кроме того, по занавеске, вышитой самой невестой, присутствующие судят, насколько она искусна в вышивании и рукоделии, а последнее у дунган очень ценится.

Жених невесту у себя также не встречает, а он сидит где-нибудь в отдельной комнате и проводит время со своими товарищами в играх и забавах.

Принесши невесту в предназначенную для молодых комнату, где находится уже немало гостей, ее и здесь усаживают на кан; она сейчас же поворачивается спиной к окружающим, а лицом — в угол на западную сторону. Присутствующую на дворе толпу молодых людей одолевает любопытство взглянуть на невесту, почему они и толпятся около окна той комнаты, в которой находится невеста. Но так как через решетчатое окно, заклеенное хотя и тонкой бумагой, разглядеть что-либо трудно, то, сгорая нетерпением и любопытством, сначала один кто-либо из молодежи проткнет пальцем это окно; его примеру следует другой, третий и т.д., и в короткое время бумага, заменявшая в окне стекло, оказывается изорванной, и от нее остаются одни только мелкие клочки да вышеупомянутая широкая лента красной бумаги, которую почему-то не трогают. Невеста же, не обращая никакого внимания на все вокруг нее происходящее, сидит неподвижно, обратившись лицом в угол, что объясняют будто бы ее смущением и стыдливостью.

Вскоре после этого невесте открывают лицо, и провожатая ее начинает чесать ей голову большим деревянным гребешком с длинными редкими зубцами. Вся прежняя ее прическа разбирается, на этот раз старуха чешет ей голову особенно тщательно и долго. Причесывающая берет волосы сзади небольшими пучками, несколько раз разглаживает и расчесывает каждый пучок волос отдельно; затем скручивает их и обматывает черными нитками во всю их длину, заворачивает и придает им форму, напоминающую нечто вроде петушиного гребня, выдающегося кверху и выступающего довольно высоко над задней частью шеи. Как говорилось выше, чтобы придать всей прическе желательное направление и форму, причесывающая обильно смачивает волосы невесты своими слюнями, отчего на

холоде они замерзают, и в заключение, чтобы волосы не распались, она укрепляет их длинными шпильками или даже просто железными проволоками, и таким образом при помощи всех вышеупомянутых средств и стараний достигается необходимая и требуемая прическа, употребляемая замужними женщинами.

Невеста, совсем причесанная, сходит с кана и идет в противоположный угол этой же комнаты, где одна из *сюциньди* сливает ей на руки из заранее приготовленного чайника или кунгана, а то и просто из обыкновенного нашего железного или жестяного ковша теплую воду. Невеста умывается, причем умывает себе лицо, руки, уши и шею спереди и сзади и тщательно утирается поданным ей чистым полотенцем, после чего опять садится на кан, обратившись также лицом в угол. Одна из молодых женщин подает ей через плечо белила, которые невеста берет не оборачиваясь и начинает сама белиться, причем она очень усердно, толстыми слоями, кладет белила себе на лицо, также щедро обсыпает ими свои уши, руки и шею спереди и сзади. Надобно сказать, что после такой побелки невеста становится похожей на фарфоровую куклу. Затем ей подают небольшое зеркало, она смотрится в него, прихорашивается и в заключение надевает на голову цветы. Окружающие женщины также снимают с себя цветы и обильно украшают ими голову невесты. По наблюдениям других, невесту будто бы раздевают и надевают другое более лучшее и более нарядное платье, которое выбирают из привезенного из дома приданого. Быть может, и так, но я, хотя и был несколько раз на свадьбах, этого обычая не видел.

По прибытии невесты в дом жениха также вскоре и здесь подается обед, так называемый торжественный обед, перед началом которого читается Коран собравшимися муллами, которых на этот раз приглашается всегда много. По обыкновению в начале обеда поются духовные стихи, говорится проповедь и также дается вознаграждение муллам и ахунам, хотя они не успели еще окончить чтение положенной каждому части Корана, и проч. и проч. Одним словом, порядок обеда и характер его у дунган, несмотря на различные поводы, по которым он устраивается, бывает один и тот же; разница, главным образом, заключается в количестве подаваемых блюд. Молодой и дома также не обедает с гостями и сидит где-нибудь в отдельной комнате.

После обеда или даже в конце его невеста уже с открытым лицом выходит из своей сакли и становится у дверей ее. Невесте неизменно сопутствует все еще не разлучающаяся с ней ее провожатая (*шуциньди лапоцзы*) и еще одна из четырех провожатых (*суннойди*). Отойдя от дверей шага на два и обратившись лицом к публике, молодая делает поклон гостям такой: кулаки обеих рук она складывает вместе и, подняв их до подбородка, опускает ниже груди и вслед за тем кланяется. Поклон этот называется *бэй* [拜]. Невеста кланяется не каждому гостю в отдельности, а столько раз, сколько прикажет ее провожатая. Гости вслух выражают свое мнение о красоте невесты, величине ее ноги, судят о ее нарядах и проч.

Но сколько ни приходилось видеть, невеста кланяется не более трех раз, после чего ее уводят обратно в саклю.

Мужчины после обеда, постояв и поболтав немного, расходятся по своим домам и как ни в чем не бывало принимаются за свой повседневный труд. Таким образом, на свадьбу они тратят всего несколько часов, не более четырех, а то и менее, так как многие приходят прямо к обеду. Того разгула, который наблюдается у нас, нет и в помине: все тихо, спокойно, монотонно и однообразно. Дунгане дорожат временем и умеют им пользоваться по-своему, с выгодой. Обычно после мужчин обедают женщины, иногда они обедают на тех же самых местах и им прислуживают и подают кушанья те же самые лица мужского пола, что подавали и мужчинам, для чего приговариваются более молодые, а иногда прислуживают и подростки — лет десяти–двенадцати.

Некоторые нам передавали, что по окончании обеда ахуны, муллы и другие пожилые почетные гости отправляются на женскую половину посмотреть невесту, быть может, и так, но мне этого ни разу не приходилось видеть.

Кончилась официальная часть свадьбы, все обошлось благополучно: даже красноречиво сказанная проповедь одним из почетнейших мулл или ахунов и выслушанная внимательно присутствовавшими гостями прошла спокойно, не вызвав ни обострений, ни ссор между прихожанами, и, долго не засиживаясь, все понемногу расходятся, как уже выше упомянуто. Но едва только муллы, ахуны и другие почетные гости успеют скрыться за воротами дома жениха, как молодежь, державшая себя до этого времени весьма спокойно и тихо, дает самый широкий простор и полную свободу своим действиям, и сразу, что называется, подымается дым коромыслом. Моментально эта недавно еще тихая и спокойная молодежь устраивает в доме жениха настоящий ад, а именно: все молодые люди, здесь находившиеся, которых было немало, с криком и громким смехом вдруг врываются в комнату невесты и самым бесцеремонным образом требуют, чтобы молодая (красный платок, которым было закрыто все время ее лицо, снимается с нее тотчас же, как только ей был отдан женихом поклон) стала, обратившись к ним лицом, и каждому из них в отдельности сделала бы поклон (*бэй*). Теперь всякий самый маленький мальчуган кричит изо всей силы и повелительно требует себе поклона, и если кому-либо из них покажется одного поклона недостаточно, то он самым настойчивым образом, не допускающим никакого возражения, требует, чтобы невеста сделала ему несколько поклонов, что молодая и исполняет в точности беспрекословно и безропотно.

В комнате стоит трудно поддающийся описанию шум, смех и крик. Шутки, не столько игривые, сколько самые грязные, и остроты, самые пошлые, в обилии сыплются молодежью на голову невесты, но больше всего достается старухам, которые должны оставаться по обязанности подле невесты, тогда как другие, более молодые женщины, обыкновенно спешат поскорее подобру-поздорову убраться

ся из этой комнаты, так как они очень хорошо знают, что разыгравшиеся и расшумевшиеся молодые ребята не только не будут в это время стесняться присутствием их как взрослых, но так же одинаково не пощадят и более пожилых — одним словом, всех, кто бы тут ни находился, за исключением, конечно, только мулл и ахунов. Это в своем роде праздник молодежи, они ждут каждого такого случая с нетерпением, почему и дают себе здесь полную свободу и простор своим действиям: здесь им уже никто не мешает. Так делалось их предками давно, и они так поступают. Невеста является в данном случае жалкой жертвой этой разгулявшейся толпы, жениха же, или теперь уже мужа ее, еще нет с нею в это время.

Шум и крики доходят до крайних пределов, невеста смущенная и вся раскрасневшаяся (даже обильно наложенные белила не помогают в этом случае) знает только одно, что ежеминутно то и дело молча кланяется. У нее уже голова кружится и в глазах потемнело, а все более расходившаяся молодежь по-прежнему также настойчиво продолжает требовать, чтобы она им делала поклоны, и она терпеливо повинуется, исполняя то, что ей приказывает эта чересчур шумящая и смеющаяся толпа. Да она и ранее слышала, что этого избежать ей невозможно, что то же самое когда-то проделывалось над теми замужними, теперь уже почтенными, женщинами, которые недавно, всего несколько минут до этого, важно и чинно сидели здесь вместе с нею на кане, а также и над старухами, которые и теперь еще находятся вместе с нею.

А толпа молодежи все больше и больше кричит и шумит и по-прежнему настойчиво продолжает требовать своего; невеста уже сильно устала, и вот на защиту ее поднимаются присутствующие здесь старухи, заступаясь за невесту; они начинают уговаривать молодых людей, усовещивать их и даже журить. Но результат получается неожиданный и прямо противоположный — толпа, кажется, только и ждала этого вмешательства старух. Дружно, целым хором, расшумевшиеся ребята обрушиваются на старух, щедро посылая по их адресу всевозможные издевательства и насмешки, и всеми возможными известными им средствами они потешаются над старухами, одним словом, пускают в ход по этой части всю свою находчивость и изобретательность. Старухи выходят из себя и также ругаются и кричат, из кожи лезут вон, чтобы обуздать не в меру расходившихся молодых ребят, но чем больше они кричат и чем больше посылают ругани, тем действие ее на них получается совершенно обратное.

Наконец, взаимная перебранка между молодежью и старухами, имевшая сначала шуточный и безобидный характер, принимает серьезный характер и кончается тем, что расходившиеся молодые люди при всеобщем одобрении и гомерическом хохоте стаскивают их с кана и выталкивают на двор и даже выпроваживают на улицу, что приводит старух в страшную ярость, и, взбешенные, не щадя горла своего, они до последней степени бессильной злобы посылают на моло-

дежь целые потоки всевозможной отборной брани и ругательств, а ребята, натешившись и насмеявшись над ними вдоволь (им только этого и нужно было), не обращают уже на них никакого внимания.

Озлобленные старухи, выпровоженные с таким триумфом, покричав и пошумев во дворе и на улице во всю глотку, наконец, расходятся по своим домам, а с невестой остается одна бессменная и неотлучно находящаяся ее провожатая (*шуциньди лаопоцзы*), на которую уже целиком и обрушиваются насмешки, остроты и издевательства всей толпы молодых людей. Почти всегда дело доходит до того, что *шуциньди лаопоцзы* пускает в ход кулаки и награждает особенно ей досадивших добрыми пинками, что вызывает только дружный хохот, а старуху приводит еще в большую ярость и гнев, так что она, не разбирая, бьет их чем ни попало. Благодаря таким условиям обязанность быть провожатой (*шуциньди лаопоцзы*) всегда падает на здоровую, бойкую и смелую старуху, которая одинаково умеет как отшутиться и пустить в ход крепкое бранное слово, так и дать какому-нибудь чересчур разгулявшемуся и зазнавшемуся молодому парню доброго пинка кулаком или первым попавшимся под руку предметом. Так как быть провожатой — обязанность далеко не легкая и не спокойная, то за этот труд всегда дается родителями как невесты, так и жениха хорошее вознаграждение. Старухи слабые, смиренные не берут на себя эту обязанность, да таких никто и не приглашает.

Молодые ребята, покричав, пошумев и натешившись вволю (не менее двух-трех часов), расходятся для того, чтобы немного отдохнуть самим, а также дать небольшой отдых и молодым. Невеста в этот промежуток времени снимает с себя свой свадебный и более или менее дорогой наряд, а также и головные украшения, оставляет только один или два цветка на голове и надевает на себя хотя и новый, но простой и более дешевый костюм; жених также снимает с себя нарядный халат и перевязи (*хун* [紉]), и оба они подкрепляются в это время пищей.

Но молодые люди разошлись по своим домам лишь на короткое время. Как только начинает темнеть и в домах зажигаются огни, они дружною толпой вновь собираются в дом жениха, собираются на так называемый *фа сифур* [娶媳婦兒], к описанию которого мы теперь и перейдем.

Фа сифур, т.е. игры, шутки и насмешки над молодой

Как только начинает темнеть, в дом жениха приходит мулла (или ахун), заранее приглашенный родителями молодого и в приходе которого они состоят. Мулла и на этот раз является со своими учениками. Они также садятся за приготовленные столики и поют молитвы и различные стихи из Корана, поют несколько раз с небольшими остановками, а в промежутках хозяин дома угощает их чаем с печеньем и сушеными фруктами. По окончании пения мулла, а с ним вместе и

присутствующие читают про себя *дувар*. После чего мулла говорит небольшую проповедь, в которой дает наставления, как надобно жить молодым и прочим членам семьи, и, пожелав затем новобрачным счастливой благополучной супружеской жизни, уходит со своими учениками. И на этот раз ему дают небольшое вознаграждение.

По уходе муллы уже собравшиеся во дворе молодые люди, парни, приблизительно одинаковых лет с женихом, и его бывшие товарищи (холостые) все, находясь еще под впечатлением предыдущего веселья, шумно и со смехом врываются в комнату молодых. Комната эта теперь щедро освещается свечами и небольшими разноцветными фонарями. Молодая все еще продолжает сидеть со своей провожатой (*шущинди лапоцзы*) на кане. По требованию толпы молодая сходит с кана и становится в свободном углу, обратившись лицом к толпе, с одной ее стороны ставят провожатую, а с другой — молодого, таким образом молодуха оказывается в середине между своей провожатой и своим мужем. Иногда порядок этот бывает и иной: молодой ставится с самого начала вдали от своей жены в одном из углов комнаты, а молодуха со своей провожатой — на противоположном конце или посредине комнаты.

Так или иначе установлены молодые, и начинается игра *фа сифур*, которая состоит в следующем: кто-либо из толпы, окружающей молодых, произносит грязную, циничную фразу, первую половину которой заставляют произносить молодого, а вторую половину, и притом нередко еще более грязную и еще более циничную, заставляют договаривать молодую. Молодой, ранее до этого и сам не раз участвовавший в таких играх, не заставляет себя долго уговаривать и скоро произносит то, что от него требуют, но молодая, понятное дело, стыдится, краснеет, особенно на первых порах и, опустив глаза книзу, молча стоит и не отвечает. Когда не получается от молодой долго ответа и чтобы побудить ее дать поскорее таковой, на молодого из толпы начинают сыпаться в обилии удары, без разбора, куда бы они ни попали: наносят удары по голове, по спине, по бокам, куда кто попадет, хотя это делается и в шутку, но в общем бьют весьма чувствительно и бьют до тех пор, пока испуганная молодая не решится, наконец, произнести неприятное ей выражение и тем избавить своего благоверного от чувствительных и напрасных ударов.

Кроме того, в то же время удары и шипки сыплются также и на провожатую, от которой требуют, чтобы она заставляла поскорее говорить молодуху то, что ей приказывает толпа. Толпа эта в настоящее время ведет себя крайне бесцеремонно и довольно буйно, она нисколько не стесняется ни присутствием молоденькой женщины, только что вышедшей замуж и, быть может, еще девочки (что в большинстве случаев и бывает), ни присутствием почтенной и уже солидных лет старухи — несмотря на все это, самые циничные и отборные выражения слышатся беспрестанно, одно другого грязнее, и каждое такое выражение толпа встречает

единодушным одобрением и дружным смехом всех присутствующих, каждый по этой части старается отличиться друг перед другом и показать свою находчивость, изобретательность.

Почти всегда в этой толпе находятся и небольшие дети — подростки, но на них равно не обращают никакого внимания и присутствием их положительно никто не стесняется. Ближе будет к действительности, если скажем, что присутствующие дети скорее также принимают участие в этих играх, из их уст то и дело также слышится повторение тех же выражений, которые говорят взрослые. Толпа эта, кричащая и смеющаяся, остается одинаково строгой и требовательной в своих желаниях и, издеваясь, потешается над своими злополучными жертвами еще более, чем два-три часа тому назад, когда она требовала себе только одного поклона от невесты. Теперь эта толпа ведет себя еще разнузданнее и бесшабашнее, она дает своему языку самый широкий простор и волю, а родители жениха и некоторые родные, сидя в соседней комнате, хотя и слышат все это ясно и отчетливо, но терпеливо, молча все переносят, так как в силу укоренившегося обычая ничего не могут сделать, чтобы хотя немного остановить расходившихся молодых парней, да они об этом и не думают.

Чем богаче свадьба и чем влиятельнее родители молодых, тем *фа сифур* бывает многолюднее и проходит шумнее, веселее, игривее и циничнее. О женихе и говорить нечего. Он все достающиеся на его долю колотушки и пинки, по большей части весьма чувствительные, переносит терпеливо, молча, так как он хорошо знает, что ему в данном случае ничего не поделывать, он в это время весь во власти этой толпы, которая над ним и его невестой в данное время деспотически потешается. Провожатая старуха всеми силами начинает протестовать против разгулявшихся, не в меру расходившихся молодых ребят, она и на этот раз не щадит своего горла, кричит и ругается из всей силы, но все это тоже несколько не помогает, а напротив, за всякий ее протест ей стараются еще более насолить и еще злее отплатить, и этим бедную старуху доводят до полного бешенства и ярости. Помимо того что она переносит побои и насмешки, ей еще кто-нибудь из толпы вымажет лицо сажей, а кто-нибудь накинёт на нее рваный и грязный хомут, кто вытрет ей лицо и нос грязной тряпкой, а кто старается засунуть за воротник обломанный грязный же веник; одним словом, всякий старается что-нибудь выдумать, изобрести такое, что старуху только бесит, а толпе доставляет удовольствие и смех.

В большинстве случаев молодая из сострадания к своему мужу и из сожаления к своей провожатой вынуждена бывает, хотя шепотом, произнести ненавистное и противное ей выражение, тогда поднимается одобрительный смех, хохот и шум всей толпы, все тогда выхваляют бойкую молодую, а на старуху по-прежнему сыплются остроты и насмешки. Кто-нибудь из толпы восхваляет красоту и прелести молодой, а другой, рядом стоящий парень, мимикой и панто-

мимами выражает безобразие старухи, копирует ее лицо и походку, все представляя в смешном виде; всё это приводит старуху еще в большую ярость и бешенство.

Но толпа все более и более воодушевляется и входит в азарт, настойчиво требуя от молодой, чтобы она громко и отчетливо, чтобы все слышали, произносила самые грязные и циничные выражения; у нее в глазах стоят слезы, она просит пожалеть ее, избавить от столь тяжелого и крайне неприятного для нее требования, но просьба ее не принимается во внимание, мужу и старухе то и дело наносятся частые и нередко весьма тяжеловесные удары и побои, и молодая с большим трудом, пересиливая себя, по необходимости произносит то, что ей приказывает толпа. Получив ответ, толпа разряжается дружным гомерическим хохотом, далеко разносящимся в ночной тишине, а над старухой какой-нибудь находчивый парень опять выкинул какую-нибудь злую, потешную штуку, и смех еще более усилился. Но вот в толпе нашелся один, который предъявил необыкновенное требование, до того оно грязно и цинично, что дальше уже идти некуда. Молодой, чисто механически, не отдавая себе отчета от множества полученных им толчков и ударов, произнес скоро и внятно то, что от него требовалось. Теперь дело за молодой... она не решается, колеблется, просто не может... на лице ее слезы и отчаяние, но разгулявшаяся и вошедшая в азарт толпа остается беспощадной, на положение молодой не обращает ровно никакого внимания, а напротив, издевается и потешается все больше и больше, но пока молодая собирается с силами, на мужа ее со всех сторон щедро рукою то и дело сыплются удары да удары, которые с каждым разом делаются все больше и чувствительнее, и каждый такой удар тяжело и больно отзывается в ее сердце. Не только в глазах толпы, но и сама молодая считает себя невольной виновницей такого большого количества ударов, получаемых ее мужем, почему, наконец, превозмогши себя, она с громким плачем и диким воплем произносит ненавистное ей выражение. Толпа, как бы пораженная, на мгновение затихла и замерла, но только на мгновение, раздался вдруг громкий торжествующий смех и ликование всей этой толпы. Дальше этого идти уже некуда. Но, конечно, это бывает не на каждом *фа сифур*.

Мы приведем здесь несколько диалогов, происходящих между мужем и женой в присутствии означенной толпы; между этими диалогами часто нет никакой логической связи, но они на *фа сифурах* получили широкое распространение, почему и являются обычными. Молодой обыкновенно задает вопрос или спрашивает, молодая отвечает своему мужу. Все зависит нередко от умения мужа поставить или задать вопрос, но также много зависит от смелости и находчивости молодой дать удачные ответы на поставленные вопросы, если только она не растеряется в самом начале вечера, что, конечно, случается весьма часто.

Молодой спрашивает:

— *Хун лацзы лю бар?* [紅辣子綠棒兒]

У красного перца — зеленый стебель?

— *Канбян ди* [炕邊低]

Кан низок. (Под каном будто бы в данном случае подразумеваются половые органы молодой!)

— *Цзекай хун любви!* [解開紅 ... ...]

Открой одеяло!

— *Цюйхади нюйцзы син чжан* [娶下的女子姓張]

Фамилия вышедшей за меня девушки — Чжан.

— *Лай цзинкуай цуфань!* [來盡快做飯]

Поскорей делай обед! (Под обедом подразумевается процесс совокупления.)

— *Цянишан идохуа* [牆上一朵花]

На стене цветок.

— *Пи тир цзай лянге чы*

Корочку хлебца мы двое съедим.

— *Шутао би*

Хлебец-шутао плосковат (маленький; под хлебцем-шутао подразумеваются груди женские).

Молодая отвечает:

— *Ту мин ян иче суй вар* [頭明養一切碎娃兒]

До рассвета рожу маленького ребенка.

— *Шанкан бучуми* [上炕不 ... ...]

Подняться на кан можно без труда.

— *Гунци ня муци* [公雞壓母雞]

Петушок топчет курочку под одеялом.

— *Мэймэй хакан цзин чуфан* [妹妹下炕進廚房]

Младшая сестра твоя, сойдя с кана, пошла на кухню.

— *Мэймэй ебу ян* [妹妹也不 ...]

Младшая сестра твоя не замешкается.

— *Хуа би чжен момода* [花比蒸饅饅大]

Цветок больше хлебца-чжен.

— *Жанжан вэй цзай ди ва-Амякишом*

Покормим наших деток.

— *Мянь мо цзи*

Тесто не скисло (т.е. груди малы потому, что она еще не имела ничего такого (*coitus*), отчего они обыкновенно увеличиваются).

Причем молодой лезет за пазуху и ощупывает груди своей жены, из чего он может заключить «честная ли она», кроме того, запускает свою руку через широкий рукав ее кофты и доходит до подмышки и нюхает не пахнет ли потом, на основании чего он судит о ее чистоплотности. Игры, которые наиболее часто употребляются во время *фа сифур*, суть следующие:

Да цянь [打槍], т.е. стрелять из ружья

Молодую сажают на табуретку или на скамейку, а молодой помещается против нее на полу, причем берет ее ногу и, прицеливаясь как бы из ружья,

говорит:

Молодая отвечает:

— *Цы!*

(Звук вспыхнувшего пороха на затравке.)

— *Ба о.*

(Звук без выстрела.)

— *Дадву лё мою?* [打住了没有]

Убил или нет?

— *Дадвулё* [打住了]

Убил.

— *Дадву лё са?* [打住了啥]

Кого убил?

— *Далегэ яцзы* [打了個鴨子]

Убил утку.

— *Гундима муди?* [公的嗎母的]

Селезня или утку?

— *Муди* [母的]

Утку.

Молодой, держа в своих руках ногу жены своей, ощупывает ее всю и таким образом узнает о ее величине. Некоторые красавицы, с целью хотя в первое время произвести более выгодное и приятное о себе впечатление, прибегают к небольшому обману, а именно: чтобы ножка казалась маленькой, они подкладывают под пятку деревяшку и всю стопу подтягивают к нижней части икры.

Чы гуамянь [吃挂面], т.е. есть лапшу

Молодых сажают на расстоянии четырех-пяти аршин друг от друга, один конец длинной нитки берет в рот молодой, а другой — молодая, и оба постепенно ее втягивают себе в рот, и, забирая нитку каждый себе все более в рот, они, постепенно приближаясь, поворачиваются лицом друг к другу. Нитку же молодые до тех пор втягивают себе в рот, пока губы их не сойдутся вместе, причем молодой целует свою жену и узнает, не пахнет ли у нее изо рта. Присутствующая же публика смеется и спрашивает, вкусна ли лапша.

Чжесхуа [折花], т.е. рвать цветы

Кто-нибудь из молодежи втыкает в стену цветок и втыкает настолько высоко, что молодая сама, без посторонней помощи, не может его достать.

Молодой говорит:

Молодая отвечает:

— *Цзяншан игэхуа* [牆上一個花]

На стене цветок один.

— *Мэймэй сян дэй та; либуляо: геге чаиха*
[妹妹想戴它, 離不了。哥哥... 一下]

Младшая твоя сестра думает приколоть его себе на голову, но не может достать. Старший братец, подними меня.

Молодой берет свою жену на руки и поднимает ее настолько высоко, чтобы она могла достать воткнутый в стену цветок. Случается, что жених мал ростом,

а цветок постараются нарочно воткнуть настолько высоко, что молодая, хотя сидит на руках своего мужа, но не может достать цветок, тогда опять на него сыплются удары и побои. Молодая в это время и конфузится, и ей жаль своего мужа, в таких случаях на помощь приходит провожатая, которая помогает молодому поднять повыше его невесту, и последняя кое-как срывает цветок. Но за небольшими исключениями играющая молодежь почти никогда не допускает, чтобы провожатая помогала молодому, а непременно требует, чтобы он сам поднял свою жену и помог ей сорвать цветок, и молодой находится в таких случаях довольно долгое время в затруднительном положении, над ним зло подсмеиваются и подшучивают, да и больно бьют его, пока, наконец, молодуха как-нибудь не изловчится сорвать цветок. Много также бывает смеху и достается колотушек молодому, если он окажется малосильным, между прочим, даже и по молодости лет, почему и не может еще поднять свою и нередко еще также юную жену. Во всех таких случаях или когда жених бывает хромой или калека, ему помогает провожатая старуха (*шучиньди лапоцзы*). Этим почти всегда оканчивается игра *фа сифур*. Еще раз упоминаем, что мы привели самую ничтожную часть выражений, которые говорятся во время *фа сифур*, так как большая часть их до того грязны и циничны, что приводить их решительно нет никакой возможности. Точно так же мы привели здесь наиболее употребительные и пользующиеся любовью игры у дунган, которыми они занимаются во время *фа сифур*.

Фа сифур продолжается до тех пор, пока все молодые люди не устанут или, вернее говоря, пока всем не надоест играть. Насмеявшись до упаду, натешившись вволю над женихом и невестой и поиздевавшись елико возможно над провожатой старухой, молодые люди, и сами очень уставшие от чересчур возбужденно проведенной ночи, расходятся по домам. Иногда *фа сифур* продолжается всю ночь и кончается лишь с восходом солнца. Как нам говорили, *фа сифур* иногда служит для некоторых благовидным предлогом, чтобы отомстить жениху за старую обиду или оскорбление, и последний среди прочих ударов эти удары особенно чувствует на себе, но даже и помимо этого жениху и провожатой старухе достается слишком много. Передают, что молодого во время *фа сифур* иногда до такой степени избивают (и все это под видом шутки!), что в первую брачную ночь он бывает не в силах совершить *coitus* со своей молодой женой. Бока сильно помяты, на теле, что называется, нет нигде живого места, голова трещит и плохо соображает от полученных побоев, в ушах стоит шум, на лице и на других частях тела синяки, он еле передвигает ноги, и в таком виде он представляет из себя не властного и победоносного мужа, а жалкую и порой смешную фигуру.

По уходе забавлявшихся почти всю ночь взрослых парней и ребят в комнату новобрачных являются молодые замужние женщины (и притом самые близкие родственницы со стороны жениха), которые оставались все время в его доме и сидели в соседней комнате, услаждая себя чаем с домашним печеньем и неиз-

бежными сушеными фруктами. Эти женщины терпеливо дожидались, пока кончится *фа сифур*, иные успели и заснуть, развалившись тут же на кане. Как самые близкие родственницы они в течение нескольких дней принимали самое деятельное участие в приготовлениях к свадьбе, почему большой шум и гам, происходивший в соседней комнате во время бурного и бесшабашного *фа сифур*, насколько им не помешал заснуть. Означенные родственницы ведут молодых спать в особо приготовленную для них комнату или же устраивают им постель в той же самой комнате, в которой только что кончился *фа сифур*. На кан также ставят столик, на котором для молодых приготовлен чай с фруктами, дешевыми сладостями и домашним печеньем, и всего этого ставится вдоволь.

Оставшись вдвоем с мужем, молодая наливает чай мужу и себе. За чаем молодой, как передавали мне, спрашивает молодую, «желала ли она выйти за него замуж?» или «по добровольному ли желанию она вышла за него замуж?». Как известно, до этого они никогда близко не встречались и видеть друг друга так близко, как теперь, им еще не приходилось, почему в данную минуту, представ друг перед другом, они оказываются интересными незнакомцами; они стесняются один другого. Но молодая, понятное дело, смотрит в это время на своего мужа не столько с любопытством, сколько испуганно, и сильно волнуясь и смущаясь, дает утвердительный ответ. Молодой жене на первых же порах предстоит завоевать себе расположение мужа, и в этом направлении она получила соответствующие наставления от своей матери и от своих молодых родственниц, недавно вышедших замуж, — и здесь, в данную минуту, при свете каганца не обходится без кокетства! На вышеприведенный вопрос мужа дать отрицательный ответ молодой и в голову не приходит — в противном случае это значило бы превратить только что начинающуюся свою семейную жизнь, что называется, в ад крошечный, и молодая отвечает утвердительно. Получив приятный для своего самолюбия ответ, молодой дает своей жене пять рублей или более, это смотря по состоянию: деньги эти называются *цзяньмяньди цян* [見面的錢], т.е. «деньги за то, что увидел лицо ее».

Напившись чаю, закусив и обменявшись несколькими незначущими вопросами, молодая, здесь же на кане, стелет постель и раздевает мужа, снимает с него только чулки и халат и раздевается сама. Комната всю ночь освещается каганцем, фитилем для которого на этот раз служит красный шнурок, и именно тот, который молодая вплетала в свою девичью косу. Одни мне этот обычай так объясняли: в эту ночь навсегда оканчивается (сгорает, уничтожается) девичество (девственность) молодой, почему должен сгореть и шнурок, который она, будучи девушкой, вплетала в свою косу, или со сгоранием девичьего шнурка должна одновременно сгореть или сгорает и девственность молодой. А другие так мне объясняли: шнурок этот в первую ночь супружеской жизни горит более ярко, нежели другие шнурки, почему и желают, чтобы супружеская жизнь новобрач-

ных горела всегда так же ярко, т.е. протекала бы счастливо и благополучно, как ярко горит этот шнурок в первую ночь⁴. Незаметно для молодого молодая подстилает (главным образом, под себя) большой белый платок или кусок белой материи, который после первого *coitus*'а она прячет, чтобы таковой при первой встрече передать своей матери. Когда молодые улягутся спать, у дверей их подслушивает жена старшего брата молодого, если таковая имеется, или одна из родственниц его, но летами непременно должна быть старше молодого и о результате подслушивания передает с разными подробностями и добавлениями матери молодого.

Другие родственники, а тем более знакомые отнюдь об этом не должны знать, так как это считается большим стыдом. Когда найдут, что молодые достаточно выспались, то, по возможности, рано утром старшая невестка или же одна из старших родственниц стуком в двери будит молодых и, получив в приотворенные двери несколько денег от молодой (каковые деньги на этот случай даются матерью ее), подает им таз и теплую воду для омовения после *coitus*'а, каковое омовение и совершает молодая в присутствии своего мужа. Молодые одеваются и выходят в другую комнату, пока будут убирать ту, в которой они провели ночь, и выносят таз с водой — таз этот закрывается в таких случаях красным платком или просто красным кумачом... Когда комната будет убрана, молодые опять возвращаются туда же и едят поданный им утренний завтрак (*цаофань* [早飯]).

После завтрака молодой один, в сопровождении только своего *пэйнюсю*, едет ко всем тем лицам (за исключением родителей невесты), которые сделали ему и его жене подарки к свадьбе, и делает им поклон (*чанже*). Молодая также отдельно и в сопровождении только одной из четырех *цуйцинъди*, одетая в самый лучший наряд и убрав по возможности голову различными золотыми или серебряными украшениями и цветами и нарумянив лицо свое, едет делать поклон (*бэй*) всем тем, кто сделал подарки ей и ее мужу.

Пока молодые делают, каждый отдельно, визиты и отвешивают установленные поклоны, в это время у них на дому собираются исключительно ближайшие родственники, для которых готовится хороший обед. На этот раз родственники, и притом ближайшие, для того приглашаются, чтобы ввести молодую в круг всей своей родни. И на этот раз каждый из приглашенных дарит молодой какой-либо, хотя небольшой и неценный, подарок, а именно: кто дарит немного деньгами, кто — материей бумажной или шелковой, кто — моток шелковых ниток и т.д. Также во время вышеупомянутого посещения молодой ей делают подарки, но подарки эти берет не она сама, а неотступно при ней находящаяся и ее сопровождающая *цуйцинъди* и укладывает их в телегу, а уже дома она может ими распорядиться, как хочет.

⁴ Но этот обычай не всеми дунганями соблюдается, причины этого указать не могу. — Примеч. Ф.В. Пояркова.

Через три дня после свадьбы, утром, свекровь ведет знакомить молодуху с членами ее новой семьи — *жен да сяо* [認大小], т.е. «знакомится с великими и малыми». Подводя молодую к каждому члену своей семьи и обязательно по старшинству в годах, свекровь приказывает ей сделать поклон (*бэй*) и в это время говорит ей, как она должна называть такого члена семьи. «Это твой дедушка, ты так и называй его с этого времени», это твой дядя, это твой старший брат, это тетка твоя, это старшая или младшая твоя сестра и т.д., пока не представит всех.

Познакомившись со всеми находящимися в доме родственниками, с которыми с этого времени обречено судьбой жить ей долгие годы, и поговорив с ними немного время, она идет в свою комнату (в которой проводила первую брачную ночь) и наряжается в лучшее платье, какое только ей сделано женихом, и надевает на себя наиболее дорогие украшения, имеющиеся в ее распоряжении; точно так же надевает на себя лучшие одежды и молодой, и вместе или порознь они едут к тестю и их родственникам на поклон. Молодых сопровождает: со стороны молодого — один из его товарищей, по возможности ближайших, который в этом случае называется *пэйкэй* [陪客], т.е. «сопровождающий гость», и со стороны молодой — одна из ее знакомых, непременно молодая женщина, которая также называется *пэйкэй*. Если со стороны молодого сопровождающий его *пэйкэй* не блещет нарядом, т.е. его костюм мало чем отличается от обыкновенного будничного, то сопровождающая молодую *пэйкэй* не упускает случая блеснуть самыми лучшими и дорогими нарядами и украшениями, какие только у нее имеются, на голове обязательно масса искусственных цветов, нужно отдать дунганкам полную справедливость, искусно сделанных их руками.

В доме тестя еще накануне идут деятельные приготовления, чтобы с честью встретить молодых, убирают по красивее одну из комнат и готовят обед. Тесть со своими сыновьями и ближайшими родственниками встречает молодых у ворот дома. Жених, не доезжая пяти-шести шагов, слезает с лошади вместе с сопровождающим его *пэйкэй*, и их провожают в ограду двора. Один из братьев, если таковой есть, или из ближайших родственников высаживает молодую из телеги и несет ее до ворот двора. Молодой, войдя во двор, всем находящимся там мужчинам, как родственникам, так и посторонним, хотя последних бывает очень мало, делает поклоны (*чанже*); поклоны делает по старшинству. Отдав поклоны всем мужчинам, *пэйкэй* подводит молодого к той комнате, в которой находятся собравшиеся женщины, и, не входя туда, *пэйкэй* спрашивает, сколько нужно молодому сделать поклонов. Получив ответ, молодой один входит в комнату и делает столько поклонов, сколько было сказано. В большинстве случаев на женской половине молодым отвечает больше поклонов, так как которая-либо из женщин, желая подтрунить над молодым или чтобы рассмотреть его получше, называет число женщин, находящихся в комнате, гораздо больше, чем сколько их на самом деле в комнате, но число поклонов молодым беспрекословно отве-

шивается столько, сколько было сказано. Вслед за мужем кланяется молодая, прежде она также отвешивает поклоны всем мужчинам во дворе и затем входит на женскую половину по выходе оттуда мужа и учиняет поклонение всем женщинам. В это время присутствует и мать молодой, которая с понятным беспокойством следит за каждым движением и шагом своей дочери. Здесь молодая в это именно время вручает матери белый платок, тот самый, который она подкладывала под себя в первую брачную ночь и на котором имеются следы первого *coitus*⁵а. Мать показывает этот платок находящимся тут же женщинам, но только по выходе дочери в другую комнату, и присутствующие убеждаются таким образом, что молодая была девственница; родственницы же жениха благодарят мать за то, что она воспитала свою дочь в правилах доброй нравственности и сумела сохранить ее чистой. Но некоторые мне передавали, что показывание платка необязательно, а некоторые и совсем будто бы не считают нужным показывать.

Молодого, по учинении и отдании им поклонов всем присутствующим (не включая и работников, если таковые находятся в доме тестя), вводят с его *пэйкэй* в особо приготовленную комнату, где и угощают их. В этой комнате находятся ближайшие родственники невесты. Прежде всего подают на тринадцать блюдецках (*шисаньхуа децзы* [十三花碟子], т.е. тарелочки, изображающие тринадцать цветков⁵) фрукты, сахар, конфеты, печенье, последнее кроме домашнего иногда покупается и подается, главным образом, нашего Сиу или Абрикосова, а затем уже чай. Тесть, довольный и радостный, желая выказать свое внимание и расположение к гостям, сам разливает чай, накладывает им сахар, раскалывает и лущит орехи, которые кладет вместе с другими сладостями на стол перед каждым гостем. Гости за такое внимание к ним хозяина то и дело благодарят его. Во время этого угощения настроение духа у присутствующих радостно-спокойное, между ними происходит мирная беседа, из груди хозяина нередко вырывается облегченный вздох, что столь серьезное и важное дело пришло к благополучному концу.

После двух-трех чашек чаю все убирается и подаются пельмени (*беш*). Когда пельмени будут съедены, опять подают чай, но на этот раз уже без сладостей, только подается один чай. Только после этого, выпив чашку-две чаю, молодой идет повидаться с матерью своей жены и видится с нею он в первый раз. При этом свидании ни родственники, ни посторонние не присутствуют. Как передавали мне, происходит трогательная сцена. Мать со слезами на глазах просит молодого любить ее дочь, быть к ней снисходительным; так как она еще не опытна в хозяйстве, благодаря тому, что очень молода, просит ее учить и наставлять и прибавляет, что она будет покорной, любящей и трудолюбивой ему женой. Просит, чтобы и родные его, по крайней мере, на первое время, относились снисходи-

⁵ Или же я не понял, или мне плохо объясняли, но только я не мог выяснить себе значение этого обряда или обычая и что здесь означает число «тринадцать цветков». — Примеч. Ф.В. Пояркова.

тельно к промахам и недостаткам ее дочери и любили бы ее. Растроганный молодой все обещает исполнить и уходит, оставляя мать одну, которая продолжает плакать.

После свидания с матерью молодой в сопровождении одного из родственников тестя едет с визитами по домам его родни. Каждому родственнику и знакомому тестя он, молодой, кланяется (*чанжсе*), его угощают фруктами и чаем, а некоторые, кто побогаче, то и обедом. Хорошо, что дунганские обеды не тяжеловесные, и каждого блюда подается очень понемногу, а то бы без вреда для здоровья невозможно было съесть в один день несколько обедов подряд и притом каждый обед в десять с лишним блюд!!! А между тем, оставшийся в доме тестя провожатый молодого (*нэйкэй*) уходит, куда ему вздумается, если знает, что родни, которую должен объехать молодой, очень много, и *нэйкэй* возвращается незадолго до того времени, когда, по его предположению, должен возвратиться молодой.

Молодую, по отъезде ее мужа, оставшуюся в доме своих родителей, вводят в ту же самую комнату, в которой только что угощали молодого, и ее также здесь угощают с ее *нэйкэй* и другими присутствующими здесь женщинами. Порядок угощения молодой, число подаваемых блюд и проч. и проч. вполне одинаковы и сходны с тем самым, какой наблюдался только что перед этим во время угощения молодого в этой же самой комнате. После угощения молодая в телеге отправляется на поклон к своим родственникам.

По отдании молодым поклонов всем, кому таковые следует отдать, он возвращается в дом тестя, и здесь молодого и его *нэйкэй* опять угощают обедом, и также из тринадцати блюд. После обеда молодому подносят на подносе в подарок одежду для него самого или для жены его, *нэйкэй* принимает одежду и благодарит за нее тестя, а молодой идет в это время на женскую половину и учиняет поклон теще и всем тем женщинам, которые готовили обед. Поклоном этим он благодарит за обед, который исключительно делали для него и для жены его в этот день, и за то, что таким хорошим угощением ему, со стороны родителей невесты, были оказаны большое внимание и честь, чем он глубоко тронут и за что очень им благодарен. После того молодой возвращается к себе домой.

Точно так же таким же обедом угощают и молодую, возвратившуюся после отдания поклонов всем своим родственникам, и она уезжает в дом мужа со своей *нэйкэй*. И опять происходит трогательное прощание молодой со своим отцом и матерью и прочими членами своей семьи, трогательно молодая прощается со своими маленькими братьями и сестрами, сама обещается не забывать их и, в свою очередь, просит, чтобы и они не забывали ее и так же, как и прежде, любили бы ее и вспоминали бы о ней чаще. И на этот раз слез проливается немало, но теперь уже плач не такой тяжелый, как в день свадьбы. Молодую провожают за ворота дома, маленькие братья и сестры бегут насколько возможно дальше за уезжающею сестрою и режут благим матом! Но не всегда бывает так...

В этот же день тесть отправляет молодым те чашки и ложки (палочки), из которых и которыми они ели у него в этот день. Посылается тринадцать чашек, столько же блюдец и столько же пар ложек (палочек) (*куэйцзы* [筷子]). Чашки дарятся только тогда, когда тесть богатый или более или менее состоятельный, бедные же не посылают их.

Дней через 8–10, наконец, и родители молодых, дотоле не выдавшиеся и старавшиеся в силу обычая даже не встречаться, делают друг другу визиты и обильно угощаются. Прежде делают визиты родители жениха отцу и матери невесты, а последние уже отплачивают им.

Ровно через месяц со дня свадьбы свекровь отправляет молодую погостить к родителям ее. Тут молодая на этот раз живет целый месяц. В течение этого времени молодой не посещает ни жены своей, ни родителей ее, как бы ему этого ни хотелось, во избежание насмешек над его слабостью. Родители же его ездят туда, когда это им вздумается. Молодая в течение этого времени старается подучиться по хозяйству и особенно старается пополнить свои познания по части кухни и т.д. В то же время она приготовляет всем домашним мужа подарки, как то: кому *хай цзы* [鞋子], кому наушники, кому чулки и мешочки для денег и т.д.; подарки заготавливает некрупные. По возвращении в дом мужа она таковые раздает, кому какой предназначила заранее. С этого времени молодая уже не может оставлять дом мужа своего ни на одну ночь. Только в крайних случаях она может поехать на несколько дней к своим родителям, когда кто-либо из них или кто-либо из ее братьев и сестер тяжело заболит.

Через год (или не ранее шести месяцев) свекровь возит невестку по своим родственникам и знакомит ее с ними. Это называется *женцин* [認親], т.е. знакомиться с родственниками.

К вышеуказанному следует добавить, что младшая сестра не может выйти замуж прежде старшей; младший брат также не может жениться прежде старшего. Это ни в каком случае и ни под каким предлогом не может быть нарушаемо; исключений будто бы никаких не допускается, может быть, и так — утверждать не берусь.

О выходе замуж вдов и разводов

Вдова может и имеет право выйти замуж только по окончании траура, продолжительность которого установлена у дунган для вдов в 130 дней со дня смерти мужа. В течение этого времени (т.е. когда известная женщина стала вдовой) люди небогатые или же хотя и со средствами, но расчетливые, а также бедные молодые люди, не располагающие достаточными средствами или по каким-либо другим причинам не рассчитывающие в скором времени взять в замужество девушку, лично делают самой вдовушке предложение. Охотников взять дешую

жену у дунган бывает постоянно много, почему претенденты один перед другим употребляют все усилия и пускают в ход всю свою изобретательность и находчивость, чтобы склонить интересующую их вдовушку на свою сторону.

Солидный претендент обещает уплатить все долги первого ее мужа, если таковые остались после смерти последнего; другой искатель старается склонить на свою сторону сердце вдовы щедрыми подарками и обещает закупить побольше дорогих нарядов и ценных украшений, а бедняк по обыкновению предлагает только свое горячее сердце и дает уверения в пылкой и неизменной любви до конца дней своих. Каждое из этих предложений заманчиво, особенно если вдова молоденькая, но положительный ответ все же редко дает своим искателям, она колеблется и, не решаясь сразу кому-либо отдать предпочтение, большей частью просит каждого дожидаться окончания срока траура, т.е. установленных для этого 130 дней, после чего судьба ее непременно должна очень скоро решиться, что в действительности так и бывает. Факты нередко показывают, что, несмотря на свою, по-видимому, полную самостоятельность, которой пользуются вдовы, она выходит замуж часто против своего желания, неожиданно даже для самой себя, так как столь лакомый приз часто и неожиданно достается тому счастливцу, который из них окажется искуснее или сильнее.

Делается это обыкновенно так: какой-либо искатель, не будучи уверен в том, что ему непременно отдастся вдовушка добровольно, заранее подговаривает человек 30–40, а то и более своих товарищей и добрых знакомых помочь ему силой взять намеченную вдову. Охотников до приключений и сильных ощущений бывает всегда немало и среди дунган, да притом это одно из немногих и притом невинных средств поразнообразить довольно монотонно протекающую жизнь. А так как подобное средство практикуется издавна и считается поэтому обычным и нисколько не предосудительным, то в задуманном предприятии участвуют зачастую люди солидных лет, с установившимся хорошим общественным положением и богатые. Понятное дело, что участвующей молодежью предварительно составляются проекты и обсуждаются всесторонне различные планы, предлагаемые каждым в обилии, чтобы по возможности предприятие удалось, чтобы не сделаться после посмешищем в глазах всей деревни. Как только кончается последний день траура, то часто, лишь только смеркнется, вечером того же, 130-го дня, известная партия, заранее подговоренная, вооружившись дубинами и чем попало, но непременно верхом на лошадях, по возможности незаметно, с известными предосторожностями, окружает двор и дом, в котором живет вдова. Смельчаки силой врываются в него, берут вдову, нередко против всякого ее желания и, нисколько не обращая внимания на ее протесты и крики, тащат в дом искателя ее руки или претендента, который тут же участвует в предприятии или, говоря правильнее, в похищении; по большей части он сам же является руководителем и сам же старается завладеть намеченной жертвой. Заранее подговоренный мулла

уже дожидается и, лишь только доставят благополучно в дом похитителя вдову, хотя бы то и силой и против ее воли, как мулла спешит прочитать установленную для брака молитву, после которой все уже считается оконченным.

Случается, что две партии сталкиваются у дома вдовы, и та партия одерживает верх, которая окажется сильнее. Иногда возвращающуюся партию и владеющую уже интересной и заманчивой добычей настигает другая, более сильная партия и отбирает вдову. В том и другом случае обыкновенно происходит порядочная свалка, во время которой встретившиеся противники нередко сильно увечат друг друга, не говоря уже о порядочном числе подбитых глаз, вышибленных зубов и других более мелких повреждений. Но в подобных случаях никаких тяжб и жалоб обыкновенно не возникает, так как до суда дело не доходит, а все кончается миром, полюбовно — шутками, насмешками и остротами друг над другом.

На другой день счастливый обладатель вдовы и муж колет несколько штук баранов или другой какой скотины, приглашает родных со своей стороны и со стороны жены, знакомых, товарищей и, конечно, всех тех, которые участвовали в предприятии, способствуя успешному похищению дамы его сердца — приглашает также несколько ахунов и мулл с их учениками и всех их угощает. И в данном случае обед без речей и проповедей со стороны ахунов и мулл не обходится, но эти обеды проходят более шумно и оживленно, так как предметом разговора служит, главным образом, событие вчерашнего дня со всеми мелочными его эпизодами, почему даже важные и строгие муллы и ахуны позволяют себе шутки и остроты. Этим все обыкновенно и кончается.

Сила и находчивость, надо полагать, обаятельно действуют и на сердце дунганской женщины, и если случается, что последняя (хотя бы и как вдова, свободно собой располагающая) будет отбита и похищена мужчиной, за которого до этого она никогда не думала выходить замуж, она покорно мирится со случившимся так неожиданно и даже против ее воли обстоятельством, она делается верною женою более счастливого обладателя, как проявившего большую находчивость, силу и ловкость, чтобы ею овладеть.

Иногда похищение устраивается с ведома и согласия самой вдовы, для чего искатель ее руки предварительно уговаривается как с ней самой, так и с ее родными. Заручившись согласием и уговорившись о времени, когда именно он должен произвести похищение, жених этот с несколькими своими товарищами в условленное время подъезжает к дому, где живет вдова, спокойно похищает ее, чему содействуют и самые родственники вдовушки, а затем благополучно, т.е. без всяких приключений, доставляет ее в свой дом. Мулла, заранее приглашенный, также и здесь дожидается и, по прибытии жениха с его дамой, немедленно читает полагающиеся для брака молитвы, после чего свадьба считается оконченной. Все это прodelывается, главным образом, людьми бережливими,

расчетливыми как с той, так и с другой стороны, т.е. людьми, которые не желают делать лишних расходов на свадьбу.

С разводками поступают точно так же, как и с вдовами. Разведенная жена может выйти замуж только тогда, когда у нее со дня развода повторятся три раза регулы (*сангэ юецзянь* [三個月經] или *сангэ харцзу* [三個限兒...]), т.е. приблизительно через три месяца. Разведенную жену, как и вдову, часто добывают через похищение.

О многоженстве

Многоженство у дунган, как и у других мусульманских народов, допускается свободно. Мне передавали, что есть немало дунган, у которых будто бы имеются две и три жены, но это относится, как говорят, к дунганам — китайским подданным и живущим в Китае, у дунган же, живущих в России, это наблюдается очень редко. Я довольно долго прожил вблизи каракунuzских дунган и за это время не знаю ни одного примера, чтобы у кого-либо из дунган селения Каракунuz было две жены. Но если и случается, что дунганин берет себе вторую жену, то это происходит скорее вследствие крайней необходимости или же поневоле. Так брат берет в замужество жену с детьми своего же умершего родного брата, если вдове его некуда деваться или если она, выждав срок траура (130 дней), не желает выйти замуж за постороннего. Но такие случаи бывают очень редко, так как вдовы у дунган обыкновенно не засиживаются, а быстро расхватаются, как мы видели, и их даже не хватает для посторонних, желающих всегда добыть жену, которая обошлась бы, по возможности, недорого.

Дунгане не берут больше одной жены по следующим причинам: во-первых, дунгане по своей натуре очень бережливы и расчетливы, и, исходя из этого, редкий из них решится взять вторую жену, во-вторых, и потому что ранее взятая жена, т.е. первая, из ревности будет стараться изводить свою соперницу всякими елико возможными и доступными ей средствами, дунганки же в таких случаях отличаются мстительностью и злостью.

По мусульманскому обычаю первая жена считается старшей в доме, госпожой, почему она сама может ничего не делать, а лишь распоряжаться и повелевать остальными женами, как ей угодно, так как остальные жены считаются младшими женами. Все хозяйство лежит на первой жене, она отдает распоряжения и приказания по хозяйству внутри дома на весь день, начиная с кухни: утром она выдает съестные припасы и распределяет их расходование и проч. и проч., она назначает кому делать какие работы, одним словом — вся программа рабочего дня в доме исходит от первой жены, как старшей в доме, как госпожи, и ею устанавливается. Все же младшие жены, какую бы любовью и вниманием ни пользовались со стороны мужа, обязаны беспрекословно подчиняться старшей жене, и хотя муж в данном случае есть и неограниченный глава и повелитель

семьи, однако мало что может изменить из упомянутого режима в угоду своей младшей любимице. Пророк, разрешив своим последователям многоженство, позаботился о первой жене, предоставив ей в награду и утешение большие права и преимущества в доме мужа сравнительно с младшими женами. И это понятно: вторая и последующие жены появляются в доме правоверного мусульманина по большей части тогда, когда красота первой жены уже несколько поблекла, когда она начинает увядать или же просто уже успела почему-либо ему надоесть. Как бы ни были причины — но любовь мужа если не навсегда, то надолго охладевает к ней, у него появляются новые привязанности и страсти, и первой жене, в награду за причиненное ей оскорбление и унижение, предоставлено пророком право быть старшей в доме, госпожой, и как таковой ей все младшие жены должны повиноваться и слушаться, и правом этим она пользуется по большей части вполне самостоятельно и по своему усмотрению.

Но, несмотря на предоставленный первой жене известный авторитет, раз в доме появляются новые жены, между ними с первого же дня начинают происходить ссоры, которые скоро переходят в открытую непримиримую и жестокую вражду, затягивающуюся на многие годы. Муж оказывается в крайне затруднительном и прямо невозможном положении: разобраться ему во всех дрязгах и столкновениях, возникающих между его женами, является делом далеко не легким: принять сторону одной — значит обидеть другую. В большинстве случаев муж-многоженец не может решить, кто из них прав, кто виноват, и, по-видимому, так старательно и заботливо уготованный им для себя рай превращается для него же в невыносимый и кромешный ад, жить в котором даже для правоверного мусульманина, верящего в предопределение, не хватает сил и терпения.

Но кроме этого существуют другие причины, по которым дунгане не берут себе больше одной жены. Если бы какой-либо дунганин, обзаведшись двумя или тремя женами, впоследствии по каким-либо даже весьма важным обстоятельствам или соображениям вздумал отпустить, дать развод которой-либо из жен, то для такого акта (несмотря на всю важность обстоятельств, его вызывающих) с его стороны потребуется немало силы воли и характера. Дело в том, что у дунган считается в высшей степени не только неудобным, но и прямо невозможным дать развод которой-либо из жен, такой дунганин навлекает на себя не только неудовольствие, но и сильное негодование, даже глубокое презрение всего общества. Дать развод — это значит прослыть в глазах своего общества человеком легкомысленным, нерасчетливым и неосновательным, на которого нельзя положиться ни в каком более или менее важном деле, короче сказать, это значит — потерять всякое уважение и авторитет среди своих односельчан, которые прекратят с ним всякие сношения, что сделает его жизнь прямо невыносимой.

Но, и помимо всего этого, давши развод, такой дунганин навлекает на себя вражду и ненависть не только ближайших, но и отдаленных родственников раз-

веденной жены. Последняя, как и все ее родственники, сочтут развод для себя тяжелой обидой и оскорблением; они в таких случаях всеми силами постараются отомстить своему оскорбителю, а мстят дунгане жестоко — какой-либо повод, чтобы замаскировать настоящую причину мести, у них всегда найдется. Я, кажется, уже упоминал, что дунгане по натуре своей очень злопамятны и мстительны и полученных ими оскорблений они не забывают, почему мало найдется охотников и среди них наживать себе злейших непримиримых врагов и жить поэтому всегда в страхе за целостность и спокойствие своей жизни.

Есть и еще одна причина, вследствие которой у дунган не привилось и не может привиться многоженство: причина эта — влияние китайской культуры, китайской цивилизации. Несмотря на то что дунгане — магометане и притом фанатики и что они страшно ненавидят китайцев, но влияние культуры последних сильно отразилось и отражается на жизни дунган в многообразных ее проявлениях. Влияние это бесспорно отразилось и на положении женщины у дунган и, притом без сомнения, в лучшую сторону. Женщина у дунган пользуется большим уважением, гораздо большими правами и самостоятельностью, нежели у сартов и киргизов; она не так замкнута и изолирована от мира, как у последних. Как известно, у китайцев семейная жизнь стоит высоко, и женщина у них не является покорной безответной рабой, как у других азиатских народов, исповедующих ислам, а она есть полноправный член семьи и общества; таковой взгляд на женщину и такое к ней отношение перешли от китайцев и к дунганам. Исходя из этого, редко какой отец и мать из дунган согласится отдать свою дочь замуж за человека, уже женатого, да правильнее будет сказать, что таких родителей и не найдется среди дунган. Последние хорошо знают, что в таком случае дочь их ожидает не тихая и счастливая семейная жизнь с мужем, а бесконечный ряд мучительных сцен и тяжелых страданий, способных отравить жизнь молодой и совсем неопытной еще женщины в самом начале, не говоря уже о подчиненном положении в новой семье и полной зависимости от первой жены. У дунган же так сильно развита любовь к детям, что никто из них не согласится поставить свою дочь в такое положение. Селение Каракунуз заключает в себе более 3000 душ обоего пола, но я никогда еще не слышал, чтобы у кого-либо из жителей этого селения было две жены, а пророк разрешил своим последователям иметь одновременно четыре жены, но никак не более.

Мы знаем, что киргизы и сарты в большинстве случаев, лишь только им позволяют средства, заводят себе по две и более жен, и только недостаток материальных средств останавливает завести более одной жены. У дунган эта причина не может служить препятствием к многоженству, так как большинство дунган отличается полной зажиточностью, а многие из них очень богаты и имеют большие деньги.

Я слышал также, что дунгане смотрят на многоженство снисходительно, но в жизнь, как мы знаем и видим, они не проводят его, и оно у них не привилось.

Значит, существуют какие-либо уважительные причины, которые влияют на них сильнее их религиозных воззрений, заключающихся в их священной книге Коран, и одной из этих причин и притом причин, весьма существенных и глубоких, мы признаем влияние китайской культуры.

О незаконном сожителстве

К незаконному сожителству дунгане относятся не только неодобрительно, но прямо враждебно, и так относятся к нему одинаково как мужчины, так и женщины, последние еще более к нему настроены враждебно, нежели первые. Да оно и понятно: женщина у дунган, несмотря на то что мусульманская религия поставила ее в рабское и подчиненное положение к мужчине, является полной хранительницей домашнего очага, который она ревниво и оберегает, видя в нем одном свое счастье и благополучие.

Муж безусловно доверяет своей жене, она вполне самостоятельно ведет свое домашнее хозяйство, воспитывает детей, а нередко и первоначальное их обучение лежит на ней, да иначе и быть не может: муж то и дело отлучается из дому по торговым и другим делам и притом на более или менее продолжительное время, и жена в отсутствие мужа вполне заменяет его, она ведет все хозяйство и ведет старательно и бережливо, чтобы не причинить не только ущерб, но, напротив, постарается сэкономить, как-нибудь выгадать, чтобы приобрести большее доверие и расположение мужа. Вследствие таких причин между ними устанавливается крепкая нравственная связь, в основе которой лежит чистота супружеских отношений и верность супружескому долгу с той и другой стороны. Вот почему дунгане с презрением и чувством гадливости относятся к незаконному сожителству, и ни один из них не станет ни есть, ни пить в таком доме, где живут нелегальным, незаконным браком. Такое воззрение, существующее у дунган на незаконные, нелегальные связи, не только результат религиозных их воззрений, но и в не меньшей степени оно есть выражение социально-экономических условий, выработанных самой их жизнью, которая сложилась под влиянием различных и многообразных факторов помимо религиозного их вероучения, а один из крупнейших и существенных факторов в жизни дунган — это их уже упомянутое выше близкое духовное и физическое родство с китайцами и влияние на них культуры последних.

Язык, которым говорят дунгане, верования их в добрых и злых духов, форма одежды, пища, украшения, вся домашняя утварь, способы обработки полей, огородов, уход за животными, их кормление и проч. — все это чисто китайское и позаимствовано ими от китайцев давным-давно, почему все это и вошло в их плоть и кровь. Но, конечно, нельзя отрицать и могущественного влияния исповедуемой дунганями религии, которой они преданы до фанатизма, и мы, хотя и вскользь, но уже не раз отмечали, каким громадным влиянием и значением у них пользует-

ются ахуны и муллы, которым они безусловно доверяют и от которых такие крупные по своему значению факты, как незаконное сожительство, ни под каким видом не ускользнут.

Не касаясь сейчас вопроса о происхождении дунган, скажем только, что многие выдающиеся синологи считают их китайцами, принявшими мусульманство, и данных для этого, как мы уже видели, много. Между прочим, лично нам пришлось видеть несколько человек китайцев, которые за несколько лет до этого (5–8) приняли мусульманство, после чего они (да и все прочие) уже стали называть себя дунганями, или *хойхой* [回回]. Произошли ли дунгане от одних только китайцев, принявших мусульманство, этот вопрос еще остается открытым; по нашим наблюдениям, в типе дунган есть бесспорно примесь тюркской крови. Учеными синологами и другими, жившими долгое время в Китае, отмечен факт, что китайцы, принявшие мусульманство, коренным образом перерождаются под влиянием новой религии. Перешедшие в мусульманство китайцы уже никогда и ни под каким видом не назовут себя китайцами, а *хойхой* (мусульманин), мало этого, они делаются злейшими и непримиримыми врагами своих недавних сородичей-китайцев. Обыкновенно довольно равнодушные к своей религии, которую они позаимствовали от предков, с переходом в мусульманство они, напротив, делаются яркими фанатиками и самыми ревностными исполнителями учения Магомета. Это одинаково относится как к мужчинам, так и к женщинам — одним словом, происходит полное перерождение не только духовное и моральное, но и физическое; до этого вялый и мало подвижный китаец, равнодушный к себе и своей участи, став мусульманином, делается энергичным, решительным, ценит высоко свою жизнь, оставляет такие пагубные привычки, как курение опиума и проч.

Такое влияние на дунган исповедуемой ими религии отразилось, конечно, и во взгляде на отношения их к лицам, живущим нелегальной связью, почему брезгливость дунган в данном случае доходит до крайних пределов, а именно: посуда, ложка, чашка и другие какие-либо предметы, побывавшие в руках женщины, живущей подобной связью, считаются погаными, и брать их в руки признается постыдным, позорным, это значит осквернять себя. Весьма редко также какой-либо дунганин зайдет в такой дом, если к тому не побудит его важное неотложное дело. Женщине же, живущей нелегальной связью, нельзя показаться на улице; ближайшие родственники и знакомые, а также и посторонние будут от нее отворачиваться, а мальчишки встретят ее насмешками, бранными словами и вдогонку пошлют ей в спину несколько тяжеловесных камней... Да и живущая таким образом женщина сама не решится показаться на улице, при таком единодушном взгляде всего общества на нелегальные связи у нее не хватит на это ни силы воли, ни мужества. О том же, какой крик и вопль негодования поднимут все муллы и ахуны, нечего и говорить, это само собой разумеется: такая парочка не один раз послужит предметом для их проповедей как в мечетях, так и на обедах, где, как мы знаем, всегда бы-

вает масса народу (в особенности же на последних), а при таких условиях и при таком настроении общества мало найдется охотников из мужчин между дунганами завести нелегальную связь, а еще менее можно встретить между дунганскими женщинами охотниц, которые пожелали бы вступить в подобную связь.

Все вышеприведенные условия и обстоятельства, вместе взятые, не могли способствовать развитию незаконного сожительства между дунганами, и таковое, если иногда и встречается, то представляет явление исключительное. До настоящего времени мы знаем в Каракурузе всего один случай незаконного сожительства, но виновники его под влиянием общественного мнения, руководимого и направляемого не только муллами и ахунами, но и почетными стариками, должны были скоро соединиться законным браком, и нарушенное было спокойствие и ровное течение повседневной жизни быстро вошло в свою колею к глубокому удовольствию и великой радости всех правоверных дунган; соблазн, который мог бы распространиться и повлиять заразительно на других, был подавлен общими силами в самом непродолжительном времени.

Точно так же весьма редко случается, чтобы женатые дунгане заводили на стороне любовницу, это также у них считается крайне постыдным и предосудительным. Односельчане, если узнают про это (а грех этот, как бы тщательно ни скрывался, всегда когда-нибудь да узнается и выходит наружу), будут зло и беспощадно над ним смеяться и издеваться, а если это дойдет до муллы или ахуна, что всегда и случается, то они выберут наиболее подходящий удобный случай и публично, при многочисленном обществе, упрекнут, изболчат его, и тогда стыду и сраму не будет конца. Подобные отношения и взгляды общества также не предрасполагают к тому, чтобы заводить на стороне любовные интриги. Осмеянный и изболченный, он сам будет избегать общества, да и жена его, которую добродетельные соседки постараются обо всем этом поставить в известность и притом непременно с разными добавлениями и неизбежными преувеличениями, постоянно то и дело будет устраивать своему мужу всевозможные сцены самого неприятного, конечно, характера, и в этом случае она мстит не только мужу, но еще больше его любовнице. Последней достается еще и от других женщин, которые остаются далеко равнодушны к подобному факту, — главным образом, со стороны родственниц оскорбленной жены.

Правда, и у дунган известен обычай мести в чисто азиатском (или китайском) вкусе — так, в селении Токмак, вскоре по прибытии моем в этот край, одна дунганка, муж которой изменил и как-то ухитрился завести любовницу, не могла перенести нанесенного ей оскорбления и отравилась опиумом в полной уверенности, что ее мужа и любовницу постигнет жестокая кара, но этого не случилось.

Весь строй и уклад семейной жизни сложился так у дунган (да, должно быть, и у других мусульманских народов), что завести любовную интригу нелегко при всем даже желании. Женщина у дунган хотя и пользуется большей самостоя-

тельностью и правами сравнительно с женщинами других народов Азии, исповедующих ислам, но все же сфера ее деятельности ограничивается исключительно тесными рамками семейной жизни. С раннего утра и до поздней ночи жизнь ее проходит на глазах всех членов семьи, притом жизнь эта полна разностороннего труда, какой выпадает на долю каждой женщине в азиатской семье, ей весьма и весьма много приходится работать по хозяйству; правда, посторонние не видят этой работы. Благодаря такому характеру деятельности у мусульман в умственном отношении она не ниже мужчин своего народа.

Притом отлучиться куда-либо из дому дунганка может только в редких и исключительных случаях, а именно: в случае смерти или болезни кого-либо из ее ближайших родственников или родственниц. Даже выйти за двор, чтобы набрать ведро воды из протекающего мимо дома арыка, ей почти не приходится, потому что эту столь незначительную работу исполняют мужчины. Я много раз бывал в Каракунузе, и мне ни разу не приходилось видеть, чтобы женщина шла по улице и несла воду, почему устраивать тайные встречи и свидания при таких условиях — дело слишком трудное, если только не совсем невозможное. До настоящего времени у мусульманских народов, и в частности у дунган, жизнь еще не создала такой обстановки и таких форм, при которых могли бы, по желанию, в какое угодно время происходить свободные сношения между обоими полами вне дома.

Если же и случается завести любовницу какому-либо дунганину, то он сделал это не потому, что он женился не по любви или поневоле. Нет, у парня, когда его женят, родители не спрашивают никакого согласия, да им это и в голову не приходит: так велось исстари, давным-давно, так и теперь они делают. Точно так же не спрашивают согласия и у девушки, когда ее выдают замуж. Сыновья и дочери беспрекословно повинуются воле родителей. Как жених не знает, красивая или дурная девушка ему предназначена в жены, точно так же и последняя не знает ничего о своем будущем муже — красавец или же урод он будет, — в этом случае обе стороны, вступающие в брак, находятся совершенно в одинаковых условиях.

Причина, по которой иногда жена изменяет своему мужу, — это старость последнего, когда он делается неспособен к супружеской жизни, или же тяжелый деспотический характер его, доведшей жену до отчаяния и ожесточения, — тогда у нее является желание изменить, скорее, отомстить опротивевшему и надоевшему ей мужу. Точно так же случается, что и муж изменяет своей жене, когда она слишком безобразна или стара, и она ему уж очень надоест, опротивит. Но поименованные случаи встречаются в жизни дунган редко, так как для приведения в исполнение подобного рода намерения для той и другой стороны требуется стечение многих благоприятных условий, на что рассчитывать трудно или создавать таковые самим участникам является делом почти невозможным. Да, впрочем, и прибегать к подобного рода приключениям, влекущим за собой, как мы видели, массу неприятностей, нередко с опасностью для жизни, нет особой нуж-

ды, так как каждая из заинтересованных сторон всегда может выйти из невозможного и крайне тягостного для нее положения, прибегнув для этого к законному средству — разводу, которым дунгане и пользуются в известных случаях.

Похищение девиц

Обычая похищения девиц-невест у дунган, собственно говоря, нет и не было, и по условиям их жизни таковой обычай не мог развиваться; но иногда в исключительных случаях и они прибегают к этому экстраординарному средству. Один такой случай несколько лет тому назад произошел в Каракурузе на наших глазах. Дело в том, что одну уже сговоренную и сосватанную за одного молодого человека девушку родители последней, после перехода жениха в противную партию, решились выдать за другого, а прежнему жениху отказали. Так как это было противно установившимся обычаям, которые к тому же дунгане соблюдают весьма твердо, то вышел громаднейший скандал, принявший крупные размеры. Случай был неслыханный и невиданный. Но чего только дунгане не делают из ненависти друг к другу!.. Ввиду небывалого отказа и считая себя опозоренным, прежний жених решил похитить свою невесту, тем более что и она, как оказалось впоследствии, согласилась быть похищенной, так как любила своего жениха. Одним словом, вышел настоящий роман в европейском вкусе. Дело это в свое время наделало большого шума между мусульманами вообще, не говоря уже о дунганах, среди которых оно разыгралось. Дело дошло до уездной администрации, посыпались энергичные жалобы начальству с той и другой стороны, и в Пишпекском уездном управлении об этом имеется целая переписка, но мне не удалось ее прочитать. Рекомендую будущему бытописателю дунган обратить внимание на это дело и прочитать его, в нем найдется немало бытовых и характерных для дунган черт.

Похищение невест-девушек между дунганами никогда будто бы не случалось, так как за это неизбежно следовала смертная казнь (!) или же родственники похищенной девицы сами беспощадно расправлялись с похитителями. Похищение же девушек-китайенок дунгане часто учиняли, как об этом они сами говорят, но никогда не выдавали китайским властям своих единоверцев, виновных в похищении. Это, как передают сами же дунгане, также одна из многих причин ненависти китайцев к дунганам, и это обстоятельство (или причина) занимает далеко будто бы не последнее место в развившихся неприязненных отношениях между китайцами и дунганами и перешедших потом в открытую, жестокую и непримиримую между ними вражду, которая в конце концов разразилась продолжительным кровопролитнейшим по своей беспримерности восстанием, продолжавшимся много лет подряд и закончившимся добровольным переходом части дунган в русское подданство.

Г. Верный Семиреч. обл.
1907 года декабря 4 дня

В.И. Цибузгин
Материалы
для изучения
наречия дунган

Цибузгин Василий Иванович (1865–1916) — географ, выпускник 1-й Пензенской гимназии и Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. С 1897 г. заведовал школой, созданной для дунган-шэньсийцев в Каракунузе (совр. с. Масанчи, Кордайский район Жамбылской обл., Казахстан). В 1902 г. назначен учителем в Чугучакскую русско-туземную школу в Синьцзяне. Совместно с А. Шмаковым опубликовал статью, содержащую сведения о жизни, обычаях и языке каракунuzских дунган на рубеже XIX и XX вв.*.

Ниже представлены уникальные записи шэньсийского диалекта, сделанные сразу после 1897 г., иначе говоря, всего через 20 лет после переселения мусульман-хуэйцзу в Россию. Дунганские загадки и «Песнь о курильщиках опиума» были в свое время опубликованы в «Семиреченских областных ведомостях» и практически недоступны современным чита-

---

* Цибузгин В.И., Шмаков А. Заметки о жизни дунган селения Каракунuz Пишпекского уезда Семиреченской области // Записки Семиреченского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 4. 1909. См. также английский перевод этой статьи с параллельной иероглифической записью дунганских терминов и образцов фольклора в статье: *Rimsky-Korsakoff Dyer S. Karakunuz: An Early Settlement of the Chinese Muslims in Russia, with an English Translation of V. Tsubuzgin's and A. Shmakov's Work* // *Asian Folklore Studies*. Vol. 51. 1992. P. 243–279.

телям. Размноженное на домашнем гектографе пособие по русскому языку использовалось автором в школе. Оно включает переведенные на шэньсийский диалект с помощью первого дунганского школьного учителя Чжэбура Мацзинъяня¹ сказки Л.Н. Толстого, басни И.А. Крылова, пословицы и поговорки, загадки, стихи, заимствованные из учебников русского языка конца XIX в. Рукопись пособия сохранилась в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Авторы исходных материалов указаны нами в квадратных скобках, сделана параллельная иероглифическая запись раздела «Дунганские загадки».

Дунганские загадки, собранные в селении Каракунуз Пишпекского уезда²

Игэ те хәхар, му гэйгэр, хун кукур, людэ й дэр. — Го.

[一個鐵盒盒兒, 木蓋蓋兒, 紅褲褲兒, 綠的一帶兒。鍋。]

Одна железная коробочка с деревянной крышечкой, красными штанишками, зеленой опояской. — Котел (окруженный пламенем).

Гоуни лю, ю мо гуду, ю мо жу. — Фый.

[溝呢流, 又沒骨啞, 又沒肉。水。]

По оврагу течет, нет ни костей ни мяса. — Вода.

Хун сяңзы, лю соңзы, хуту дванди хуан гоңзы. — Лаңзы.

[紅箱子, 綠鎖子, 後頭端的黃果子。辣子。]

Красный сундук с зеленым замком; внутри лежат желтые плоды. — Стручок дунганского перца «лаза».

Игэ хәхар хуту дванди бэй яяр. — Гуаңзыр.

[一個盒盒兒後頭端的白芽芽兒。瓜子兒。]

В одной коробочке положены белые ростки. — Тыквенные семечки.

¹ Также Джебыр Мадживан (см.: Дунганская энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. М.Х. Имазов. Бишкек: Илим, 2009, с. 114).

² *Цибузгин Василий*. Дунганские загадки, собранные в селении Каракунуз Пишпекского уезда. Перепечатано из № 56 «Семиреченских областных ведомостей» (часть неоф.). Типография Семиреченского областного правления, 1897.

Игэ даньдар чигэ няньняр. — Ту.

[一個彈彈兒七個眼兒。頭。]

На одном шарике семь дырочек. — Голова.

Хун гундзи, лю иба, сый цайтфу, ньо гэй та. — Лобу.

[紅公雞，綠尾巴，誰猜出，我給他。萝卜。]

Красного петуха с зеленым хвостом я дам тому, кто отгадает. — Редька.

Игэ цзянь маньгоу цуань; цзозы, футу дабудуань. — Хо.

[一個箭滿溝壙; 鑿子, 斧頭打不斷。河。]

Одна стрела по оврагу мчится; долотом и топором ее не разрубишь. — Река.

Игэ нюдур панпан во; булюн надэрди цоо ду чиго. — Готу.

[一個牛犢兒盤盤卧; 不論那搭兒的草都吃過。鍋頭。]

Один теленок, свернувшись клубком, лежит, какую угодно траву всю съедает. — Дунганская печка.

Игэ твын цзучжэ хынхын; чи чин ни, гудун; цуди; бу цу тянь, сы лоо хуйхуйди душман. — Дву.

[一個蟲走着哼哼; 吃清泥, ...; 瞅地; 不瞅天, 是老回回的 *doshman*。豬。]

Одно животное ходит со стоном; ест одну грязь, роется в ней; смотрит на землю, не смотрит на небо; оно — дунганский (мусульманский) враг. — Свинья.

Игэ цян мын дедоо; сыгэ двуза маньянь жо, иба тяотву маньди соо. — Ма дагурни.

[一個牆猛跌倒; 四個柱子滿天擾, 一把笤帚滿地掃。馬打滾兒呢。]

Одна стена внезапно упала, четыре столба по небу мечутся, один веник по земле метет. — Лошадь валяется.

Игэ хуан мудзи цзянь жэнь нашан, маньфан фий. — Тяотву.

[一個黃母雞見人拿上, 滿房飛。笤帚。]

Одна желтая курица, (когда) увидит ее человек и возьмет, по комнате летает. — Веник дунганский.

Игэ хэхар хуту дванле вугэ да вар. — Хэй.

[一個盒盒兒後頭端了五個大娃兒。鞋。]

В одной коробочке поместились пять калмыцких мальчиков. — (Надетая на ногу) туфля.

Игэ хэй лова бэй жини маньди фий; хэйле вочжэ диха. — Хэй.

[一個黑老哇白日呢滿地飛; 黑了卧着地下。鞋。]

Одна черная ворона целый день по полю летает, ночью лежит на земле. — Туфля.

Игэ те хэхар, муту гэйгэр; хуту цзоди игэ лохань лянй игэ лопор лали лали. — Го.

[一個鐵盒盒兒, 木頭蓋蓋兒, 後頭坐的一個老漢連一個老婆兒 ... .. 鍋。]

Одна железная коробочка, с деревянной крышечкой; внутри сидят старик со старухой и шумят. — Котел с кипящей водой.

Дунганская песнь о курильщиках опиума³

I

*Чжэн юэли. Сы син нянь;
Чин чао дзя синди яняньянь;
Бэйжини фыйцзэ; хэйлэ сюань;
Фыньбукай инь ян, дьяндордянь.*

В первой луне. Время нового года.
Китайцы требуют опиума.
Днем они спят, а ночью болтают;
Не различают дня от ночи; время у них шиворот-
навыворот.

II

*Эр юэли. Лун тай тху.
Чжуандзяхань шуши вучжуанлун;
Хуайтвай лундэн, фын шонянь;
Чишу сянь твын яняньянь.*

Во второй луне. Дракон поднимает голову.
Земледельцы собирают земледельческие орудия.
За пазухой держат фонарь, при посредстве кото-
рого выбирают (нанимают на работу) молодежь;
Сначала приступают к посеву опиума (т.е. мака).

³ Записана со слов одного дунганина в селении Каракунуз Пишпекского уезда. — *Примеч.* В.И. Цибузгина.

Цибузгин Василий. Дунганская песнь о курильщиках опиума. Перепечатано из № 55 «Семиреченских областных ведомостей» (часть неоф.). Типография Семиреченского областного правления, 1897.

III

*Сань юэли. Сы тин мин;
Инсыхуа дини цзань цин;
Цайтву мяомяо сы чжэнь цзянь;
Чжэmma дади шэнишэн хай жэнь
нань.*

IV

*Сы юэли. Сы юэ ба;
Инсыхуа дини гэнза ся;
Гэнза сялэй, еер да;
Фыйцзяо жэньву, хо кайхуа.*

V

*У юэли. У дуань ян;
Инсыхуа дини фыйцзяошан;
Фыйцзяошанлэй, фый юншан,
И гу лян хан, хаокай чан.*

VI

*Лю юэли. Фуфу тянь;
Инсыхуа дини цяо хохань;
Цяоди цяолэй, каньди кань;
Инсыхуа гутур юаньшан юань.*

VII

*Чю эли. Ли шан чю;
Чи яньди жэнь фа ю цу;
Тхуни го, хуту шу.
Дань хайпа, тяньин юосу.*

VIII

*Па юэ ли. Юэр юань;
Чи яньди жэньжэнь сай фуа.*

III

В третьей луне. Весенний праздник.
На маковых полях все зеленеет.
Сначала показываются ростки, точно концы иголок.
И подобное то громадное создание причиняет человеку столь сильный вред.

IV

В четвертой луне 8-го числа.
На маковых полях корни растений продолжают расти;
Корни углубляются, листья у растений делаются большими;
Караульщики поливают поля, чтобы мак хорошо цвел.

V

В пятой луне 5-го числа.
На маковых полях производится прилежная поливка;
Вода усиленно прогоняется по арыкам и по канавам,
Для того чтобы сбор опиума с надрезов вышел более обильным.

VI

В шестой луне. Сырое время.
На маковых полях выбирают молодцов (для работы);
Их выбирают, осматривают;
Маковые головки закругляются.

VII

В седьмой луне. Приближается осень.
Курильщики опиума начали беспокоиться.
Они сначала производят надрезы (на маковых головках), потом собирают (выступивший из надрезов опиум);
Только боятся, как бы не случилось ненастье.

VIII

В восьмой луне. Полнолуние.
Курильщики опиума стали превосходить богачей;

чуле гутур, бале гэн;

Цзяниди ляниши мо и дяр.

IX

*Дзю юэли. Лын хань тянь;
Сянятванишан пу хун чжан;*

*Урус паньза, ярдын боли цзоза
бу лю фын;*

*Чиле туцань, чи эрцань;
Гуади хулуцзы гуай цзяохуань.*

X

*Ши юэ ни ли. Тянчи дуань;
Чияньди жэнь бу нгэй фань;*

*Цзочи чуле лян ко бань;
И тянь мо цзянь яньди мянь.*

XI

*Ши игэ юэ. Сань дю тянь;
Пинъао ланьле, бу чжэ хань;*

Яньин лэйле, бу дунтань;

Хао сян сыле, чи модуань.

XII

*Ши эргэ юэ. Чжэнь и нянь;
Чияньди жэньжэнь сы
цзайтван бяньцянь;*

*Цзынбуха иньцянь; мейбуха бань
и еза;*

*Ланьси ван вай цзюань;
Гу кун боза; лан фа чоуань;*

Хый лова голэй, ба нянь ва.

Они (только и делают, что) выкуривают трубки и выдергивают чубуки;

А дома нет хлеба ни крошки.

IX

В девятой луне. Холодная погода.

(Курильщик опиума) на кровати из слоновой кости расстилает красную кошму;

Пред ним русский поднос и заморская лампа, стекло которой не допускает ветра (к огню);

(Курильщик) раз покурил, вторично затянулся, В прочищенной трубке слышится шум своеобразный.

X

В десятой луне. День короткий.

Курильщик опиума не любит, чтобы его беспокоили.

Рано утром он выкурил две с половиной трубки, А потом целый день не удается видеть опиума в глаза (за недостатком денег).

XI

11-я луна. Весьма холодное время.

(У опиумщика) шуба изнасилась, не задерживает тепла (букв.: не прикрывает пота);

Хочется покурить опиума (но купить не на что); он не может (от слабости) двигаться;

Точно мертвый, только лишь дух не порвался.

XII

12-я луна. Как раз один год.

Курильщик опиума умер около своей кровати; Он не мог заработать денег, не был в состоянии купить даже одной доски для гроба;

Умершего завертывают в циновку (и хоронят, бросив где попало);

Собаки гложат его шею; волки терзают [его тело];

Черные вороны выклевают глаза.

XIII

*Ши саньгэ юэ. И нянь до;
Чиянди жэньди чже ло цзяо;*

Тхо фань, шуку ньо ду юань;

Чиче чи янь, цзай бу гань.

XIII

13-я луна. Больше года.

Курильщик опиума находится в предсмертных мучениях.

Быть нищим, быть рабочим — на это я на все не согласен;

Но если подумаю об опиуме, то (курить его) я более не осмелюсь.

Считаю нужным заметить, что между дунганями распространено несколько вариаций этой песни и из них я выбрал ту именно, которая показалась мне более приглядной по своей отделке и содержанию.

Прошу извинения у знатоков дунганского языка, если они где-либо заметят неточность выражения русскими буквами дунганских звуков и неладность перевода; я сделал как мог.

Материал

для изучения наречия дунган
селения Каракуруз Пишпекского уезда
Семиреченской области.

Составил Василий Цибузгин⁴

Русские рассказы, стихи, пословицы, загадки, фразы и т.п., переведенные на разговорный язык дунган селения Каракуруз Пишпекского уезда Семиреченской области. Составил учитель Каракурузской русско-дунганской школы Василий Иванович Цибузгин при участии каракурузского дунганина Чжэбура Мацзинъань.

Пособие для учеников местной школы

Селение Каракуруз, 1897 г.

Оттиски произведены посредством домашнего гектографа

Материал для изучения разговорного языка семиреченских дунган

Как тебя зовут? *Ни цзёо са.*

Как твое имя? *Ниды минза цзёо са.*

⁴ Архив востоковедов ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 95.

Как твоя фамилия? *Ни син са.*

[Как зовут твоего отца?] *Ниды дади минза чжэо са.*

Ни: тебя; *цзэо:* зовут; *са:* как. *Ниды:* твое; *минза:* имя; *цзэо* называется; *са:* как. *Син:* фамилия; *ниды:* твоего; *дади:* отца.

Что это у тебя рука дрожит? *Ниды шу цза чжянни.*

Ниды: твоя; *шу:* рука; *цза:* что это; *чжянни:* дрожит.

Ты что дрожишь? *Ни чжаньсане.*

Сане: что; *чжань:* дрожишь.

Шапку выиграл, а кафтан проиграл. *Ба моза инлэ, ба поза фуле.*

Моза: шапку; *инлэ:* выиграл; *ба поза:* кафтан; *фулэ:* проиграл.

Меня самого иной раз пробирали. *Ба во цзидя юдисыхур дамани.*

Ба во: меня; *цзидя:* самого; *юдисыхур:* иной раз, иногда; *дамани:* пробирали.

Не наливай мне чаю крепкого, а наливай жидкого. *Бо гэй во до янь ца, гуан гэй во до дань ца.*

Бо: не; *гэйво:* мне; *до:* наливай; *янь:* крепкого; *ца:* чаю; *гуань:* но; *до:* налей; *дань:* жидкого.

Все вещи покрепче перевяжи веревкой. *Ба линсуй ду на шын пан дешу.*

Ба линсуй: вещи; *ду:* все; *на шын:* веревкой; *пан:* перевяжи; *дешу:* покрепче.

Сестра, заплети волосы в две косы. *Цзымей батуфа бяньлэ лянгэ могэза.*

Цзымей: сестра; *батуфа:* волосы; *бяньлэ:* заплети; *лянгэ:* две; *могэза:* косы.

Толстая веревка. *Дван шын.*

Держи ручку прямо. *Ба галань на дуань.*

Ба галань: ручку; *на:* держи; *дуань:* прямо.

Нечего волка жалеть. *Бу ё синтын лан.*

Бу ё: нечего, не надо; *синтин:* жалеть; *лан:* волка.

Голодная лисица захотела свежего винограда. *Ннэ хуза сян чи фый путао.*

Ннэ: голодная; *хуза:* лисица; *сян:* захотела; *чи:* есть; *фый:* свежего; *путао:* винограда.

Ученик придумал легчайший способ решить задачу. *Сёсэн сянтулэйле шы-цзэй чинди фанза суань чжан.*

Сёсэн: ученик; *сянтулэйле:* придумал; *шыцзэй чинди:* легчайший; *фанза:* способ; *суань:* решить; *чжан:* задачу.

Сочные кисти винограда висели на ветвях. *Фыйфырди идваза нутао цзай фу-гузаашан гуалё.*

Фыйфырди: сочные; *идваза:* кисти; *нутао:* виноград; *цзай фу-гузаашан:* на ветвях; *гуалё:* висели.

Фонарь не зажигали. *Ба дын лун мо дьянь.*

Ба дын лун: фонарь; *мо дьянь:* не зажигали.

Мать хлопочет о сыне. *Ма чжанлочжэне (бадечжэне) уйва.*

Ма: мать; *чжанлочжэне, бадечжэне:* хлопотать; *уйва:* о сыне.

В беде не унывай, а на Бога уповай. *Цзонаньды сыхур бо цу (боса) гуан пань-ван худа.*

Не тряси: *бо ё твоза.*

Бозван шу: не толкай рук.

Торговцы везли свои товары в города для продажи. *Маймайжэнь ба цзыдяди хо ладо чэнни мэйчиле.*

Маймайжэнь: торговцы; *ба цзыдяди:* свои; *хо:* товары; *ладо:* везли; *чэнни:* в города; *мэйчиле:* продавать, для продажи.

Умеешь ошибаться, умей и поправляться. *Хуй цо, хуй шидо.*

Хуй: умеешь; *цо:* ошибаться; *хуй:* умей; *шидо:* поправляться.

Перестаньте судиться, начинайте мириться. *Бо деле хоче.*

Бо деле: перестаньте судиться; *хоче:* миритесь.

Наши войска возвратились из Турции. *Вомыньди бинмынь хуйлейле гай Рум-гуйлиту.*

Вомыньди: наши; *бинмынь:* войска; *хуйлейле:* вернулись; *гай Рум-гуйлиту:* из Турции; *гуй:* государство.

Лучше самому терпеть, чем обижать других. *Цзыдя шу би ба панжэнь куй хао.*

Цзыдя: самому; *шу:* терпеть; *би:* чем; *ба панжэнь:* других; посторонних; *куй:* обижать; *хао:* лучше.

Курица петухом запела. *Муди цзёоле гундиди мин.*

Муди: курица; *цзёоле:* запела; *гундиди:* петушиным; *мин:* пением.

Лай собак будит хозяина. *Гу нёо цзин чжангуйдини.*

Гу: собак; *нёо:* лай; *цзин:* будит; *чжангуйдини:* хозяина.

Предлинной хворостиной мужик гусей гнал в город продавать [См.: Иван Крылов. Гуси]. *Бэйсин на чандихэнди тёоза баннэ ё дочэнни мэйчиле.*

Бэйсин: мужик; *на чандихэнди:* предлинной; *тёоза:* хворостиной; *баннэ:* гусей; *ё:* гнал; *дочэнни:* в город; *мэйчиле:* продавать.

Мартышка с досады разбила все очки. *Ху хынчжэ е ба няньцзин ду даланьле (фыйле).*

Ху: мартышка; *хынчжэ:* с досады; *ба няньцзин:* очки; *ду:* все; *даланьле, фыйле:* разбила.

Стихи нужно выучить наизусть. *Ба чюр ё бэйхуйни.*

Ба чюр: песню, стихи; *ё:* нужно; *бэй:* наизусть; *хуйни:* выучить.

Полная бочка без шуму и шажком, пустая же вскачь несется. *Маньмутун бусян е сёобу цзучжэне; гуан кун тун тёочжэ почжэне.*

Мань: полная; *мутун:* бочка; *бусян:* без шуму; *е сёобу:* [и] шажком; *цзучжэне:* плетется, идет; *гуан:* же; *кун:* пустая; *тун:* бочка; *тёочжэ:* вскачь; *почжэне:* несется.

По дороге пыль столбом поднялась. *Лушанди ту сянтуваза чэлэйле.*

Лушанди: по дороге; *ту:* пыль; *сянтуваза:* столбом; *чэлэйле:* поднялась.

Корову погнали на пастбище. *Баню ёочжэ фанчиле.*

Баню: корову; *ёочжэ:* погнали; *фанчиле:* на пастбище. <Далее несколько слов неразборчиво>

Красивые мотыльки порхают по цветам. *Хоканьди хуахуашэр хуашан фыйчжэне.*

Хоканьди: красивые; *хуахуашэр:* мотыльки; *хуашан:* по цветам; *фыйчжэне:* порхать.

Высоко поднял, да низко опустил. *Тайди го, лоди ди.*

Тайди: поднял; *го:* высоко; *лоди:* опустил; *ди:* низко.

В небе хищный ястреб высоко летал, удалого сокола там он повстречал. *Аоманшан ючиди ёоин фэйди го, цзайуар та пынцзяньле куайходи ин.*

Аоманшан: в небе; *ючиди:* хищный; *ёоин:* ястреб; *фэйди:* летал; *го:* высоко; *цзайуар:* там; *та:* он; *пынцзяньле:* повстречал; *куайходи:* удалого; *ин:* сокола.

Давайте, друзья, усердно работать. *Пын-ю, вомынь идани юнсин цзухолэй.*

Пын-ю: друзья; *вомынь:* мы; *идани:* вместе; *юнсин:* усердно; *цзухолэй:* давайте работать, будем работать.

Он не успел приготовить урок, который был задан ему учителем. *Та могудэй ба сыфу дехади фу няньхуй.*

Та могудэй: он не успел; *сыфу:* учитель; *дехади:* заданный; *фу:* урок; *няньхуй:* приготовить, выучить.

Сидите смирно. *Ду цзиньзир цзочжэ.*

Цзиньзир: смирно; *ду:* все; *цзочжэ:* сидите.

Змея из-под кустов ползет, вон высунувши жало [См.: Иван Крылов. Комар и пастух]. *Чан твын гайфувозадихи люжэне, бацзянь шывулэйлэ.*

Чан твын: змея; *гайфувозадихи:* из-под кустов; *люжэне:* ползет; *бацзянь:* жало; *шывулэйлэ:* высунула.

Лес рубят, щепки летят. *Каньфучжэне, муцзаяньза фэйчжэне.*

Кань: рубят; *фу:* лес; *муцзаяньза:* щепки; *фэйчжэне:* летят.

Наголодаешься, так и из лужи нахлебаешься. *Восы нъялэ, цзу гай никынкынзани мяньбоничини.*

Восы: если; *нъялэ:* голодал; *цзу:* то; *гай никынкынзани:* из лужи; *мяньбоничини:* нахлебаешься.

Поспешишь, так людей насмешишь. *Восы чжаоцзи, цзу ба жин жесёоне.*

Восы: если; *чжаоцзи:* поспешишь; *цзу:* то; *ба жин:* людей; *жесёоне:* насмешишь.

Если собаку ласковым словом приманишь, то хвостом вертит. *Восы багу нахаоха цзёо, гу е ё ибане.*

Восы: если; *багу:* собаку; *нахаоха:* ласковым словом; *цзёо:* призовешь, приманишь; *гу:* собака; *е:* то; *ё:* вертит; *ибане:* хвостом.

Если отступишь от закона, так он и покарает тебя. *Восы ни буцун ли, нэцзу та бани фане.*

Восы: если; *ни*: ты; *буцун*: не следуешь; *ли*: закон; *нэцзу*: то; *та*: он; *бани*: тебя; *фане*: накажет.

Некогда плясать, как посылают жать. *Мою гунфу цзучзучанза, дохур дафа го-лянишини.*

Мо югунфу: некогда, нет времени; *цзучзучанза*: плясать; *дохур*: когда; *дафа*: посылают; *го*: жать; *ляниши*: хлеб.

Ящерица: *шэфуза*; блоха: *гэцзао*; сверчок: *цутвынза*.

[Из книги: Константин Ушинский. Родное слово]

Ячмень и пшеница

Звал ячмень пшеницу: «Пойдем туда, где золото родится; мы там будем с тобою водиться». А пшеничка ячменю в ответ: «У тебя, ячмень, ус долог, да ум короток; зачем нам за золотом водиться? Оно к нам само привалится».

Дамэй лянэ мэй

Дамий ба мий цэгле: Цзу вар, надэр цзинза чэнни; вомынь нэдэр и дани чжанни. Мий гэй дамий даинле: «дамий, ниди хуза чан, дяньши дуань: вэйса вомынь цыху цзинза? та цзыцзя вомыньгэнчань лэйни»

Дамий: <зачеркнуто: пшеница> ячмень; *лянэ*: и; *мий*: пшеница; *ба мий*: пшеницу; *цэгле*: звал; *цзу*: пойдем; *вар*: туда; *надэр*: где; *цзинза*: золото; *чэнни*: родится; *гэй дамий*: ячменю; *даинле*: ответила; *ниди*: твой, у тебя; *хуза*: ус; *чан*: долог; *дяньши*: ум; *дуань*: короткий; *вэйса*: зачем; *вомынь*: мы; *цыху*: ухаживать; *та*: оно; *цзыцзя*: само; *вомыньгэнчань*: к нам; *лэйни*: привалится.

Деревья скоро сadyт, да не скоро с них плоды едят. *Фу цзайди куай, тади гоза е чиди бу куай.*

Фу: деревья; *цзайди*: сажают; *куай*: скоро; *тади*: ихние; *гоза*: плоды; *чиди*: едят; *бу куай*: не скоро.

Нищий: *ёнечиди*, *ёочжэчиди*; куст: *вовоцза*; книга: *фубынза*; пшеница: *мий*; паук: *седвуду*; шило: *двэйцза*; известь: *шихуй*.

1 2 3 4 2 1 3 4
Рот есть, да нечего есть. *Ю цзуй, мо са чи.*

1 2 3 4 1 2 3 4
Метил в тетерею, а угодил в сук. *Чжэ хэй ёдини, дае фугузашан.*

1 2 3 4 5 1 1 2 3
С радости кудри вьются, с печали секутся. *Цзисы сихуань, туфа цзюанни,*
4 5 *цзисы цу, цаньни (дёни).*

Сей добро, посыпай добро, жни добро, одеяй добром. *Твынь хао, са хао, го хао, фын гэи хао.*

Что ты делаешь? Ничего! А ты зачем? Тебе помогать пришел. *Ни цзу са-чжэне? Моцзуса! Ни вэйса? Гый ни банман лэйлэ.*

1 3 2 4 6 5 7 8 1 2 3
Овца руно растит, а скупой деньгу копит — не про себя. *Ян чжэсан мао* <слово
4 4 5 6 7 8
зачеркнуто, неразборчиво>, *собо (кэбо) цзань бу уи цзыцзи.*

1 2 5 3 4 6 7 8
Загадка: Кто мост на реке мостит без ножа, без топора, без клиньев, без
9 2 3 4 5 6 7 8
подклинков? Ответ: Мороз. *Сыцзэй хошан да чёни, мою доза, мою футу, мою ер*
8 9 1
сецза, мою потусецза. Цэйхуа.

1 2 3 4 5 6 7 8 10
Федул, что губы надул? — Кафтан прожег. — Можно зашить. — Да иглы
9 12 11 13 14 15 1 2 3 4
нет. — А велика дыра? — Один ворот остался. *Федул, цзуся ба цзуй чжэоолэ? Ба*
5 6 7 8 9 10 11 12 15 13 14
паоза тволе. Нынь бу. Мо чжэнь. Кулунза тама? Дзюха ду игэ линза.

2 1 4 3 5 6 1
С молитвой на устах, с работой в руках нигде не сгинешь. *Цзуйни ба цзин*
2 3 4 5 6
няньшан, шуни ба хо цзушан булинадэр будэйсы.

Сытого гостя легко потчевать. *Ба по кэй хо дэй.*

Ба по: сытого; *кэй:* гостя; *хо:* легко, хорошо; *дэй:* угощать, потчевать.

Лежачего не бьют. *Ба фэйди бу та, ба танди бу та.*

Ба фэйди, ба танди: лежачего; *бу та:* не бьют.

Из худого кармана последний грош валится. *Гань лань кудэйзани линваньледи*
цань дёожэне.

Гань: из; *лань:* худого; *кудэйзани:* кармана; *линваньледи:* последний; *цань:* грош; *дёожэне:* падает, валится.

За грамотного двух неграмотных дают. *Ти игэ хуйняньфуди гэй лянгэ бу хуйняньфуди.*

Ти: за, вместо; *игэ:* один; *хуйняньфуди:* грамотный; *гэй:* дают; *лянгэ:* двух; *бу хуйняньфуди:* неграмотный.

Шелк не рвется, булат не гнется, а желтое золото не ржавеет. *Сы бу дуань, ган бу вань, хуан цзинь бу сю.*

Сы: шелк; *бу дуань:* не рвется; *ган:* булат, сталь; *бу вань:* не гнется; *хуан цзинь:* желтое золото, [*бу сю:* не ржавеет].

С огнем не шути и воде не верь. *Бо на хо фа, е бо син фый.*

Бо фа: не шути; *на хо:* огнем; *е:* и; *бо син:* не верь; *фый:* воде.

Конь бежит, земля дрожит. *Ма по́чжэне, ди дунтаньжэне.*

Ма: конь, лошадь; *по́чжэне:* бежит; *ди:* земля; *дунтаньжэне:* дрожит.

Шепчет, шевеля губами. *Та шэ чёочёрьхуа, цзуйфынза дунтайчжэне.*

Та шэ: он говорит; *чёочёрьхуа:* шепчет; *цзуйфынза:* губы; *дунтайчжэне:* шевелит, двигает.

Разметал паук свои тенета: берегитесь, мухи! *Двуду ба цзыцзяди ван ла́халё: сёосинчже, инза!*

Двуду: паук; *ба цзыцзяди:* свой, свою; *ван:* сеть, тенета; *сёосинчже:* берегитесь; *инза:* мухи.

Разносчик продавал лук. *Дваньдэ́рди мэйлё цунле.*

Дваньдэ́рди: разносчик; *мэйлэ:* продавал; *цун:* лук.

Пеленка: *цзецзы;* скарелность: *тин, кэбо;* дать стречка <стрекача>: *цзин, по.*

Колосистая рожь волнуется. *Сютурди хэй мей дунтаньжэне.*

Сютурди: колосистая; *хэй мей:* черная пшеница; *рожь;* *дунтаньжэне:* волнуется.

Классная доска: *цзы бань.*

За нож заплатили очень дорого. *Ба до́о́за хуаньди гуйди хэн.*

Ба до́о́за: за нож; *хуаньди:* заплатили; *гуйди:* дорого; *хэн:* очень.

Умную речь мы охотно слушаем. *Ю аргелиди хуа вомынь юань-и чин.*

Ю аргелиди: умную; *хуа:* речь; *вомынь:* мы; *юань-и:* охотно; *чин:* слушаем.

Калоши: *хай, то́хай.*

Мышь живет под полом. *Лофу дидиха двучжэне.*

Лофу: мышь; *дидиха:* под полом; *двучжэне:* живет.

Спичка: *ян чюйдэнза.* Памятная книжка: *чжанбуца.*

Я начертил кривую линию. *Во хуалега пянь ханза.*

Во хуалега: <зачеркнуто: *пянь ханза*> я начертил; *пянь:* кривую; *ханза:* линию.

Мне жаль крестьянских кляч. *Во синтын бейсинди дегэза ма.*

Во синтын: мне жаль; *бейсинди:* крестьянских; *дегэза ма:* кляч.

Лошадь спотыкается. *Ма деле баньзиле* <над слогом *бань* надписан иероглиф *бэнь 奔* (куайле).

Ма: лошадь; *деле баньзиле, куайле:* спотыкается.

Точило: *мошы.*

Мальчики убежали купаться. *Вамыньди почжэ сичиле.*

Вамыньди: мальчики; *почжэ:* убежали; *си:* купаться; *чиле:* ушли.

Спичка: *ян хо, цзыфахо.*

1 2 3 4 5 1 4 5 2 3
Я режу хлеб тупым ножом. *Во на ло доза чэ момочжэне.*

1 2 3 4 5 6 7 1 2 4 3 5 6
Мой сын проводит вас домой чрез город. *Води ва банимынь сун хуйчи го чэнни.*

1 2 3 4 2 1 4 3
Положи тетради под книгу. *Ба бынбынза годо фудаха.*

1 2 3 4 5 6 7 8 9 1 2
3 4 5 6 7 8 9
Волки жадны. Они приходят в деревни и едят овец, коз и собак. *Лан халд.*
Тамынь лэйдо цунни е чи ян, цзюлю лянь ку.

1 2 3 4 5 6 7 2 1 3 4 5 6
Икра белуги вкусная, но она недешева. *Циньхуанюйди цзы сян, кэсы та бу цзянь.*

1 2 3 4 5 1 2 3 4 5
Саранча истребляет хлеб и траву. *Хуан-тфын цзота лянши лянь цо.*

1 3 4 2 5 7 6 8 1
2 3 4 5 6 7 8
Где пылал огонек вечерком, там ходит ветер теперь завывая. *Цзай надэр хушан тфолё холё, цзай нэдэр чэгэ сыхур гуйфынчжэне, сянчжэне.*

1 2 3 4 5 6 1 2 3 4 4
 Куда падает пшеничка, туда летит и птичка. Цзай надэр ло мэйни, цзай-дар
 5 6
 фэй чёрни.

1 2 3 3 4 5 5 6 7 1 3 3
 Волк выбежал из лесу, вбежал в деревню и искусал собак. Лан гай фулинни
 2 4 5 7 6
 паотхулэйле, поодао цуньни чиле е багу нёолё.

1 2 3 3 4 4 1 2 2 3
 Луна зашла за облака и исчезла из виду. Елян цзуань до юнхытуле е
 4 4
 каньбуцзян лянле.

1 2 3 4 5 1 2 2 4 3 5
 Он не друг мне, а враг. Та бу сы води сянходи, сы дуенман.

1 2 3 4 5 1 3 2 4 5
 Нет ни корки хлеба, ни гроша денег. Мою мотир, мэю игэ цянь.

1 2 3 4 1 2 3 4
 Как аукнется, так и откликнется. Цза ханьне, цза лэйхуйхайни.

Как сделал, так и получишь. Цза синхади, цза шуни.

[Алексей Кольцов]

Веселый час (Гаосинди ихур)

Дайте бокалы!	Ба твунтвунза гэйгэй
Дайте вина!	Ба дю гэйгэй
Радость — мгновенье.	Сихуань — цзаньяньди ихур
Пейте до дна!	Хо дооди че
Громкие песни	Гаошэнди чюр
Гряньте, друзья!	Чан, пынью
Пусть нас веселых	Цзё цзамынь сихуаньди
Видит заря!	Цзо-гуан каньцзяньчжэ
Ныне пируем —	Жуцзинь вомынь женони
Юность на час —	Нянь юди ихур
Ныне веселье,	Жуцзинь гаосин
Радость у нас!	Сихуань цзамыньди
Завтра что будет,	мирга ю сәне
Знаю ль, друзья?	Во чжидома, пынью

Пусть нас веселых	Цзё цзамынь сихуаньди
Видит заря!	Цзо-гуан каньцзяньчжэ
Шумно, разгульно	Жено, сихуаньчжэ
Пойте, друзья!	Чанче пынью
Лейте в бокалы	Доче мяньтвунзани
Больше вина!	Досер дю
Ну-те ж, все разом	Налэй, воьмынь дуидани
Выпьем до дна!	Хо доди
Пусть нас веселых	Цзо-гуан каньцзяньчжэ
Видит заря!	

Гаосинди: веселый; *ихур*: время, час. *Ба твунтвунза*: бокалы; *гэйгэй*: дайте. *Ба дю*: вина; *сихуань*: радость; *цзаньяньди ихур*: мгновенье; *хо*: пейте; *дооди*: до дна; *гаошэнди*: громкие; *чур*: песни; *чан*: пойте, гряньте; *пынью*: друзья; *цзё*: пусть; *цзамынь*: мы, нас; *сихуаньди*: веселых; *цзо-гуан*: заря; *каньцзянь*: видит; *жуцзин*: ныне; *воьмынь*: мы; *женони*: пируем; *няньюди*: юность; *ихур*: на час; *гаосин*: веселье; *сихуань*: радость; *цзамыньди*: у нас; *мирга*: завтра; *ю*: будет; *сане*: что; *во чжидома*: знаю ль; *пынью*: друзья; *жено*: шумно; *сихуаньчжэ*: разгульно; *чанче*: пойте; *доче*: лейте; *мяньтвунзани*: в бокалы; *досер*: больше; *дю*: вина; *налэй*: ну-те ж; *дуидани*: все разом; *хо*: выпьем; *доди*: до дна.

Храбрый презирает опасности. *Ньэ моо сян*.

Красный сургуч: *хун цзянза*.

Замазывать замазкой: *ни шан на низа*.

Заработать рубль: *цзын и чжан теза*.

1 2 3 3 4 4 5 5 6 6 1 2 2 3 4 4
 5 6 6
 Доброе дело на огне не горит и на воде не тонет. *Хоо сы-чин хохиту бу тво,*

фый литу бу янь.

1 2 3 4 5 5 6 7 8 9 10
 10 11 1 2 3
 Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями. Иглистым инеем унизана кора на
 ветвях помертвелых [См.: *Аполлон Майков*. Зимнее утро]. *Дунчжэн. Се сянжэне.*
 4 5 11 10 9 8 6 7
Ву дишан. Цзай сы фугузашан пишан цзыди сянчжэньди фын.

1 2 3 3 4 4 5 6 7 8 9 10
 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 20 22 22
 Нищий пришел в дом к бедному мужику. У жены мужика был только один
 21 21 24 23 25 26 27 28 29 30 30 31 31 32
 хлеб. Баба отдала половину хлеба нищему. Потом вышла она на двор. На столбе
 у ворот увидела она рой пчел. Баба его огребла. С той поры у ней повелись
 33
 пчелы.

В.И. Цибузгин.
Начало XX в.

+

91

Материалъ
для изученія наречія
Дунганъ селенія Каракунузъ,
Нишпекскаго уѣзда,
Семипалатенской области.

Составилъ Василий Цибузгинъ.

Русские рассказы, стихи, поговорок, загадки, фразы и т. п., переведенные на разговорный язык дунгань селения Каракунузъ Ташкентского уезда, Семипалатинской области.

Составилъ учитель Каракунузской русско-дунганской школы Василій Ивановъ Цмоузмнъ, при участіи Каракунузскаго дунганина Исхоура Маузмнъань.

Пособіе для учениковъ мужской школы.

Селеніе Каракунузъ. 1897 г.

Оттиски произведены посредствомъ домашняго гектографа.

Материалъ для изученія разговорнаго языка дунгань, Семипалатинскіе

Дукъ узъ подѣ кучиовѣ назѣмѣ,
бонѣ тѣснѣнѣмѣ фѣало. Санѣ твѣнѣ
дѣнѣфубога дѣха лѣсѣнѣ, бауѣнѣ
тѣ твѣрѣнѣ. Санѣ твѣнѣ: дѣнѣ;
дѣнѣфубога дѣха: узъ подѣ кучиовѣ;
лѣсѣнѣ: назѣмѣ; бауѣнѣ: фѣало;
тѣ твѣрѣнѣ: тѣснѣнѣ.

Лѣнѣ фѣнѣ, шѣнѣ, тѣнѣ
кѣнѣфубога, мѣнѣнѣнѣ
фѣнѣнѣ. Кѣнѣ: фѣнѣ; фѣнѣ: мѣнѣ;
мѣнѣнѣнѣ: шѣнѣ; фѣнѣнѣ:
тѣнѣ.

Нѣнѣ, тѣнѣ, тѣнѣ и узъ
фѣнѣ, нѣнѣ, тѣнѣ. Фѣнѣ и
нѣнѣ, узъ дѣнѣ нѣнѣнѣнѣ
нѣнѣнѣнѣ. Фѣнѣ: тѣнѣ; нѣнѣ:
нѣнѣ; узъ: тѣнѣ; дѣнѣ нѣнѣнѣнѣ
узъ фѣнѣ; нѣнѣнѣнѣ: нѣнѣ
нѣнѣ.

Нѣнѣнѣнѣ, тѣнѣ, тѣнѣ
нѣнѣнѣнѣ. Фѣнѣ фѣнѣ узъ,
узъ тѣнѣ фѣнѣнѣ.
Фѣнѣ: тѣнѣ; фѣнѣ узъ: нѣнѣнѣнѣ;
узъ: тѣнѣ; тѣнѣнѣ: тѣнѣ; фѣнѣнѣ:
нѣнѣнѣнѣ.

И собака ласкотише слово. и
 прииданише, маке, хвостю и в
 мити. Вось дагу на хвост хва
 узю, гу и е ибани. Вось и: иари
 дагу: собаку, на хвосту: ласкотише
 слово; узю: призовеш и, при
 иданише; гу: собака; и: и не
 и: верити; ибани: хвостом

Если отмениши, и мь закон
 маке онъ и покарѣ иже мѣдѣ.
 Вось на буцунъ и, идузу ма
 бани франт. Вось: и: и: и: и:
 буцунъ: не слышати и; и: закон
 идузу: то; ма: от и; бани: мѣдѣ;
 франт: накарѣ.

Некогда пла ити, какъ по
 свидѣиетъ, фратъ. Мото гуиру
 идузуранза, гохуръ гѣфра
 голаншину. Мотогуиру: и: когда
 иетъ времени; идузуранза;
 пласати; гохуръ: когда; гѣфра:
 посидѣиетъ; го: фратъ; ланшину:
 кто;

Ашерица; идуруза; бляха; гдуиза;
 свѣрѣкѣ: иутиланза.

Но: ара; попань: саба; туйи
бауиу: свитъ; ду: все; вуйи
волонна; цайиуа: заиука; м
баршань, кунбани, баньдуде
баньбар: дочерка; баньбар
обшиворка; баньдудани: в
рочка. Самыа туйи, лян
сы мутунь; самба: три
ура; вилноа: шестой; ду
мутунь: лаяань. Годи. ца
цайиуа, сы самба; годи:
бахань: шая; ту: баики,
ка; самба: рубака; лянга м
диллиза дуняань; цайиуа, сы
маньрей; ю ура: по пяти; во
ду: ветвь; иань: одно; цайиуа
ни цахадидуней тванди ни
по агеу; цахадидуней: старое; т

уеань: нога; изусаанца: вилани
и: коринт; изидя: сана; изи:
ту: сана. Бань банбарь, бан
ми суйкурун; бань: нисекони
шань: по краани; кунбань:
в серединь; суйкурун: дв
зрдо, ви логъ суза; изидя
туй: нон; ланца: два; зрдо
а: зрдо; изидя: загадка:
суза, нобхатни, ту много;
опитя; изанца: тунца; ю: суз
ного: не бивало; изидя: загад
литы литеиго ю урва, тали
изиты; ланца: двурь; ланиты:
инвой; тали медимиза: ил
загадка; изиты: палеце. оруш
но пожити; ^{загадка} изидя; ^{земля} ситы; оруш
ванди пале: в шупе; пожити: сть мит

Траурный митинг памяти В.И. Ленина (в центре — фотография Ленина)

Школьный двор с. Масанчи (Каракуруз). 20-е годы XX в.

¹ ¹ ¹ ¹ ¹ ² ⁴ ⁵ ³ ⁷ ⁶ ⁸
 Ёо чже чиди (ёо нечерди) лэйдю чун бэйсинди фанзани. Бэйсинди нюжэнь юлэ
⁹ ¹⁰ ¹¹ ¹² ¹⁴ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁶ ¹⁷ ¹⁹ ¹⁸
 гуансы игэ мому. Нюжэнь ба бангэ мому гэйлэ ёонечирди. Ихур та тхулэйле
²⁰ ²¹ ²¹ ²² ²³ ²⁴ ²⁵ ²⁵ ²⁶ ²⁷ ²⁸ ²⁸
 юаньзалиту. Мын гэнчар куаншан та кань цзяньле и во мифын. Нюжэнь ба та
²⁹ ³⁰ ³⁰ ³⁰ ³¹ ³² ³³
 нашанле. Ди нэга сихур тади ниха мифын.

¹ ² ³ ⁴ ⁵ ⁵ ⁷ ⁸ ⁶ ⁹ ¹⁰ ¹¹
 Кто там? Чей конь во весь опор по грязной площадке несется? Чей свист и
¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁶ ¹⁷ ¹⁸ ¹⁹
 громкий разговор во мраке ночи раздается? Кто сей? Кромешник удалой [См.:
 Александр Пушкин. Какая ночь! Мороз трескучий...].

¹ ² ² ¹ ³ ⁴ ⁶ ⁷ ⁸ ⁵ ⁵ ⁹
 Сый цзай варни (варди сый) сыйди ма почжэне цзай ни дишан цзын ли. Сыйди
¹⁰ ¹¹ ¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁷ ¹⁶ ¹⁹ ¹⁸
 соуза лянэ гаошэн лахуа шицзэй хэйди тиндяньжэне. Чжэ сый? Хо ханьза цзэй
¹⁸
 ваза.

¹ ² ³ ⁴ ⁵ ⁸ ⁸ ⁹ ¹⁰ ¹¹ ⁶ ⁷ ¹²
 Я прозяб и есть хочу! Кто ж согреет и накормит, Боже добрый, сироту? [См.:
 Карл Петерсон. Сиротка].

¹ ² ³ ⁵ ⁴ ⁷ ⁶ ⁸ ⁹ ¹⁰ ¹¹ ¹²
 Во лын е сян чи. Хо хыда! Сый нуань лянэ дэй ба ечин?

Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он корову съел. Да лань бу уй нэгэ
 шэ та чин гуан, уй шэ та чилэ ню.

Да: бьют; лань: волка; бу уй нэгэ: не за то; шэ: что; та: он; чин: сер; гуан: а;
 уй шэ: за то что; чилэ: съел; ню: корову.

На шуку подан в суд донос, что от нее житья в пруде не стало [См.: Иван
 Крылов. Щука]. Ба яза цзуйю ямыньни дилэ, тванзалэ, шэ цун та цзай лобалиту
 дву бучэн.

Ба яза цзуйю: шуку; ямыньни: в суд; дилэ: подан; тванза: донос; шэ:
 что; цун та: от нее; цзай лобалиту: в пруде; дву: жить; бучэн: нельзя.

На то дано свинье рыло, чтобы она им рыла. Гэйтву гэйди цзуйтхуза индый
 чэга, цзёо та ната ва <далее знак примечания «х», за ним следует пословный
 перевод>.

Гэйтву: свинье; гэйди: дано; цзуйтхуза: рыло; индый чэга: для того; цзёо:
 чтобы; та: она; ната: им; ва: рыла.

Ну, кувшин, полно шутить! — сказала лиса, попав в него головой. Эй, гуань-
 гуаньза, бо фале! — хуза фале, тху цзайталиту.

Гуаньгуаньза: кувшин; бо фале: не шути, полно шутить; хуза: лиса; фале:
 сказала; тху: голова; цзайталиту: попав в него.

Медведь, у друга на лбу подкарауля муху, хватъ друга камнем в лоб [См.: Иван Крылов. Пустынник и медведь]. *Гусюн, каньлѣ инза пыньюди нъэлушань дэй далѣ, ба пынью на шыту нъэлушань.*

Гусюн: медведь; *каньлѣ:* подкараулил; *инза:* муха; *пыньюди:* у друга; *нъэлушань:* на лбу; *дэй:* и; *далѣ:* хватил, ударил; *ба пынью:* друга; *на шыту:* камнем; *нъэлушань:* в лоб.

Не испытав броду, не суйся в воду. *Бу чжи дао хокоу, бо го хо.*

Бу чжидао: не испытав, не узнав; *хокоу:* брод; *бо го хо:* не переходи реку, не суйся в воду.

[Алексей Плещеев. Нищие]

Маленький нищий Сѣо ёчжечиди

[2]

Карета шестёркой несётся;	<i>Цзѣо-чэ тходи люгэ ма почжене</i>
За нею пустился он вслед,	<i>Ёнечир тадихыту полѣ</i>
Но голос внутри раздаётся:	<i>Гуан ганьлитоу тинцзянь шэнни</i>
«Вот я тебе дам, дармоед!»	<i>Чжэбусы во гэйни, чиханьфаньды</i>
Сурово лакейские лица	<i>Гэнбаньди нъэ моюнза</i>
Взглянули при возгласе том,	<i>Каньлѣ (цүле) цзай нэгэ ханьди сыхур</i>
И жирный господский возница	<i>Нэцзу фый лоеди ёочеди</i>
Стегнул попрошайку кнутом.	<i>Ба ёнечиди на пянъза далѣ</i>
И прочь отскочил он без крика,	<i>Ёнечир моюньтван цзуголе</i>
Лишь сладить не мог со слезой...	<i>Гуан бу нын ба няньлуй дутву</i>
И дальше пошёл горемыка,	<i>юаньсер цзүлѣ юньчибуфынь ва</i>
Поникнув на грудь головой.	<i>Ба ту цзандо сюнтан шанлѣ</i>

Сѣо: маленький; *ёчжечиди:* нищий; *цзѣо-чэ:* карета; *тходи:* запряженная; *люгэ ма:* шесть лошадей; *шестерка* лошадей; *почжене:* несется, бежит; *ёнечир:* нищий; *тадихыту:* за нею; *полѣ:* пустился, побежал; *гуан:* но; *ганьлитоу:* внутри; *тинцзянь:* слышится, раздается; *шэнни:* голос; *чжэбусы:* вот; *во гэйни:* я тебе дам; *чиханьфаньды:* дармоед; *гэнбаньди:* лакейские; *нъэ:* сурово; *моянза:* лица; *каньлѣ, цүле:* взглянули; *цзай нэгэ ханьди сыхур:* во время того крика; при возгласе том; *нэцзу:* и; *фий:* жирный; *лоеди:* господский; *ёочеди:* возница, кучер; *ба ёнечиди:*

попрошайку; *на пня́нза*: кнутом; *далё*: стегнул, побил, ударил; *моняньван*: без крика, молча; *цзуголе*: убежал, отскочил; *гуан*: лишь, только; *бу нын*: не мог; *ба няньлуй дутву*: удержать слезу; сладить со слезой; *юаньсер*: дальше; *цзулэ*: пошел; *юньчибуфынь ва*: горемыка; *ба ту*: голову, головой; *цзандо*: поникнув, опустив; *сюнтан шанлэ*: на грудь.

¹ В некоторых странах ² кошачье ³ мясо ³ употребляется ⁴ в пищу. ⁵ Цзай ¹ юди ² ³ ⁴ ⁵ *дифаншан моржю юнни чиди.*

¹ Говорят, что ² мясо ⁴ это ³ напоминает ⁵ вкусом ⁶ мясо ⁷ зайца. ⁸ Фочжене, ¹ шэ ² чэга ³ жу ⁴ ⁵ ⁸ ⁷ ⁶ *сян тур жуди сян.*

² Меха ¹ кошачий, ³ шкура ⁴ употребляется ⁵ для ⁶ электрических ⁶ машин, ⁷ при ⁸ опухолях, ⁹ ¹⁰ ¹⁰ ¹¹ ¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁵ ¹ ² ³ ⁴ ³ ⁶ ⁷ ⁸ *в ревматических болях, на шапки и на муфты. Мор вын, пи юнни дый дзяньчигэ, дый чжан, дый ёо туй тынь, иньди моза лянь иньди ху шуто.*

¹ Саша ² и ³ Сеня ⁴ вывели ² вола ¹ на ² ниву. ¹ Саша ² лянь ³ Сеня ⁴ латху ² чиле ¹ шань ² ню ² цзый ³ ⁴ ⁴ ³ *лянши дашан.*

¹ Сеня, ¹ не ¹ шали <далее два слова с цифрой 2 над ними написаны неразборчиво> ¹ ¹ ¹ ¹ ¹ ² *пилою. Сеня, бо лоди (бо фань луань) на дади чжу.*

¹ На ¹ лошади ² дуга ³ новая. ¹ ³ ² *Машан син гунгунза.*

¹ Я ² зазевался ³ на ³ лошадей ⁴ и ⁵ упал. ¹ ² ³ ³ ⁴ ⁵ *Во дайле цзай машан е цзедоле.*

¹ Няня ² вымела ³ сор ⁴ и ⁵ нашла ⁶ в ⁶ нем ⁷ три ⁸ гроша. ¹ ¹ ³ ² ⁴ *Кань вады нюза ба цзазаза соли е синтволэ (шиле) цзайталиту саньгэ цянь.*

¹ В ¹ супе ² нет ³ соли: ⁴ посоли ¹ его. ² ³ ⁴ ⁴ ⁴ *Жутанлиту мою янь: ба янь чёшан.*

¹ Грамоте ² учиться — ³ вперед ⁴ пригодится. ¹ ¹ ² ³ ⁴ ⁴ *Ба фу няньха ванцяньни нын юншан.*

¹ Соха ² и ³ борона ⁴ сами ⁵ не ⁶ богаты, ⁷ а ⁹ весь ¹⁰ мир ⁸ кормят. ¹ ² ³ ⁴ ⁵ *Литу лянь цзаоза цзыцзя бу сы фацай, кэсы янхо и чеди жэнь мынь.*

2 1 3 4 5 1 2 3 4 5
 Кудачет курочка, знять яичко снесла. Цзи ханьчжэне хабá бадань хэхалё.

В этом озере много рыбы. Чэга хэйшан ю дао.

Не хотите ли вы кататься со мною на лодке? Сян бу сян ни ланчине лянъ во и куар кань чуаньшан?

Мы здесь отдохнем. Во мынь чжэр хуань и хуань.

Завтра прошу вас пожаловать ко мне. Минтянь чин ни дао вогеньчар.

В котором часу я застану вас дома? Наига сьшэн во бани нын чжань цай-чжяни?

Мы очень устали. Во мын шицзэй фалё.

Скажи ему, чтобы он пришел. Кэй та шэ, чжо та лэй.

Знаешь ли ты, когда он придет? Ни чжидома, дохур та лэйни.

Он сейчас придет. Та чжисхо цзу до, лэйни.

Я говорил о вашем деле. Во шеггао ниди сьчинишан.

Что должен я теперь начать делать? Са дунси во ёо цзуне чжисхор?

Я слышал, что в Ташкенте и его окрестностях разведено много садов. Во тинцзяле, шэ цэй Ташкент шан дэй тади геньчар цзайхади фуюаньза дао.

Двенадцатое издание. Ди шиэрга банфа.

Ди шиэрга: двенадцатое; банфа: издание (Павленков: син — [фамилия]).

1896 г. — тысяча восемьсот девяносто шестой год. Ичянь ба бэй дюши лю нянь.

Ичянь: тысяча; бабэй: восемьсот; дюши: девяносто; лю: шестой; нянь: год.

Ус: игэхуза. Усы: цзигэхуза. Оса: игэмифыр. Оси: цзигэчэдву. Осы: цзигэмифыр. Усы: цзигэхуза. Осу: бамифыр. Оса: игэмифыр. Осы: цзигэмифыр. Осу: бамифыр.

Сосу: во цза. Оси: цзигэчэдву. Соси: ни цза.

Оса у оси: Мифыр чэдву гэнтянь.

Мифыр: оса; чэдву: оси; гэнтянь: у.

Село: цун. Ели: цзига сунфу. Лес: фулин. Сила: цзин. Села: та (поня) цзохале. Лиса: хуза. Леса: цзигэ фулин. Юла: нюр. Сёла: цунмын. Оля: минза. Уля: минза. Олю: ба Оля. Улю: ба Уля. Алая: хунди.

Уля села. Уля цзохале. Уля: Уля; цзохале: села.

Оля солила. *Оля чооле янь*. Оля: Оля; чооле янь: солила.

Я сеяла. *Во двынле*. Во: я; двынле: сеяла.

Лиса ела сало. *Хуза чиле ю*. Хуза: лиса; чиле: ела; ю: сало.

Лом: *игэтечао*. Яма: кын. Ломы: *цзига течао*.

Корова мычит «муу». *Ню цзёохуанчжэне муу*. Ню: корова; цзёохуанчжэне: мычит; муу: муу.

Сума: *кудай*. Сама: *цзыдя (понян)*⁵. Сами: *цзыдя (вомынь)*. Мы: *вомынь*. Мыло: *ца*. Мило: *лянсинди (ва)*. Имя: *минза*. Мясо: *жсу*.

Кошка мяукает «мяу». *Мор цзёохуанчжэне «мяу»*. Мор: кошка; цзёохуанчжэне: мяукает; мяу: мяу.

Солома: *мэйцзян*.

Моя мама: *водима*. Води: моя; ма: мама.

Мы ели: *вомынь чиле*. *Вомынь*: мы; *чиле*: ели.

Уля мела: *Уля соли*. Уля: Уля; соли: мела.

Мама умыла Сысоа: *Ма ба Сысоа силе*. Ма: мама; ба Сысоа: Сысоа; силе: умыла.

Молот: *тфый*. Сито: *лор*. Сети: *цзига ван*. Тело: *шэнза*. Лето: *сятянь*. Митя: *минза*. Мите: *гэй Митя*. Митю: *ба Митя*. Мята: *похуафан*. Мяту: *ба похуафан*. Ты: *ни*. Моты: *цзигаланза*. Темя: *тудир*. Тетя: *гугу*. Мета: *ци хоо*.

Я мету: *во сони*. Во: я; сони: мету.

Мы сыты: *вомынь бочжэне*. *Вомынь*: мы; *бочжэне*: сыты.

Сито у Мити: *лор Мити гэнтяни*. Лор: сито; Мити: Мити; гэнтяни: у.

Мы тесали: *вомынь туйле*. *Вомынь*: мы; *туйле*: тесали.

Осы летали: *мифырмын фэйчжэне*. *Мифырмын*: осы; *фэйчжэне*: летали.

Митя гугуди вар. Митя: Митя; гугуди: тети; вар: у.

Тын: *гэй*. Сани: *пализа*. Сено: *цоо*. Нос: *биза*. Она: *та (понян)*. Они: *тамынь*. Мена: *хуань*. Таня: *минза (нюйза)*. Ну: *ехэ*. Няня: *канвадинюйза*. Именины: *нъан-мирдиэрза*. Тени: *инлян*. Алая: *хунди (понян)*. Синяя: *ланди (понян)*. Сума: *кудай*.

Ба Митя начжэчи. Ба Митя: Митю; начжэчи: унеси.

⁵ *Понян* — «замужняя женщина»; слово используется в тексте для обозначения русских женских имен и местоимений женского рода.

Бацзигаван двый. Бацзигаван: сети; *двый:* тяни.

Ба Тая янсыле. Ба Тая: Тая; *янсыле:* утонула.

Сятянь бизашанни. Сятянь: лето; *бизашан[ни]:* на носу.

Соня банюдуржу начжэчи. Соня: Соня; *банюдуржу:* телятину; *начжэчи:* <за-черкнуто: у>неси.

Мост: *чао.* Метла: *соотфу.* Сосна: *сунфу.* Столы: *цзигадвоза.* Масло: *ю.* Место: *дифан.* Умно: *юаргэль.* Ясно: *тин.* Ленга: *бянза.* Молния: *дянь.* Стая: *ичюн.* Смена: *хуаньбар.*

Оля личжэ чиле. Оля: Оля; *чиле:* ела; *личжэ:* стоя.

Стало темно. *Хэй кайле. Кайле:* стало; *хэй:* темно.

Хохадимянь двозашанни. Хохадимянь: тесто; *двозашанни:* на столе.

Во силелянь. Во: я; *силелянь:* улыбся.

Нора: *дун.* Мера: *доулян.* Рама: *тванза.* Ряса: *доо по.* Стрела: *дянь.* Мера: *доулян.* Море: *хайза.* Роман: *син.* Меры: *цзига доулян.* Ирина: *минза (понян).* Мария: *минза (понян).* Русая: *чинди.* Тетеря: *хэйцзи.* Три: *саньга.* Утро: *цзо чи.* Мирно: *тин ан.* Смирно: *цзин дир.* Труссы: *дансёодижэньмын.* Орлы: *цзигаин.*

Вомынь вале кын. Вомынь: мы; *вале:* рыли; *кын:* яму.

Соня дунхале. Соня: Соня; *дунхале:* насорила.

Настя моле. Настя: Настя; *моле:* умерла.

Тамынь канле хайза. Тамынь: они; *канле:* смотрели; *хайза:* на море.

Ров: *гу.* Самовары: *цзига самовар.* Весы: *чэн.* Ива: *люфу.* Ивы: *цзигалюфу.* Иву: *ба люфу.* Неволя: *бусюйбяр.* Вино: *цзю.* Вера: *минза (понян).* Вялая: *мансинза.* Свора: *гушэн.* Ловля: *дай.* Слева: *цзобанга.* Влево: *мянцзобанга.*

Овсы: *цзига янмэй.* Внимание: *люшэн.* Внятно: *тинбэй.* Светло: *лян.*

Ваня сихуан. Ваня: Ваня; *сихуан:* весело.

Василиса сихуанчжэ. Василиса: Василиса; *сихуанчжэ:* веселится.

Гэйдю юцзыдяди сыхур. Гэйдю: всему; *юцзыдяди:* свое; *сыхур:* время.

Овод: *хамынь.* Суда: *цзыгафан.* Дерево: *фу.* Сады: *цзигафуюанза.* Люди: *жэньмэн.* Невода: *цзигалаван.* Одеяло: *бир.* Надя: *минза (понян).* Дядя: *дада.* Дума: *сысян.* Деда: *бабади.* Ряды: *цзига бан.* Дыра: *кулун.* Дома: *цзигафан.* Судно: *игафан.* Дрова: *нинцай.* Десны: *ятфанмын.* Двое: *лянга.* Вдвое: *лянхуй.*

Чжар лай. Чжар: сюда; *лай:* иди.

Дада цзайдяни. Дада: дядя; *цзайдяни:* дома.

Баба хэнчжэне. Баба: деду; *хэнчжэне:* досадно.

Гэйбаба цзоле тунчянь. Гэйбаба: деду; *цзоле:* сдали; *тунчянь:* медными.

Ось: *ига чэду*. Нос: *биза*. Вол: *манню*. Ель: *игасунфу*. Ел: *чиле*. Мель: *чянь фэй*. Мел: *бэйту* [букв. «белая земля»]. Соль: *янь*. Стол: *двоза*. Лень: *лан*. Чан: *хума*. Стан [лагерь]: *ин*. Стань [превратись в]: *чэн*. Есть [иметься]: *юни*. Ест [ел, съел]: *чиле*. Сор: *цзацзацзы*. Дверь: *мын*. Мёд: *фынми*. Медь: *тун*.

Наиза цоо. Наиза: мылом; *цоо:* мыл.

Та чи фынмичжэне. Та: он; *чи:* ест; *фынми:* мёд.

Чи жу лай. Чи: есть; *жу:* мясо; *лай:* станем.

Илия: *минза (нанжэн)*⁶. Илья: *минза (нанжэн)*. Веселье: *жэно*. Мытьё: *сидихо*. Ульяна: *минза (понян)*. Сыновья: *цзига виза*.

Та бацзыдяди дя лёохале. Та: он; *бацзыдяди:* свою; *дя:* семью; *лёохале:* оставил.

Васильевади дя бусуй. Васильевади: Васильева; *дя:* семья; *бусуй:* не мала.

Во цзохале. Во: я; *цзохале:* сел.

Та чиле. Та: он; *чиле:* съел.

Она отъела. *Та чибиле. Та:* она (*понян*), *чибиле:* отъела.

Улей: *мифыруо*. Соловей: *ёочэчор*. Стойло: *нюдюан*. Сарай: *пын*. Мои (*цзига*). Мой (*ига*). Твои: (*цзига*). Твой: (*ига*). Свои: (*цзига*). Свой: (*ига*). Молодой: *нянчин*. Война: *чжан*. Семейство: *цзядюан*.

Стадо свиней: *ичюн дву*; *ичюн:* стадо; *дву:* свиней.

18 ноября 1898 года

Батадилян си. Батадилян: ее лицо; *си:* умой.

Вомынь хуй дяни. Вомынь хуй: мы уйдем; *дяни:* домой.

Гэйсер фый. Гэйсер: дайте; *фый:* воды.

Цзайцунни цзуди шэ хэжэн. Цзайцунни: в село; *цзуди:* едет; *шэ хожэн:* мировой.

⁶ *Наньжэн* — «мужчина»; здесь используется для обозначения русских мужских имен.

Игэ кэншан ибэй кын лянъ ига кын. Цайхуа: сы динчжэр. Ига: на одной; кэншан: яме; ибэй: сто; кын: ям; лянъ: с; ига кэн: одной ямой; цайхуа: загадка; динчжэр: наперсток.

Мышь: лоофу. Ушат: мутун. Шило: двыйза. Ваш: нимынди. Наш: вомыньди. Шиш [шишка]: боргуду. Шея: боцза. Душа: мын. Шум: жан. Мыши: цизигалофу. Шут: чоур. Аршин: чицун. Дышло: бангарьюаньчэ. Душно: мынжэ. Ерши: цзыга анчиюй. Ерш: анчиюй. Шмель: туфыр.

Миша фале. Миша: Миша; фале: шутил.

Саша фэнле. Саша: Саша; фэнле: шила.

Маша лоделе. Маша: Маша; лоделе: шалила.

Чёочёор цзо. Чёочёор: тише; цзо: сиди.

Яша ёсёони. Яша: Яше; ёсёони: смешно.

Дуняша, боцылу. Дуняша: Дуняша; боцылу: не шурши.

Лянь эрдо, е тинбутво. Цайхуа: [загадка]; мутун: [бочка, кадка]. Лянь: с; эрдо: ушами; е: да; тинбутво: не слышит.

Тулуп: тиньо. Репа: маньцзин. Пила: цзюй. Сноп: кунза. Липа: дуаньфу. Поле: ди <зачеркнуто: цзи>. Пуля: дудзыр. Пепел: хуй. Пир: янь си <зачеркнуто: жено>. Лапша: гуамянь. Тепло: нуанхо. Правда: шихуа. Расправа: чжэньчжа. Пьяный: цзуйжэн.

Ба чжээфуди маньцзин дянъ. Чжээфуди: пареной; маньцзин: репы; ба дянъ: дешевле.

<Зачеркнуто: ба> найсин лянъ юнсин ду цани. <Зачеркнуто: ба> найсин: терпение; лянъ: и; юнсин: труд; ду: все; цани: перетрут.

Синь цзяхо, ду сы кулунза. Цайхуа: [загадка]; сы лун: [это «клетка», «корзина»]. Синь: новая; цзяхо: посудина; ду: вся; сы кулунза: в дырке.

Рука: игашу. Рак: сями. Куры: цизади. Мак: инсыхуа. Мука: мянь. Копейка: игачянь. Кот: лян мор. Скот: сэнлын. Пышка: <зачеркнуто: д>ванчжэньмо. Дудка: хо, сона. Икра: юйцзы. Мерка: доу. Давка: юнцзы. Полка: гэр. Кошка: мимор. Школа: фуфан. Складка: чжэр.

Куай цзусы бу дуй. Куай: скоро; цзусы: да; бу: не; дуй: споро.

Гэйшу богэй суйбяр. Гэйшу: рукам; богэй: не давай; суйбяр: воли.

Суй мян[ь]тунхуту лянга хохадимянь. Цайхуа: сы дан. Суй: в маленькой; мянтунхуту: квашне; лянга: два; хохадимянь: теста. [Цайхуа: загадка; сы дан: это яйцо].

Кэтуни, кэтуни, цзяни хуйлай <зачеркнуто: чи> *ле шэнькайни*. *Цайхуа*: сы лян-дя. *Кэтуни*: кланяется; *кэтуни*: кланяется; *цзяни*: домой; *хуйлай*: придет; *шэнькайни*: растянется. *Цайхуа*: загадка; *ляньдя*: цеп.

Лоб: *нъэлу*. Рыба: *юй*. Баран: *деян*. Дуб: *сянфу*. Дубина: *ганза*. Бок: *бан*. Бык: *цзянню*. Бес: *гуй*. Ребенок: *суйвар*. Буря: *дафын*. Баня: *танза*. Кулебяка: *чиди*. Обмер: *чю* <зачеркнуто: й> *фур*. Обвес: *чоу фынлян*. Обман: *хун*. Облом [сломавшаяся вещь]: *хуайхады дунси*. Брод: *фый цяньди дифан*. Сброд: *цаяан*.

Гу нёочжэне — *фын тфыйчжэне*. *Гу*: собака; *нёочжэне*: лает; *фын*: ветер; *тфыйчжэне*: носит [букв. «дует»].

Цзайнадэр ига ян, цзайнадар ду <зачеркнуто: и> *чюн*. *Цзайнадэр*: куда; *ига*: один; *ян*: баран; *цзайнадар*: туда; *ду*: все; *чюн*: стадо.

Сый лянь хуза янхале, цайхуа: сы цзюйлюй. *Сый*: кто; *лянь*: с; *хуза*: бородой; *янхале*: родился. *Цайхуа*: загадка; *цзюйлюй*: козел.

Калач: *момо*. Качели: *чу*. Часы: *бёо*. Ночь: *е*. Туча: *игэюн*. Тучи: *цзигаюн*. Черви: *юянь*. Четки: <зачеркнуто: учу> *цзига иньянь тфань*. Пчелы: *цзигамифыр*. Кочка: *цоодунь*. Почта: *сунвынфуди*. Вчера: *елега*. Мачта: *вэйгань*.

Сёо лян, бусёо хэй. *Сёо*: ученье; *лян*: свет; *бусёо*: неученье; *хэй*: тьма.

Хэйле дан цзянди сы, цайхуа, сы синсин. *Хэле*: ночью; *дан*: только; *цзянди*: видно; *са*: что; *цайхуа*: загадка; *синсин*: звезды.

Танзани чи хэй, чулай хун; цайхуа: сы сями. *Танзани*: в баню; *чи*: иду; *хэй*: черен; *чулай*: выйду; *хун*: красен.

Танзани чи хун, чулай хэй; <зачеркнуто: цайхуа>. *Танзани*: в баню; *чи*: иду; *хун*: красен; *чулай*: выйду; *хэй*: черен.

Сапог: *игасёза*. Телега: *чэ*. Гусь: *ига нъэ*. Луг: *цоо тан*. Горе: *пофан*. Гиря: *чжуй*. Гумно: *чан*. <Часть листа с несколькими буквами отсутствует> [ла]герь: *ин*. Грачи: *цзига лоогуань*. Глыба: *тукуай*. Гром: <часть листа с несколькими буквами отсутствует> ...*й*. Гной: *нун*. Сговор: *фан дин*. Гвалт: *сюаньхуа*.

Бонабяньза ёо ма, на яньмэй. *Бонабянза*: не кнутом; *ёо*: погоняй; *ма*: лошадь; *на яньмэй*: овсом.

Цзай сянходи чюнни балан бу <зачеркнуто: кэ> *хайпа*. *Цзай*: в; *сянходи*: согласном; *чюнни*: стаде; *балан*: волк; *бу*: не; *хайпа*: страшен; бояться.

Сысянь гэда идаюар тига кулун. *Сысянь*: шелков; *гэда*: клуб; *идаюар*: вокруг; *тига*: семь; *кулунь*: дыр.

Лянга ту, лянга шу, люга туй. Лянга: две; *ту:* головы; *лянга:* две; *шу:* руки; *люга:* шесть; <зачеркнуто: л> *туй:* ног.

Воз: *ига боочэ. Глаза: лянга нянцзин. Замок: соза. Обоз: ибан бочэ. Коза: и[га] цзюйлюй. Возы: цзига бочэ. Зелень: люди. Назём: фы* <несколько букв написаны неразборчиво>. *Зубы: цзига ня. Изюм: ганьпудо. Козьявка: сяочунза. Золото: цзинза. Зима: дунтянь. Озноб: лын. Злость: двочи. Гнездо: во. Друзья: сянхо. Вздор: хухуа.*

Гэймоди фади, лофуди няньлуй. Гэймоди: кошке; *фади:* игрушки; *лофуди:* мышке; *няньлуй:* слёзы.

Ю[н]яни е бунёо. Юняни: зубаст; *бу:* не; *нёо:* кусает; *цайхуа:* загадка; *сы муфу:* гребень.

Асманиша[н] кулун, дилитуди кулун, дантфудяниди хо лянъ фый; цзайхуа, сы самовар [самовар]. Асманишан: в небо; *кулун:* дыра; *дилитуди:* в землю; *кулун:* дыра; *донтфудяниди:* в середине; *хо:* огонь; *лянъ:* да; *фый:* вода; *цайхуа:* загадка.

Нож: цзадооцза. Кожа: ти. Жук: сыбаню. Рожь: хэймэй. Сажа: голэй. Сажень: чжан. Жир: бяо. Жучка: хэйгудиминза. Ружье <четыре слова написаны неразборчиво>. Обжора: чаньцзуй. Кочерыжка: ворбэйди ко.

Хо ибэйза, сёо идэйза. Хо: живи; *ибэйза:* век; *сё:* учись; *ибэйза:* век.

Двынлеса, нэцзу е го. Двынле: посеял; *са:* что; *нэцзу:* то; *е:* и; *го:* пожнешь.

Да те, те жэчжэне. Да: куй; *те:* железо; *те:* пока; *жэчжэне:* горячо.

Банза шанни гуан фэйчи бу нын; цайхуа: [загадка]; *сы моза* [это жернов]. *Банза:* крыльями; *шанни:* машет; *гуан:* а; *фэйчи:* улететь; *бу:* не; *нын:* может.

Буняньтфадигу бафан ду каньчжэне. Цайхуа; сы соза. Буняньтфанди: молчан; *гу:* собака; *бафан:* дом; *ду:* весь; *каньчжэне:* стережет; *цайхуа:* загадка; *соза:* замок.

Петух: гунци. Соха: литу. Хомут: цзяхо. Пух: вынмо. Уха: юйтан. Ухо: игээрдо. Михай: минза. Худо: бухо, дэй. Хохот: хадасёо. Хихиканье: сисидишэн. Хромой: боза. Хлеб: люли. Хмель: жуан жуанза. Сход: цзюй хуй. Выходы: тфумёор.

Ба цзянню ёочжэ нюцзюанниле: дидёо цзай нюдьюанни, иба шунини.

Ба цзянню: быка; *ёочжэ:* погнали; *нюцзюанни:* в хлев; *дидёо:* рога; *цзай:* в; *нюдьюанни:* хлеву; *иба:* хвост; *шунини:* в руках.

Чилецо ня лони; басаза ня <зачеркнуто: ха> кэ куайни; цайхуа, сы саньза. [Чил]и: поем; цоо: травы; ня: зубы; [лони: состарятся]; басаза: песку; нани: хвачу; кэ: снова; куайни: вывострю; цайхуа: загадка; саньза: коса.

Штоф: *цзюди болицуанза*. Графин: *болипинза*. Фонарь: *дэнлу*. Телеграф: *янсян*. Сарафан: *ньюгуа*. Картофель: *янюй*. Фофан: *шооцза*. Простофиля: *бань ханьза*. Софья: *минца (понян)*. Сафьян: *сяннюпи*. Кафтан: *поза*. Франт: *фынлю*. Федя: *минца (нанжэнь)*. Федор: *минза (нанжесен)*. Фёкла: *минза (понян)*.

Федот, да не тот: *Федот, гуан бусы нэга*. Федот: Федот; гуан: да; бусы: не; нэга: тот.

Цзин путын ёо жанни. Цзин: фунт; путын: пуду; ёо: должен; жанни: уступить.

Саньшан, саньшан цзуди тино лянь поза; цайхуа, сы ян. Саньшан: по горам; саньшан: горам; цзуди: ходить; тино: шуба; лянь: да; поза: кафтан; цайхуа: загадка; ян: овца.

Ду <зачеркнуто: е> лоемын толе поза, гуан ига лое мо то поза; цайхуа сы сун фу. Ду: все; лоемын: паны; толе: скинули; поза: кафтаны; гуан: а; ига: один; лое: пан; мо: не; то: скинул; поза: кафтан; цайхуа: загадка; сунфу: сосна.

Палец: *ига цзыту*. Мельница: *моза*. Цепь: *тесо*. Огурец: *хуангуа*. Синица: *цзы <зачеркнуто: н> цзы цэр*. Овцы: *цзигамуян*. Кольца: *хуанхуар*. Церковь: *мёо*. Зубцы: *цы*. Сердце: *син*. Солнце: *эрту*.

Мынига хоханза ю цзыдяди муяр. Мынига: всякий; хоханза: молодец; ю: есть; цзыдяди: свой; муяр: образец.

Не прикидывайся овцой — волк съест. *Бо дван ян: лан чини*. Бо: не; дван: прикидывайся; ян: овцой; лан: волк; чини: съест.

Чернильница: *мейхоза*.

Лянга хуанхуаньза, лянга дянь дяньза, дантфудяни[ди] динза; цайхуа, дяньза. Лянга: два; хуан хуаньза: кольца; лянга: два; дянь дяньза: конца; дантфудяниди: посередине; динза: гвоздик; цайхуа: загадка; дяньза: ножницы.

Лянга дисюн фыйлиту сичиле. Лянга: два; дисюн: братца; фыйлиту: в воду; си: купаться; чиле: пошли; цайхуа: загадка, гуан: ведро.

Сятянь вою жэнодиэрза, дунтянь да цзай; цайхуа, сы хуахуашар. Сятянь: летом; вою: у меня; жэнодиэрза: масленица; дунтянь: зимой; да: великий; цзай: пост; цайхуа: загадка; хуахуашар: бабочка.

Хрущ: уёнидисыбаню. Ящик: сянза. Щука: язацзуйюй. Лещ: бьяньхуаюй. Роцца: фулин. Щека: льянданза. Овоци: цай. Щука: яцзацзуйюй. Еще: цзэй. Хрящ: цуйгу. Толщина: хоу.

Няньцзин канди юань, цунмин хай юань. Няньцзин: око; канди: видит; юань: далеко; цунмин: ум; хай: еще; юань: дальше.

Шишан ду синни мейго да льяньма. Шишан: на свете; ду: все; синни: сыщешь; мейго: кроме; да: отца; льянь: да; ма: матери.

Лиди цзяньню чьяньхади бя; цайхуа, сы фан. Лиди: стоит; цзяньню: бычище; чьяньхади: проклеваны; бя: бочища; цайхуа: загадка; фан: дом.

Суйди, бэйгозади, бади дуланни, дзяни похуйлайни фый инянни; цайхуа, сы льянь. Суйди: маленький; бэйгозади: горбатенький; бади: поле; ду: все; ланни: обрышет; дзяни: домой; похуйлайни: прибежит; и: целый; нянь: год; фыйни: пролежит; цайхуа: загадка; льянь: серп.

Ёо досер гайволиту нани, ёо досер во дани. Ёо: чем; досер: больше; гай: из; волиту: меня; нани: берут; ёо: тем; досер: больше; во: я; дани: становлюсь; цайхуа: загадка; кын: яма.

Нюхади, банхади е цзай <зачеркнуто: до> дёшан <зачеркнуто: ле> цзайхади, мань юаньни цзуцзучанзани; цайхуа, сы сотфу. Нюхади: скручен; банхади: связан; е: и; цзай: на; дёшан: кол; цзайхади: посажен; мань: по; юаньни: двору; цзуцзучанзани: пляшет; цайхуа: загадка; сотфу: метла.

Сыга дисюн на ига дэйза лэйхади, ига моза диха личжэне; цайхуа, сы двоца. Сыга: четыре; дисюн: брата; на ига: одним; дэйза: кушаком; лэйхади: подпоясаны; ига: одной; моза: шляпой; диха: под; личжэне: стоят; цайхуа: загадка; двоца: стол.

Ёо досер во дванни, ёо досер во дванни; цайхуа, сы сьяньгулуза. Ёо: чем; досер: больше; во: я; дванни: верчусь; ёо: тем; досер: более; во: я; дванни: толстею; цайхуа: загадка; сьяньгулуза: веретено.

Булюнса бутын, ду хэнхэнни; цайхуа, сы дву. Булюнса: ничем; бу: не; тын: больна; ду: всё; хэнхэнни: стонет; цайхуа: загадка; дву: свинья.

Димьяньшан цзуни, гуань каньбудянь асман; цайхуа, сы дву. Димьяньшан: по земле; цзуни: ходит; гуань: а; каньбудянь: не видит; асман: неба; цайхуа: загадка; дву: свинья.

Лиди цзохади цзяхо, талиту мофуди фан; цайхуа, сы мифырво. Лиди: стоит; цзохади: долблена; цзяхо: посудина; талиту: в ней; мофуди: наварена; фан: кашлица; цайхуа: загадка; мифырво: улей.

Бусы двандяхан, бусы тецзян, бусы двозадян, бусы муцзян, туигэ шукуди цунниди; цайхуа, сы ма. Бусы: не; двандяхан: земледелец; бусы: не; тецзян: кузнец; бусы: не; двозадян: столяр; бусы: не; муцзян: плотник; туига: первый; шукуди: работник; цунниди: на селе; цайхуа: загадка; ма: лошадь.

Юань, бусы ёлан, лю, бусы сянфулин, лянъ иба, бусы лофу; цайхуа, сы маньцзин. Юань: кругло; бусы: не; ёлан: месяц; лю: зелено; бусы: не; сянфулин: дубрава; лян: с; иба: хвостиком; бусы: не; лофу: мышь; цайхуа: загадка; маньцзин: репа.

Чиди куай, цзёоди мянь, цзыдя буянь, гэйданлинди е бу гэй. Чиди: ест; куай: скоро; цзёди: жуёт; мянь: мелко; цзыдя: сама; буянь: не глотаёт; гэйданлинди: другим; е: и; бу: не; гэй: даёт; цайхуа: загадка.

Бату чэни, ба син чуни, гэй хони, е шэкай хуани; цайхуа, сы галаньтутуза. Бату: головку; чэни: срежу; ба син: сердечко; чуни: выну; гэй: дам; хони: пить; шэкай: станет; хуани: говорит; цайхуа: загадка; галаньтутуза: перо.

Лушан гуайдёзани гуадилог бусы нашу бяньхади; цайхуа, сы двудуван. Лушан: на потолке; гуайдёзани: в уголке; гуади: висит; лор: сито; бусы: не; нашу: руками; бяньхади: свито; цайхуа: загадка; двудуван: паутина.

Сыгэдунси, ляннга цади дунси, дичига тванди дунси, цзыдя сы нъэ наннинди. Сыгэ: четыре; дунси: четыреки; ляннга: две; цади дунси: растопырки; дичига: седьмой; тванди дунси: вертун; цзыдя: сам; нъэнаннинди: ворчун.

Водишан буцзу, шанту бу кань, булуйво, вамыньди сынни; цайхуа, сы юй. Во: я; дишан: по земле; бу: не; цзу: хожу; шанту: вверх; бу: не; кань: гляжу; бу: не; луй: завожу; во: гнезда; вамыньди: детей; сын[н]и: вывожу; цайхуа: загадка; юй: рыба.

Юдоди туй, гайдишан та точжэне нян баньза. Юдоди: много; туй: ног; гай: с; дишан: поля; [та: она]; точжэне: тащится; нян баньза: лежа на спине; цайхуа: загадка; цзоцза: борона.

Чёотанчжэне, хулучжэне, дваньчжэне, суаньчжэне ба цзайди бэйза гуань бусы жэн; цайхуа, сы бёо. Чёотанчжэне: стучит; хулучжэне: гремит; дваньчжэне: вертится; суаньчжэне: считает; ба цзайди: наш; бэйза: век; гуань: а; бусы: не; жэн: человек; цайхуа: загадка; бёо: часы.

Мою во сянза кайбукай, гай волиту е на фыйни; цайхуа, сы ёсьлян цуань. Мою: без; во: меня; сянза: сундука; кайбукай: не отопрут; гай: из; волиту: меня; е: и; на: берут; фыйни: воду; цайхуа: загадка; ёсы: ключ [от замка]; лянъ: и; цуань: ключ [— источник].

Дуза хыту ю танза, бизахыту ю сэйза, тушан цияр, ц[зун и]гэ шу, нэга е цзай цзибэйшан; цайхуа сы самавар. Дуза хыту: в брюхе; ю: есть; танза: баня; бизахыту: в носу; ю: есть; сэйза: решето; тушан: на голове; цияр: пупок; цзун: всего;

игэ: одна; *шу*: рука; *нэгэ*: та; *е*: и; *цзай*: на; *цзибэйшан*: спине; *цайхуа*: загадка; *самавар*: самовар.

Шэнза бэй, *хунлир хумади*, *тудир цзинзади*; *цайхуа*, *сы янла*. *Шэнза*: тело; *бэй*: бело; *хунлир*: душа; *хумади*: льняная; *тудир*: маковка; *цзинзади*: золотая; *цайхуа*: загадка; *янла*: свечка.

Са чимади, *та чиди ма*, *тади цзёо эрдо бэйхуни*; *цайхуа*, *сы нянь цзин*. *Са*: что; *чимади*: всадник; *та*: он; *чиди*: сидит; *ма*: верхом; *тади*: у него; *цзёо*: ноги; *эрдо*: ушами; *бэйхуни*: за; *цайхуа*: загадка; *няньцзин*: очки.

Восы воха, *биди ди*, *чэлэй бима го*; *цайхуа*, *сы лу*. [*Восы*: если;] *воха*: ляжет; *биди*: курицы; *ди*: ниже; *чэлэй*: встанет; *бима*: лошади; *гоо*: выше; *цайхуа*: загадка; *лу*: дорога.

Няньцзин бочжэне цзо, *хосян гэцзо тёочжэне*, *цзусян жэсн фучжэне*; *цайхуа*, *сы гэдуса*. *Няньцзин*: глаза; *бочжэне*: выпуча; *цзо*: сидит; *хосянгэцзо*: по-блошью; *тёочжэне*: прыгает; *цзусян жэсн*: по-человечьи; *фучжэне*: плавает; *цайхуа*: загадка; *гэдуса*: лягушка.

Дисюн лян *дисюн гэйди лу двучжэне*, [*игэ*] *бу дян* *игэ*; *цайхуа*, *сы нянь цзин*. *Дисюн*: брат; *лян*: с; *дисюн*: братом; *гэйди*: через; *лу*: дорожку; *двучжэне*: живут; *игэ*: друг; *бу дян*: не видят; *игэ*: дружку; *цайхуа*: загадка; *няньцзин*: глаза.

Доди ба понян уыйни, *та ханни*: *нъэди*. *Доди*: как; *ба понян*: бабу; *уыйни*: ни накормишь; *та*: она; *ханни*: крикнет; *нъэди*: голодна.

Чини, *чини ян*, *линху цоохыту*. *Чини*: поест; *чини*: поест; *ян*: барашек; *линху*: да; *цоохыту*: в ясельцы.

Фэйчжэне, *ханьчжэне*, *лохале бади вани*; *цайхуа*, *сы сыбаню*. *Фэйчжэне*: летит; *ханьчжэне*: воет; *лохале*: сядет; *бади вани*: роет; *цайхуа*: загадка; *сыбаню*: жук.

Попонян туйцзусянца, *ба дуйя*, *ду выйны*, *цзыдя е цзи*; *цайхуа*, *сы литу*. *По*: яга; *понян*: баба; *туй* <зачеркнуто: *цзусян*>: нога; *цзусянца*: вилами; *бадуйя*: свет; *ду*: весь; *выйны*: кормить; *цзыдя*: сама; *цзи*: голодна; *цайхуа*: загадка; *литу*: соха.

Бянь баньбар, *бянь бяриан*, *кунбянь*, *дандвудяни суйкулун*. *Бянь*: плосконька; *баньбар*: дощечка; *бяньбяриан*: по краям; *кунбянь*: обшивочка; *дандвудяни*: в середине; *суйкулун*: дырочка.

Саньга туй, *лянга эрдо*, *ди люга дуза*; *цайхуа*, *сы мутун*. *Саньга*: три; *туй*: ноги; *лянга*: два; *эрдо*: уха; *дилюга*: шестой; *дуза*: брюхо; *цайхуа*: загадка; *мутун*: лохань.

Годи цянциза, ю боханни, ту моюго; цайхуа, сы саньза. Годи: стоит; *цянциза:* туша; *ю:* есть; *боханни:* шея; *ту:* башки; *моуюго:* не бывало; *цайхуа:* загадка; *саньза:* рубаха.

Лянга малиту мынъигэ ю угэва, тамынь диминза дунян; цайхуа, сы цыту. Лянга: двух; *малиту:* матерей; [*мынъигэ:* спрятаны]; *ю угэ:* по пяти; *ва:* сыновей; *тамынь диминза:* имена; *ду:* всем; *нян:* одно; *цайхуа:* загадка; *цыту:* пальцы.

Фулин ни цохади дунси тванди пино почжэне; цайхуа: [загадка], *сы ту:* [это заяц]. *Фулин:* по лесу; *цохади дунси:* жаркое; *тванди пино:* в шубе; *почжэне:* бежит.

богатство

Богатство: **фу**

Один юноша встретил своего бывшего учителя и жаловался ему на свою бедность: *Игэ ва пынцзянле бацзыдяди туниди сыфу е гэйта сёлё цыдыяди*
один юноша встретил своего бывшего учителя и ему жаловался свою бедность

чюн. «А за сколько рублей отдашь ты свои глаза?» — спросил его учитель:
за сколько рублей ты свои глаза отдашь его учитель спросил

Цзигэ теза ни бацзыдяди няньцзин гэйни? Бата сыфу вэнле. «И за тысячу
за тысячу рублей и не отдам отвечал юноша

рублей не отдам!» — отвечал юноша: *Ичянь теза е бугэй! Даинле ва.* «Ну а
свои

руки свои отдашь за тысячу?» — «Нет, и за много тысяч не отдам»: *Цзыцзяди*
руки за тысячу рублей отдашь нет тысяч рублей много и не отдам

шу ичянь теза гэйнима? Бу, ичянь теза до е бу гэй «А уши?» — «Тоже
а уши тоже нет а ноги тоже нет

нет»: *А эрдо? Е бу.* «А ноги?» — «Тоже нет»: *А туй? Е бу.* «Вот видишь,
вот видишь у тебя какие богатства сказал тогда учитель еще

какие у тебя богатства, — сказал тогда учитель, — а жалуешься еще на бедность»: *Чжэбусы дяньлема, ниди цаянцзыди фу, шэле нэгэсыхур сыфу, хай*
жалуешься на бедность стыдно брат

сёо чюнни. «Стыдно, брат!»: *сю, дисюн!*

сорока скакала и стрекотала

Сорока скакала и стрекотала, сорок скликала: *ечао чёоле е цзёхуанле, ба* <за-
сорок скликала
 черкнуто: *си*> *ечаомынь цзёоле.*

просо скосили

Просо скосили, и поле стало пусто: *Багуза голё* <несколько неразборчивых
поле и опустели
 букв> *ги е кунле.*

Репей, репей: *жан жан цза.*

[Лев Толстой. Старик сажал яблони...]

старик

Старик: *лохань*

старик сажал яблони

Старик сажал яблони: *Лохань цзайле цзыфу*. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони?»: *Гэйти шэле: Инуйса гэини чжэга сагозафу*. Долго ждать с них плода, тебе не дожить, и не придется тебе с них съесть ни одного яблочка»: *эрзадо дэн* с них плода тебе не дожить и не придется *гай тамынъшан гоза*, <зачеркнуто: *гэй*> *ни двубудо, е бу нын* <зачеркнуто: тебе с них съесть ни одного яблока *гэй*> *ни гай тамынъшан чи игэ гоза*. Старик отвечал: «Я не съем, так другие съедят, а мне спасибо скажут»: *Лохань даинле: Во бунын чи, цзу данлинди чиле, гэйво шэ догосени*.

ноги под гляди

Гляди под ноги: если не найдешь, так хоть ноги не зашибешь: *дзё диха кань*: если не найдешь если не найдешь ноги то не зашибешь <зачеркнуто: *восы синьбудянь*> *напа синьбудянь, бацзё нэцзу пьньбушань*.

на волке и есть шуба да пришита

Есть шуба и на волке, да пришита: *ландишэншан е ю пино, цзусы лёочжэне*.

дальше в лес дров больше

Чем дальше в лес, тем больше дров: *наньсер фулинлиту, цай доо*.

за один раз дерево не срубишь

За один раз дерево не срубишь: *ихуй бафу каньбудо*.

локоть близко да не укусишь

Локоть близко, да не укусишь: *гэцзуца дин, цзусы нёбуша[н]*.

у щеголя

карман

У щеголя и пуст карман, да наряжен кафтан: *нъэдабаньдигенди кудайцзы* пуст да кафтан наряжен *куньчжэне, цзусы поза хокань*.

собака и кошка

Собака и кошка: *гу лянъ моо*

собака

Собака с кошкой к хозяину вбежали и, друг на друга жалуясь, визжали: *гу* с кошкой вбежали к хозяину и друг на друга жалуясь визжали *лянъ моо почжэ чжангуйдигэньтянь е, игэ баигэ голе, ханъле*. «Ой, в ногу

ой меня в ногу укусил негодный пес
 укусил меня негодный пес!»: *ой баводи туй нёоле сыбудэиди гу!* «Кошурка ис-
 кошка мне нос исцарапала
 царапала мне нос!»: *мо баводи биза куле!* «Я видела: Трезор тайком стянул
 я видела Трезор тайком стянул жаркое
 жаркое!»: *во кандянле: Трезор маньмар тулё цохадижу!* «Слизала Машка моло-
 Машка слизала парное молоко
 ко парное!»: *Машка тяньле гандихади нэза!* «Воришки оба вы!» — хозяйский
 был ответ. — «И ладу между вами нет как нет. Про вас давным-давно такая речь
 воришки вы оба хозяйский
 ведется: собака с кошкой ввек не уживется»: *цзый нимынь лянгэ! Чжангуйди*
 был ответ и ладу вами между вовсе нет про вас давным-давно такая речь
ди хуйхуа, хо нимынь литу цуан мэю. Уй нимынь додиэрза чжэмоянзади хуа
 ведется собака с кошкой <зачеркнуто: ввек> в мире не уживется
цочжэне: гу лянь мо хо двубучэн. «Ступайте с глаз до-
 ступайте с глаз
 лой!» — хозяин закричал и палкою обоих их прогнал: *ци гай няньцзин*
 долой хозяин закричал и палкою их обоих
 <зачеркнуто: ди> *цзуго! Чжангуйди ханьле е нагунгунза батамынь лянгэ*
 прогнал
дуаньле.

Во: я; води: меня; гэйво: мне; баво: меня; наво: мною; вэйво: обо мне.

[Лев Толстой. Рассказы и басни]

белка и волк
 Белка и волк: *цзюлюмор лянь лан*

белка попалась волку лапы под
 Белка попалась в лапы к волку: *цзюлюмор дедо ланди двацзы дихале.* Волк
 волк ее хотел съесть
 хотел ее съесть: *лан бата сян чини.* «Пусти меня, волк!» — просит белка: *лан*
 меня пусти белка просит
баво, лёкай! Цзюлюмор ишэ. «Ладно, — отвечает волк, — а ты мне скажи за
 это, отчего вы, белки, всегда такие веселые, а я, волк, редко бываю весел»:
 ладно отвечает волк ты мне скажи за это отчего вы белки всегда
дуй, даинле лан, ни гэйво шэ уйчжэгэ, вэйса нимынь, цзюлюмор, булондохур
 такие веселые а я волк редко бываю весел
чжэмо сихуань, гуан во, лан, сица дисы сихуан. «Скажу», — говорит белка, а са-
 ма живо забралась на высокую сосну. «Тебе редко бывает весело, — сказала
 она с дерева, оттого что ты зол. А мы, белки, никому не желаем и не делаем
 скажу говорит белка а сама живо
 зла — потому мы всегда веселы»: *ишэни, шэле цзюлюмор, гуан цзыдя куай*

забралась высокую сосну на тебе редко бывает весело она с дерева сказала оттого
шанле го сунфу шан. Гэйни сица ю сихуан, та гай фушан шэле, вэйнэгэ,
 что ты зол мы белки никогда не желаем и не делаем зла потому
шэ ни цо. Вомынь цзюлюмор гэйбулюнсыи бу сянь е бу цзу хи, — вэйнэга
 мы всегда веселы
цзамын фанчан сихуань.

Январь: *чжэн юэ*; февраль: *эр юэ*; март: *сан юэ*; апрель: *сы юэ*; май: *ву юэ*;
 июнь: *лю юэ*; июль: *чи юэ*; август: *ба юэ*; сентябрь: *дю юэ*; октябрь: *ши юэ*; но-
 ябрь: *ши и юэ*; декабрь: <зачеркнуто: *ши юэ*> *ла юэ*.

лиса и волк

Лиса и волк: *хуза лянь лан*

Лиса словила курочку, поела порядком и припрятала кусок: *хуза кайлега*
 курочку поела порядком и кусочек припрятала прискакал
ди, чиди доле е байгэдар чянхале. Прискакал к лисе волк: *почжэляйле*
 к лисе волк кума
хузагэнчянь лан. «Кума, а кума! Услужи: покорми кума! Живот подвело»: *ганьма,*
 а кума послужи покорми кума живот подвело
а ганьма! Сэгэло: вэйха бананьчиндя! Дуза шизэнэле. «Что ж, — молвила кума-
 что ж молвила лиса-кума вот травка
 лиса, — вот травка!», а о курочке молчит: *дуй, шеле хуза-ганьма: чжэбусы цоо.*
 а о курочке молчит волк
Гуань иньуйди моняньтван. Волк посердился, поворчал, да так и удрал: *лан*
 посердился поворчал да так и удрал
дволечиле, ханьле, цзусы чжэянцизы е цзуле. А кума-лиса вечером поела остатки
 кума-лиса вечером поела остатки курочки
 курочки, которые припрятала утром: *ганьма-хуза хушан чиле шэнхади ди,*
 которые утром припрятала почему волк сердился
нангэ цзочи чяньхади. Почему волк сердился?: *иньуйса лан дволечили?*

Сорвали косматому голову, вырвали сердце, дали пить, стало говорить [За-
 косматому голову сорвали сердце вырвали дали пить стало
 гадка. Ответ: писчее перо]: *бацымоди ту дюле, басин чуле, цзё хони, шэкай*
 говорить
хуале.

ржа железо разъедает

Ржа разъедает железо: *сю бате чини.*

два глаза алмаза дороже

Два глаза дороже алмаза: *ляньгэ няньцзин бицзинганцуань гуй.*

плакса Лука

Плакса Лука: *нъэкуди Лука*

Лука купил рака, а рак и пропал: *Лука мэлега сями, сями е сыле.* Плакал Лука:
 Лука плакал летала оса и укусила
Лука куле. Летала оса и укусила Луку: *фэйле хуанфын е ба Луку нёле.* Плакал
 Лука плакал Лука пересолил и суп пролил
 Лука: *Лука куле.* Лука пересолил и пролил суп: *Лука лундиханьле е батан доле.*
 Лука плакал Лука уроки проспал
 Плакал Лука: *Лука кулэ.* Лука проспал уроки: *Лука бадехадифу фэйгохولة.* Пла-
 Лука плакал Лука писал сестра толкала
 кал Лука: *Лука куле.* Лука писал, а сестра толкала стол: *Лука селе, цзымэй сяньле*
 стол Лука плакал Лука
двоза. Плакал Лука: *Лука куле.* Лука купил кролик[а], а кролик усакал: *Лука*
 купил кролика кролик усакал Лука плакал
мэлега тёотуза, тёоту полё. Плакал Лука: *Лука куле.*

учись пока молод

Учись пока молод: *нянью чжэ сё!*

старое старится молодое растёт

Старое старится, молодое растёт: *лоди лони, няньчинди гэканни.*

метил в сороку попал в корову

Метил в сороку, попал в корову: *чжэле сичао, дачжэ нюшанле.*

одна палка упала

Палка упала: *игэ гунгунза дедоле.*

несколько палки упали

Палки упали: *дигэ гунгунза дедоле.*

одна сорока скакала

Сорока скакала: *игэ сича тёлё.*

[Константин Ушинский]

в октябре

В октябре: *Ши ёни*

Солнце спряталось за тучи, ветер сильный, холодно; листья сыплются, и в ку-
 солнце спряталось за тучи ветер сильный холодно листья
 чи ветром все их намело: *эрту чяньдо юнълитуле, фын да, лын, фуер*
 сыплются ветром и их все намело в кучу
лочжэне, фын е батамын ду гуатфу дуилё. Речка ходит так сердито, лес так
 речка ходит
 жалобно шумит, небо тучами закрыто, небо дождиком грозит: *хочюйза танди*
 так сердито лес так жалобно шумит небо тучами закрыто дождиком
чжэмэ двочи, фулин чжэмэ бусихуан хучжэне, баасман юн гэичжэне, юй

небо грозит

баасман хахучжэне. Птички все прижались в поле, рыбки спрятались на дно, птички все прижались в поле
 всем и в воле, как в неволе, — холодно, всем холодно: *нёор ду цзюдо диниле,*
 рыбки спрятались на дно всем и в воле как в неволе холодно всем холодно
юй чяньдо дихале, суйбярди цзусян бу суйбярди лын, ду лын.

слепень и комар

Слепень и комар: *хамынь лянь вэнза*

Раз слепень

Спросил раз слепень комара: «Ты что в полдень не летаешь?»: *ибянь хамынь*
 комара спросил ты в полдень что не летаешь
бавэнза вэнле Ни шанхун цза буфэйни? «Да жарко мне, — говорит комар, —
 да мне жарко комар говорит я жирен очень
 я очень жирен»: *Во жэ, вынза шэле, во фиди хэн.* «А ты что, во время дождя
 не летаешь?» — «Да я очень наряден, — говорит слепень, — боюсь замараюсь»:
 Ты что дождя во время не летаешь я очень наряден слепень
Ни цза хаюйди сыхур бу фэйни? Во <зачеркнуто: *сь> шицзэй дабаньди, хамынь*
 говорит боюсь замараюсь
шэле, хайта, гунзанни.

комар парню ногу отдал

Комар парню ногу отдал: *вэнза басёхожади цзёо тале.*

комар и лошадь свалит коли волк

И комар лошадь свалит, коли волк пособит: *вэнза е бама нындюдо, восы лан*
 пособит
банманни.

Что за всадник: сидит он верхом, а ноги у него за ушами? [Загадка. Ответ: оч-
 что за всадник он сидит верхом у него ноги за ушами
 ки]: *са чимади: та чидима, тади цзёо цзай эрдобэйхуни?*

овечка и мальчик

Овечка и мальчик: *ян лянь ва*

весною овечку

Овечку остригли весною, когда еще было холодно: *тфынтянь баяндимо*
 остригли когда еще холодно Бог
цзёле, цзисы хай лынчжэне. Бог сжалился над нею и дал теплую погоду: *хыди*
 нею над сжалился и дал теплую погоду
цзайта шан синтынле е гэйле нуан тянчи. Обогрелась овечка и весело побежала
 обогрелась овечка и весело побежала
 в поле; а к осени у нее опять отросла шерсть: *нуаньжэле ян е сихуан почжэ*
 в поле к осени у ней шерсть опять отросла
танни чиле; нянь чутянь тади мо кэ чжаншанлэйле. Мальчик весело играл и

мальчик весело играл и прыгал целое лето
 прыгал целое лето: *ва сихуан фале е беле и ся*. Но настала холодная зима, и он уже не мог выходить на улицу: *цзисы доле лынь дунтянь, та кэдя е не мог на улицу выходить бунын цзай вайту тфучи*. Печально сидел он на лавке у окна и глядел, как падал пушистый снег: *та цучжэ цзай чуанзагэньтянь баньдэньшиан цзоле е каньле, цза леле сюй сё*. Но вот мать надела на мальчика фуфайку и чулки из овечьей шерсти, и он побежал на улицу играть с другими мальчиками в снежки: *чжэбусы ма гэйва чуанле цзиншэр елян ваз на янди мо, та е почжэ вэйту фачиле лян данлиндиди вамынди на сёо*.

два плюс два равняется четыре
 $2 + 2 = 4$; два плюс два равняется четырем: *ляньгэ лян лян гэ сы сыгэ*.

Подними с пола упавший карандаш: *гай баншан бадехалэйдиди цзыдэнмэй начелей*.

Привередливый ученик: *цзян сёсэн*.

Описание картины: хуарди бёо-мин

Хуарди: картина (бёо-мин: описание).

Хуар цзоди лынь дунтяньдиди цзочиди цзай фулинни: картина представляет зимнее морозное утро в лесу (*хуар*: картина; *цзоди*: представляет; *лын*: морозное; *дунтяньдиди*: зимнее; *цзочиди*: утро; *цзай фулинни*: в лесу). Между глубокими сугробами снега тянется дорога: *шын сёдуйдиди дантвудяни цзудиди лу*. (*Шын*: глубокий; *сё*: снег; *дуй*: сугроб; *дانتвудяни*: между; *цзудиди*: идет, тянется; *лу*: дорога, путь). По обеим сторонам дороги лес: *луди лянханидиди фулин*. (*Луди*: дороги; *лянханидиди*: по обеим сторонам; *фулин*: лес). Из глубины леса выезжает воз с хворостом: *гайфулинлиту твулэйдиди чэ лян футёоза*. (*Гайфулинлиту*: из лесу; *твулэйдиди*: выезжает; *чэ*: воз; *лян футёоза*: с хворостом).

Во минбэй: я понимаю; *ни минбэй*: ты понимаешь; *та минбэй*: он понимает; *вомынь минбэй*: мы понимаем; *нимынь минбэй*: вы понимаете; *тамынь минбэй*: они понимают.

шестилетний мальчик ведет лошадь
 Лошадь под уздцы ведет шестилетний мальчик: *люсуйди ва лади мади*
 под уздцы он надел
хакэза. На нем овчинный полушубок, большие сапоги и рукавицы: *та тваньди*
 овчинный полушубок большие сапоги и рукавицы
янни пиньо, да сёза лянь шутхоза. По дороге мчится лихая тройка и
 по дороге мчится лихая быстрая
 летит кибитка, взрывая пушистые борозды снега: *лушан почжэне куайкуарди*
 тройка и летит кибитка сани пушистый снег разбрасывая
сань тоума дэй фыйчжэне ютинзади пализа, басю сё лёочжэне. Птицы —
 кони подобно птицам
 кони: *ма сян фыйчин*. На уздечках бубенчики, на крашеной дуге валдайский
 на уздечках бубенчики на крашеной дуге валдайский колокольчик
 колокольчик: *цазашанди хухулир*. Юхад *гунгунзашан валдай чэнди линлир*.
 хомуты лаковые возжи плетеные
 Хомуты лаковые. Возжи плетеные: *дяхо ючиди. Линиынза дахади*. Кибитка
 закрыта полностью, и в ней сидит офицер, одетый в серую военную шинель:
 кибитка кибитка полностью закрыта в ней сидит офицер одетый в серую
ю тынзади пализа на уйза гайчжэне, талиту цзеди вугуань, тваньди чин
 военную шинель
бинди холар. На голове у него синяя фуражка с красным околышком и кокар-
 у него на голове синяя фуражка с красным околышком и с кокардою
 дою: *тади тушанди лань моза лянь хунбяр е лянь мохуар*. На облучке
 спереди сидит ящик в барашковой шапке
 ящик в меховой барашковой шапке: *пхуни цзоди ёочэди фэйди янпиди моза*.

<зачеркнуто: перо> ручки ручке ручку
 Галань: ручка; *галаньди; гэй галань; ба галань; на галань*: ручкою; *уй га-*
лань: о ручке.

Синий с иголки на нем армяк с красным кушаком; на руках кожаные рука-
 на нем надет новый с иголки синий армяк подпоясан красным кушаком на руках
 вицы: *ташан тфаньди син лань пхоза, лэйди хун дэйза, шушан*
 надеты кожаные рукавицы
дэйди ни шутхоза. В одной руке он ловко сжал возжи, в другой дер-
 в одной руке он возжи сжал
 жит кнут, которым подгоняет пристяжных: *игэ шуни та ба ланиынза неди*
 ловко в другой руке он держит кнут которым подгоняет пристяжных
мей; диэрга шуни та нади бяньза, на наигэ ё соцза ма. Тут же по дороге
 тут же по дороге тянется обоз
 тянется обоз: *цзай чжар лушан цзуди боче*. С трудом тащат лошадки нагружен-
 с трудом лошадки тащат нагруженные возы
 ные возы: *наньгочжэ ма лачжэне дванхади чэ*. На одних возах наложены
 на одних возах наложены
 мешки с хлебом, на других разные крестьянские пожитки: *игэ чэшан тваньди*
 мешки с хлебом на других возах наложены разные крестьянские пожитки
тахар [л]янь лянши, диэрга чэшан тванди цзаярди бэйсинди линсуйдунси.

Пронзительно скрипят, визжат полозья: *пализа сошэн цзёоуань* и
скрипят

гыцзысыянжэне. Одетые в дубленые полушубки, тулупы и суконные зипуны,
мужички одетые в полушубки дубленые
весело бегут мужички за своими возами: *бэйсин тванди пибэйта, момяньза*
тулупы и суконные зипуны они весело бегут за своими возами
пиньо дэй калади поза, тамынь сихуань почжэне нянь цыцзяди чэ. У самой
около дороги стоит одна изба

дороги стоит изба. *Лугэнчянь ю игэ фан*. Один извозчик остановился у избы и
один извозчик избы
спрашивает проходившую бабу: можно ли войти погреться?: *игэ ёочэди фан*

у , остановился и спросил проходившую бабу можно ли войти погреться
гэньцянь лихалё е вын ба голуди нюжэнь: нын бу нын цзинчи ньаныха?

Около избы стоит еще другая баба, которая выходила посмотреть за ребятишка-
около избы стоит еще другая одна баба которая выходила посмотреть
ми: *фангэньцянь лиди хай далинди игэ понян, наигэ тфулэй кань*
за ребятишками пришла

вамыньди лэйле. Ребятишки все время катались на салазках с ледяной горы:
ребятишки все время на салазках с ледяной горы катались

вамыньди ичэди сыхур на пализа цзай бин саньшан лючжэне; бегали и резви-
бегали и резвились
лись: *почжэне е фачжэне*.

Япяньянь: опиум; *гаолижэнь*: кореец; *эрбеньгуйжэнь*: японец; *чиза*: линейка;
датфуханза: награфить; *цзы*: бумага.

Только один из них заморозил пальчик, бросил салазки и со слезами на глазах
только из них из один пальчик заморозил салазки бросил и
бежит к матери: *гуани тамыньди хыту игэ бацзыту дунле, ба пализа лэхалё е*
со глазах на слезами к матери к бежит

лянь няньво шаньд[и] няньлуй мяньма гэнцянь почжэне. Другие стали лепить из
другие из снега лепили большого человечка

снега большого человечка: *далинди насе бя до жинжэне*; сделали ту-
сделали туловище с ногами и руками

ловище с руками и ногами: *цзухади шэнза лянь туй лянь шу*; положили
положили сверху круглый

сверху круглый ком снега и обгладили из него голову: *готху шанту юань*
ком снега и из него обгладили голову

гэдаза сё дэй на та молё (цзулэ) тху. Вот они вылепили носик и бороду; сде-
вот они вылепили носик и

лали две ямочки во лбу и прочертили ротик: *чжэбусы тамынь бяле биза лянь*
бороду во лбу сделали две ямочки и прочертили ротик

хабаза; ннэлушан цзуле лянгэ кынкыр и хуалега цзуй. Тут же по дороге идет
тут же по дороге идет охотник с

охотник с ружьем, впереди его бежит собака: *чжар лушан цзуди давэйди лянь*

ружьём его впереди бежит собака

по; тади тхуни поди гу. Он ходил в лес бить зайцев и теперь с добычею за
он в лес ходил бить зайцев и теперь за плечами

плечами возвращается домой: *та фулинни чиле да тху, чжсехур цзяготузашиан*
с добычею возвращается
бэйди дахадидунси хуйчи.

Чжсехур нимынь хуйчи: теперь вы ступайте домой.

Между деревьями виден дровосек с топором, который пришел рубить дере-
деревьями между виден дровосек с топором который
вья: *фулинди дан двудяни кань цзяньчжэне поцай дижэнь лянь футу, наигэ*
рубить деревья пришел
кань фу лэйле.

Что представляет картина? — Дорогу и лес: *хуаршан хуади са? Лу дэй*
лес
фулин. карт[и]на представляет что дорогу и

В какое время года? — Зимой: *инянь литуди са цзи? Дунтянь.* года в какое время зимою

Что вы видите на правой стороне картины? — Воз с хвостом: *хуарди*
на правой стороне вы видите что воз хвосту
ю бангэ нимынь цзянди са? Ичэ футеоза. картина

Кто ведет лошадку? — Мальчик: *сый лади ма? Ва.* кто ведет лошадку мальчик

Что вы видите на дороге? — Кибитку, возы, охотника с собакою: *нимынь*
на дороге видите что кибитку возы охотника с собакою
лушан цзяньди са? Юпынзади пализа, бо чэ, давийди лян[ь] гу. вы

Кто сидит в кибитке? — Барин: *сый юпынзади пализалиту цзочжэне? Лое.* кто в кибитке сидит барин

Стоят или двигаются возы? — Один воз стоит, а другие двигаются: *чэ*
двигаются или стоят один воз стоит другие возы двигаются
дунтан чжэне ма личжэне? Игэ чэ личжэне, дан линди чэ дунтаньчжэне. возы

Где остановился воз? — Он остановился около избы: *цзай надэр чэ личжэне?*
он избы около остановился
Та фан гэнтянь личжэне. где где воз остановился

Во: я; *та:* он; *цзамынь:* мы; *нимынь:* вы; *тамынь:* они.

избы около еще нет
 Нет ли еще кого около избы? — Две бабы и ребятишки: *фан гэнчянь цзай мэю*
 кого ли две бабы и ребятишки
сый ма? Лянгэ понян лянъ вамыньди.

Что делают бабы? — Одна разговаривает с извозчиком, другая стоит у избы:
 бабы делают что одна с извозчиком разговаривает другая баба
поняньмынь цзу сачжэне ма? Игэ лянъ ёо чиди лахуачжэне, данлиндиди понянь
 избы у стоит
фан гэнтянь личжэне.

ребятишки делают
 Что делают ребятишки? — Они лепят из снега куклу: *вамыньди цзу*
 что они из снега лепят куклу
сачжэне? Тамынь на сюэ цзу фававачжэне.

деревьями
 Не видать ли кого между деревьями? — Между деревьями дровосек: *фулин*
 между не видать кого ли деревьями между дровосек
литу мо кань цзянь сыйма? Фулин литу поцайдиджэнь.

он там делает что он рубит
 Что он там делает? — Он рубит деревья: *та вар цзу сачжэне? Та кань*
 деревья
фучжэне.

на картине все
 Перечислите все предметы, нарисованные на картине: *ба хуаршанди ичеди*
 предметы все имена назовите перечислите
дунси ду ба минза цзёо гэй (ба минза цзёо гэй).

Где вы видите лошадку, везущую воз хворосту? — На правой стороне карти-
 вы где видите лошадку который везущую воз хворосту картины на правой
 ны: *нимынь цзай надэр цзяньди ма, наигэ лади ичэ футеза? Хуарди юбангэ.*

лошадка одна идет ли
 Одна ли идет лошадка? — Нет, ее ведет мальчик: *ма игэ цзучжэне ма?*
 нет мальчик ее ведет
Мэю, игэ ва бата лачжэне.

Инза: муха; *вынза:* комар; *янсянь:* телеграф; *бяо:* часы.

мальчик есть велик ли он больш[ой]
 Велик ли мальчик? — Он небольшой: *ва ю домода? Та бу да.*

вы как думаете ему есть
 Как вы думаете, сколько ему лет? — Лет шесть: *нимынь цза сянчжэне, та ю*
 сколько лет есть шесть лет
ди суй? Ю лю суй.

он ведет лошадь за что ведет за уздцы
 За что он ведет лошадь? — За уздцы: *та лади мади са? Лади хакэза.*

Как он одет? — На нем овчинный полушубок, большие сапоги и рукавицы:
он одет как он одет в овчинный полушубок большие сапоги и рукавицы
та тваньди са? Та тваньди янти бэйди, да сёза льян шутоза.

покажите на картине тройку
Покажите на картине тройку: *цзы хуаршанди саньтома.*

запряжено сколько лошадей три
Сколько запряжено лошадей? — Три: *тхочжэ дигэ ма? Саньгэ.*

они во что
Во что они запряжены? — Они запряжены в кибитку: *тамынь цзай сашан*
запряжены они в кибитку запряжены
тхочжэне? Тхамынь цзай юпынзади пализашан тхочжэне.

кибитка как
Как едет кибитка? — Кибитка едет очень шибко: *юпынзадипализа цзаянза*
едет кибитка едет шибко очень
цзучжэне? Юпынзадипализа цзуди куайди хэн.

вы у лошадей
Что вы видите у лошадей на уздечках? — Бубенчики: *нимынь мади*
на уздечках видите что бубенчики
цазашан цзяньди са? Хулулир.

три лошади
Одинаково ли запряжены все три лошади? — Нет, не одинаково. *Саньгэ ма*
запряжены все одинаково ли нет не одинаково
тходи ду иян ма? Мою, буиян.

Бусирле: до смерти; *ес[ы]ди:* также; *инпан:* место поселения.

что не одинаково в чем разница
В чем есть разница? — У средней лошади — дуга: *са бу иян (са бу иян)?*
у средней лошади надета дуга
Юаньмашан тходи гунгунза.

эта какова дуга она раскрашена
Какова эта дуга? — Она раскрашена: *чжэсыгэ са гунгунза? Та жань хади.*

ней на привешено что колокольчик
Что на ней привешено? — Колокольчик: *та шань гуади са? Линлир.*

у лошадей каковы хомуты хомуты
Каковы у лошадей хомуты? — Хомуты лаковые: *мади са цзяхо? Цзяхо*
лаковые
сы чиди.

каковы вожжи вожжи плетеные
Каковы вожжи? — Вожжи плетеные: *са линшынза? Линшынза дахади.*

Какова кибитка? — Кибитка с полостью и верхом: *цзаярди юпынзади пализа?*
кибитка с полостью и с верхом
Юпынзади пализа лянъ мыньлянза е лянъ шантоудипынза.

Кто в ней сидит? — Барин: *сый цзай талиту цзочжэне? Лое.*
кто в ней сидит барин

Как он одет? — На нем серая военная шинель с меховым воротником, на го-
он одет как
 лове у него фуражка с красным околышком и кокардой: *та тваньди са?*
на нем серая военная шинель с меховым воротником у него голове на надета фуражка
Та тванди чин бинди холар лянъ пи линза, тади тушан дэйди моза
с красным околышком и с кокардой
лянъ хун бянза е лянъ мохуза.

Как называется передняя часть кибитки? — Облучок: *юпынзадипализади*
передняя называется как
тхуни цзё са? Облучок.
кибитки

Кто сидит на облучке? — Ямщик: *тхуни цзо ди сый? Ёочэди.*
на облучке сидит кто ямщик

Сый: вошь; тыква горлянка: *хулу; гудаз:* крючок.

Как он одет? — На голове у него меховая шапка, на нем синий армяк с крас-
он одет как у него голове на
 ным кушаком, на руках кожаные рукавицы: *та тваньди са? Тади ту шан*
меховая шапка он одет в синий армяк с красным кушаком на руках кожаные рукавицы
пи моза, та тваньди ланъ поза лянъ хун дэйза, шушанди пи шутоза.

— Что он держит в руках? — В одной руке вожжи, в другой кнут: *та шуни*
он в руках
держит что в одной руке держит вожжи в другой руке кнут
нади са? Игэ шуни дводи линшынза, диэргэ шуниди бяньза.

Что еще вы видите на дороге? — Обоз, возы: *лушань нимынь хай цзяньди са?*
на дороге вы еще видите что
обоз возы
Ибан бочэ, дигэ чэ.

С чем же эти возы? — С хлебом и с разными крестьянскими пожитками:
на телегах что с хлебом и с разными крестьянскими пожитками
чешанди са? Ляниши е лянъ цзаярди бэйсинди линсуй.

Не замечаете ли вы, как лошадки тащат возы? — С трудом: *ни цзибудэйма*
вы замечаете ли
лошадки возы как тащат с трудом
ма бачэ цза лачжэне? Наньго.

Можно ли слышать, когда едут зимою тяжелые возы? — Они скрипят, визжат:
 можно ли слышать зимою когда едут несколько тяжелые возы они
 нын тиньцзяньма, дунтянь дисы цзуди цзигэ двын чэ? Тамынь
 скрипят визжат
 гыцзыцыз сянчжэне, цзё хуаньчжэне.

Кто идет около возов? — Мужички: сый чэ гэнтянь цзучжэне? Бэйсин.
 кто возов около идет мужички

Гыцзуца: локоть; гыцзыво: подмышка; кычигэ: коленка.

Тихо ли они идут? — Нет, они бегут. Тамынь цзуди манма? Мою, тамынь
 бегут
 тихо ли они идут? — Нет, они бегут. Тамынь цзуди манма? Мою, тамынь
 бегут
 почжэне.

Почему они бегут? — Им холодно. Инуйса тамынь почжэне? Тамынь лын.
 почему они бегут им холодно

Как они одеты? — Они одеты в дубленые полушубки, тулупы и суконные зи-
 они одеты как они одеты в дубленые полушубки тулупы и
 пуны. Тамынь тваньди са? Тамынь тваньди момянзади пибэйта, пинчао е
 суконные зипуны
 калади поза.

Что делает мужик, который остановился около избы? — Он разговаривает
 избы около остановился мужик делает что он с бабой
 с бабой: цзай фангэнчянь лиди бэйсин цзусачжэне? Та лянь понян
 разговаривает
 лахуачжэне.

Как вы думаете, о чем он здесь разговаривает? — Спрашивает: можно ли вой-
 вы как думаете он здесь разговаривает о чем он спрашивает
 ти погреться: нимынь цзасян чжэне тачжар ла сачжэне. Та вычжэне,
 можно ли войти погреться
 нынбунын цзиньчи ньаньыха.

Кого вы еще видите около избы? — Бабу и ребяташек: нимынь цзай
 избы около еще видите кого бабу и ребяташек
 фангэнтянь хай цзянь дисый. Понян лянь тамыньди.

Что делают ребяташки? — Они играют со снегом: тамыньди цзу сачжэне?
 ребяташки делают что
 они со снегом играют
 Тамынь на сё фачжэне.

Как они играют со снегом? — Они сделали ледяную гору: тамынь на сё
 как играют они сделали ледяную гору
 цзаяр фачжэне? Тамынь цзулего бин сань.

они горе на
Катаются ли они на горе? — Нет, они перестали кататься: *тамынь сань шан*
катаются ли нет нет они перестали кататься
лючжэне мэю? Мэю, тамынь бу люле.

почему
Почему они перестали кататься? — Один мальчик заморозил палец: *иньуйса*
они перестали кататься один мальчик палец заморозил
тамынь бу люле? Игэ ва бацзыту дунле.

этот мальчик здесь есть ли есть
Есть ли здесь этот мальчик? — Есть: *нэгэ ва цзайчжар ю мэю? Юни.*

<зачеркнуто: что> он делает что он
Что он делает? — Он идет и плачет: *та цзу сачжэне? Та*
идет и плачет
цзучжэне е кучжэне.

не видать ли они
Не видать ли, на чем они катались? — На саночках: *каньбудяньма тамынь*
на чем катались на саночках
цзай сашан люле? Пализашан.

эти саночки где они стоят
Где эти саночки? — Они стоят на горе: *чжэгэ пализа цзайнадэрни? Та цзай*
на горе
бинсаньшанни.

другие
Что теперь делают другие дети? — Они лепят из снега куклу: *данлинди*
дети теперь делают что они из снега лепят куклу
вамыньди чжэгасыхур цзу сачжэне? Тамынь на сё цзу вавачжэне.

Как они делают из снега куклу? Что они сперва слепили? — Они сперва сле-
они из снега как делают
пили из снега туловище с руками и ногами: *тамынь на сё цзаяр цзу*
куклу они сперва слепили что они сперва из снега слепили туловище
вавачжэне? Тамынь сяньтуни бяди са? Тамынь сянту на сё бяди шынцза
с руками и с ногами
лянь шу е лян туй.

Не мни бумагу: *бо жу цзы; молчать!: чао чжэ!*

они сверху положили
Что они сверху положили? — Круглый ком снега: *тамынь шанту фанди*
что круглый ком снега
са? Игэ юань гэди сё.

Что они сделали из этого снежного кома? — Обгладили из него голову:
они из этого снежного кома сделали что из него обгладили голову
тамынь на чжэга сё гыда цзулегэ са? Ната цзулега ту.

Что потом сделали? — Они вылепили носик и бородку; сделали две ямочки во
потом сделали что они вылепили носик и бородку
 лбу и прочертили ротик: *линху цзуди са? Тамынь бяле сё биза е лянъ хабаза;*
во лбу сделали две ямочки и прочертили ротик
нълушан цзуле лянгэ кынкынза е хуале цзуй.

у них вышло что же
 Что же у них вышло? — У них вышла снеговая кукла: *тамынь тфулега са?*
у них вышла снеговая кукла
Тамыньди тфуле сё вава.

вы на
 Где вы видите на картинке охотника? — Он идет по дороге: *нимынь цзай*
картине где видите охотника он по дороге идет
хуарди надэр цзяньди дивэйдиджэн? Та цзай лушан цзучжэне.

ним перед кто бежит собака
 Кто перед ним бежит? — Собака: *тади тхуни [с]ый почжэне? Гу.*

охотник откуда идет он
 Откуда идет охотник? — Он идет из лесу: *давыйди гайнадэр цзучжэне? Та*
из лесу идет
гай фулинни цзучжэне.

он там делал что он охотился
 Что он там делал? — Он охотился: *та вар цзуле сале? Та дале вэйле.*

он несет что убитого зайца
 Что он несет с собой? — Убитого зайца: *та нади са? Дасыди ту.*

с ним еще нет ли чего-нибудь ружье
 Нет ли еще чего-нибудь с ним? — Ружье: *[л]янь та цзэй мэю сама? По.*

Списывайте внимательно: *цосе юнсин.*

Как он одет? — На нем овчинный полушубок, на ногах сапоги с длинными
он одет как он одет в овчинный полушубок на ногах сапоги с
 голенищами: *та тваньди са? Та тванди янпи бэйда, дзёшан сёза лянъ*
длинными голенищами
чань ёоца.

вы деревьями между
 Кого вы видите между деревьями? — Дровосека: *нимынь фулин хыту*
видите кого дровосека
цзяньди сый? Поцайдиджэн.

у него в руке что топор
 Что у него в руке? — Топор: *тади шуниди са? Футоу.*

он им делает что он рубит
 Что он им делает? — Он рубит деревья: *та ната цзу сачжэне? Та кань*
деревья
фучжэне.

[Константин Ушинский]

трусливый Ваня

Трусливый Ваня: *даньсёди Ваня*

Замесила мать Вани тесто в квашне и поставила на печь киснуть, а сама ушла
 Ванина мать тесто замесила тесто замесила в квашне и на
 к соседке: *Ваниди ма бамянь чихале (бамянь хохале) чимяньдитунни е цзай*
 печь поставила чтобы киснуло она сама ушла соседке к
холушан гохале цзё суанни, та цзюдя цзуле линдядипонянди варле. В сумерках
 в сумерках Ваня домой пришел
 пришел Ваня домой, окликнул — никого в избе нет: *ицахэр Ваня хуй лэйле,*
 окликнул никого в избе нет
ханьле — булюнсый фанни думою. Вот и хотел он огоньку вздуть, как слышит:
 вот он хотел огоньку вздуть как слышит
 кто-то на печи пыхтит: *чжэбусы та сян бахо дяньтфони, тацзу тиндяньле:*
 не знаю кто-то на печи пыхтит
дэдо сыгэ сый цзай холушан чикынчжэне.

Не толкайся: *бо сян;* снег растаял: *сё сёле;* ноль, нуль: *хулуанцзы;* седёлка:
юаннанцзы.

Видно, домовой! — подумал Ванюша, затрясся от страха, выпустил из рук
 видно есть домовой Ванюша подумал от страху затрясся
 лучину — да бежать: *хаба сы цзяшын Ванюша сянле, хади чжанпайкайле,*
 лучину из рук выпустил да бежать
банянза гай шушан дёо ле е покайле. Впотьмах наступил Ваня на кочергу, а она
 в потьмах Ваня наступил на кочергу она его по лбу ударила
 его по лбу!: *хый хырди Ваня тхачжэ хогуншанле, та бата нъэлушан дале!* «Ай,
 ай, батюшки! Помогите, помогите!» — завопил Ваня и хотел было вон из избы:
 ай ай помогите помогите закричал Ваня и хотел из избы вон бежать
 «Ая, ая, дюуха, дюуха!» *Ханьле Ваня е сян гай фанни мяньтфу поони.* На ту
 беду разулся у него лапоть, и Ванюша прихлопнул дверью оборку лаптя: растя-
 нулся в сенях и вопит благим матом: «Эй, батюшки! Ай, соседушки! Помо-
 ту беду на у него лапоть разулся
 гите! Отымите! Держит меня домовой!»: *чжин цуди сыхур тади цохай гэй дёлё,*
 Ванюша от лаптя оборку прихлопнул дверью он в сенях растянулся
Ванюша ба цохайди гиэнза дядо мынхытуле: та цзай мындодозани пахале
 и вопит благим матом ай батюшки ай соседушки помогите отымите меня домовой
е дашэн хань чжэне: Ая, води да, ая линдя! Дюухаче! Лакайче! Баво дяшын
 держит
кай чжэне.

вы ученики часто не на

Вы, ученики, часто не выбегайте на улицу: *нимынь сёсэн фанчан бо цзай*
 улицу выбегайте
вайту по.

Прибежали соседи, подняли Ванюшу — ни жив ни мёртв; а как узнали,
соседи прибежали Ванюшу подняли
в чем дело, так и стали над ним смеяться: *линдя почжэлэйле, ба Ваня тайче*
ни <зачеркнуто жив> мертв ни жив а узнали в чем дело то над стали смеяться над ним
бусянсы, бусянхо ган чжидоле, сы сасычин, нэ цзу сёкай тале.

Долго потом все дразнили Ванюшу и расспрашивали его: как это он испу-
потом все дразнили
гался теста в квашне, кочерги в углу, лаптя на своей ноге: *хыту иче ду же*
Ванюшу долго и расспрашивали его как он испугался теста в квашне
ба Ваня эрза до е выньта: цза та хайле пале хохадимьянь цзай мяньтунни,
кочерги в углу лаптя на своей ноге
хогун цзай гуайдезани, цохай цзыдяди дёшан.

летом в поле жарко
Летом жарко в поле: *сятянь цзай дини жэ.*

в лесу ветра во время жутко
В лесу жутко во время ветра: *цзай фулинни гуафынди сыхур сынса.*

летом пчелы липы около жужжат
Пчелы летом так и жужжат около липы: *сятянь мифыр дуаньфу гэньтян фэйни.*

в апреле журавли прилетают
В апреле прилетают журавли: *цзай сыёни янь фэйчжэлэйни.*

вскоре
Вскоре после дождя в саду по дорожкам появляются дождевые черви: *куай*
дождя после в саду по дорожкам появляются дождевые черви
юй гочиле цзай юаньцзани лулуриан тфулай юй юянь.

живи век учись век
Век живи, век учись: *хо ибэза, сё ибэза.*

вода природу украшает
Вода украшает природу: *фый ба ваньу дабанни.*

вода жива
Вода жива: *фый хочжэне.*

воды около трава и кусты
Около воды трава и кусты: *фэй гэньтяньди цоо льянь фувовоцза.*

пчела и голубь
Пчела и голубь: *мифыр льянь гэбо*

пчела упала в воду и стала тонуть
Пчела упала в воду и стала тонуть: *мифыр бедо фыйлинтуле е янькайле.* Не-
подалеку от нее, на дереве, сидел голубь; увидев тонувшую пчелу, он бросил ей в

неподалеку от нее на дереве сидел голубь увидев
 воду большой кленовый лист: *буюань ли та фуша[н] лолега эбо; кандьяньле*
 тонувшую пчелу он ей в воду сбросил большой кленовый лист
баяньди мифыр, та гэита фэйлисту лёолега да фынфу ер. Пчела вскарабка-
 пчела вскарабкалась на лист и
 лась на лист и течением была принесена к берегу: *мифыр пачжэ ершанле е*
 принесена течением к берегу
гын людифый до лынгэньтяньле. Тут на солнышке она обсушила свои кры-
 тут она на солнышке свои крылья
 лья и полетела в свой улей: *цзайвар та цзай эртупони бацзыдяди банцзы*
 обсушила и полетела в свой улей
сэйганле е фэйчжэ цзыдяди уоничиле. Несколько дней спустя голубь сидел на
 спустя несколько дней голубь на дереве сидел и
 дереве и беззаботно дремал: *голе цзи тянь эбо цзай фушан лочжэне е*
 беззаботно дремал
буюанса дюдунчжэне. В это время подкрался охотник с ружьем и из-за куста
 в это время охотник с ружьем подкрался и из-за
 стал прицеливаться в голубя: *цзай нэгэсыхур давэйдиджэн лянпо маньмар е гай*
 куста в голубя прицеливаться
фувозанэ баньбагэбо чжочжэне.

Транспарант: *ин гэза*; берегите этот транспарант: *сёосинчжэ бачжэга ин гэза*.

Но в тот самый миг, когда он спускал курок, рука его дрогнула от сильной бо-
 но в
 ли, и выстрел пролетел мимо голубя, не сделав ему никакого вреда: *гуан цзай*
 тот самый миг когда он спустил курок его рука дрогнула от
нэгэ сихур, цзисы <зачеркнуто: е> та баньле цзи, тади шу чжанле цун
 сильной боли выстрел и мимо голубя пролетел ему не сделав никакого вреда
тындихэнди, подзыр е гай эбогэньтянь фэйгочиле, гэита моцзугэ булюнса бухо.
 то была пчела которая
 То была пчела, которая ужалила охотника в руку: *чжэсы нэгэ мифыр, найгэ*
 охотника руку укусила
бадавэиди шу чжэле.

Волк, близко обходя пастуший двор и видя сквозь забор, что, выбрав лучшего
 себе барана в стаде, спокойно пастухи барашка потрошат, а псы смирнехонько
 лежат, сам молвил про себя, прочь уходя в досаде: «Какой бы шум вы все здесь
 подняли, друзья, когда бы это сделал я» [см.: *Иван Крылов*. Волк и пастухи]:
 волк пастуший двор близко обходя и видя забор сквозь что
 лан *фансэнлинди юаньцзы гэньтянь цзуле е кандянчжэне гайтянь кулунзани, шэ,*
 пастухи в стаде себе выбрав барана спокойно барашка потрошат псы
фансэнлинди гай чюнни гэйцзыдя дялэга ян, ньяннин баянь бочжэне, гу
 смирнехонько лежат сам про себя молвил
цзиндир вочжэне, цзыдя гэйцзыдя шэле <зачеркнуто: гэньтяньди дифаншан>

с досады уходя какой вы все здесь шум подняли друзья если я
хэньчжэ цзуле: «Цзаянцзы нимынь ду цзайчжар жан теле, сянъхо, восы во
 это сделал
бачжэга цзулё».

Тянь: день; тяньди: дня; гэйтянь: дню; ба тянь: день; на тянь: днем; уй тянь:
 о дне.

зяблика привет
 Привет зяблика: *чёрди гунсидихуа*

На черешню зяблик сел, сел да запел, раздался во весь лесок тонкий голос: как
 пришел к нам светлый май — и зима прощай: *цзайчулизафушань лолега чёр,*
 сел и запел раздался во весь лесок тонкий голосок
лохале е чанле; тиндяньчжэне ду фулинни си иэн: <зачеркнуто: ц>
 как к нам светлый май пришел зима и прощай
ганцзайвомынъгэньтянь лянъ уёлэйле дунтянь е хочи! Светит солнце средь
 солнце полей средь светит все теплей
 полей все теплей, теплей: *эрту ди дантвудяни лянчжэне ду нуанъчжэне,*
 теплей
нуанъчжэне. Травка свежая кругом стелется ковром, и цветочки зацвели: ой, лю-
 свежая травка кругом ковром стелется цветочки и зацвели ай люли люли
 ли, люли: *сяньцо идаюар цзусян тан пучжэне хуа е кайле: ай люли, люли.*

картины описание
 Описание картины: *хуарди бёмин*

крестьянский двор
 Крестьянский двор: *бэйсинди юаньза.*

лето солнца закат
 Лето: *сятянь.* Закат солнца: *эрту лодисыхур.* На одной стороне двора нахо-
 дится бревенчатая изба, крытая тесом с кирпичной трубой, из которой вьется
 двора на одной стороне находится бревенчатая изба
 дымок: *юанзади ибангэ <зачеркнуто: цзанэу> ю леуту фан,*
 тесом крытая с кирпичной трубой из которой дымок вьется
набанъ гэчжэне лянъ хучиди яндун гай найгэлиту янь нинчжэне. На крыше, в
 на крыше в разных местах сидят голуби
 разных местах, сидят голуби и вороны: *цзай фандиниан, манишахан лоди гэбо*
 и вороны
лянъ лова. С одного бока избы приделан чулан, на крышу которого залез белый
 избы с одного бока приделан чулан который
 кот и собирается поймать птичку: *фанди ибангэ цзуди цанфан найгэди*

на крышу залез белый кот и собирается поймать птичку
фандиншан шанчиле бэй ланморе сянь кай чёр. Со стороны избы, выхо-
 дящей на двор, приделано крыльцо: *фанди шяньюанзани чуди нэйбяр,*
 приделано крыльцо
пэйди мынтайнайга.

У меня нет чернил: *вомэю мэй ле.*

на крыльце стоит
 На крыльце стоит баба с грудным ребенком на руках: *мынтайтайзышан лиди*
 баба с грудным ребенком на руках
нюйжэнь лянь хуайбова цзай шуни. Около крыльца поставлена лохань и ко-
 крыльца около поставлены лохань
 рыто с пойлом, которое пьют свиньи: *мыньтайтайза гэньтянь годи пын*
 и корыто с пойлом которое свиньи пьют
лянь цоо елянь ходи <зачеркнуто: *гай*> *найгэ дву хочжэни.* В ворота входит
 старик с посохом и вбегают бурая корова, овца и бараны, загоняемые молодой
 в ворота входит старик с посохом и
 крестьянкою с хвостиною в руках: *дамынни динди лохань лян гунгунза е*
 вбегают бурая корова овцы и бараны загоняемые молодой
подинлэйчжэне хэйню, бадеян е бамуян мяньдинёочжэне няньчин
 крестьянкою с хвостиною в руках
бэйсиндинюйжэнь лянь футэза цзай шуни. Тут же находится крытый соломою

навес, под которым наверху сделаны нашесты, а на них сидят куры: *цзайчжар*
 находится соломою крытый навес которым под наверху сделаны нашесты на них
 сидят куры
ю мэйдянь гэйхади пын, наигэ диха шанту цзухади дя, тамыньшан

луди цзи. К столбу, поддерживающему крышу, прикреплены косы, грабли и це-
 пы, а пониже привязаны деревенские дровни. На самой же земле, под навесом,
 сложен хворост, а около него лежат соха, борона, колесо, бочка и пила; немного
 подальше от пилы лежит обрубок дерева с воткнутым в него топором:
 поддерживающему крышу к столбу привязаны косы грабли и цепь ниже

динфандинди двузышан, гуади саньза, паза лянь ляндя, мяньдиха
 привязаны деревенские дровни на самой же земле под навесом сложен хворост него около
банди бэйсинди па иза. Цзай дишан, пындиша, лоди футэза, тагэнтянь
 лежит соха борона колесо бочка и пила от пилы немного подальше
годи ли, мо, гулуза, тун лянь цзюй; ли <зачеркнуто: *та*> *цзюй бу юань*
 лежит обрубок дерева в него воткнутым топором

годи деза фу таман цади футу. С другой стороны избы идут постройки,
 крытые соломенной крышей; на одной из таких крыш прикреплен шест, а к нему
 избы с другой стороны идут постройки соломенной
 приделана скворечница: *фанди данлиндиди ибангэ ю чжыхадифан, намэйдянь*
 крытые крышею из таких на одной крыше прикреплен
гэйхади <зачеркнуто: *ц*> *дин, цзай чжэянцизыди игэ фандиншан пэйхади*

шест к нему приделана скворечница скворечницы
дван, ташан цзинди хэйбарво. Возле скворечницы летают скворцы: *хэйбарво*
 возле летают скворцы
гэньтянь фэйди хэйбар. В этой же части построек сделаны ворота, выходящие в
 постройк в этой же части сделаны ворота в поле выходящие
 поле: *чжыхади чжэга дифаншан цзуди дамынь, мяньдини тфун.* Ворота от-
 ворота открыты
 крыты, и в них видны луга, на которых гуляют лошади: *дамынь кайжэне,*
 в них видны луга на которых лошади гуляют
гайталиту цзяньди тань, найгэшан ма ланьчжэне. Вдали за лугами виднеют-
 вдали за лугами виднеются деревенские
 ся деревенские избы и церковь: *юансер таннэбангэ каньдяньчжэне бэйсинди*
 избы и церковь
фан лян мё. С правой стороны картины находится колодец с колесом, наса-
 женным на вал, наматывающий веревку, на конце которой привязано ведро:
 картины с правой стороны находится колодец с колесом на вале насаженным наматывающий
хуарди ю бангэ ю цзин лян лонза, двушан куаньчжэне чанди
 веревку которой на конце привязано ведро
шэн, наигэди туршан банди гуан. Женщина, стоящая у колодца, одной рукой
 приводит в движение колесо, а другой придерживает веревку, желая достать во-
 женщина у колодца стоящая одной рукой приводит колесо
 ды из колодца: *понянь цзай дингэнтянь личжэне игэ шу банди гулуза*
 в движение другой придерживает веревку желая из колодца воды достать
дванчжэне, диэргэ кауди шэн сян гай динни бафый дё тфулэй. На про-
 тивоположной стороне колодца стоит мальчик, он наклонил голову и следит за
 колодца противоположной стороне стоит мальчик он голову наклонил и
 движением ведра: *цзинди дуйбанга лиди ва, та бату цзанхале е*
 следит за движением ведра
каньчжэне гын дунтанди гуан. У колодца стоит корыто, из которого пьют куры,
 у колодца стоит корыто из которого пьют куры утки и другие
 с поля телянок: *дингэнтянь годи цоо наигэлуту хочжэне цзи, яза е данлинди*
 домашние птицы а также утоляет жажду только что с поля прибежавший теленок
цзяниди фэйтин, е чжэянза гэй кэчжэне ган гай дини почжэлэди нюваза.
 двора
 Посреди двора стоят две деревенские лошадки и жеребенок: *юаныцзыди*
 посреди стоят деревенские две лошади и жеребенок
дантфудяни лиди бэйсинди лянга ма лян мадюр. На каурой лошади сидит
 мальчуган, который собрался вести ее в табун, а на серую лошадь собирается
 на каурой
 сесть другой мальчик, которому в этом помогает пожилой мужичок: *цоло*
 лошади сидит мальчуган который собирается ее вести в табун на серую лошадь собирается
машан чиди ва, найгэ сянле бата ладо цюнници тинмашан сян
 сесть другой мальчик которому помогает пожилой
чи данлинди ва банаигэ цучжэне ло. Около этой лошади стоит девочка
 этой лошади около стоит девочка
 и с завистью посматривает на мальчугана: *чжэга ма гэньтянь лиди нюйза*

и с завистью посматривает на мальчугана

няньжэ каньчжэга вани. Тут же у лошадей сидит собака, которая отпра-
вится караулить табун: *цзайчжар магэньтянь води гу, наигэ кань чюн*
отправится
чини.

Что вы видите здесь на картине? — Избу: *нимынь чжар хуаршан цзянди са?*
избу
Фан.

Всю ли избу вы здесь видите? — Нет, не всю, а только ту часть, которая вы-
ходит на двор: *бафан ду нимынь чжар цзянчжэнема? Мою, будуо, дань нэ*
часть которая на двор выходит
бангэ, найбангэ мяньюанни тфулэйни.

Что находится возле избы? — Крыльцо: *фан гэньтянь ю сани?*
крыльцо
Мынтайтайза.

Кто стоит на крыльце? — Женщина: *мынтайтайзышан лиди сый? Нюйжэн.*

Кого она держит на руках? — Ребенка. *Та басый цзайшунни бочжэне? Ва.*

Нет ли на дворе еще каких-либо построек? — Сарай и хлев. *Юаньни цзай*
нет ли каких построек сарай и хлев
моюма цза чжихадима? Пынь ляннь нюпын.

Где здесь ворота? Сколько их? — Двое: *чжард[и] дамынь цзайнадарни?*
их сколько двое
Тамынь цзига? Ляньга.

Куда они выходят? — Одни выходят на улицу, другие на поля: *тамынь*
куда выходят одни на улицу выходят другие на поля
мяннани тфулэйчжэне? Игэ мяньгайдони тфулэйчжэне, диэрга мяндини.

С какой стороны картины находятся ворота, выходящие на улицу? — С левой:
картины с какой стороны находятся ворота на улицу вы-ходящие
хуарди на банга годи дамынь, мяньгайдони чу <зачеркнуто: д> *чиди?*
с левой
Цзобанга.

Кто входит в эти ворота? — Старичок, корова, бараны, овцы: *чжэга дамынни*
входит кто старичок корова бараны овцы
цзинчиди сый? Лохань, ню, цзаян, муян.

Кто бежит за ними? — Девочка: *тамыньхыту сый почжэне? Нюйза.*
за ними кто бежит девочка

Что находится у этих ворот? — У этих ворот находится навес: *чжэга*
ворот у находится что этих ворот у находится навес
дамынгэнчян ю сани? Чжэга д[а]мынь гэнчян ю пын.

Что лежит под навесом? — Под навесом лежат хворост, бороны, сохи, пила и
под навесом лежит что под навесом лежат хворост бороны сохи пила и другие
 другие: *пындиха годи са? Пындиха годи футёза, мо, литу, цзюй е данли.*

Есть ли на дворе колодец? — Есть: *юанни ю цзиннима? Юни.*
на дворе есть ли колодец есть

Кто стоит у колодца? — Женщина и мальчик: *цзингэнтян сый личжэне?*
женщина и мальчик
Нюйжэнь лянъ ва.

Нет ли еще чего около колодца? — Около колодца находится корыто:
колодца около еще нет ли чего колодца около находится корыто
цзингэнтянь хай мою сама? Цзингэнтянь ю цоо.

Какие животные находятся около корыта? — Куры, утки, гуси, теленок: *цзаци*
какие животные корыта около находятся куры утки гуси теленок
сэнлин цоо гэнтянь юни? Цзи, яза, нъэ, нюваза.

Кто стоит посередине двора? — Две лошади и жеребенок: *юанзади*
посередине стоит кто две лошади и жеребенок
дантфудяни лиди сый? Лянга ма лянъ мадюр.

Сидит ли кто на лошади? — На одной лошади сидит мальчик, а на другую со-
 бирается сесть другой мальчик, которому в этом помогает взрослый мужичок:
на лошаде сидит кто ли на одной лошади сидит мальчик на другую собирается
машан чи сый чжэнема? Игэ машан чидива, диэргэ шан сян
сесть другой мальчик которому помогает пожилой мужичок
чи данлинди ва, гэйнаигэ банманчжэне лоо бэйсин.

Кто стоит у серой лошади? — Девочка: *чин магэнтянь лиди сый? Нюйза.*
у серой лошади стоит кто девочка

Где на картине видны ворота? — Они находятся с правой стороны избы:
на картине где видны ворота они находятся избы с правой стороны
хуаршан надар цзянди дамынь? Тамынь юне фанди ю банга.

Что вы видите в эти ворота? — Лошадей, гуляющих на лугу, сельские избы и
 в эти ворота вы видите что лошадей на лугу гуляющих сельские
 церковь: *чжэга мынлиту нимынь цзянди са? Ма, ташан ланчжэне, бэйсинди*
 избы и церковь
фан лян мёо.

В последней беседе мы перечислили предметы, нарисованные на картине:
 в последней беседе мы перечислили на картине нарисованные предметы
линванледи хуалиту вомынь суанле хуаршан хуахади дунси. Скажите, где
 скажите где можно видеть все
 можно видеть все эти предметы? — На дворе: *шэте, цзайнадэр нын дян ду*
 эти предметы на дворе
чжэга дунси? Юанзалиту.

Сними шапку: *бамоза мале.*

Какие постройки вы видите на этом дворе? — Избу, сарай, овин, хлев:
 постройки какие вы на этом дворе видите избу сарай овин
чжихади са нимынь цзайчжэга юанзани дячжэне? Фан, пын, цоо фан,
 хлев
лянишифан.

Как назвать их одним словом? — Здание: *ца цзёони батамынь ицзюй хуа?*
 как назвать их одним словом
 здание
Фан.

Значит, что такое изба? — Изба — здание: *ингуй чжэга чжэсы са фан? Фан*
 значит такое что изба изба
 здание
сы фан у.

Наружный или внутренний вид избы здесь представлен? — Наружный: *чжар*
 здесь
 представлен избы вид или наружный внутренний наружный
хуадифан канди сы вайтума литу? Вайту.

Что находится вверху избы? — Труба: *фандиншан ю сане? Яндун.*
 избы вверху находится что труба

Из чего сделана труба? — Из кирпичей: *на са цзухади яндун? На [дван].*
 из чего сделана труба Из кирпичей

Бывают избы без трубы? — Бывают: *юнема фан мою яндун? Юне.*
 бывают избы без трубы бывают

Как такие избы называются? — Курными: *ца цзёони чжэянзади фан?*
 как называются такие избы
 курными
Сюнди.

как называется изба с трубой белой
А как называется изба с трубой? — Белой: *ца цэёне фан лян яндун? Бейди.*

Если нет трубы, то куда выходит дым? — Через окна, двери и отверстие, сде-
если нет трубы то куда выходит дым через окна
ланное в крыше: *восы мою яндун, нэцу гайнадэр чулай чинни? Гай чуанзалиту,*
двери и отверстие в крыше сделанное
мынлиту е кулузалиту, <зачеркнуто: фан цзин> фанцзинлиту цзухади.

у нашей избы какая крыша тесовая
Какая крыша у нашей избы? — Тесовая: *цайди фан цади дин? Банди.*

еще бывают какие крыши
Какие еще бывают крыши? — Соломенные: *хай ю са цзинни?*
Соломенные
Мэй цзянди.

здесь на картине нет ли
Нет ли здесь на картинке соломенной крыши?: *чжарди хуаршан мою*
соломенной крыши
мэцзянди динма?

расскажите как устраивают
Расскажите, как устраивают соломенные крыши: *шэте, ца гай*
соломенные крыши
мэйдян цзинни. — Набрасывают солому снопиками и, плотно складывая их
солому снопиками
один подле другого, соломой же привязывают к жердинкам: *бамэйдянь кункур*
набрасывают и плотно складывая их один другого подле соломою же
лёочжэне е, цзинцзир гочжэне батамынь игэ игэ гэнтянь, бамэйдянь
привязывают к жердинкам
банни тваниан.

еще бывают какие крыши
Какие еще бывают крыши? — Железные, черепичные: *хай ю са цзинни?*
железные черепичные
Теди, вади.

из чего делают избы
Из чего делают стены избы? — Из бревен: *на са цзу фанди <зачеркнуто:*
стены из бревен
ди> чанни? На муту.

как называется каждый ряд бревен
Как называется каждый ряд бревен? — Венец: *ца цэёне мын илю муту?*
венец
Цьэр.

Во сколько венцов эта изба? Во сколько венцов обыкновенно рубят избу? —
во сколько венцов эта изба во сколько венцов обыкновенно рубят избу
От 12 до 15: *ци люр чжэга фан? Цзи люр игунор цзу фанни?*
от 12 до 15
Цун шиэрга до шивугэ.

Индекс административных единиц на территории Китая*

Айгун, Айгунь (爱辉 *Aihūn*) — населенный пункт на границе с Россией, территория совр. пров. Хэйлунцзян. В 1956 г. уезд Айгун получил название Айхуэй, или Айхой (爱辉 *Aihuī*). В 1980 г. поселок и район Айхуэй вошли в состав территории г. Хэйхэ (黑河 *Hēihé*) в качестве административного центра последнего. В 2015 г. поселку и району возвращено историческое название Айгун.

Аксу (阿克苏 *Ākèsù*) — административный центр одноименного округа, Синьцзян.

Алашань (阿拉善 *Ālāshàn*) — аймак и одноименный хошун в его составе, АР Внутренняя Монголия.

Алтай (阿勒泰 *Ālètài*) — административный центр округа Алтай, Или-Казахский автономный округ, Синьцзян.

Аньцзихай (安集海 *Ānjīhǎi*) — поселок в уезде Шавань (沙湾 *Shāwān*), округ Тачэн, Или-Казахский автономный округ, Синьцзян. Административный центр округа Тачэн см. **Тарбагатай**.

Баяньтай, крепость, также Баяньдай, Хуэйнин, Хуэйнин-чэн (惠宁城 *Huīníng-chéng*) — одна из маньчжурских «девяти крепостей» Илийского края, район совр. поселка Баяньдай (巴彦岱 *Bāyàndài*) в пределах территории г. Инин (Кульджа), административного центра Или-Казахского автономного округа, Синьцзян.

Бодунэ, Пэтунэ (伯都纳 *Bódūnà*) — при династии Цин населенный пункт в пределах совр. г. Сунъюань (松原 *Sōngyuán*) пров. Цзилинь.

Боро-тала, Болэ (博乐 *Bólè*) — административный центр Боро-Тала-Монгольского автономного округа и уезда Боро-Тала, Синьцзян.

Вэйнаньсянь (渭南 *Wèinán-xiàn*) — г. Вэйнань, пров. Шэньси.

Ганьфу, Ганьпу, Ханфу (кит. 康府 *Kāngfǔ*, араб. *Khanfu*) — предположительно находился на побережье между Восточно-Китайским и Желтым морями. Служил морской гаванью для г. Ханчжоу, расположенного на судоходной реке Цяньтанцзян, впадающей в залив Ханчжоувань (см.: Шумовский Т.А. Арабы и море. По страницам рукописей и книг. М.: Наука, 1964. С. 143). По другим данным, Ганьфу — совр. г. Гуанчжоу (Кантон) (см.: Ян Чжанью. Хуэйцзу юйянь вэньхуа (Языковая культура мусульман-хуэйцзу). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2010. С. 62).

---

* Использованы материалы сайта *Синчжэн цюйхуа* 行政区划 («Административное деление»), <http://www.xzqh.org/html>; а также кн.: Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее / Ред. Ли Шэн. Урумчи, 2006; Словарь географических названий Китая / Сост. А.Я. Миропольский, Г.Е. Тихонова. Т. 1–3. М., 1982.

Гуанжэнь-чэн см. Лаоцаогоу.

Гуанчжоу(-фу)* (广州府 *Guǎngzhōu-fǔ*) — г. Гуанчжоу (Кантон), административный центр пров. Гуандун.

Гунчэнь-чэн см. Хоргос.

Гучэн (古城 *Gǔchéng*), Гучэнцзы (古城子 *Gǔchéngzǐ*) — Цитай/Читай (奇台 *Qítái*), административный центр одноименного уезда, Чанцзи-Хуэйский (Санджи-Хуэйский) автономный округ, Синьцзян.

Дайтун(-фу) (大同府 *Dàtóng-fǔ*) — г. Датун на севере пров. Шаньси.

Жэхэ (热河 *Rèhé*), Джехол — с 1703 г. летняя резиденция цинских императоров. С 1914 г. в период Китайской Республики — особый район и с 1928 г. — пров. Жэхэ с центром в г. Чэндэ (承德 *Chéngdé*), который в настоящее время сохраняет свое название и находится на северо-востоке пров. Хэбэй. С 1933 по 1945 г. пров. Жэхэ входила в состав созданного Японией марионеточного государства Маньчжоу-го. В КНР аннулирована в 1955 г.

Кашгар, Каши (喀什 *Kāshí*) — административный центр одноименного округа, Синьцзян.

Колиньсянь — по-видимому, уезд Гаолин (高陵县 *Gāolíng-xiàn*), в настоящее время — район Гаолин в составе г. Сиань, пров. Шэньси.

Корл, Корла (库尔勒 *Kù'ěrlè*) — административный центр одноименного уезда и Баян-Гол-Монгольского автономного округа, Синьцзян.

Кульджа, Гульджа, Инин (伊宁 *Yīníng*) — административный центр Или-Казахского автономного округа, Синьцзян.

Куча (库车 *Kùchē*) — административный центр одноименного уезда, округ Аксу, Синьцзян.

Куянь — возможно, г. Гуюань (固原 *Gùyuán*), Нинся-Хуэйский АР.

Ланьчжоу(-фу) (兰州府 *Lánzhōu-fǔ*), Ланьчжоу — административный центр пров. Ганьсу.

Лаоцаогоу, Луцаогоу (芦草沟 *Lúcǎogōu*), также Гуанжэнь-чэн (广仁城 *Guǎngrén-chéng*) — одна из маньчжурских «девяти крепостей» в Илийском крае, совр. поселок в уезде Хочэн (см. Хоргос), Или-Казахский автономный округ, Синьцзян.

Линтусянь — по-видимому, уезд Линьтун (临潼县 *Líntóng-xiàn*), совр. район Линьтун г. Сиань, пров. Шэньси.

Линьцин-чжоу (临清州 *Línqīng-zhōu*) — совр. уезд Линьцин в пределах территории г. Ляочэн (聊城 *Liáochéng*), пров. Шаньдун.

Лисянь (礼县 *Lǐxiàn*) — уезд в пределах территории г. Луннань (陇南 *Lǒngnán*), пров. Ганьсу.

Лянчжоу(-фу) (梁州府 *Liángzhōu-fǔ*) — старое название г. Увэй (武威 *Wúwēi*) на севере пров. Ганьсу, в настоящее время Лянчжоу — один из районов этого города.

Манас (玛纳斯 *Mǎnàsī*) — поселок, административный центр одноименного уезда, Чанцзи-Хуэйский (Санджи-Хуэйский) автономный округ, Синьцзян.

Мукдень, Мукден — обычно употреблявшееся европейцами маньчжурское название г. Шэньян (沈阳 *Shěnyáng*), административного центра совр. пров. Ляонин. С 1625 г.

* Корень 府 *fǔ* использовался в значении «областной центр, город областного подчинения» до 1912 г.

столица Маньчжурии, после завоевания Китая маньчжурами — вторая столица Цинской империи.

Пхинлянь, Пинлянь (平凉 *Píngliàng*) — город в пров. Ганьсу на границе с пров. Шэньси.

Сиань(-фу) (西安府 *Xī'ān-fǔ*), Сиань — административный центр пров. Шэньси.

Сичунь-чэн, крепость (熙春城 *Xīchūn-chéng*), также Чэнпаньцзы (城盤子 *Chéngpánzǐ*) — одна из маньчжурских «девяти крепостей» в Илийском крае, находилась в районе совр. поселка Чэнпаньцзы в пределах территории г. Кульджа. По данным А.А. Дьякова, название Чэнпаньцзы использовалось также применительно к крепости Хоргос.

Суйдин, Суйдин-чэн (綏定城 *Suǐdìng-chéng*) — одна из маньчжурских «девяти крепостей» в Илийском крае, совр. поселок Шуйдин (水定 *Shuǐdìng*), административный центр уезда Хочэн (см. **Хоргос**) Или-Казахского автономного округа, Синьцзян.

Сучжэу — в прошлом г. Сучжоу (肅州 *Sùzhōu*), сейчас г. Цзюцюань (酒泉 *Jiǔquán*), пров. Ганьсу, в составе которого сохраняется район Сучжоу.

Сючжю — возможно, Сучжоу (**Сучжэу**) на севере Ганьсу.

Сяньянсянь (咸阳县 *Xiányáng-xiàn*), уезд Сяньян — совр. г. Сяньян, пров. Шэньси.

Тарбагатай, Чугучак — Тачэн (塔城 *Tǎchéng*, сокр. от «Тарбагатай») — административный центр округа Тачэн, Или-Казахский автономный округ, Синьцзян.

Тарджи — одна из маньчжурских «девяти крепостей» в Илийском крае (塔勒奇城 *Tǎlèqí-chéng*), находилась в районе совр. Шуйдина (см. **Суйдин**).

Турфан (吐魯番 *Tǔlǔfān*) — административный центр одноименного округа, Синьцзян.

Тунчжу(-фу) см. **Тунчо(-фу)**.

Тунчо(-фу), Тунчжу(-фу) — по-видимому, г. Тунчжоу (同州, 同州府 *Tóngzhōu-fǔ*), совр. уезд Дали (大荔 *Dàlì*) в пределах территории г. Вэйнань (см. **Вэйнаньсянь**), пров. Шэньси.

Урумци, Урумчи (乌鲁木齐市 *Wūlǔmùqì*) — административный центр Синьцзяна.

Фунсян(-фу), Фынсян (凤翔府 *Fèngxiáng-fǔ*) — уезд Фэнсян в пределах территории г. Баоцзи (宝鸡 *Bǎojī*), пров. Шэньси.

Хами (哈密 *Hāmì*), Хамил, Кумул — административный центр одноименного округа, Синьцзян.

Хамил (哈密力 *Hāmìlì*) см. **Хами**.

Ханчжоу (杭州 *Hángzhōu*), Ганьза — административный центр пров. Чжэцзян.

Ханьку — в прошлом г. Ханькоу (漢口 *Hànkǒu*), с 1956 г. входит в состав Уханя (武漢 *Wǔhàn*), административного центра пров. Хубэй.

Хара-усу — предположительно совр. г. Усу (乌苏 *Wūsū*) в округе Тачэн (см. **Тарбагатай**), Или-Казахский автономный округ, Синьцзян. Название Усу — сокращение от прежнего монгольского названия местности Куркала-Усу, которая была расположена в районе современных городов Усу и Куйтунь (奎屯 *Kuítún*).

Хечжоу см. **Хэчжоу**.

Хоргос (霍尔果斯 *Huò'ěrguǒsī*) — в настоящее время контрольно-пропускной пункт на границе с Казахстаном. В 2014 г., после провозглашения Си Цзиньпином стратегии «одного пояса и одного пути», Хоргос получил статус города в непосредственном подчинении Или-Казахскому автономному округу. Крепость Хоргос, или Гунчэнь-чэн

(拱宸城 *Gǒngchén-chéng*), находилась в пяти км к востоку от р. Хоргос на ее правом берегу. Одна из маньчжурских «девяти крепостей» в Илийском крае. По данным, содержащимся в примечаниях к публикации А.А. Дьякова, также именовалась китайцами Чэнпаньцзы (это название известно прежде всего применительно к крепости **Сичунь-чэн**). В 1914 г. был образован уезд Хоргос, который впоследствии стал называться уездом Хочэн (первый слог и иероглиф 霍 *huò* из слова Хоргос + последний слог и иероглиф 城 *chéng* «город, крепость» из сочетания Гунчэнь-чэн). В 1966 г. уезд Хочэн был объединен с соседним уездом Шуйдин (Суйдун, **Суйдин**); центром объединенного уезда Хочэн стал и остается до сих пор поселок Шуйдин. К западу от р. Хоргос, на ее левом берегу, расположен также населенный пункт Хоргос, который с 1871 г. находится в составе Российской империи и затем СССР и Казахстана.

Хугуан (湖广 *Húguǎng*) — провинция, существовавшая во времена династий Юань, Мин и в начальный период правления династии Цин. Включала территорию современных провинций Хубэй и Хунань.

Хуэйнин-чэн см. **Баянтай**.

Хуэйюань-чэн (惠遠城 *Huìyuǎn-chéng*) — самая значительная из маньчжурских «девяти крепостей» в Илийском крае, резиденция илийского генерал-губернатора *цзянцзюня*. Находилась в нескольких километрах от совр. поселка Хуэйюань, уезд Хочэн (см. **Хоргос**) Или-Казахского автономного округа, Синьцзян. Крепость восстановлена в качестве исторического памятника.

Хэчжоу (河州 *Hézhōu*), Хечжоу — совр. Линься (臨夏 *Línxià*), административный центр Линься-Хуэйского автономного округа, пров. Ганьсу.

Цинхэ (青河 *Qīnghé*) — Чингиль, поселок и административный центр одноименного уезда, округ Алтай, Или-Казахский автономный округ, Синьцзян. Цинхэ — сокр. китайский вариант монгольского названия р. Чингиль (青格里河 *Qīnggǒlǐ-hé*).

Циншуйхэ (清水河 *Qīngshuǐhé*), Циншуйхэцзы, Чжаньдэ-чэн (瞻德城 *Zhāndé-chéng*) — одна из маньчжурских «девяти крепостей» на территории Илийского края, совр. поселок Циншуйхэ в уезде Хочэн (см. **Хоргос**), Или-Казахский автономный округ, Синьцзян.

Цзяннин (江宁 *Jiāngníng*) — старое название г. Нанкин, административного центра пров. Цзянсу.

Цицикар (齐齐哈尔 *Qíqíhā'ěr*) — город в пров. Хэйлунцзян.

Чаннаньсян — очевидно, уезд Чанъань (长安县 *Cháng'ān-xiàn*), в настоящее время — район Чанъань в пределах территории г. Сиань, административного центра пров. Шэньси. В прошлом Чанъань — столица нескольких китайских государств.

Чангусян — возможно, деревня (昌谷乡 *Chānggǔ-xiāng*), уезд Лунси (隴西 *Lǒngxī*) в пределах территории г. Динси (定西 *Dìngxī*), пров. Ганьсу. Динси находится к югу от Ланьчжоу и р. Хуанхэ на пути в долину Гуаньчжун в Шэньси. Именно на юге Ганьсу и на западе долины Гуаньчжун распространены диалекты, на которых говорят дунгане бывшего СССР.

Чжаньдэ-чэн см. **Циншуйхэ**.

Чэнпаньцзы см. **Сичунь-чэн**, **Хоргос**.

Послесловие составителя

Уважаемый читатель!

В ходе подготовки этой книги меня несколько раз посещали сомнения о целесообразности ее выхода. Порой казалось, что лучше не ворошить былое: ведь история восстания и перехода дунган полна крови и страданий. И, наверное, есть доля правды в том, что история человечества — это история войн. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что на протяжении тысячелетней истории взаимоотношений китайцы и дунгане принесли друг другу гораздо больше добра, знаний и прогресса, чем зла. Мы тесно переплетены родственными узами, у нас общий, китайский, язык, наша культура и обычаи по большей части заимствованы от, как иногда говорят дунгане, «дяди по материнской линии», китайцев.

Происхождение дунган остается невыясненным. Народная легенда приписывает им родство с потомками арабов, посланниками пророка Мухаммеда. С научных точек зрения их появление связывают то с правлением монгольской династии Юань, когда мусульмане приезжали в Китай на государственную службу, то с народностью тангутов. В любом случае, несмотря на отсутствие единого мнения, остается очевидной взаимосвязь истории дунган с Великим Шелковым путем, когда восточные купцы, преимущественно мусульманского вероисповедания, оседали в богатом Китае, ассимилируясь с местным населением, принимая язык и культуру, но сохраняя религию. На протяжении веков и до настоящего дня в культуре и в различных областях народного хозяйства Китая дунгане плодотворно работают на разных должностях. И мы гордимся такими личностями в истории Китая, как великий флотоводец Чжэн Хэ, носивший в детстве простое дунганское имя Ма (китайский вариант Мухаммеда). Те дунгане, которые оказались в императорской России, а впоследствии в СССР и на постсоветском пространстве, также показали себя трудолюбивым и мирным народом, вносящим свой посильный вклад в дело процветания людей, впитывая в себя казахскую, киргизскую, русскую культуру и привнося что-то свое.

В книге использованы фотоматериалы из архивов дунганских семей, из собраний Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Института восточных рукописей РАН и музея с. Масанчи (Республика Казахстан). Всем сотрудникам этих учреждений, а также Института Дальнего Востока РАН и Издательской фирмы «Восточная литература», которые принимали участие в работе над книгой, выражаю глубокую признательность.

Большое спасибо за помощь и поддержку моим сестрам.

Электронные версии этой книги и других материалов размещены на сайте dungane.ru

Мухамед Мадиван

Когда-то, как и ты, я мог в траву зарыться,
Играть и бегать по двору с мячом,
На старости родителям сгодиться,
Отрадой став им и плечом.

Но выпала иная совсем доля.
В горах укрытый снегом сплю я вечным сном,
Не выйду больше в рисовое поле,
В долине не услышу майский гром.

Константин Кузнецов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.Ф. Попова.</i> Предисловие	5
<i>О.И. Завьялова.</i> Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу	7
<i>Палладий [П.И. Кафаров].</i> О магометанах в Китае	38
<i>В.П. Васильев.</i> О движении магометанства в Китае	53
<i>А.А. Дьяков.</i> Воспоминания илийского сибинца о дунганско-тарачинском восстании в 1864–1871 годах в Илийском крае	79
<i>Ф.В. Поярков.</i> Последний эпизод дунганского восстания (Маленькая страничка из прошлой жизни Семиречья)	124
<i>А.П. Хорошхин.</i> Очерки Семиречья [фрагмент]	182
<i>И. Селицкий.</i> Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. Экономическо-этнографические очерки и бытовая жизнь джаркентских таранчей и дунган [фрагмент]	184
<i>Ф.В. Поярков.</i> Дунгане селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области: этнографические очерки. Сватовство (<i>шеми</i>)	193
<i>Ф.В. Поярков.</i> Дунгане селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области: этнографические очерки. Свадьба (<i>цойсифур</i>)	223
<i>В.И. Цибузгин.</i> Материалы для изучения наречия дунган	272
Индекс административных единиц на территории Китая (<i>О.И. Завьялова</i>)	329
Послесловие составителя (<i>М. Мадиван</i>)	333

Научное издание

ДУНГАНЕ
История и культура

*Российские
дореволюционные работы
о дунганах*

Редакторы *Р.И. Котова, С.В. Веснина*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.В. Волкова*

Корректор *Л.В. Халатова*

Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*

Подписано в печать 06.04.2017

Формат 70×90¹/₁₆. Печать офсетная

Усл. п. л. 26,4. Усл. кр.-отт. 32,7. Уч.-изд. л. 24,5

Тираж 3500 экз. Изд. № 8573. Зак. №

ФГУП «Издательство «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Издательская фирма

«Восточная литература»

119049, Москва, Мароновский пер., 26

www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Русские рассказы, стихи, по-
вности, загадки, фразы и т. п.,
переведенные на разговорный
язык дунгань селения Ка-
ракунузъ Ташкентского уезда,
Семипалатинской области.

Составил учитель Кара-
кунузской русско-дунганской
школы Василий Ивановъ
Цибурзинъ, при участии
каракунузского дунганина
Гусебура Маузинъ анъ.

Пособие для учениковъ мусу-
льманской школы.

Селение Каракунузъ. 1897 г.

Оттиски произведены
посредствомъ домашнего
сектографа.

Материалъ для изучения разговорного
языка дунгань,
Семипалатинский

ISBN 978-5-02-039795-8

9 785020 397958